Операцию 'Шторм' начать раньше

Николай Иванов

SHOUT
SHARE
IT

- Иванов Николай

Иванов Николай
Операцию 'Шторм' начать раньше

ИВАНОВ НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ
ОПЕРАЦИЮ "ШТОРМ" НАЧАТЬ РАНЬШЕ...
РОМАН

Кто был "за", кто "против" ввода советских войск в Афганистан? Как готовилась операция "Шторм"? И почему она началась на 4 часа 35 минут раньше времени "Ч"? Все это и многое другое восстановлено по дням и по часам на основе секретных документов США и бывшего СССР писателем Николаем Ивановым, участником боев на афганской земле.

Что было - то было

Действующие лица: Брежнев, Устинов, Андропов, Громыко, Суслов, Огарков, Картер, Тараки, Амин, послы, командующие, советники, разведчики и другие.

Место действия: Москва - ЦК КПСС, Генеральный штаб, МИД; Кабул, Нью-Йорк, Ташкент, Прага.

Время действия: 28 апреля 1978 года (день Апрельской революции в Афганистане) - 10 ноября 1982 года (день смерти Л. И. Брежнева).

Всем, кого опалил Афганистан

ПРЕДИСЛОВИЕ

27 декабря 1979 года, в 18 часов 25 минут по кабульскому времени - на 4 часа 35 минут раньше первоначального срока и на 5 минут раньше окончательного времени "Ч", началась операция "Шторм", известная как взятие дворца Амина.

Это назовут вторым этапом Апрельской революции в Афганистане, а к названию операции, составляя донесение в Москву, добавят цифры "333", что означало успех в ее проведении. "Штормом-333" Афганистан и СССР на целое десятилетие вышли на острие политических страстей во всем мире.

Однако история раз за разом напоминает, что политика вершится все-таки не на сцене, а за кулисами. И в событиях вокруг Афганистана это проявилось, как никогда, отчетливо: здесь артисты практически вообще не выходили на сцену. К примеру, вначале 1978 года, когда об Афганистане и специалисты говорили крайне редко, из американского посольства в Кабуле посол тем не менее подписывает и отправляет секретную шифрограмму:

"30 января 1978 г., № 0820.

Из посольства США в Кабуле.

Госсекретарю. Вашингтон. Немедленно.

Конфиденциально.

Тема: Афганистан в 1977 году, внешнеполитическая оценка.

...То, что Дауд по своей инициативе улучшил отношения с Пакистаном и Ираном, хорошо послужило в этом году интересам США...

С целью оказания поддержки усилиям Афганистана сохранить возможно большую степень независимости от советского давления, что является принципиальной целью политики США в этом районе, мы продолжаем демонстрировать наш дружеский и ощутимый интерес заметным американским присутствием в стране.

Элиот".

Как видно из телеграммы, кроме стратегических интересов американские политики оставались верны себе и в другом: чтобы не иметь лишних врагов в борьбе с СССР, надо сделать их своими, пусть даже "привязанными", друзьями. Даже таких незаметных на мировой арене, как афганцы.

Словом, 1978 год по отношению к Афганистану рассматривался в Америке как год дальнейшего теснейшего сближения.

Однако история распорядилась по-другому - режим Дауда через три месяца после отправления телеграммы пал. И уже 20 января 1980 года в ЦК КПСС поступила докладная записка из Академии наук СССР. Вернее, это были тезисы "некоторых соображений о внешнеполитических итогах 70-х годов", подписанные группой академиков во главе с О. А. Богомоловым. На тридцати двух страницах давался как перечень достижений советской внешней политики, так и недостатки в этой области. По тем временам это уже означало многое, тем более что вывод напрашивался в "Тезисах" один - отступать за красивые лозунги, победные реляции больше некуда: в восьмидесятых годах страну ожидают многочисленные проблемы.

Несколько страниц доклада посвящались Афганистану. Они интересны сами по себе уже хотя бы потому, что писалось все это, предвиделось и прогнозировалось, когда наши войска находились на территории ДРА всего 25 дней - 25 первых дней из 9 лет, 1 месяца и 21 дня войны.

"Введением войск в Афганистан наша политика, очевидно, перешла допустимые границы конфронтации в "третьем мире". Выгоды от этой акции оказались незначительными по сравнению с ущербом, который был нанесен нашим интересам:

1. В дополнение к двум фронтам противостояния - в Европе

против НАТО и в Восточной Азии против Китая - для нас возник третий опасный очаг военно-политической напряженности на южном фланге СССР, в невыгодных географических и социально-политических условиях, где нам придется иметь дело с объединенными ресурсами США и других стран НАТО, Китая, мусульманских государств и повстанческой армии афганских феодально-клерикальных кругов, обладающих сильнейшим влиянием на афганский народ. Впервые после второй мировой войны мы оказались перед возможной перспективой локального военного конфликта, в котором, в отличие от корейского, вьетнамского и других, нам придется воевать собственными войсками. В связи с этим возникает угроза военной эскалации.

2. Произошли значительное расширение и консолидация антисоветского фронта государств, опоясывающего СССР с запада до востока.

3. Значительно пострадало влияние СССР на движение неприсоединения, особенно на мусульманский мир.

4. Заблокирована разрядка и ликвидированы политические предпосылки для ограничения гонки вооружений.

5. Резко возрос экономический и технологический нажим на Советский Союз.

6. Западная и китайская пропаганда получила сильные козыри для расширения кампании против Советского Союза в целях подрыва его престижа в общественном мнении Запада, развивающихся государств, а также социалистических стран.

7. Афганские события, как и кампучийские, надолго ликвидировали предпосылки для возможной нормализации советско-китайских отношений.

8. Эти события послужили катализатором для преодоления кризисных отношений и примирения между Ираном и США.

9. Усилилось недоверие к советской политике и дистанирование от нее со стороны СФРЮ, СРР и КНДР. Даже в печати ВНР и ПНР впервые открыто обнаружились признаки сдержанности в связи с акциями Советского Союза в Афганистане. В этом, очевидно, нашли свое отражение настроения общественности и опасения руководства указанных стран быть вовлеченными в глобальные акции Советского Союза, для участия в которых наши партнеры не обладаю достаточными ресурсами.

10. Усилилась дифференцированная политика западных держав, перешедших к новой тактике активного вторжения в сферу отношений между Советским Союзом и другими социалистическими странами и открытой игре на противоречиях и несовпадении интересов между ними.

11. На Советский Союз легло новое бремя экономической

помощи Афганистану.

В создавшейся ситуации дальнейшее развитие процессов разрядки представляется маловероятным без решения афганского кризиса на компромиссной основе. Можно предполагать, что Вашингтон, продолжая показную пропагандистскую кампанию против "советской интервенции", вместе с тем постарается максимально использовать присутствие советских войск в Афганистане для подрыва международных позиций СССР. В таком случае США рассчитываю получить редкостную возможность навязать Советскому Союзу затяжную изнурительную войну с афганскими повстанцами в исключительно неблагоприятных для него условиях, оставаясь сами в положении "третьего радующегося".

Вот такой документ лег на зеленое сукно стола Леонида Ильича Брежнева в конце января 1980 года. Генсек познакомился с ним вначале бегло, потом перечитал еще раз. Однако никому ничего не сказал, не оставил никаких знаков на листах, не распорядился отвечать. Просто отложил в сторону много сейчас советчиков развелось, попробовали бы они разобраться в том, что происходило на самом деле.

Однако через полгода, в июле, Брежнев потребовал записку ученых вновь. Когда Цуканов1 через несколько минут принес папку, Леонид Ильич сидел над тремя страничками машинописного текста, подписанного академиком Сахаровым.

"Президиуму Верховного Совета СССР, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу.

Копии этого письма я адресую генеральному секретарю ООН и главам государств - постоянных членов Совета Безопасности.

Я обращаюсь к Вам по вопросу чрезвычайной важности - об Афганистане. Как гражданин СССР и в силу своего положения в мире, я чувствую ответственность за происходящие трагические события. Я отдаю себе отчет в том, что Ваша точка зрения уже сложилась на основании имеющейся у Вас информации (которая должна быть несравненно более широкой, чем у меня) и в соответствии с Вашим положением. И тем не менее вопрос настолько серьезен, что я прошу Вас внимательно отнестись к этому письму и выраженному в нем мнению.

Военные действия в Афганистане продолжаются уже семь месяцев. Погибли и искалечены тысячи советских людей и десятки тысяч афганцев - не только партизан, но главным образом мирных жителей - стариков, женщин, детей, крестьян и горожан. Более миллиона афганцев стали беженцами. Особенно зловещи сообщения о бомбежках деревень, оказывающих помощь партизанам, о минировании горных дорог, что создает угрозу

голода для целых районов.

Также не подлежит сомнению, что афганские события кардинально изменили политическое положение в мире. Они поставили под удар разрядку, создали прямую угрозу миру не только в этом районе, но и везде. Они затруднили (а может, сделали вообще невозможной) ратификацию договора ОСВ-2, жизненно важного для всего мира, в особенности как предпосылка дальнейших этапов процесса разоружения. Советские действия способствовали (и не могли не способствовать) увеличению военных бюджетов и принятию новых военно-технических программ во всех крупнейших странах, что будет сказываться еще долгие годы, усиливая опасность гонки вооружений. На Генеральной Ассамблее ООН советские действия в Афганистане осудили 104 государства, в том числе многие ранее безоговорочно поддерживающие любые действия СССР.

Внутри СССР усиливается разорительная сверхмилитаризация страны (особенно губительная в условиях экономических трудностей), не осуществляются жизненно важные реформы в хозяйственно-экономических и социальных областях, усиливается опасная роль репрессивных органов, которые могут выйти из-под контроля.

Я не буду в этом письме анализировать причины ввода советских войск в Афганистан - вызван ли он законными оборонительными интересами или это часть каких-то других планов, было ли это проявлением бескорыстной помощи земельной реформе и другим социальным преобразованиям или это вмешательство во внутренние дела суверенной страны. Быть может, доля истины есть в каждом из этих предположений... По моему убеждению, необходимо политическое урегулирование, включающее следующие этапы:

1. СССР и партизаны прекращают военные действия - заключается перемирие.

2. СССР заявляет, что готов вывести свои войска по мере замены их войсками ООН. Это будет важнейшим действием ООН, соответствующим ее целям, провозглашенным при ее создании, и резолюции 104 ее членов.

3. Нейтралитет, мир и независимость Афганистана гарантируются Советом Безопасности ООН в лице ее постоянных членов, а также, возможно, соседних с Афганистаном стран.

4. Страны - члены ООН, в том числе СССР, предоставляют политическое убежище всем гражданам Афганистана, желающим покинуть страну. Свобода выезда всем желающим - одно из условий урегулирования.

5. Афганистану предоставляется экономическая помощь на

международной основе, исключающей его зависимость от какой-либо страны; СССР принимает на себя определенную долю этой помощи.

6. Правительство Бабрака Кармаля до проведения выборов передает свои полномочия временному Совету, сформированному на нейтральной основе с участием представителей партизан и представителей правительства Бабрака.

7. Проводятся выборы под международным контролем; члены правительства Кармаля и партизаны принимают участие в них на общих основаниях...

Я также считаю необходимым обратиться к Вам по другому наболевшему для страны вопросу. "В СССР без малого 63 года никогда не было политической амнистии. Освободите узников совести, осужденных и арестованных за убеждения и ненасильственные действия... Такой гуманный акт властей СССР способствовал бы авторитету страны, оздоровил бы внутреннюю обстановку, способствовал бы международному доверию и вернул бы счастье во многие обездоленные семьи.

А. Сахаров".

Больше всего Брежнева раздражал в этом письме последний абзац. Хотя каждому, кто более-менее глубоко знакомился с правозащитной деятельностью Сахарова, было ясно: во главу угла тот ставит вопрос о праве за эмиграцию, свободный выезд из страны. Но кому нужно это право? Простому народу? Нет, конечно. О простом народе у академика ни слова, весь упор на интеллигенцию и евреев, стремящихся в США и Израиль. Знания получали в Советском Союзе бесплатно, а отрабатывать хотят на дядю? Андропов подготовил справку, что в Израиле уже и так в оборонной промышленности работает около 90 процентов специалистов - выходцев именно из СССР. Так что, плохо учим? Или просто Сахаров хочет довести этот процент до ста?

Раздражало Брежнева еще и то, что об этом обращении в Верховный Совет начали трубить радиоголоса Запада еще до того, как оно попало в Кремль. О нем давались пространные интервью - опять же западным газетам - самим автором и его женой. И договорился академик даже до того, что стал просить Америку применить по отношению к Советскому Союзу силу, чтобы под ее давлением СССР изменил свою внутреннюю и внешнюю политику. Вот так, не больше и не меньше. И после этого еще кто-то считает Сахарова патриотом России? Говорит, что его зря сослали в Горький? И что он там насчет погибших твердит?

Поднял телефонную трубку.

- Слушаю, Леонид Ильич, - отозвался Устинов.

- Ты можешь дать сейчас точные данные по погибшим в

Афганистане?

- Конечно. Вернее, точные данные будут к 24 часам2.

- Да мне необязательно до человека.

- За эти полгода погибло около шестисот человек.

- Спасибо.

"Спасибо" за информацию или что цифра потерь значительно меньше сахаровской? А то так ведь, если слушать радиоголоса, и о миллионах заговорить можно.

Подвинул к себе письмо ученых. Если первый раз оно показалось ему легковесным, то сейчас, по сравнению с сахаровским, выглядело более аргументированным и озабоченным.

За полгода до XXVI съезда КПСС на одном из заседаний Политбюро Брежнев поднимет начальника Генерального штаба Маршала Советского Союза Н. В. Огаркова, который присутствовал на нем вместо заболевшего Устинова:

- Николай Васильевич, я думаю, ввод в Афганистан сыграл свою роль на первом этапе. А мировое общественное мнение, да и мнение в нашей стране подводят нас к тому, что войска следует возвращать на Родину. Подумайте, как это сделать к началу работы съезда.

Министерство обороны успеет вернуть на Родину в 1981 году первые 5 тысяч человек. Однако обстановка и в мире, и в самом Афганистане резко изменится, и дальнейшие события показали, что вывести войска оказалось намного сложнее, чем в свое время ввести их. Америка с удовольствием сделалась "третьей радующейся" страной, моджахеды, названные Сахаровым партизанами, категорически отмели любые попытки создать коалиционное правительство и не сели за стол переговоров даже после вывода ОКСВ - им тоже оказалось выгоднее воевать. М. С. Горбачеву, с самого начала своего правления настроенному на прекращение афганской одиссеи, потребовалось около четырех лет, чтобы осуществить наконец это. Да и то не всякий знает, что в конце 1988 года - начале 1989, за несколько недель до объявленной даты вывода, движение советских войск к границе было приостановлено. Командарм Борис Громов вышел на связь с Москвой:

- Если я вечером 7 февраля не продолжу движение, то из-за снежной обстановки на Саланге к 15 февраля войска к Термезу не выйдут.

Трижды собиралась Комиссия Политбюро по Афганистану во главе с министром иностранных дел Э. Шеварднадзе по одному и тому же вопросу: как быть? Режим Наджибуллы просил помощи и защиты и, по всем прогнозам, мог продержаться от силы около

суток. Афганская армия начала разбегаться, само правительство переместилось на аэродром, поближе к самолетам. Один из лидеров оппозиции, Ахмад Шах, даже назначил на 16 февраля прием иностранных послов в Кабуле уже в качестве главы государства и правительства. Неужели тогда все зря?

- Назовите минимальное количество войск, которое мы сможем оставить в Афганистане, - спрашивали представителей Генерального штаба.

- Как оставить? Ведь мы заявили о полном выводе.

- Вас просят назвать минимальную цифру. Десять, двадцать, тридцать тысяч. Сколько?

- Двадцать тысяч в какой-то степени будут контролировать ситуацию. Но только вокруг Кабула.

- Подумайте, как это сделать. В любом случае это должны быть добровольцы.

- Извините, но добровольцы должны подписывать контракт. А офицеры прежде должны уволиться из Советской Армии, чтобы вступить в другую.

- Продумайте и этот вариант, он не исключен. Тысячу, тысячу двести рублей в месяц - на эту сумму контракт будут подписывать?

- Добровольцы-то найдутся. Но что мы скажем миру?

- Эти объяснения оставьте нам, МИДу. Проработайте свои вопросы, чтобы они не застали вас врасплох.

- Отчего вы, гражданские, такие кровожадные? - выходя из кабинета на очередной перерыв в заседании, в сердцах бросил один из генералов представителю министерства иностранных дел.

А Громов по ту сторону Гиндукуша требовал определенности. У границы с Советским Союзом колонны специально растягивались в гармошку, чтобы показать: сбоев в графике вывода нет, войска находятся в движении. Молчал лишь эфир.

- Если мы не выведем войска полностью, нам больше никто в мире не поверит ни в наши благие намерения, ни в перестройку - ни во что. И не надо себя обманывать - ничего мы не сможем объяснить и миру. - Член Политбюро А. Н. Яковлев, до этого практически во всем поддерживавший Шеварднадзе, на этот раз принял сторону военных. И чаша весов стала склоняться к тому, чтобы вывести войска в срок, безоговорочно и полностью.

Сам Шеварднадзе, как председатель Комиссии, вылетел в Афганистан, чтобы прояснить ситуацию на месте.

- Что Ахмад Шах? - спросил он у командования 40-й армии после доклада по общей обстановке.

- Держит Саланг.

- А мы?

- Мы ниже. На самые высокие вершины первым сел он.

- А почему не мы?

Громов оставил вопрос министра без ответа: слишком разные это задачи выводить войска и одновременно занимать господствующие вершины, Да еще без потерь. Тут или - или.

Однако, поняв озабоченность Шеварднадзе, пояснил:

- Я передал ему несколько писем. Предварительная договоренность такова: мы не трогаем его, он пропускает нас.

- И вы поверили ему на слово? - удивился министр.

Мог ли верить Громов Ахмад Шаху - этому влиятельнейшему и достаточно сильному полевому командиру? Имел ли право идти по острию бритвы? Полевой командир был непредсказуем, но если делать расклад всей ситуации - а Громов к этому времени служил в Афганистане по третьему сроку, - Ахмад Шаху крайне выгодно, чтобы шурави3 ушли спокойно, не тронув его. В этом случае он оставался единственной реальной силой в Афганистане, способной вести борьбу с нынешним режимом. Если же советское командование, обеспечивая безопасность вывода, обрушит на него удары авиации и артиллерии, станут неизбежны потери, и потери значительные. И тогда на первые роли выйдут другие - Гульбеддин, Раббани, то есть те лидеры оппозиции, которые всю афганскую войну просидели в Пакистане. Отдавать такой шанс хоть и единоверцам, но полностью продавшимся Западу и Штатам, Ахмад Шах не хотел.

Находились козыри и для Советского Союза, если бы вдруг власть Наджибуллы пала после вывода ОКСВ. Те же Гульбеддин, Раббани, Наби и другие смотрели только на США и Запад. Ахмад Шах в конечном итоге не отвергал сотрудничества в будущем и с Советским Союзом. Так что из двух зол надо было выбирать меньшее.

Однако, косвенно возвышая прозападных "духов", Шеварднадзе приказал тем не менее подготовить и нанести удар по отрядам полевого командира. Отметая все расчеты и прогнозы на будущее. Пусть сегодня нормально выйдут войска, а завтра...

И впервые за афганскую войну наши летчики не заботились о точности бомбометания, выпуская ракеты, снаряды, бомбы на пустые склоны гор: даже они понимали, что нельзя, уходя, проливать новую кровь. И смолчал командарм Громов, глядя на результаты таких ударов. И Ахмад Шах тоже оценил это, и воистину вывод войск прошел без боевых действий.

Ну а тогда, "ударив" по противнику и доложив в Москву о выполнении приказа, Громов получит наконец команду продолжить движение на север. И приведет свою 40-ю армию

практически без потерь к родному порогу. И сам выйдет последним в лучших традициях русского офицерства - только когда за его спиной не останется ни одного человека, кому бы угрожала опасность, он переступит черту, отделяющую войну от мира.

Родина встречала своих сыновей. Громова же, выведшего тысячи парней к матерям, женам, невестам, - его самого не должен был встречать никто. Отец погиб в 43-м на Курской дуге, сразу после войны умерла мать. Жестоким, подлым ударом судьбы стала гибель в авиационной катастрофе жены. Лишь два сына, Максим да совсем малый Андрейка, жили в Саратове у дедушки и бабушки, родителей жены.

Шел Громов, последний наш солдат на афганской земле, самый молодой генерал-лейтенант в Вооруженных Силах, Герой Советского Союза, шел просто домой. И вдруг...

- Папа!

Под пулями ходил, снарядами обстреливался, а здесь вздрогнул.

- Максимка. Сынок!

Спасибо саратовским телевизионщикам: вылетая на съемки фильма о выводе войск, они включили в группу и четырнадцатилетнего сына командарма. И пусть у них была своя профессиональная цель - заснять встречу отца и сына, но мир, не отрывавшийся в то время от телевизоров, увидел, как вздрогнул невозмутимый, железный Громов, как проявил свою, наверное, первую нерешительность: обнять ему сына или сначала доложить о выполнении приказа Родины. И Родина ему простила, когда он обнял сына. И именно в этот миг до всех дошло - война кончилась...

Хотя, ради исторической правды, последними с афганской земли, получив сообщение о выходе "Первого", переправились пограничные отряды, которые обеспечивали безопасность и моста Дружбы, и самого Громова, и празднества встречи. А вышли тихо, без фанфар, поздравлений и приветствий, подарков и наград, скромно - как с работы. Хотя так оно и было: они вышли и стали погранзаставами по Амударье.

Вообще-то пограничники - особый разговор в афганской теме. Долгие годы даже не упоминалось, что они тоже прошли через эту войну, что и у них есть свои Герои Советского Союза, свои погибшие и раненые. Еще в 1981 году афганцы обратились к Советскому правительству: пусть ваши пограничники охраняют границу и с нашей стороны. Это высвободит афганские части для борьбы с бандами и в какой-то степени обеспечит мир и спокойствие в северной, пограничной зоне. К этому времени

участились переходы душманов нашей границы, попытки захвата наших пограничников и мирных жителей, особенно пастухов. В Москве лежали письма руководителей среднеазиатских республик с просьбой навести порядок.

И в марте 1982 года мотоманевренные группы погранвойск стали в основных узловых точках северной зоны ДРА. Первое, что попробовали сделать, - это организовать приграничную торговлю между двумя странами. Не по их вине задуманное не получилось. Но уважительное отношение к местному населению осталось главенствующим в поведении пограничников, что и позволило им сдать при выводе самую нетравмированную войной зону.

514 пограничников погибло на этой войне. Но ни один из них не сдался в плен, ни один не попал в руки душманов даже раненным, ни один погибший не остался лежать на той стороне после вывода войск. Ни один пограничник, который должен был уволиться осенью в запас, не уехал домой, пока не дождался сигнала, что Громов вышел. И последний, "прощальный" Герой Советского Союза на этой войне именно пограничник-вертолетчик.

Но все это будет потом, далеко потом. И это будет уже другая история. Важнее же понять, почему эта история случилась так, а не иначе. Для этого надо заглянуть в семидесятые годы, когда все для нас только начиналось.

Глава 1

РАЙВОЕНКОМ ЧЕРДАНЦЕВ. - "ИНСПЕКТОРСКИЙ" ФАКТ МОСКВЫ. - СОНЬКА ГРАЧ И АННУШКА ВДОВИНА. - ГДЕ СТОЯТЬ НА КУХНЕ, ЕСЛИ ПОПАЛ ТУДА. - ДУБЧЕК И АФГАНИСТАН. - "ЕСЛИ ЖЕ РЕВОЛЮЦИЯ ПОБЕДИТ..."

28 апреля 1978 года. Суземка.

Ко всему, кажется, можно привыкнуть в России, но только не к ее дорогам.

Вдрызг исколошмаченные, истерзанные, прорезанные колеями, как окопами, залитые в низинах водой - такие они со времен царя Гороха по весне и осени. Горе кому умирать или рождаться в эту пору: до больницы аль станции ни доплыть, ни доехать, ни доползти. Можно, конечно, рискнуть: сцепить цугом два-три трактора, за ними на прицепе тележку и - спаси и сохрани, Господи, - в путь.

Но дело это и впрямь настолько рисковое, что застрять всему этому цугу и простоять до лета - коту труднее чихнуть на печке. Идут, конечно, иногда и на такое, но это если только нужда подопрет своего брата механизатора или председатель пообещает закрыть ходку тремя нарядами. Гарантии, конечно, опять никакой, что на первой же из колдобин роженица не разрешится,

а душа отходящего не плюнет на все эти земные мытарства и не улетит - какое там по погоде? - на серое, придавившее землю небо.

Нет счастья на деревенских большаках и зимой, особенно снежной. Пробить дорогу в заметах все теми же малосильными деревенскими тракторами пустая затея, только топливо жечь да моторы рвать. Могла бы быть надежда на лошадку с дровнями, как в старые добрые времена, да только повсеместно нет сейчас в деревнях лошадок. Вывели за ненадобностью. А если где и остались то ли по нерасторопности, то ли, наоборот, мужицкой мудрости местного начальства, - денно и нощно они заняты на подвозе корма от заснеженных скирд в поле до фермы: планы по молоку и мясу для председателя страшнее смертей и рождений.

Поэтому и подгадывают в русских деревнях рожать, умирать, болеть, ездить в гости, справлять свадьбы летом - не по нужде, а по хорошей погоде и дороге.

С нетерпением ждал этого времени и майор Черданцев. Назначенный в родной район военкомом аккурат под начало половодья, он тем не менее поначалу не утерпел, собрался съездить в свое село без промедления. Водитель "уазика" ушел на пенсию вместе с прежним военкомом, и Михаил Андреевич сел за руль сам. Сам потом и бегал в "Сельхозтехнику" за трактором вытаскивать завязший по дверцы "уазик". Благо, дорога кончилась сразу за крайними домами райцентра и далеко не отъехал.

Подсохло лишь к концу апреля, и майор наметил поездку к себе в Сошнево на конец недели, пятницу 28-го числа. С утра чувствовал волнение, был возбужден и тем не менее ничего не мог поделать с собой. Да и подумать последний раз был он в родных краях почти двадцать лет назад. Когда год за годом идет - оно вроде и незаметно, а когда оглянешься разом на все прошедшее - и жизнь, оказывается, почти прожита.

Одно оправдывало: перевез мать перед смертью к себе на Дальний Восток, там и похоронил. Правда, заикнулась она однажды о могилке в родной земле мол, должен человек лежать там, где осталась его пуповина, но потом вслух порассуждала, каких мытарств будет стоить эта переправка через всю страну, и смирилась, пожалела и сына, и себя, уже мертвую. Может, все-таки и решился бы Черданцев на эту дальнюю дорогу, да подоспел Карибский кризис, привязал офицеров-разведчиков к штатным местам по боевому расчету покрепче материнских просьб и сыновних обязательств. До сих пор напряжение того, можно сказать, предвоенного времени он, например, отмечает, фиксирует в памяти по церковным срокам - девятому и сороковому дню.

Так что близких могил в родном селе не оказалось, дальние родственники со временем стали еще дальше, товарищей разбросало по стране - куда ехать после службы?

- Куда поедете, Михаил Андреевич, после увольнения в запас? - задали, однако, вопрос другие - проверявшие их часть кадровики из Москвы.

- Слушай, Мария, а не махнуть ли нам на старости лет в родные края? задумался он за ужином.

Жена замерла у плиты, потом обтерла руки подоткнутым за фартук полотенцем, села на стул напротив. Увидев, что муж не шутит, облегченно сказала давно выношенное:

- Поедем, Миша.

И, то ли кадровики попались человечные, то ли им ради "инспекторского" факта в своей командировке нужна была такая "жертва", то ли им просто понравился прощальный ужин, которым заправлял как раз без пяти минут пенсионер Черданцев, а может, в небесных созвездиях получилось удачное сочетание, но уже через полгода собирал майор Черданцев чемоданы. Да не на пенсию, а военкомом в свою родную Суземку. Сказка, небыль - а случилось.

- Это за все наши мытарства по "точкам", - смиренно радовалась жена.

- Что-то другим таким же "мытарикам" не повезло.

Вот тогда Мария и добавила к везению еще и небо:

- Видимо, легли удачно звезды.

"Какие к черту звезды, - усмехнулся Михаил Андреевич. - Если они что и сделают, то уж, конечно, не небесные, а обыкновенные металлические, которые на полковничьих погонах".

Сделали. И едет райвоенкомом Черданцев мимо переливающихся изумрудом озимых - с одной стороны, и ровных, загибающих за бугор высаженных грядок то ли свеклы, то ли картошки - с другой. Едет в родную деревню, едет не к кому-то конкретно, а к себе предвоенному. К месту, где стояла их изба, к озеру посреди села, к школе, пожарищу... "Ты смотри-ка, - удивился майор, пожарище вспомнилось. Ни разу за службу не всплывало в памяти, а тут как будто каждый день на слуху было".

Пожарище... Место деревенских сходок, детских игр, пасхальных боев крашеными яйцами. Здесь же делили и привозимое с луга сено. Два-три мужика разносили его по кругу в каждую копну, стоявшие рядом бдительно глядели, чтобы копны были ровные. Когда все разнесут, ширину копенок обмерят шагами, высоту - навильником, и начинается дележ: с закрытыми глазами, по совести и удаче. Получившие свой пай тут же

рассаживали вокруг копны ребятишек и принимались доказывать, что именно в их копну не доложили последний раз навильник сена. И что кривая она, и бок один у нее худой, и середка не забита, и макушка срезана. Доходило и до драк, и до заявлений в сельсовет, но начальство просто мудро тянуло время до вечера: все равно на ночь никто свое сено не оставит, перетаскает вязанками в подворье.

"Надо же, не забыл", - вновь подивился Михаил Андреевич, представив и горластых деревенских женщин, и праздничное настроение ребят, затевающих прятки среди копен, и довольных отца с матерью, долго не выходящих из сарая, счастливо, с удовольствием спорящих, сколько пудов получено: семь или восемь. Переходили на вязанки, потом на навильники - приятно считать то, что уже на сеновале.

А осталось ли пожарище? Может, уже и застроили, место-то приглядное, почти в центре села. До пожара в тридцать девятом там стояло пять хат...

"Уазик" шел ходко по накатанной обочь озимого поля новой дороге: старая, разбитая, лежала, как в руинах, рядом, дожидаясь бульдозера, который сровняет застывшую грязь до следующих дождей. Уже стали узнаваться родные места. Слева промелькнул лог, где пасли деревенских коров, а вот и перекресток с екатерининской дорогой. По рассказам, давным-давно ехала по этим местам царица, а перед ее каретой мостили каменную дорогу. Хорошая была дорога, на века и тысячелетия, но потребовались куда-то камни во время войны, и Михаил Андреевич сам выдалбливал, выколупывал ломом гладкую, теплую на солнце брусчатку.

А вон уже и грушенка - ты смотри-ка, еще цела, Сколько же ей лет? В детстве "дойти до грушенки" - все равно, что почувствовать себя большим. "Дальше грушенки не ходи", - наказывала в то же время мать, когда собирались, например, за щавелем. Там уже считалась чужая земля. Так что грушенка - это и близко, и далеко одновременно, Но жива, стоит, разлапистая и низкорослая. Здравствуй.

У дерева кто-то зашевелился, и Черданцев разглядел женщину, торопливо собиравшую сумку. Еще одно воспоминание, тут же мгновенно вспыхнувшее, - у грушенки в самом деле всегда отдыхали последний раз перед селом. Как все вечно в этой жизни! А если бы он не приехал сюда дослуживать, неужели никогда не вспомнил бы пожарища, лог, эту грушенку?

Он стал притормаживать машину, подъезжать к замершей у дороги женщине медленно, вглядываясь в ее морщинистое, коричневое от загара лицо - у деревенских загар зимой не сходит,

он просто становится цветом кожи. Пытался узнать. Тем более что мелькнуло что-то знакомое, и даже очень знакомое. Ну же, ну...

- О-о, военный? Довезешь меня, военный? - пошла женщина навстречу остановившейся машине, и это протяжное "о-о", вскинутая рука сразу выдали в ней Соньку Грач. Ну конечно же, это она, Сонька!

- Ба-атеньки, никак Мишка? - остановилась и она, вглядываясь в вышедшего из "уазика" майора. Всплеснула руками: - Точно, он. Миш, ты? все же с долей сомнения переспросила она.

- Я, Соня.

- Здравствуй. - Она медленно подошла, некоторое время рассматривала его, а потом в глазах мелькнули такие знакомые Михаилу Андреевичу бесенята: - Здравствуй, кучерявый, - повторила она с улыбкой, сняла у него с головы фуражку. - О-о, а где шевелюру-то свою оставил?

- В армии. Ракеты.

- А-а... - Сонька повертела в руках фуражку, надела себе поверх платка, подошла к зеркальцу, посмотрелась. Вздохнула, оперлась о капот машины: - Вот и жизнь прошла, Миша. Два раза встретились - и нет жизни. Смешно.

- Да ладно тебе, - дотронулся Черданцев до Сонькиного плеча, дотронулся просто так, но оба замерли: тогда, давно-давно, в сорок первом, он дотрагивался при встречах точно так же, и точно так же Соня замирала...

- Помнишь, что ль, все? - Соня отвернулась, стала смотреть на грушенку.

- А что ж не помнить?

- Да пацан вроде был.

- Но ведь, кажется, не... - начал Черданцев и тут нее оборвал себя: пошлость не имеет возраста или сроков давности. Соня, кажется, тоже поняла его, по крайней мере благодарно провела шершавой ладонью по его руке. И, странное дело, Михаил Андреевич почувствовал в себе волнение, словно перед ним стояла не морщинистая, сухонькая старушка, а все та же двадцатилетняя Сонька, Соня Грач, его первая женщина...

- А я из Зерново иду, годовщина свекрови, сходила на могилку, помянула, - начала опять Сонька. Она не умела молчать, могла говорить ночи напролет, избавляя и его от первых смущений. - Иду, чувствую, от ног отстала, села передохнуть, а тут военный едет... Знаешь, у меня самогоночка есть, слеза чистая. Давай выпьем? - И, не дожидаясь согласия, не оглядываясь, пошла обратно к грушенке.

Когда Михаил Андреевич, заглушив машину, подошел к ней, на подстеленной вместо скатерти сумке и обрывке газеты лежали

яички, сало, хлеб, луковица. В граненом стакане успокаивалась у стенок плеснутая из бутылки самогонка.

- Я немного, - кивнул на "уазик" Черданцев, становясь на колени перед едой. Поднял стакан: - Ну что, Соня. Не ожидал, честно говоря, я тебя вот так сразу увидеть. Но - за тебя.

Отпил глоток. Мгновение, не отрывая стакана от губ, подумал и решился: опрокинул "слезу" до конца.

- О-о, уважил, - улыбнулась Соня. - Спасибо.

Сивушная горечь в горле постепенно опадала и превращалась в тепло в груди. В голове то ли затуманилось, то ли просветлело - поди разберись в том мгновении, когда наступает опьянение.

- Когда я приезжал последний раз в деревню, тебя не было здесь, устраиваясь поудобнее, проговорил Черданцев. Желая сделать Соне приятное, добавил: - Я спрашивал, говорили, где-то в Узбекистане жила.

Он угадал: Соня улыбнулась. Еле заметно, для себя, но улыбнулась.

- Жила. В Ташкенте. У меня и сын оттуда, че-ерненький. О-о, чистый узбек. Его и в селе дразнят узбеком... Ну а мне нальешь или самой за собой ухаживать? Аль не кавалер?

- Извини, - потянулся к бутылке Михаил Андреевич. Стекло в ней было темное, и плеснулось почти полстакана. Думал, Соня запротестует, но она взяла самогонку, поглядела на него, покачала головой своим мыслям и без слов выпила. Не спеша отломила хлеба, понюхала его, закусила. "Неужели пьет?" - подумал майор.

- Когда немцы подошли к селу, - продолжила Соня, - я вместе с беженцами в Москву подалась. А уж оттуда в Узбекистан. Сначала помыкалась, потом прижилась - хороший край, тепло и с голоду не помрешь. А вернулась все равно обратно.

- Я вот тоже обратно, - поддержал Михаил Андреевич. - Райвоенкомом.

- О-о, а что ж молчал-то? - выпрямилась Сонька. - Значит, по блату моего Юрку в хорошее место служить отправишь. Отправишь? Да ты ешь, ешь, не оставляй ничего, а то невеста рябая будет.

- Какие теперь невесты. Невесты теперь сыновьям. Сколько твоему-то?

- Осенью восемнадцать и стукнет. Двоим на селе - моему да Сашке Аннушки Вдовиной.

Рука Черданцева замерла над луковицей, и Сонька, видимо ожидавшая чего-то подобного, усмехнулась:

- Ну и жук же ты был, Мишка. Я ведь знала, что ты после меня к Аннушке бежал.

В груди у майора начало опять гореть, но теперь уже не от самогонки, а от стыда. И чтобы перебить это жжение, снять краску, залившую лицо, он сам потянулся к бутылке. Соня опять выпила, стала чистить яйцо, но раздавила его, уронила, и Михаил Андреевич решил, что больше не стоит наливать. Да и себе тоже.

- Но я не в обиде на тебя была, не думай, - раздумчиво проговорила Соня. Взяла лежавшую рядом фуражку, поиграла солнечным зайчиком на лакированном козырьке. - Ни на тебя, ни на Аннушку. Просто время случилось нам такое.

- А Анна-то... как? - переборов смущение - а что смущаться, раз все знает, - спросил Черданцев.

- Муж ее вернулся, ты, наверное, знаешь, весь покалеченный. Двоих деток успели родить - и отвезли на погост. Ее младший-то, Сашка, с моим Юркой не разлей вода, дружатся. Ты их вместе в армию-то и забери. А Аня... ты же знаешь, что колхоз красоты и здоровья не прибавляет. Она хоть и моложе меня, а боюсь, что и не узнаешь... О-о, на девятой версте вспомнила, - хлопнула себя по ноге Сонька. - Мне же давеча брови свербило, я еще и думала, что за путник встретится и с кем кланяться буду. Вот и сбылось... Ну что, поедем?

- Знаешь, - вдруг неожиданно решил Черданцев. - Я, наверное, сегодня не поеду в Сошнево. Лучше в другой раз.

Сонька, без вузов и академий, уже почти деревенская старуха, поняла и согласилась с ним сразу.

- И то правда. Посиди. Я, когда возвращалась из Ташкента, тоже здесь, под грушенкой, сидела. Вроде до этого ноги сами несли, а подошла - и онемели. А в селе многое другим стало, совсем не то, что вспоминала и что снилось... Я оставлю, - кивнула она на "скатерть". Но не вставала. Сидела, глядя перед собой, машинально застегивая и расстегивая нижнюю пуговицу на зеленой кофте. И Михаил Андреевич пристальнее рассмотрел ее. Прореженные не чистой белой, а какой-то пепельной сединой волосы, все так же собранные, как и в молодости, в пучок на затылке. Высокий, теперь уже морщинистый лоб. По-прежнему сходятся на переносице брови - он любил целовать это место, и уголки губ целовал, и руки.

Они теперь сухие, если не сказать, костлявые, видно, что и шершавые от всякой работы - сколько же пришлось им потрудиться в этой жизни. Впавшая грудь, одни вытачки на платье-то и торчат. Простые теплые чулки на ногах. А когда-то он любовался ее маленьким сбитым телом...

- Ладно, я пойду потихоньку, - словно дав время оценить и, может, увидев себя его глазами, поднялась Соня. Переборов нежелание, но отдавая дань их совместному прошлому, Михаил

Андреевич обнял ее сзади. Соня напряглась, охотно остановилась. Постояли так мгновение, и она вновь первая поняла его порыв, освободила плечи:

- Прошла наша жизнь, кучерявый мой. А мимо дома моего не проезжай, когда в селе будешь. Заходи... просто так.

Долго глядел ей вслед Михаил Андреевич, всякий раз поднимая руку, когда она оглядывалась. А когда Соня превратилась просто в темную фигурку, снял китель, постелил, лег на спину. Встреча взбудоражила память, но все равно вспоминать только прошлое, без примеси настоящего, долго не удавалось. И лишь постепенно, когда закрыл глаза, выстроился ряд: начало войны, мобилизация на фронт, неделя, месяц - и вот уже в селе из мужиков практически только деды да такие, как он, пятнадцатилетние.

- Нюр, ты бы отпустила Мишку с нами стоговать, - попросила как-то Сонька его мать. Он сам разводил за плетнем пилу и замер. - Мы б его и работать не заставляли, главное, чтоб дух мущинский был с нами. Глянь, одни платья в бригаде, ни одних штанов.

- Какой он тебе мущщина, тяпун тебе на язык, - тихо, чтобы сын не слышал, отмахнулась от Грачихи мать. - Ты, Сонька, смотри мне, не озоруй.

Но Соньку поддержали другие молодицы, а главное, и голос Аннушки различил Мишка в общем шуме. И уговорили-таки они мать, пошел на другой день Мишка в бригаду. Отвечал за коней, подтягивал волокушами копны, как мог, отвечал на шуточки женщин. А надо сказать, что для своих пятнадцати с половиной лет он имел и рост, и достаточную силу, и голос, и, видимо, еще что-то чисто мужское в поведении, потому что женщины не стеснялись вворачивать в свои выкрики довольно щекотливые намеки.

Он же, как ни крутился, где бы ни был, не выпускал из виду ту, ради которой пошел в поле, - Аннушку Вдовину, в белом легком платьице, в платке с мелким горошком, по самые брови спрятавшем от пыли волосы. Ветерок заставлял платье облегать ее ноги, а когда она подавала на стог солому и платье открывало белые, незагорелые колени, он просто прятался за лошадь, казалось, все видят в эту минуту, что он ждет именно этих мгновений. Несколько раз Аня перехватывала его взгляды, улыбалась, незаметно для всех грозила пальчиком, и эта, невидимая другим, связь волновала его еще больше.

Полгода назад, когда село гуляло ее свадьбу, она, веселая, радостная, раскрасневшаяся, подошла к нему, дотронулась ладонью до груди:

- Не грусти, женишок, найдешь и ты себе невесту.

Он хмыкнул, но, чувствуя, как наполняются слезами глаза, и за это дурацкое словечко, торопливо выбрался из шумной толпы возле дома Вдовиных. Ушел к Таре, небольшой извилистой речушке на лугу за селом, просидел там до темноты. Аннушка, в которую он был влюблен, наверное, с пеленок, с которой не спускал глаз в школе на переменках, которую провожал, прячась, вечерами с фильмов и вечеринок, - его тайная любовь, Аннушка была, оказывается, влюблена в Митьку Вдовина. И лишь тот пришел из армии, пошла с ним под венец.

Мишка видел, как перед приходом молодых в дом старая Вдовиха бросила под крыльцо новый незащелкнутый замок, который после свадьбы полагалось достать, закрыть, а ключ выбросить - верная примета закрыть новую семью на замок, уберечь от распада.

В общем гвалте, когда осыпали молодых на крыльце пшеницей с конфетами, когда после первых поздравлений все заторопились протиснуться в дверь и занять место на лавке у праздничного стола, он пошарил под крыльцом, сунул замок за пазуху. Отошел в сторону, незаметно выкинул его в бурьян около погреба.

Недолгим вышло Аннушкино замужество - в первую неделю войны надел Митька Вдовин не успевшую сноситься свою гимнастерку. И не только Митька. Почитай, каждая замужняя молодица в Сонькиной бригаде осталась одна. Сама-то Грачиха потеряла мужа еще на финской, успела попривыкнуть к своему горю и вдовству, но до любви и работы, как поговаривали в селе, оставалась жадная и охочая. Только разве сравнишь ее с Аннушкой? Аня - это... это...

- Миш, чего задумался? Поди на минуту сюда, - позвала его во время обеда Сонька.

Он, дурак, ничего не уловил в той атмосфере, что сложилась в бригаде с его приходом. Поднялся от своей копны, пошел к женскому гурту. Только приблизился, Сонька резко подалась вперед, схватила его за руку, дернула на себя, заваливая в сено.

- Девки, а мужичок-то наш ничего. Может, у него и в штанах что имеется?

Он рванулся - куда там. Женские руки зашарили по его телу, вокруг смех, крики, советы - вроде все в шутку, но он со страхом и стыдом, извиваясь, чувствовал, как распахнулась на нем рубашка, поползли вниз штаны.

- Да перестаньте, бабы, что ж вы делаете! - послышался Аннушкин голос, и в этот момент, дернувшись из последних уже и не сил, а отчаяния - Аня, ведь и Аня видит его позор, - Михаил

вырвался. Не оглядываясь, придерживая штаны, бросился с поля - подальше от стыда и позора. Повеситься, утопиться, сбежать из села, ведь Аня все видела, все...

Остановился на берегу Тары. Реки, наверное, и существуют для того, чтобы остановить идущего, заставить его присесть, задуматься. Но куда было Мишке до размышлений. Руки и ноги дрожали, хотя вода, наверное, и в самом деле успокаивает, приглаживает боль и обиду. Он посидел на берегу, немного успокоился. Зашел в воду, наклонился умыться, но вдруг почувствовал, что за спиной кто-то есть. Резко обернулся.

На том месте, где он только что сидел, стояла поникшая, с платком в опущенной руке Сонька. Враг до гроба, ведьма, стерва, черт в юбке. Мишка отступил от нее в воду, но она тихо попросила:

- Прости меня, Миша. Прости дуру.

И столько жалости было в ее голосе, такая она стояла на себя не похожая - поникшая, виноватая, что Мишка махнул рукой - что с тебя возьмешь, ладно уж, дура так дура. Умылся, вытерся подолом рубахи, вышел из воды. Сел. Сонька опустилась рядом, прикоснувшись своим горячим плечом к его спине.

- Ты прости меня, ладно? - продолжала приговаривать она. Подняла руку, медленно и осторожно положила ладонь на его плечо. Мишка сжался. - Но ты мне и вправду нравишься, я тебя давно приметила, Миша. О-о, давно. - Она повернула его к себе, и Мишка увидел уже не поникшую бригадиршу, а молодую красивую женщину с чертенятами в глазах. - Ми-иша-а, - протянула Сонька и потянулась к нему.

Миша, отстраняясь, завалился на спину, и Соня повалилась за ним, нашла его губы.

- Кучерявый мой, нежный, - слышал ее шепот между поцелуями Мишка, а сам чувствовал только тугие комочки грудей, впившиеся в него. - Ну, обними меня, приласкай. Приласкай, меня так давно не ласкали...

В тот же вечер Мишка прокрался в Сонькину хату и оставался там, пока не загремели по селу подойниками на утреннюю дойку.

В бригаде никто ничего не заметил, кроме... кроме Аннушки. Она сразу поняла, почувствовала, счастливую усталость Соньки и смущенность, виноватость Михаила. Теперь уже он ловил ее грустный взгляд и прятался от него, уезжая за самыми дальними копнами.

Нет, любовь к Ане, восхищение ею не стали слабее, наоборот, он теперь мог представить ее женщиной, и чем больше бывал у Сони, тем чаще заворачивал после нее к хатке Анны, стоял, смотрел на ее окна, шептал ее имя.

И однажды случилось чудо. В одну из ночей, когда он уже собирался уходить от Аниного плетня, окно в ее доме вдруг открылось, и Михаил увидел Аннушку. Освещенная лунным светом, в белой ночной рубашке, она протягивала к нему руки, и он, боясь, что это всего-навсего сон, прикусил губу. Больно. Больно? Неужели не сон?

А Анна продолжала, смущенно улыбаясь, протягивать руки. Он не помнит, то ли перелез через забор, то ли просто перелетел через него. Очнулся только в объятиях Аннушки. Неужели для такого счастья не хватало всего-навсего войны? Или была все же сила в примете с замком?

Но немец подходил все ближе, и мать, к тому же начавшая при нем поносить Соньку почем зря, отправила его в Москву, на оборонный завод...

С дороги засигналили: ехавший из села ЗИЛ просил уступить дорогу. Черданцев, торопясь, завел "уазик", освободил ее. Включил приемничек. Диктор читал выдержки из выступления первого секретаря Ленинградского обкома партии Романова перед партактивом города, где называл книги Брежнева "Малая земля" и "Возрождение" идейным оружием партии и народа. По ним же в Ташкенте состоялось республиканское собрание идеологического актива...

Майор поискал музыку, но наткнулся на зарубежные новости. Передавали, со ссылкой на английское агентство, о военном перевороте в Афганистане, где власть перешла в руки Военного революционного совета. Потом приемник захрипел, видимо, от проходившей вдоль дороги линии электропередачи, и майор выключил его: очередной переворот, лишь и разница, что на этот раз не в Африке...

Необходимое послесловие. У кого вздрогнуло тогда, 28 апреля 1978 года, сердце, когда радио сообщило о революции в Афганистане? Кто мог предположить, что событие на далеком юге вплотную подойдет к порогам миллионов наших домов? Что на эту войну успеют попасть даже те - страшно подумать! - кто еще ходил в это время только во второй класс. Быть бы пророку...

Впрочем, в 11 часов дня 27 апреля в кабинете полковника Богданова, отвечающего за южное направление в Генеральном штабе, зазвенел внутренний телефон. Звонить по нему мог только начальник оперативного управления генерал-полковник Ахромеев, и Богданов, складывавший в сейф документы, через стол дотянулся до телефона.

- Владимир Алексеевич, ты знаешь, что на твоем направлении идет революция? - не поздоровавшись, что было чрезвычайно редко, спросил Ахромеев.

Богданов бросил взгляд сначала на часы - 11 дня, затем на уже испещренный пометками листок календаря - 27 апреля, четверг. Переметнул взгляд на карту. Его направление - юг: Сирия, Египет, Израиль, Турция, Иран... Что-нибудь опять в Иране?

- Так, знаешь или нет? - Ахромеев словно следил за его взглядом, выделив ему ровно столько времени, чтобы оглядеться.

- Нет, товарищ генерал-полковник. Не знаю.

- Тогда отгадай, где.

Полковник уже не отрывал взгляда от карты и поймал себя на том, что смотрит на Израиль. И, скорее выдавая желаемое за действительное, почти уверенный, что ошибается, тем не менее произнес:

- Израиль?

- А как пишется - Афганистан или Авганистан?

Афганистан? Пишется через "ф", но для Генштаба это одна из самых спокойных точек на карте. Столица - Кабул, около 12 миллионов населения вместе с кочевниками. Единственная партия, имеющая хоть какую-то силу, НДПА, Народно-демократическая партия Афганистана. Неужели она поднялась? Но ведь ее лидер, Тараки, вроде бы в тюрьме...

- Если революцию подавят, то левые, прогрессивные силы страны получат сокрушительный удар. - Ахромеев говорил тихо, словно размышляя сам с собой, и полковник плотнее прижал трубку к уху. - Ну а если же она победит... тут начальник замолк надолго, и Богданов сам попытался сформулировать ответ: "...если же революция победит, то лагерь социализма пополнится еще одним государством в Юго-Восточной Азии". Хотя нет, Ахромеев хочет сказать что-то другое, недаром он замолчал.

- Если революция победит, то мы получим долгую головную боль, неожиданно закончил генерал.

Пророческими оказались слова. Богданов, изучая затем обстановку в Афганистане, анализируя просьбы афганского руководства об оказании военной помощи, через год, летом 1979 года, останется однажды в кабинете после работы. Достанет карту Афганистана, карандаши, линейку, курвиметр. К 22 часам, осмотрев сделанное, запрячет помеченную знаками карту в сейф.

Это был план ввода войск в Афганистан, так сказать для себя. Но когда через полгода срочно потребуется проработать этот вопрос, карта будет извлечена на свет, и окажется, что полковник, нет, к тому времени уже генерал-майор, Богданов ошибется в своих расчетах всего на три-четыре батальона. Это будет не просто предвидение. Судьба складывалась у Владимира Алексеевича так, что в 1968 году его, только получившего звание

майора, назначили в оперативное управление Генштаба. Тогда решался вопрос с Чехословакией, и ему изрядно пришлось попотеть над картами. А самого сверлила мысль: неужели, как в Венгрии, все же придется вводить войска? И с каким облегчением вздохнулось, когда пришел приказ: все, что наработано, проверить, опечатать и сдать - никакого ввода не будет. Да только через несколько недель вновь было приказано открыть сейфы.

История распорядилась так, что главным военным советником в Афганистане накануне ввода ОКСВ был генерал-лейтенант Лев Николаевич Горелов. А тогда, в 1968 году, он командовал воздушно-десантной дивизией, и ему была вручена карта Праги, отработанная как раз майором Богдановым, и боевой приказ: блокировать аэродром, почту, телеграф, мосты в чехословацкой столице. И еще - отправить самолетом в Москву членов чехословацкого правительства. На аэродроме оставался лишь один Александр Дубчек уговаривали сделать обращение к народу. Не уговорили. И через сутки новый приказ Горелову: Дубчека - в Москву.

- Товарищ Дубчек, вас в Москву, - подошел генерал к руководителю чехословацкого государства и виновато развел руками: извините, приказ, не я, так другой.

- Слушайте, генерал, у вас нет водки? - вдруг попросил тот.

Это было настолько неожиданно, что Горелов оглянулся по сторонам.

- Товарищ генерал-майор, у меня немного есть, - послышался шепот; один из офицеров протягивал фляжку.

Дубчек выпил, посмотрел на ночной аэровокзал и пошел к самолету.

И вот через десять лет пути-дороги Горелова и Богданова вновь сомкнулись, и на этот раз уже в Афганистане. А еще через десять лет Владимир Алексеевич, уже генерал-лейтенант, будет улетать из Кабула 15 февраля предпоследним самолетом, вывозя Боевое Знамя 40-й армии. В Москве его вызовет министр обороны Д. Т. Язов и поручит начать работу над "Книгой памяти" - о погибших воинах-афганцах; и еще одну, секретную, - о боевом опыте, полученном нашими соединениями и частями в условиях горно-пустынной местности.

"Если попал на кухню, то уж стой у плиты", - сказал однажды Владимиру Алексеевичу отец. Плита оказалась очень горячей, когда стали собираться для книги обобщенные данные по Афганистану.

Через ограниченный контингент за период с 25 декабря 1979 г. по 15 февраля 1989 г. в войсках, находящихся на территории ДРА, прошли военную службу 620 тысяч военнослужащих, из них

в соединениях и частях Советской Армии 525 тысяч человек.

Погибло, умерло от ран и болезней, покончило жизнь самоубийством 13 833 человека4, среди них: русских - 6879, украинцев - 2374, узбеков - 1067, белорусов - 611, казахов - 361, туркмен - 281, таджиков - 239, молдаван 195, азербайджанцев - 195, киргизов - 102, армян - 98, грузин - 81, литовцев - 57, латышей - 23, эстонцев - 15 человек... Ранено, контужено и травмировано за период боевых действий 53 753 человека.

Из состава ОКСВ 67 человек стали Героями Советского Союза, 24 из них посмертно. Из органов МВД этого звания удостоен полковник Исаков Михаил Иванович. Органы госбезопасности представят к званию Героя 13 человек, и долго-долго на наградных листах против их фамилий будет стоять штамп: "Без опубликования в печати".

Из боевой техники больше всего мы потеряли автомобилей и бензовозов 11,4 тысячи единиц. Сбито 333 вертолета, самолетов - 118.

Можно называть и другие цифры, однако уже и эти дают представление об афганской войне. Но все равно это будет известно только через тот промежуток времени, который мы назовем афганской войной.

А пока майор Черданцев возвращался в Суземку вдоль разбитой дороги в центре России и тоже не ведал, как будет зависеть лично его судьба от сообщения ТАСС, как переплетет оно его вновь с судьбой Аннушки, Сони, их сыновей. И что выпадет ему одно из самых трудных и черновых дел на этой войне - отбирать и поставлять для нее солдат.

Глава 2

ЧТО ДАЕТ СОЮЗ СЫНОВЕЙ ГЕНЕРАЛА И СКОТОВОДА. - УДАР НАНЕСТИ НЕСЛОЖНО, ЕСЛИ К ТОМУ ЖЕ ЭТО УДАР ПО СЕБЕ. - "ПРИПИСАТЬ УГОЛОВЩИНУ". - ЧТО ЗНАЧИТ ТОЧКА В АФГАНСКОМ АЛФАВИТЕ. - "ВАШИ СЫНОВЬЯ И БРАТЬЯ ПОБЕДИЛИ!"

27 апреля 1978 года. 9 часов утра. Кабул.

Не давайте название дню утром, если не хотите ошибиться. Дождитесь вечера.

Ведь и для Кабула этот день начинался весело и звонко. Утром пропели с крыш муэдзины. Вверх, на склоны гор, к прилепившимся ласточкиными гнездами домикам потянулись водоносы. Распахнулись дувалы, вывешивались на завлечение покупателей дубленки, платки с люрексом; бархатными тряпицами протирались лимоны, апельсины; брызгалась для сочности вода на зелень; под ноги прохожих мостились ковры - лучшими здесь считаются те, которые хорошо вытоптаны. К реке,

с таким же названием, как и столица, еще полноводной и широкой, женщины несли белье для стирки, ухитряясь при этом прикрывать лица перед мужчинами. Кочевники, выгадывая раннее время и широкие улицы, перегоняли на новые места стада овец, коров и лошадей.

День - каких тысячи.

Но не говорите, что вас посетили сегодня спокойствие и удача, пока не закончите последний намаз и не приготовитесь ко сну.

Мохаммад Дауд, президент Афганистана, назначил заседание кабинета министров на 9 часов утра. Вопрос выносился срочный и достаточно неприятный - вынесение смертного приговора Тараки, Бабраку и их сподвижникам по партии. По крайней мере смерти партийцам требовали большинство министров, этого же, как понимал Дауд, желали бы и на Западе. Вот так всегда: кто-то чего-то желает, а ведь все запишется на его имя, он останется крайним в этой истории. А этого-то как раз и не очень-то хотелось.

Пять лет назад, в 1973 году, он сумел взять власть без единого выстрела, без единой капли крови. Просто вытащил во Дворце свой подарочный белый пистолет, когда двоюродный братец, занимавший престол, лечил глаза в Италии, и страна, народ, власть мгновенно перешли в нему.

Однако истину, что взять власть гораздо легче, чем потом удержать ее, он всецело испытал на себе. Только за первый год правления три заговора против него. Ясно, что на этом бы не успокоились, если бы не полетели головы заговорщиков смуты. После казней в стране стало поспокойнее, но год назад всплыла на горизонте объединившаяся Народно-демократическая партия Афганистана, всплыла совершенно неожиданно, потому что, по всем сведениям, раскол несколько лет назад в ней произошел такой сильный, что склеить две части одной пиалы, казалось, было уже невозможно. "Хальк" и "Парчам"5, Тараки и Бабрак - эти две группировки боролись с первого дня основания партии не с ним, а друг с другом, выбирая, какая форма борьбы за власть в Афганистане лучше. Главное, не нужно было их трогать в этой ситуации: при драке двух улыбается третий.

Впрочем, они и не могли, по идее, объединиться. Бабрак, возглавляющий "Парчам", делал ставку на интеллигенцию и парламентские методы борьбы, сам являясь какое-то время членом парламента. Тараки же уповал не беднейшие массы и нелегальную работу. Один - сын генерала, второй - скотовода. Разве можно соединить такое?

Но ведь объединились. И сведения о деятельности НДПА

стали все чаще и чаще появляться в докладах министров. 1 мая прошлого года практически во всех городах прошли демонстрации. 7 ноября опять же НДПА устроила празднества в честь 60-летия революции в России. Да устроила так, что в провинции Балх вывесили красные флаги и портреты Ленина. Губернатора, конечно, сняли, но если и дальше дело пойдет таким образом, то кто-то тоже вытащит свой белый пистолет и направит на него, Дауда. И со стороны правительства уже откровенные намеки пошли - ни в коем случае не дать окрепнуть партии, нанести ей упреждающий удар, сбить революционный подъем.

- Удар нанести несложно, - размышлял Дауд, когда министр внутренних дел Нуристани начал говорить об этом в открытую. А уж если Нуристани советует, то и его западногерманские друзья, дружбу и связи с которыми министр не скрывает, придерживаются того же плана. - Знать бы только, что последует за этим ударом.

А контакты, в последнее время успешно налаживаемые с западными странами и США, терять не хотелось. Ради этого он пошел даже на свертывание некоторых соглашений с СССР: по вопросам подготовки специалистов, кое-что заморозили в военной области. И это не осталось незамеченным. Тут же последовали приглашения от ряда руководителей западных стран приехать с визитами, обещались теплые приемы.

И все-таки он медлил с решением о судьбе партии, тянул, сам не зная чего. Может быть, в какой-то степени отдавал должное коммунистам, и в первую очередь коммунистам-военным, которые сами раскрывали практически все заговоры против него. Для них в этом была своя выгода: те, кто мечтал о захвате власти, не потерпели бы, как он, присутствия в стране коммунистов. Так что об особой любви речь здесь не идет, просто, спасая его, коммунисты спасали и себя. И все равно услуги помнились...

Надеялся на какое-нибудь удачное стечение обстоятельств Дауд, надеялся до тех пор, пока не прозвучали 17 апреля выстрелы братьев Алемьяров.

- Убит Мир Акбар Хайбар, член ЦК НДПА, - едва ли не в ту же минуту доложил Нуристани. - Парчамист, выступал за единство партии, - не забыл подчеркнуть главную опасность, исходившую от этого человека, министр внутренних дел.

- Мотивы убийства? - чувствуя, что он уже не контролирует некоторые события в стране, что его самого загоняют в угол, жестко спросил Дауд.

- Разберемся, - склонил голову, пряча выражение лица, Нуристани.

- Разберитесь, - не без угрозы потребовал Дауд.

Но удар уже был нанесен. Нанесен помимо воли президента. С одной стороны, это освобождало его от моральных и нравственных угрызений, но в то же время показывало, что уже не во всех случаях он хозяин положения...

А на следующее утро место, где был застрелен Хайбар, кабульцы усеяли цветами. По городу прокатились митинги, собрания, на которых, по данным полиции, собиралось до 20 тысяч человек. И всюду в первых рядах находились Тараки, Бабрак, Панджшери, Амин - руководство НДПА, которое ему уже и не советовали, а просто требовали убрать. Да, требовали, подсовывая сотни фотографий с обведенными в толпах их лицами: смотрите, вот ваши подопечные, вот так они благодарят вас за ваше терпение. К тому же и Элиот, попросивший принять его в связи с окончанием работы в Кабуле, добавил иронии:

- Вы собираетесь ехать в страны Запада, к друзьям Соединенных Штатов, и мое правительство только приветствует это. Но, наверное, у всех вызовет удивление, что манифестанты носят по Кабулу антиамериканские лозунги и им совершенно ничего за это не делают. Мы очень чувствительно относимся к таким моментам...

И Дауд решился. Чуть схлынула волна демонстраций по поводу смерти Хайбара, он отдал приказ на арест лидеров НДПА. Списки и адреса уже были заготовлены, так что всех удалось взять в одну ночь. И сегодня надо поставить окончательную точку в их судьбе, в судьбе партии. Деваться все равно уже некуда. Случай, когда президента загоняют в угол обстоятельства.

Он взял листок с подготовленным правительственным сообщением, которое следовало обсудить на заседании, еще раз вчитался в текст:

"Правительство, рассмотрев в свете положений законов Конституции и Уголовного кодекса заявления, выступления, лозунги, призывы, действия и самоуправства, имевшие место во время похорон Мир Акбар Хайбара, расценило их как противозаконные, антиконституционные и направленные против внутренней безопасности государства и на основании Уголовного кодекса сочло их преследуемыми по закону.

Лицами, обвиненными в совершении уголовного преступления и арестованными органами безопасности, являются Н. М. Тараки, Б. Кармаль, д-р Шах Вали, Д. Панджшери, Абдул Хаким Шаран, Х. Амин, д-р Замир Сафи.

При аресте указанных лиц в их квартирах были изъяты представляющие интерес документы. Продолжается активный розыск ряда других лиц, на которых выданы ордера на арест".

Вроде все гладко, исправлять нечего. Можно обсуждать и отдавать в газеты. Но перед этим он заставит каждого министра подписаться под заявлением. Пусть не только советуют, но и несут ответственность.

Дауд прошел в зал заседаний, занял свое место...

Необходимое послесловие. Братья Ареф и Садик Алемьяры, застрелившие члена ЦК НДПА М. А. Хайбара, будут повешены в июне 1980 года.

26 апреля 1978 года. Кабул.

Знать бы министру национальной обороны Афганистана генерал-полковнику Хайдару Расули, на чьем пиру он гуляет, дав команду во всех дивизиях накрыть праздничные столы и, не снижая, правда, боевой готовности, провести увеселительные мероприятия. "В связи с подавлением коммунистов" - так мог бы гласить приказ, попытайся командиры найти причину столь странного распоряжения в будний день.

Из всего руководства НДПА только Хафизулла Амин находился пока хоть и под арестом, но дома. Во-первых, он не представлял собой ключевой фигуры, а во-вторых, мог сойти за "живца". И уже было отмечено, что к нему пытался пройти инженер Зариф, в поле зрения полиции попало еще несколько человек, ранее не числившихся в активных партийцах. Ничего, вечером и Хафизулла займет надлежащее ему место.

Вечером и впрямь Амина перевезли из дома в тюрьму.

- В дом заходили только его дети и старший брат Абдулла, - доложила охрана своему начальству.

И все было бы верным в этом докладе, если бы не одно обстоятельство: в дом входил не Абдулла, а очень сильно на него похожий Факир, один из приближенных Амина. Всего несколько минут длилась встреча, но после нее Факир, поплутав по городу, пришел к Саиду Гулябзою, младшему лейтенанту афганских ВВС, заведующему канцелярией своего командующего. Доложил: поступила команда на начало вооруженного выступления. От Гулябзоя сигна пошел к командиру танкового батальона майору Ватанджару, далее - к начштаба войск ВВС и ПВО подполковнику Абдулу Кадыру.

Не зря лелеял и одновременно боялся своей армия Дауд. И хотя буквально накануне из ее рядов было уволено около 200 офицеров (за левые взгляды, за участие в митингах), именно партийные структуры НДПА в армии оказались не только самыми многочисленными, но и самыми законспирированными. Здесь в практике работы были только "тройки" и "пятерки", а если учесть, что халькисты и парчамисты, несмотря на объединенное руководство, действовали без связей друг с другом, то чистка

Дауда в верхнем эшелоне командования армией прошла для НДПА безболезненно. Дальновидным оказался и Амин, отвечавший в ЦК за работу в армии и сделавший ставку на младших офицеров. А уж насчет ареста руководителей партии вообще как в воду глядели - всего месяц назад, в марте, в партийные организации пришло указание ЦК: если пройдут аресты членов Политбюро, это автоматически является сигналом к вооруженному восстанию. Так что Дауд, сам того не зная и не желая, приказом на арест Тараки и Бабрака отдавал и приказ на начало восстания против самого себя.

А тут и Гулябзой подтвердил: дана команда начинать.

27 апреля 1978 года. 9 часов утра. Кабул.

В 9 часов, когда президент страны Мохаммад Дауд вошел в зал заседаний и занял свое место председателя, в это же время к командиру 4-й танковой бригады без вызова прибыл майор Аслам Ватанджар. Перед дверью кабинета он проверил пистолет, расправил складки на кармане кителя, куда положил оружие на случай провала, постучал.

Став по стойке "смирно" и отдав честь генералу, комбат сказал:

- Генерал, вы, конечно, больше, чем все мы, обеспокоены положением, которое сложилось у нас в стране, и поэтому я пришел к вам, своему командиру.

Комбриг, озадаченный появлением майора, пытался только что-то понять, а Ватанджар продолжил:

- Поскольку армия приведена в состояние боевой готовности на случай возможной реакции по поводу арестов коммунистических лидеров, я прошу разрешения выдать моему батальону боезапас.

- Зачем? - пришел в себя генерал: слова про боезапас дошли до него, видимо, быстрее.

- Чтобы я мог двинуть танки на защиту Арка6, если вдруг последует такой приказ.

Командир пристально посмотрел на майора. Любимец Дауда, помогавший ему совершить переворот в 1973 году, он, конечно, и сейчас готов стоять стеной за своего президента. Перевел взгляд на телефон, по которому всего несколько часов назад получил приказ быть готовым ко всем неожиданностям. Да, комбат прав, подстраховаться и в самом деле просто необходимо, почему он не догадался об этом сам.

- Разумное решение, - согласился наконец комбриг. - Я отдам распоряжение, чтобы одной из ваших рот выдали несколько снарядов.

Он размашисто написал приказ, немного подумал над

цифрой и поставил "6". Шесть снарядов на 12 танков - этого вполне достаточно, чтобы быть грозной и своевременной силой.

"Знал бы он, для кого и для чего выписывает эти снаряды", - подумал Ватанджар, принимая приказ. Отдал честь и вышел. Отойдя несколько шагов, перечитал распоряжение командира и около цифры "6" поставил точку7.

27 апреля 1978 года. 12 часов дня. Кабул.

Танк стремителен и красив в поле, на стрельбище. Здесь он - боевая машина, воплощение своей сути. Кроме огневой мощи, брони, маневренности советские танки всегда отличались и определенной элегантностью - отдадим должное советским конструкторам перед их зарубежными коллегами.

Но на улицах города любой танк просто страшен. Он мгновенно перечеркивает гармонию, сбивает ритм города. Трудно, невозможно, например, представить танки, останавливающиеся у светофоров, уступающие дорогу пешеходам. Лязг траков, рев двигателей, выхлопные газы - нет, не для города они, не для города.

И поэтому, когда сразу несколько, пусть и небольших, танковых колонн вошли в полдень в Кабул, жители афганской столицы не столько с любопытством, сколько с беспокойством провожали взглядами боевую технику. О-о, мудрые дуканщики! Они первыми на всякий случай стали закрывать свои лавки. Зашептались и базары: к Арку, к Арку, боевые машины идут в сторону Президентского дворца. Оставался непонятным главный вопрос - зачем?

Этот же вопрос задал Дауд начальнику президентской охраны майору Зия, который тихо вошел в зал заседаний и доложил президенту о появлении около Дворца боевой техники. Не получив вразумительного ответа, подозвал министра обороны, указал ему взглядом на начальника охраны - разберитесь вместе. Остальные министры, разом прекратив переговариваться, проводили генерал-полковника и майора встревоженными взглядами: обеспокоенные военные у гражданских невольно вызывают панику.

- Продолжим заседание, - попытался создать рабочую обстановку президент.

Однако когда прогремел первый выстрел из танковой пушки, стало ясно, что боевые машины прибыли не для охраны Дворца.

Майор Ватанджар, не дождавшись появления в воздухе самолетов, как было согласовано по плану с летчиками, посчитал, что любое промедление может обернуться провалом, и загнал первый снаряд из шестидесяти, полученных ротой, в казенник ствола. И в 12.10 прогремел выстрел революции8.

Словно дожидаясь только его, в небе закружили, рискуя столкнуться друг с другом, истребители.

Мохаммад Дауд, стараясь сохранить спокойствие, объявил вскочившим после выстрела со своих мест министрам:

- Все, кто хочет спасти свою жизнь, могут покинуть Дворец.

Желающими оказались почти все: что чужая жизнь, когда меч над собственной.

Министр обороны генерал-полковник Расули, собрав советских советников, попрощался с ними, поблагодарил за службу и посоветовал разъехаться по домам. Сам сел в машину, беспрепятственно выехал через тыльные ворота и на полной скорости помчался на запад от Кабула: там, в нескольких километрах, стояла восьмая пехотная дивизия. Если ничего не случится по пути, он сумеет привести ее на защиту Дворца и президента.

28 апреля 1978 года. 8 часов утра. Москва.

Генеральный штаб знает все. Знает, сколько солдат находится в отпусках и сколько преступников убежало из тюрем. Сколько надоено молока в первом квартале текущего года и сколько родилось мальчиков на 1 января прошлого. Где на данный момент находятся подводные лодки США (по номерам) и кто их командиры. Что любит кушать президент США и что читает на ночь премьер-министр Великобритании. Сколько платформ подано под погрузку боеприпасов в стране Н. и почему уволили генерала К. в энской армии.

Надо только знать, у кого взять ту или иную информацию, кто чем занимается в Генштабе.

А там конечно же занимались и Афганистаном. По информации, которая стеклась в Москву утром, начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза Николай Васильевич Огарков сумел подготовить вполне подробный доклад министру обороны.

- Что с генерал-полковником Расули? - перебил Устинов, когда Огарков начал объяснять подробности в действиях авиации, наносившей заключительные удары по Дворцу.

- Министр обороны погиб. После того как он выехал из Дворца и прибыл в восьмую дивизию, - начальник Генерального штаба указал на карте место, там уже знали о событиях в столице. Расули организовал движение на Кабул, но танковый батальон, который был определен в передовой отряд, развернулся и открыл огонь по собственной дивизии. Та встала. Министр обороны к этому времени убыл поднимать седьмую дивизию - это здесь, в пятнадцати километрах юго-западнее Кабула. - Николай Васильевич вновь обратился к карте. - На этот раз он сам

возглавил передовой отряд. Сбив заслоны, к вечеру вчерашнего дня достиг города. Однако по отряду был нанесен авиаудар. По одним сведениям, несколько бомб разорвалось рядом с машиной министра обороны, по другим - он вместе с адъютантом пытался захватить на аэродроме вертолет, но был убит в перестрелке, - закончил доклад Огарков.

Устинов потер виски. Что-то вспомнив, достал из папки листок. Три дня назад Хайдар Расули прислал через главного военного советника генерал-лейтенанта Горелова просьбу - выделить для вооруженных сил Афганистана 37 082 комплекта обмундирования из двенадцати предметов и 18475 фляжек с чехлами. Устинов даже не успел отдать распоряжения по этой просьбе, а теперь тем более в этом нет смысла. От фляжек до революции, оказывается, всего три дня...

- Что с Даудом?

- По нашим сведениям, тоже убит. Сегодня утром. К нему пошли парламентеры с предложением сдаться, но президент ответил, что большевикам не сдается. Затем вроде бы брат Дауда, который находился рядом с ним, выстрелил в парламентера, ранил его. Завязалась стрельба. Погибло около тридцати человек из ближайших родственников и окружения президента. И соответственно он сам.

- Кто, вы сказали, руководил восстанием?

- Начальник штаба ВВС и ПВО Абдул Кадыр, подполковник. В 17.30 была освобождена тюрьма и руководство партии. Вернее, оно было спрятано в частной тюрьме, его долго искали, и только когда какого-то чиновника положили под гусеницы танка, он указал, где сидят коммунисты. Первые слова, которые вроде бы сказал один из лидеров, Бабрак Кармаль, были: "Надо, чтобы не погиб Дауд, он большой друг Советского Союза".

- Что происходит в стране на данный момент?

- Власть практически в руках Революционного совета, который возглавляет Кадыр. В некоторых местах ему оказывается сопротивление, но незначительное. Командиры корпусов из Гардеза, Кандагара, других городов вызваны в Кабул - видимо, чтобы перевести их на свою сторону и заручиться поддержкой.

- Что наши советники?

- Пострадавших нет. Участия в действиях не принимали.

- Хорошо. Это правильно, - впервые во время доклада удовлетворенно закивал головой Устинов. - Сейчас своими симпатиями или антипатиями мы можем не только столкнуть какие-то группировки в Афганистане, а советский и афганский народы. Повторите им еще раз, напомните, что они - технари, они при технике, а не при партиях и движениях. Это очень важно,

особенно на данный момент, когда... когда почти ничего не ясно. - Дмитрий Федорович вновь взял заявку на обмундирование и фляжки, прочел, вздохнул: - Вот были проблемы, - он протянул листок Огаркову, тот издали узнал заявку, согласно кивнул. - Ладно, Николай Васильевич, работайте в этом же направлении. Я - к Леониду Ильичу. Документы.

Огарков подал папку:

- Здесь и наши данные, и официальные сообщения новой власти. Единственное, надо учитывать, что под ними подразумеваются передачи Кабульского радио, которые мы записали.

Документ (сообщение "Радио Афганистана"):

28 апреля 1978 года. 9.00. Доблестный афганский народ. Полноводные реки, густые леса, зеленые радостные долины, полезные ископаемые, степи и пустыни - все эти естественные богатства принадлежат нашей стране. Национальные вооруженные силы Афганистана с помощью всемогущего Бога (не прослушивается)... на благо вам и вашим детям.

9.15. Официально доводится до сведения мусульманского трудового народа, что два брата, Дауд и Наим, эти предатели народа, несмотря на неоднократные обращения Военного революционного совета о необходимости сдачи, в результате своего сумасшедшего и своекорыстного сопротивления убиты.

12.33. Дорогие матери и дочери нашей Родины. Ваши сыновья и братья, поклявшиеся спасти свой народ, победили.

Глава 3

"КРУГЛЫЕ" РЕШЕНИЯ "ОРЕХОВОЙ КОМНАТЫ". - ПЕРЕВОРОТ ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ? ВАЖНО БЫТЬ ПЕРВЫМИ. - "ГОССЕКРЕТАРЮ. ВАШИНГТОН. НЕМЕДЛЕННО".

29 апреля 1978 года. Москва. Кремль.

Вершина власти Советского Союза - это третий этаж одного из старинных зданий Кремля. Именно здесь находились кабинет Генерального секретаря ЦК КПСС и его приемная, здесь же был зал заседаний Политбюро и так называемая Круглая комната, получившая свое название из-за огромного круглого стола, стоявшего посередине. А вообще, это по-современному, под орех отделанная комната с еще одной дверью в кабинет Брежнева.

Иногда казалось, что Леонид Ильич любит ее больше, чем свой рабочий кабинет. Именно здесь он проводил совещания, на которые не нужно было приглашать стенографисток, здесь в узком кругу перебрасывались мнениями перед заседаниями Политбюро, где решались спорные вопросы. А главное, здесь не звонили телефоны, не лежали стопки бумаг, требовавших к себе внимания и немедленных решений.

В Круглой, или, как ее стали называть после ремонта, Ореховой, комнате в этот день после долгого перерыва собралась и Комиссия Политбюро по Афганистану. Создана она была еще в 1973 году, после прихода к власти Дауда, но официально не оформлялась. Отношения с Афганистаном развивались нормально, и Комиссия собиралась очень редко - от случая к случаю, большей частью слушая Устинова: связи в военной области представлялись наиболее прочными, и руководство страны просто лишний раз напоминало, что дружба дружбой, но торговать оружием так, чтобы не произошло у южного соседа его накопления.

Сегодня Комиссия собралась в расширенном составе. Кроме Громыко, неизменного ее председателя, МИД представлял еще и его первый заместитель Корниенко. Министр обороны приехал вместе с Огарковым. Было приказано прибыть в Кремль и заведующему международным отделом ЦК Борису Николаевичу Пономареву со своим заместителем Ульяновским. Совмин представлял Архипов.

Не садились, ждали Брежнева. Вполголоса переговаривались, стараясь не касаться афганской темы. Считалось дурным тоном выражать свои эмоции и давать оценки до начала совещания. Да и какие могут быть оценки, если революции всего полтора дня. Тут уж лучше послушать других, чтобы завтра, случись опять что в этом Афганистане, не предстать близоруким.

Наконец отворилась дверь кабинета Брежнева. Леонид Ильич каждого обнял, поцеловал - к этому его приучили многочисленные встречи, на которых царили всеобщие "любовь и уважение". Генеральный секретарь платил окружающим тем же.

- Начинайте, Андрей Андреевич, - кивнул он Громыко.

Задвигали креслами, уселись. Выложили на стол папки с документами.

- Товарищи, каждый из нас уже познакомился с ситуацией, сложившейся в Афганистане, - неторопливо начал Громыко, перебирая свои листочки. - Оценки свершившегося пока самые разноречивые - от демократической революции до верхушечного военного переворота - так, кажется, выразился Ростислав Александрович Ульяновский,

- Верхушечный военный переворот, поддержанный армией и частью мелкой буржуазии, - не поднимая головы, уточнил свою позицию Ульяновский.

- Да, такие мнения, - повторил Андрей Андреевич. - Но, я думаю, нам надо сейчас определиться в главном: какое правительство пришло на смену Дауду и будем ли мы его признавать. Если будем, то как быстро. Все остальное, видимо,

может подождать.

Громыко замолчал, давая возможность высказаться всем остальным. Однако добровольцев начинать первыми не находилось, и Брежнев повернул голову к Пономареву:

- Борис Николаевич, как мне доложили, Тараки уже приезжал к нам в Москву, в ЦК.

- Да, Леонид Ильич. Это было где-то в конце 65-го года, уточнить несложно. Но прилетал он неофициально, и мы, дорожа хорошими отношениями с Захир Шахом, решили тогда не принимать его на уровне первых лиц.

- Кто же беседовал с ним?

- Я, Леонид Ильич, - выпрямился в кресле Ульяновский. - Беседу с Тараки вел я и заведующий афганским сектором ЦК Симоненко Николай Нестерович.

- И о чем вы говорили? Как вам показался Тараки?

- Беседовали мы часа четыре. Тараки уже тогда выдвигал идею переворота или вооруженного восстания. Нельзя сказать, что фанатичен в этой своей идее, но по крайней мере был очень увлечен ею.

- Что посоветовали вы?

- Мы рекомендовали не ставить для партии главной задачей свержение правительства - хотя бы в силу неподготовленности и малочисленности НДПА. Главная задача для них была и, видимо, остается - это объединение партии.

- А разве объединения не произошло, Борис Николаевич? - посмотрел Брежнев на Пономарева, словно это зависело от него.

- Формально - да, произошло, - ответил тот. - Но, к сожалению, победы тем и коварны, что тут же вносят новый раскол. Я боюсь, что сейчас трения в партии начнутся вновь. И Ростислав Александрович прав: главное для афганских товарищей - это сплочение своих рядов.

- И тем не менее переворот, или вооруженное восстание, или революция свершились, - подвел черту Брежнев и еще раз оглядел всех присутствовавших: - Что дальше?

- В любом случае это прогрессивный режим, Леонид Ильич, - отозвался Андропов. - Мир конечно же ждет, кто первым признает ДРА. И как быстро, здесь Андрей Андреевич прав. Нам надо определяться в первую очередь в этом. Я думаю, у нас нет особых оснований для тревог, чтобы не признавать революцию и новое правительство первыми. Потом будут и третьи, и десятые, и сороковые, но вспоминаться афганцами будут именно первые. Надо помнить об этом, и мы не должны упустить этот шанс.

- Мы информировали посла Пузанова, что этот шаг возможен в самое ближайшее время, - тут же дополнил Громыко,

почувствовав поддержку. - Он уже нанес неофициальный визит товарищу Тарани, но, видимо, будет лучше, если он это сделает открыто и одновременно объявит о нашем признании республики. Записка по этому поводу уже подготовлена.

Остальные члены Комиссии промолчали, соглашаясь. Брежнев посмотрел на Пономарева и Ульяновского: как, не против?

Существовало негласное разделение между МИД и международным отделом ЦК: все, что касалось отношений с развитыми капиталистическими странами США, ФРГ, Японией, Францией, - здесь приоритет отдавался профессионалам. Суслов и Пономарев же курировали развивающиеся страны и весь "третий мир" с их постоянными революциями и переворотами. На этом можно было строить политику, формировать идеологию, так что Афганистан невольно переходил в их орбиту деятельности.

И Пономарев, и Ульяновский поспешно кивнули на вопрос Брежнева: конечно, они не против.

- Я вижу, что мнение по этому поводу едино, - удовлетворенно проговорил Леонид Ильич. - Андрей Андреевич, дайте необходимые указания послу.

- Хорошо, Леонид Ильич.

- Ну а у вас, у Комиссии, скорее всего, дел прибавится. Тут уж никуда не деться. Поэтому не буду вам больше мешать. До свидания, товарищи.

- До свидания, Леонид Ильич.

Документ (переписка советского посла в ДРА с МИД):

"Запись беседы с послами НРБ, ПНР, ЧССР в ДРА.

29 апреля 1978 года.

В течение дня принял послов: НРБ - С. Радославова, ПНР - Б. Пашека и ЧССР - З. Кармелита, которые приезжали без предупреждения, поскольку телефонная связь в городе еще не работает...

Послы сообщили о признании нового правительства Афганистана: НРБ - 1 мая, ЧССР - 2 мая, ПНР - 3 мая"

Посол СССР в ДРА А. Пузанов".

Документ (переписка советского посла в ДРА с МИД):

"Запись беседы с послом Республики Индия в ДРА Ш. К. Сингхом.

30 апреля 1978 года.

Принял Сингха в Совпосольстве в порядке поддержания контактов...

...Сингх проинформировал о встрече послов западных стран. По имеющимся данным, они намерены оттягивать признание и повлиять на ряд мусульманских стран (Саудовская Аравия, Иран,

Пакистан) с тем, чтобы те также не торопились с признанием...

Посол СССР в ДРА А. Пузанов".

Документ (сообщение "Радио Кабула"):

"30 апреля 1978 года. 20.30. Сегодня, 30 апреля, в19.30 его Превосходительство Александр Михайлович Пузанов, Чрезвычайный и Полномочный Посол Советского Союза в Кабуле, встретился с Председателем Революционного совета ДРА Нур Мухаммедом Тараки в его рабочем кабинете и во время встречи передал ему послание своего правительства.

В послании, в частности, отмечается, что Советское правительство, последовательно придерживаясь принципа невмешательства во внутренние дела других государств и исходя из уважения прав наций на выбор путей решения своих внутренних проблем, официально признает Демократическую Республику Афганистан".

Документ (из секретной переписки американских внешнеполитических ведомств по Афганистану):

"6 мая 1978 г., № 3619.

Из посольства США в Кабуле.

Госсекретарю. Вашингтон. Немедленно.

В посольства США (немедленно): в Исламабаде, Москве, Дели, Тегеране.

Конфиденциально, ограниченное распространение.

Тема: Первая беседа с новым афганским президентом.

1. Нур Мухаммед Тараки, президент нового Революционного совета Афганистана (ему нравится, когда ею называют "м-р президент"), принял меня одного в своем кабинете в старой резиденции премьер-министра 6 мая в 17.00. У входа в здание меня встретили начальник протокольного отдела и его заместитель, которые служили еще при прежнем режиме...

2. Тараки приветствовал меня теплым рукопожатием и дружественной улыбкой, что было старательно зафиксировано фотографами. Затем мы сели в углу его кабинета и обменялись шутками, в то время как нас продолжали фотографировать. Я вызвал его громкий смех, когда сказал, что сожалею о том, что за четыре с половиной года пребывания в Афганистане не встречался с ним, и тем более сожалею, что не встретился в течение последних девяти дней.

Тараки говорил на отличном английском, иногда, правда, забывая слова.

3. Тараки начал с очевидной гордостью и удовольствием перечислять успехи его революции, подчеркивая, что это революция, а не переворот. По его словам, в четверг 27 апреля танки двинулись к Кабулу около 9 часов утра, но им

понадобилось более двух часов, чтобы достичь центра города. К вечеру режим Дауда проиграл битву, хотя была предпринята безуспешная попытка направить ему помощь из штаба центрального корпуса и из Карги.

- С наступлением рассвета, - сказал Тараки, - ВВС получили возможность завершить дело.

В этот момент уже внутри Дворца Дауду предложили капитулировать, но он отказался, открыв стрельбу по нападающим. Так же поступили его жена и семья. В результате все были убиты.

- Намечалось, - сказал Тараки, - захватить его живым. Дауд, - добавил он, - мог быть предан суду и, возможно, расстрелян.

Вчера Тараки посетил госпиталь и поздравил солдата9, которого ранил Дауд, стреляя из своего "белого пистолета".

4. Затем Тараки сказал, что он удивлен, что я не был первым послом, нанесшим ему визит, так как он пытается установить в Афганистане "правление народа самим народом и для народа". Он сказал, что задал такой же вопрос пакистанскому послу, так как Пакистан и Афганистан имеют много общего как в культуре, так и этнически.

5. Затем я объяснил, что в подобных случаях визит посла не является официальным признанием; он означает, что мы хотим продолжения нормальных дипломатических отношений. Я сказал, что на практике мы хотим иметь тесные деловые отношения с новым правительством. Я добавил, что это говорится в нашей ноте, что я надеюсь, что его правительство вскоре найдет возможным подтвердить действие существующих договоров и соглашений. Он не прокомментировал эти предложения.

6. В нескольких местах этого предварительного обмена мнениями Тараки ссылался на время, которое он провел в США, на свое дружелюбное отношение к американцам и на свое расположение к таким американским качествам, как откровенность. Мы согласились, что афганцы и американцы в этом отношении имеют много общего.

7. Затем я заявил, что хочу быть с ним откровенным. Я сказал, что, как он знает, США никогда не искали каких-либо стратегических или политических преимуществ в Афганистане. Он согласился. Я сказал, что один из кардинальных пунктов нашей политики - помощь Афганистану в укреплении его независимости, целостности и национальной самобытности.

Он с воодушевлением кивнул. Я сказал, что, после того как англичане покинули Индию, мы придерживались точки зрения, что единственная страна, которая, возможно, может угрожать независимости Афганистана, - это Советский Союз. В прошлом,

заметил я, наша политика заключалась в том, чтобы попытаться создавать блоки против советского экспансионизма, но что наш подход к этой проблеме стал более гибким.

Я заявил, что мы могли бы с готовностью понять, принимая во внимание географическое положение Афганистана и его экономические нужды, почему он хочет иметь тесные отношения с Советским Союзом.

- Но, - сказал я, - мы были бы встревожены, если бы внешняя и внутренняя политика Афганистана стала неотличимой от политики Советского Союза, поскольку это уничтожило бы национальную самобытность Афганистана и дало бы толчок этой части мира к росту тенденций, которые угрожали бы миру.

Я сказал, что именно в этом контексте мы ценим политику неприсоединения Афганистана.

8. В ответ Тараки заверил, что Афганистан есть и хочет остаться независимой страной и хозяином своей собственной судьбы. Он сказал, ему нравится, что США избрали более гибкую точку зрения на мировые проблемы и признают, например, что они допустили ошибку во Вьетнаме. Он сослался на свое пребывание в Вашингтоне во времена сенатора Маккарти и заметил, что тогдашний вице-президент Никсон однажды отказался посетить прием в афганском посольстве, поскольку Афганистан слишком близок к Советскому Союзу. Он очень рад, что теперь США избрали новый подход к его стране.

9. Я затем сказал, что при оценке политики правительств в такой развивающейся стране, как Афганистан, США будут смотреть на то, что данное правительство делает: во-первых, для поднятия жизненного уровня своего народа; во-вторых, для соблюдения экономических, социальных, политических и юридических прав человека.

10. Тарани затем сказал, что его правительство будет судить о других правительствах по их готовности помогать Афганистану. Он сказал, что планы его правительства по экономическому развитию еще не сформулированы, но что он может обратиться к США с просьбой о содействии, так же как он, конечно, обратится к СССР и другим странам...

... 12. Затем он сказал, что еще одно важно для США - стабильность в этом регионе мира. Я сказал, что мы были довольны прогрессом, который был достигнут в последнее время в развитии регионального сотрудничества. Тараки сказал, что это вопрос, который его правительство, конечно, должно изучить. Он также сказал, что, когда говорят о региональном сотрудничестве, это означает не только сотрудничество с Индией, Пакистаном и Ираном, но также и с Советским Союзом.

13. Беседа началась и закончилась обменом шутками. Он сказал, что, как надеется, Советский Союз не будет его строго судить, если он сам не пойдет в мечеть. Он закончил словами, что все сказанное мне он уже высказал также советскому послу.

14. Комментарий. Тараки - стройный, седой, профессорского вида мужчина, выглядит несколько старше в свои 61 год. Он обладает обаянием и способностью сопереживать, что свойственно афганцам. Он также явно практичный человек и возбужден своим успехом. Когда в процессе разговора он вдохновляется, его взгляд становится фанатичным. Наш разговор был исключительно сердечным и явился также, я думаю, настоящим диалогом.

Элиот".

Документ (перехват зарубежной радиоинформации):

"Голос Америки". Вашингтон,

На русском языке.

Из обзора западной печати.

2 мая 1978 года. 23.45.

События в очень бедной, но стратегически важной стране - Афганистане находятся в центре внимания западно-германских газет. Афганистан попал теперь под коммунистическое, просоветское господство, полагает газета "Франкфуртер альгемайне". Далее она пишет: "Захват власти коммунистами в Кабуле является одним из важнейших успехов, достигнутых Москвой в этом десятилетии в Азии".

Газета "Франкфурте? рундшау" возражает против тезиса о том, что СССР виновен в перевороте в Афганистане, аргументируя следующим образом: "Если где-либо в Азии совершается государственный переворот, то всегда находятся торопливые обозреватели, которые видят за ним "руку Москвы". В Афганистане мятеж подняли офицеры, застрелившие при этом президента Дауда. Первое заявление мятежников по радио гласило, что массы взяли власть в свои руки, значит, под массами надо понимать коммунистов.

На этот раз такую историю пустил по миру не названный по имени представитель режима шаха в Иране. Но её могли придумать и в других столицах. Но ведь у левых и сторонников реформ имеются и другие причины выступить против... (не прослушивается). Тот, у кого есть хоть мало-мальски развитое чувство справедливости и непредвзятый взгляд, не нуждается в коммунистических очках, чтобы увидеть необходимость социальных перемен в Афганистане. Власть имущие нередко сами дают повод для своего свержения. Во время прихода к власти Дауд пообещал проведение реформ, однако в действительности

ничего сделано не было, поэтому он был свергнут. Очевидно, в этом заключается вся история, и чтобы понять ее, здесь не нужно вмешательство Москвы", - считает газета "Франкфуртер рундшау".

Документ (перехват зарубежной радиоинформации):

"Немецкая волна". Кельн.

На русском языке.

6 мая 1978 года. 23 45.

Выступая с речью в американском штате Вашингтон, Картер сообщил, что американский госсекретарь Вэнс во время своих переговоров в Москве указал своим собеседникам на то, что усиленное советское вмешательство в Африке может поставить на карту советско-американскую дружбу.

В этой же речи американский президент вновь выразился за свое намерение поставить Египту, Израилю и Саудовской Аравии современные боевые самолеты".

Документ (перехват зарубежной радиоинформации):

"Голос Америки". Вашингтон.

На русском и узбекском языках.

10 мая 1978 года. В 18.00 и в 20.00.

Американские газеты о событиях в Афганистане.

Газета "Сент-Луис пост-диспэтч" называет Афганистан некоторого рода буфером между Востоком и Западом. Газета пишет: "Афганистан имеет с соседями длинную границу - с Советским Союзом, который немедленно признал новое правительство, Афганистан соприкасается с Китаем, на западе и юге окружен Ираном и Пакистаном, являющимися военными плацдармами США.

Если исторически независимые афганцы будут приняты под советское крыло, чего даже не могли добиться англичане во время своего расцвета, убедит ли это Вашингтон в том, что настало время сделать что-нибудь особое для Ирана и Пакистана?" - спрашивает газета.

Специальный корреспондент столичной газеты "Вашингтон пост" С. Винчестер пишет, что следует обратить внимание на самый высокогорный в мире туннель, проходящий через известный Салангский хребет.

Винчестер пишет: "Салангский туннель строили русские. На это ушло десять лет и 600 млн. долларов.

Салангский туннель был построен для того, чтобы дать возможность советским конвоям двигаться из его городов и военных баз в Узбекистане через Термез в Афганистан".

Саймон Винчестер далее отмечает, что, по мнению военных специалистов, советские танки могут дойти до северо-западных границ Пакистана всего лишь за один день".

Документ (донесение из посольства СССР в Индонезии):

"Реакция Индонезии на события в Афганистане.

22 мая 1978 года.

Сообщение о переменах в Афганистане настороженно встречено индонезийскими правительственными кругами, в особенности после того, как стало ясно, что к власти в стране пришли демократические силы...

В индонезийских политических кругах высказывается мнение, что в связи с событиями в Афганистане Джакарта будет уделять повышенное внимание развитию контактов с ее более консервативными соседями - Ираном, Турцией, Пакистаном.

Ст. референт посольства СССР в Индонезии

В. Яковлев".

Глава 4

СТРАШНЫЙ ЧЕЛОВЕК ЛЕНА ЖЕЛТИКОВА. - ОТСТУПАЙТЕ - И ВЫ ПОБЕДИТЕ.

- НЕСЧАСТЛИВОЕ ЧИСЛО 12.

7 мая 1978 года. Суземка.

Не ищите работу полегче. Это зависит не от должности, а от отношения к ней.

Хотя все это, конечно, теория. На практике же райвоенкомат для Черданцева после службы на "точке" показался раем; не районным военкоматом, а именно райвоенкоматом. Ясное дело, со своими проблемами, планами, бумагами, инструкциями, но разве это сравнимо с тем, что было? Сейчас уже можно вздрогнуть от мысли, как он выдерживал столько лет боевые дежурства. И подумать, вспомнить с легкой тоской - зная, что это уже никогда больше не повторится, - как входил с расчетом в неприметный с виду домик, надевал специальную форму, тапочки и по подземному переходу - потерне - шел к такому же подземному лифту. Дежурное освещение, чуть сыроватый воздух, словно подчеркивающий глубину центральной "аллеи" под землей, ответвления "переулки", непонятный постороннему язык букв, цифр и стрел на стенах - все это еще осязаемо в быстрой памяти, только подумай.

У лифта - массивная дверь. Включаешь питание, набираешь код открываешь. Через шаг - вторая такая же дверь. Включаешь питание, набираешь новый код, проходишь к третьей двери. А уж после нее - лифт. Нажимаешь кнопку - и вниз: у ракетчиков этажи растут вниз. Выходишь на своем - только на своем, потому что на другие этажи нужны свои допуски и разрешения; попадаешь к отрешенной, дико уставшей смене таких же, как ты, офицеров. Меняешь их у пультов и на много часов остаешься один на один с напарником в крохотном пространстве и абсолютной тишине. Без

сигарет, магнитофонов, приемников, ручки, карандаша, газет, книг. Только ты и индикатор. Ничего не делаешь и ничего не должен делать. Только сидишь и следишь за информацией. И спрос с тебя один и единственный - не пропустить команды. В течение смены. Недели. Месяца. Года. Нескольких лет. И быть готовым к пуску ракеты. Вернее, к своей доле работы в пуске: один или даже два человека, если и захотят, ракету не запустят, защита здесь от дураков надежная: слишком высока ответственность за последствия.

- В наших войсках можно выдать только одну тайну, - говорили у них. Это то, что ракета круглая. Может быть, круглая, - тут же добавляли с улыбкой.

Ну а самое страшное - это когда во время дежурства вдруг начинает казаться, будто где-то внутри изделия10 скребет мышь. Или вдруг начинает дико раздражать пятно на рукаве напарника. Или кажется, что пахнет вокруг цветами. Тогда насядут врачи - обследования, санатории, курорты, тесты, психологические тренинги. Нервы для ракетчика - это все.

Так и служил, о других местах особо не думая. А тут, оказывается, есть такие райские кущи, как военкоматы. И тоже - погоны на плечах, оклады вполне сносные. А специфика...

- Екатерина Васильевна, я уж, если что, за советом к вам, - чуть-чуть подразобравшись, и в первую очередь не с бумагами, а с сотрудниками - кто, чего и насколько глубоко знает, выделил из всех Черданцев секретчицу.

Та засмущалась, и это еще больше глянулось Михаилу Андреевичу: если еще и коллектив хороший, то он, так и быть, готов поверить в звезды и предсказания.

Утром в кабинет - легка на помине - заглянула Екатерина Васильевна.

- Доброе утро, Михаил Андреевич. Извините, - понизив голос, указала рукой на дверь, - но у вас в приемной сидит девушка, вы уж ей пальца в рот не кладите.

- Что за зверь такой, Екатерина Васильевна?

- Не зверь, а пионервожатая. Ваш предшественник от нее уже прятался. Она руководит школьниками, поисковым отрядом: ну, останки там, восстановление имен, могил...

- Что ж, очень благородное дело. Зачем же прятаться?

- Э-э, вы не знаете ее аппетитов! Она просит для отряда палатки, снаряжение и даже саперов.

- Саперов? Где же я их возьму?

- Знаете, ей это говорится, а она все равно требует. Мин и снарядов в лесу в самом деле много, а они копаются. Я вот принесла вам некоторые документы по прошлому году -

переписку с областным военкоматом, карты. Посмотрите, чтобы в курсе были.

- Спасибо, Екатерина Васильевна. А та, которая...

- ...Елена Желтикова...

- ...а страшный человек Елена Желтикова пусть войдет минут через пять. Скажите ей, ладно?

- Хорошо, Михаил Андреевич.

"Спасибо, Екатерина Васильевна...", "Хорошо, Михаил Андреевич...", "На охрану воздушных рубежей Союза Советских Социалистических Республик заступить!", "Спасибо... хорошо... пожалуйста...", "Пост сдал!", "Пост принял!".

"Да-а, разница", - в который раз за последнее время сравнил Черданцев условия службы и заторопился, углубился в бумаги.

Лева Желтикова пяти минут все-таки не высидела. Постучала, не дожидаясь ответа, дверь распахнула резко, сразу прошла к столу. В синем спортивном костюме, с короткой стрижкой, насупленными бровками и поджатыми тонкими губами - да, она вошла требовать и добиваться. "Ей бы еще к фамилии желтый костюм - и чистый молодой петушок", - подумал Черданцев.

- Здравствуйте, Лена, - улыбаясь, поднялся он из-за стола. Протянул руку: - Рад с вами познакомиться, рад, честное слово. Тем более накануне Дня Победы.

Брови пионервожатой от недоумения чуть разошлись, и майор, воспользовавшись паузой, пригласил ее сесть.

- Я немного знаю о работе вашего отряда, в какой-то степени догадываюсь, в каких условиях вы работаете, и знаете, что подумал?

Брови мгновенно вернулись на прежнее место, и Черданцев вновь подумал о желтом спорткостюме.

- Я подумал, что вам просто необходимы саперы.

Хотите сорвать неизбежное наступление - начинайте... отступать. И первое, чего вы добьетесь - психологического перевеса: вы станете делать то, что наметили сами, а не что станут диктовать другие. К вам в союзники перейдет также определенное количество времени и пространства - готовьте ответный маневр.

Рухнул замысел и Желтиковой: наступать просто стало некуда, противник исчез или, что совсем невероятно, превратился в союзника. Как к этому относиться? Это подвох, маневр или истина? Бояться или радоваться?

Чтобы сдержать улыбку от растерянного вида пионервожатой, Михаил Андреевич прошел к шкафу с книгами, переставил несколько брошюрок. Однако надо отдать должное и Лене: как ни была она шокирована встречным предложением, все же сумела не

только сохранить некоторое самообладание, но и уловить усмешку майора.

- Вы... смеетесь?

Брови, два маленьких грозовых облачка, вновь накрыли черные озерки глаз. Теперь они будут защищаться до последнего.

- Немного, - не стал лукавить Михаил Андреевич. Подвинул стул, сел рядом с девушкой. - Но тем не менее согласен с вами полностью. В прошлом году на чем вес остановилось? - взял к себе на колени папку с "делом Желтиковой".

- На переписке с десантниками - это самая ближняя воинская часть, где есть саперы. Вот, это я писала, это - военком, - узнала она некоторые бумаги.

- Я посмотрел - ваш отряд обнаружил более двадцати взрывоопасных предметов.

- Вот я и боюсь, как бы кто-нибудь не подорвался. Сама-то я могу обезвредить любой... - увидев, что военком опять улыбнулся, запальчиво взвилась: - Да, любой! Я, между прочим, обезвредила такую мину, которая до сих пор во всех справочниках идет как не подлежащая разминированию, перешла она, видимо, на язык документов. - В военных академиях преподавали, что единственный способ - подрыв, а я ее разрядила. Ее в Москву и увезли, в академию ту самую.

- Это я тоже читал. Но хвалить вас не буду и не хочу. Каждый должен заниматься своим делом. Когда вы планируете начать работу отряда?

- С лета. И около болот подсохнет, и ребята со школой управятся.

- А я до этого времени все постараюсь узнать насчет саперов. Идет?

Михаил Андреевич встал.

- Но я вас в покое не оставлю, - встала и Лена. - Я буду каждый день к вам приходить.

- Каждый день не надо, у меня кроме ваших и другие ведь дела есть, а в двадцатых числах загляните.

- Ладно, - согласилась на срок Лена, - До свидания.

"Чистая Сонька Грач, - подумалось Черданцеву, но представить Лену в возрасте Сони не смог и уточнил для себя: - По характеру".

Еще раз, теперь уже внимательно, просмотрел лежащие в папке бумаги. Развернул карту района с красными пятнами карандашных штрихов - места, не проверенные еще с времен войны. Внизу, в самом углу, район захватывали синие полосы - заповедник. На следующей карте достаточно умелой рукой была нанесена схема боевых действий на территории района. Рябило

от красных и синих стрел, множества пометок. Третья карта, вернее срисованные под кальку контуры района, принадлежала отряду "Память" и была подписана, надо полагать, Леной. Места, где следопыты нашли останки воинов, помечались крестиками.

В дверь постучали, на этот раз робко, может быть, даже с надеждой, что он не услышит и посетителю тогда можно будет с чистой совестью уйти восвояси.

- Входите! - крикнул Черданцев.

За дверью опять замешкались - собирались с духом.

- Входите, - повторил майор.

- Можно? - на всякий случай еще переспросила, входя, посетительница.

Сонька, Сонька, что ты там говорила, как бы это он не узнал Аннушку?! По одной стеснительности бы узнал, по смущению. По открытому широковатому лицу, по взгляду, по рукам, теребящим край платка, да просто сердце бы подсказало, стукнуло - она! Аня!

- Аннушка...

- А я Лену встретила, она похвасталась, что у вас была, - начала торопливо оправдываться Аня, замерев у порога. - Говорит...

- Здравствуй, - перебил ее Черданцев. Торопливо вышел из-за стола навстречу. Она протянула руку - может, даже для того, чтобы он не подходил близко, а он взял ее в свои ладони, легонько сжал, задержал.

- А я Лену знаю, мой Сашка с ней в лесах ковыряется, - продолжала оправдываться Аня, осторожно вытаскивая руку из ладони Черданцева и оглядываясь на дверь. - Дай, думаю, загляну, раз мимо иду. Поздороваюсь.

- Здравствуй, - повторил Михаил Андреевич.

- Здравствуй.

- Проходи, садись. Нет-нет, вот сюда, к этому столику. На самое удобное место.

Аня осторожно опустилась в низкое кресло, прикрыла колени ладонями. Потом потянула с журнального столика газету, повертела ее для приличия и оставила у себя. Увидев, что Черданцев понял ее уловку, зарделась, наклонила голову.

- Ты знала, что я уже здесь? - замял неловкость майор.

- Да, конечно, Сонька тогда, до праздников, сразу зашла, сказала, что встретила тебя. Я... я потом ходила к грушенке, но ты уже уехал...

- Аня, - Михаил Андреевич взял ее руку, но она вновь оглянулась на дверь, занялась газетой.

- А я в район насчет комбикормов... А тут Лена похвалила тебя, понравился ты ей... А ты теперь вон какой стал. Начальник.

- Я в село собирался после праздников приехать, сейчас просто много всяких мероприятий, праздники один за другим. Тебя очень хотел увидеть.

- А Лена хоть и молодая, а справедливая...

- Я поставлю чай, - поднялся Черданцев.

- Нет-нет, я уже и так засиделась, - остановила его за руку Аня. На мгновение задержала ее - на самое малое мгновение, но майора обдало жаром. Словно почувствовав это, Аня отдернула руку, вновь схватила газету-спасительницу. - Я пойду, я же не одна приехала. А то девки будут искать по всем магазинам. Повидались - и пойду.

- Теперь часто будем видеться, да?

Аня ничего не ответила. Встала, оглядела кабинет: хорошо ли, уютно устроился, почтительно и бережно дотронулась до стекла на столе. Чувствовалось, что и ей, как и Соньке у грушенки, не хотелось расставаться, уходить. Завтрашние встречи только молодым сулят трепет, а таким, как она, уже и тревогу: а как разочаровала? И тянется, тянется миг, который сейчас, сию минуту, твой. В сегодняшнее еще верится, в завтрашнее - уже с трудом...

- Это ничего... что я зашла?

- Было бы плохо, если бы прошла мимо.

- Правда?

- Правда.

Улыбнулась, пригладила волосы. Вновь провела пальцами по стеклу, но теперь уже как человек, которому можно это сделать.

А у Черданцева мелькнуло, озарило воспоминание из его последнего приезда в село. Председатель попросил, и он помогал колхозу грести сено. А вечером, возвращаясь с луга, чуть приотстал с Аннушкой от остальных. Бабы несколько раз оборачивались, громко говорили и громко смеялись - может, даже и про них, но они не стали никого догонять, даже делать вид, что рядом оказались случайно. Это была их последняя встреча, и они дарили ее себе хотя бы так. Шли, изредка касаясь плечами друг друга. Вспоминали то немногое, что было у них. Вернее, было многое, но - мало. Совсем мало. А теперь выходило, что судьба разводила их совсем, навсегда. И тогда перед самым селом, выставив для доказательства и оправдания пыльные потные руки, он сказал:

- Надо бы искупаться. Ты не пойдешь?

- На озеро, что ль? Еще грязнее станешь.

- Нет, я сейчас сразу на Тару. Как в детстве - в темноте, по лунной дорожке.

- И в двенадцать часов ночи...

- Да, в двенадцать вода теплее.

Аня промолчала, не дала никакого намека, но он, придя домой, схватил полотенце и поспешил к Таре. Искупался раз, второй, залез в третий Аннушка не появлялась. Не поняла его или просто не смогла? Или не захотела? К тому времени прошло уже два года, как не стало ее мужа, и ее ничто не держало, разве только скотина в хлеву. Но корову подоить, поросятам задать корм - час времени.

Но Аня не пришла ни через час, ни через два. Дрожа от холода, он пришел домой, попытался согреться парным молоком.

- А я уж забеспокоилась - ненароком не залился б: нету и нету. Картошку вон потолкла со смальцем, накладывать? - спросила мать.

- Не, мам, ничего не хочу. Пойду спать.

- Куда ж на пустой желудок-то - ерунда присниться. Да и целый день вилами махал.

- Не хочу.

Лежал, думал об Ане. Прощался. Несколько раз приподнимался, готовый, как в юности, идти к ее дому, но что-то останавливало. Да и мать не ложилась до полуночи, ходила по дому и сенцам, перебирала вещи - что брать с собой в далекую Дальнюю Востокию, что раздарить подругам.

А при отъезде, когда все село пришло к их машине - уже не к заколоченной избе, а к машине, груженной самым дорогим, с чем не могла расстаться мать, - при проводах, на людях они с Аней постеснялись подойти друг к другу. Помахали руками - все махали и всем махали. Плохо расстались. Может, потому и встретились опять?

- Ты знаешь, а у меня все эти годы было желание - искупаться в Таре. Ночью. Сегодня как раз собирался поехать, - на ходу решил Черданцев. Может, ты бы подошла?..

- В двенадцать часов ночи? - глянула из-под бровей Аня и тут же отвела взгляд. Но добавила: - И опять обманешь?

- Как... опять? - майор замер от страшной догадки. - Почему - опять? надеялся все-таки он на обратное. - Ты... приходила тогда?

- Приходила. Ровно в двенадцать.

- Погоди. - Михаил Андреевич вытер потный лоб, потом схватил Аню за плечи. - Но ведь я же ждал. Я побежал на реку сразу же, как только пришел домой.

- Но мы же договорились в двенадцать.

- В двенадцать?! Черт! Идиот. Я думал - сразу, про двенадцать мы просто говорили... Да, но об этом сказала ты, и я должен был догадаться... Прости. Прости, Аня. А я лежал на сеновале и думал, почему же ты не пришла.

- А я ходила по берегу и тоже думала, почему ты но пришел.

Михаил Андреевич привлек Аню к себе, поцеловал в лоб. И она не отшатнулась, прильнула, замерла. В этот момент скрипнула дверь, они отстранились друг от друга, как школьники. Оглянулись, но уже никого не было.

- Я побегу, правда, побегу, - красная от смущения, пошла к двери Аня.

- Я сегодня ночью приеду. Сегодня - точно приеду. И буду ждать всю ночь. Придешь?

- Не знаю, - не оборачиваясь, пожала плечами Аня и выскользнула из кабинета.

Глава 5

"СОХРАНИТЬ ПЛАЦДАРМ". - "АРМИЯ ДЛЯ НАС - ЭТО ВСЕ". - ГЕНЕРАЛЫ ПОМНЯТ, ЧТО ОНИ ПРЕЖДЕ ВСЕГО - СОЛДАТЫ. - Б. КАРМАЛЬ - АГЕНТ ДАУДА? - КУШКА СТРОГО НА СЕВЕР.

Документ (из секретной переписки американских внешнеполитических ведомств по Афганистану):

"11 мая 1978 г., №3805.

Из посольства США в Кабуле.

Госсекретарю, Вашингтон, Доложить немедленно.

Конфиденциально.

На № 116319 из госдепа.

1. ...Ожидание, "когда осядет пыль" для начала диалога по вопросу помощи, может исключить в будущем возможность маневра в отношениях с новым режимом.

2. Мы еще не в состоянии определить, можно ли квалифицировать новое афганское правительство как коммунистический режим... Правительство Тараки неоднократно отвергало этот ярлык и поэтому до сих пор даже не употребляло слово "социалистическое" в своих публичных заявлениях или беседах с нами... Новое руководство, несомненно, пришло к власти через насилие и кровопролитие, но оно может утверждать, что это было необходимо для свержения "тиранической диктатуры" Дауда...

3. ...Ожидая слишком долго, мы рискуем дать повод правительству Тараки прийти к заключению, что оно лишено экономического выбора, кроме полной опоры на Москву и ее сателлитов.

Заместитель председателя Бабрак прямо дал мне об этом понять сегодня утром...

... 9. Короче говоря, мы считаем, что сейчас необходим зондаж, с тем чтобы сохранить здесь в возможно большей степени наш плацдарм...

И мы уверены, что такой жест сохранит для нас право политического выбора...

11. Просим быстрейших указаний. Я уже начал ряд визитов новым министрам, как и другие послы, и если я воздержусь от визитов к министрам... то это будет замечено.

Начало мая 1978 года. Кабул.

Первой официальной делегацией в Афганистан ЦК решил послать военных, что совпало и с интересами афганцев. Маршал Огарков в это время присматривал кандидатуру начальника управления, занимающегося военными советниками, и лучшей возможности проверить кандидатов найти было трудно. Руководителем группы он назначил одного из претендентов - генерала Зотова.

Инструктаж провел предельно кратко:

- Цель вашей поездки, Николай Александрович, - посмотреть, что собой представляют вооруженные силы Афганистана. Если попросят, дать рекомендации по их совершенствованию. Жду ваших докладов.

На аэродроме в Кабуле группу встретили Амин и Кадыр.

- Товарищ Тараки знает о вашем приезде, но сейчас очень занят, - после традиционных приветствий сообщил Амин. - Он хотел, чтобы вы побывали в войсках, а потом, при встрече, посоветовали бы что-нибудь в нашей работе.

- А мы затем и прилетели. - Зотов оглядел свою группу. Немногочисленна, конечно, но было бы что смотреть.

Тараки их принял, когда они и в самом деле помотались по частям и гарнизонам.

- Как вам наша армия? - улыбаясь, спросил Тараки и, на дожидаясь ответа, гордо произнес: - Орлы. Армия сделала революцию, и она для нас все. Если у вас в стране диктатура пролетариата, то у нас, из-за отсутствия рабочего класса, - диктатура армии. И мы хотим, чтобы она по всем параметрам оставалась на высоте. У нас марксистско-ленинская партия, такой же марксистско-ленинской должна стать и армия.

- Товарищ Тараки, ну как же она может быть марксистско-ленинской, если ею управляют муллы, - попытался вернуть к земным армейским проблемам возбужденного Генерального секретаря Зотов.

- А что надо сделать? Как у вас? Мы дадим команду, исправим.

- У нас воспитанием солдат, поддержанием их боевого духа

занимаются политработники.

- Да? - Тараки задумался, потом отыскал взглядом министра обороны: Надо и нам сделать точно так же, товарищ Кадыр. Я забибу11 себе не нажил, и пока ничего страшного не случилось, - под улыбки присутствовавших потер свой лоб Нур Мухаммед. - Расскажите-ка, что нужно для создания института политработников, какому делу учить их.

- Товарищ Тараки, это долгая работа, мы лучше составим схемы, таблицы и передадим вашим товарищам военным. Первое, и главное, - это подобрать хорошего начальника Главного политуправления.

- Товарищ Амин, - повернулся Тараки в сторону Хафизуллы. - Надо подобрать хорошего начальника Главного политуправления. Завтра сможете его нам представить?

- Смогу, - чуть подумав, утвердительно кивнул тот. - Я думаю, товарищ Экбаль Вазири справится с этой должностью.

- Давайте назначайте, чтобы он мог поближе познакомиться с советскими товарищами. Армия - это цвет нашей нации, - опять перешел на любимую тему Тараки. - Запад кричит, что у нас произошел военный переворот, а мы говорим - революция, свершившаяся под руководством военных и силами армии...

- Ну что ж, молодцы, - похвалил Огарков, когда вечером Зотов доложил ему о встрече и разговоре с Тараки. - Я думаю, наш Главпур проявит расторопность и группа политработников еще успеет прилететь в Кабул до вашего отлета.

19 мая 1978 года. Москва.

Приемная начальника Главпура, с самого утра была заполнена генералами, принадлежность которых к родам и видам войск можно было понять по сувенирам, которые они держали на поздравительных адресах, - танки, самолеты, пограничные столбы, ракеты, опять танки, корабли... Епишев принимал поздравления с семидесятилетием, делегации; ревниво следили за очередью в кабинет, но генерал-майор Заплатин, глянув на часы, решительно протиснулся к столику порученца:

- Мне назначено на двенадцать.

Порученец сверил время, поднялся, неторопливо и с достоинством скрылся за дверью кабинета Епишева. Генералы, ждавшие приглашений, уныло посмотрели на рабочую тетрадь в руках Заплатина, вздохнули, стали занимать свободные стулья: не успели проскочить и откланяться - теперь жди. Сколько часов просижено вот так перед дверьми начальства!

- Пожалуйста, Василий Петрович, генерал армии ждет вас, - вышел порученец.

Присутствующие, в глубине души еще надеявшиеся, что в

свой день рождения Епишев не станет заниматься делами, вздохнули уже окончательно и обреченно, начали перечитывать известные, наверное, до последней запятой тексты поздравлений.

Заплатин вошел в предусмотрительно оставленную открытой дверь. Алексей Алексеевич поднялся из-за стола, уже заставленного боевой техникой, встретил генерала посреди кабинета.

- Что, не дали мы тебе погулять по Германии? - спросил с улыбкой и пригласил к столу заседаний, тянувшемуся вдоль стены. - Сколько дней пробыл в командировке?

- Два.

- Что ж, мне вот тоже... - кивнул на стол и на дверь в приемную Епишев, - не дают отдохнуть. А теперь скажи, тебя куда хотели советником послать?

- В Алжир.

- А слышал, что в Афганистане произошла революция?

- Знаю, - расставил более точные акценты генерал.

- Там какие-то фракции в партии, знаешь? - не оставил без внимания поправку Заплатина начальник Главпура.

- По газетам.

- Мы с министром обороны решили послать тебя советником к начальнику афганского Главпура, которого, кстати, еще не назначили. Как?

- Я солдат.

- Когда генерал говорит, что он - солдат, это отрадно слышать. Тем более от политработника. Но мы и не ожидали от тебя иного ответа. Как там действовать - решай на месте. Вот и все. Собирайся в дорогу. Подожди, Пономарев просил позвонить ему.

Епишев тяжеловато поднялся, прошел к своему рабочему столу. Поднял трубку "кремлевки":

- Борис Николаевич? Отобрали. Заплатин. Беседовать будете?

По согласительному кивку начальника Заплатин понял, что ехать на Старую площадь, в ЦК, придется. Но это хорошо, раз уж свалился ком на голову, надо отряхиваться. И как можно больше информации получить здесь, сейчас, в Афганистане уповать придется только на себя.

Выйдя из кабинета, с улыбкой посмотрел на подхватившихся со своих мест генералов. У кого-то упал, покатившись по красному ковру, медальон с Гербом Советского Союза, и все покрепче ухватились за свои подарки и поздравления. Не обращая внимания на откровенную ухмылку Заплатина - был бы на нашем месте, сам бы сидел здесь, - как на Бога, посмотрели на порученца: кому можно?

Василий Петрович выбрался из приемной, в дверях чуть не столкнувшись с новой группой поздравляющих - судя по форме, речников и авиаторов. Вспомнил, что скоро день рождения у жены.

- О-о, наш папа сегодня со службы раньше срока? - неподдельно удивилась она, когда он пришел домой.

Выбежавшая из спальни дочь тоже остановилась, посмотрев на часы. И генерал, наверное, впервые остро почувствовал, насколько мало внимания он уделял семье, если даже приход со службы раньше семи вечера для них удивление и беспокойство. Виновато улыбнулся.

- Товарищ генерал, вы сбежали со службы? - подойдя с одной стороны, лукаво спросила жена, стараясь скрыть за этим свое беспокойство: неожиданный вызов из командировки, задумчивый взгляд мужа говорили сами за себя.

- В честь маминого дня рождения? - прошептала из-за другого плеча Оля, тоже как-то стараясь оттянуть известие, с которым пришел отец.

Он обнял их:

- День рождения будем встречать в Кабуле.

- Где?! - одновременно отстранившись, хором спросили Вика и дочь.

- А вы что, не знаете, что Кабул - это столица Афганистана? Дочь, ты же в школе работаешь. Непонятно...

- Какой Афганистан? А сегодня звонили братья, сестра, обещали приехать...

Василий Петрович так посмотрел на жену, что она окончательно поняла, где будет праздновать свой день рождения.

- Папочка, а я? С вами? - осторожно спросила Оля.

- Нет. Ты остаешься. Одна. Все, времени нет. Начинаем собираться.

30 мая 1978 года. Кабул.

- Экбаль.

- Генерал-майор Заплатин. Василий Петрович.

Они пожали руки - советник и подсоветный, оглядели друг друга. Начальник афганского Главпура оказался худым, немного сутуловатым, но вроде бы живым и бойким. А главное вполне прилично говорящим по-русски. Революция освободила его из даудовской тюрьмы, где он просидел три с половиной года, но тут же призвала в свои ряды. Да Амин и не мог оставить в стороне или даже на отдыхе своего заместителя по военным вопросам.

Когда-то, еще будучи преподавателем математики в школе, Амин лично принял одного из своих учеников, Экбаля, в партию.

Отличник, активист, Экбаль имел право выбирать дальнейшее место учебы, и он пришел за советом к Амину.

- Если хочешь заработать много денег, езжай в ФРГ. Если послужить родине и народу - в СССР.

Экбаль выбрал МГУ. И ему, единственному афганскому студенту в Союзе, Амин разрешил не только держать связь с военными - членами партии, обучающимися в советских академиях и училищах, но и принимать в НДПА новых кандидатов. С этого момента, собственно, он и стал отвечать вместе с Амином перед ЦК за военные вопросы. И когда потребовался начальник Главного политуправления, другой кандидатуры у Амина не возникло...

- Ну что, будем работать, товарищ Экбаль?

- Будем. А сейчас пойдемте, я провожу, отдохнете с дороги.

- Товарищ Экбаль, я не о завтрашнем - о сегодняшнем дне говорю. Что у вас по плану?

- Отбираем офицеров в политработники. Каждый полк присылает своих кандидатов, мы их рассматриваем. Товарищ Тарани сказал, чтобы было все, как у вас в армии.

- Как у нас не надо. Я уже сказал товарищу Тарани, что у нас свои особенности, у вас - свои, у нас все-таки шестьдесят три года прошло после революции, у вас - всего месяц. Давайте учитывать с самого начала и эту разницу, и специфику наших стран.

- Хорошо, товарищ генерал, - согласился Экбаль.

- Тогда давайте приглашать людей.

Однако уже после второй беседы с кандидатами в политработники Заплатин спросил подсоветного:

- Что это вы переправляете их всех ко мне? Вы должны отбирать людей, товарищ Экбаль, потому что вам с ними работать. Кем вы им представляетесь?

- Я? Вашим переводчиком, - улыбнулся находке Экбаль.

- Что-о? Зачем?

- Да неудобно, люди заходят, а я - начальник...

- Да, вы - начальник Главного политического управления народных вооруженных сил Афганистана, товарищ Экбаль. И попрошу держаться как начальник Главпура, а не как переводчик. Извините за резкость, но так начинать свою службу нельзя.

- Хорошо, товарищ генерал, - смутившись, опустил голову подсоветный.

Однако через некоторое время Василий Петрович вновь остановил прием:

- А почему на политработу рекомендуются одни халькисты? А где представители "Парчам"?

Теперь пришло время Экбалю посмотреть на своего советника

с недоумением:

- Так политработниками должны стать лучшие люди.

Недоумение вновь вернулось к Заплатину: в партии и армии уже произошло разделение на лучших и худших? Борис Николаевич Пономарев как раз и просил на беседе в ЦК, чтобы всячески удерживать партию от раскола. А она, выходит, уже размежевалась даже в таком вопросе, как назначение политработников.

- Но ведь Бабрак Кармаль тоже парчамист, а тем не менее занимает второй пост в партии.

- Да, но все равно Бабраку не доверяют товарищи Тараки и Амин, не доверял ему и товарищ Хайдар, наш лучший партиец. Мы все тоже считаем, что Кармаль был агентом Дауда.

- Вот как? - Разговор вклинивался в самые болевые точки отношений в партии, но Василий Петрович не стал прерывать Экбаля, хотя и чувствовал, что это напоминает перетряхивание чужого белья. Однако, не перетряхнув, можно остаться слепым котенком, не знающим, что творится и что может случиться у него под носом. Ради этого ли он сюда ехал? - У вас есть доказательства?

Экбаль немного посомневался, стоит ли развивать эту, тему дальше, но что-то, видимо, расположило его в генерале Заплатине, и он решился:

- Перед самой революцией Бабрак Кармаль завел разговор с товарищем Амином. "Если Дауд нападет на нас, сможем ли мы ответить?" - спросил он. Доступа к армейским партийным структурам у Бабрака не было, и он не знал, каковы наши истинные силы. Товарищ Амин не стал раскрывать карты, у нас вообще не положено в партии интересоваться этими вопросами, и ответил, что обороняться мы не сможем. И именно поэтому Дауд ударил не по армии, а по руководству партии, арестовав его. И просчитался.

- Спасибо за информацию, - на этот раз остановил разговор Заплатин.

Итак, картина ясна. Если руководство "Хальк" считает лидера "Парчам" предателем, ни о каком сотрудничестве двух фракций говорить не приходится. По крайней мере в обозримом будущем. "Извините, Борис Николаевич, но я приехал слишком поздно, чтобы выполнить вашу просьбу", - мысленно обратился он к Пономареву.

В дверь постучали, вошел офицер. Посмотрев на Экбаля и Заплатина, выбрал последнего и обратился к нему:

- Товарищ генерал, политработники танковой бригады...

- У вас есть начальник Главпура, докладывайте ему, -

остановил его Заплатин.

Необходимое послесловие. В январе 1980 года, после прихода к власти Бабрака Кармаля, Экбаль будет обвинен в пособничестве американскому империализму. Основным подтверждением этому послужит то, что в НДПА его приняли во рекомендации Амина и долгие годы они работали вместе.

Десять лет тюрьмы, из них шесть - без каких-либо известий о семье. И только в конце 1990 года президент Афганистана Наджибулла распорядится выпустить из Пули-Чархи 17 халькистов, работавших при Амине, примет их у себя.

Экбаль при первой же возможности (вызов сделает родственник, работавший в посольстве Афганистана в СССР) приедет в Москву. В ташкентском аэропорту, дожидаясь дозаправки самолета, увидит прилетевшую в Советский Союз следующим рейсом жену Амина. У них будет две минуты времени, и она сообщит, что младший сын ее учится в Ростове, дочери - в Киеве, едет к ним в гости.

Первому Экбаль позвонит Василию Петровичу Заплатину.

- Я знал, что мы встретимся, - обнимая бывшего подсоветного, скажет генерал. И, верный себе, поправится: - Я хотел верить, что встретимся.

В Москве в те предновогодние дни 1990 года было слякотно, но Экбаль, еще более похудевший, ссутулившийся, отрастивший усы, ставший менее живым и жизнерадостным, в том же самом пальтишке и свитере, в которых ходил и до ареста, посетит не только всех товарищей по службе и учебе в МГУ, но и обойдет все места, памятные по студенческой поре. А после этого засобирается обратно в Кабул.

Начало июня 1978 года. Москва - Кабул.

Вслед за политработниками в Афганистан срочно вылетела еще одна группа - теперь уже советники для командиров полков и дивизий. Собирали ее спешно, и большей частью в нее попали офицеры, которые и не помышляли для себя этой службы. Просто к этой минуте их личные дела оказались под рукой у кадровиков - кого-то куда-то перемещали, выдвигали, назначали, а тут приказ: отобрать советников в одну из южных стран. Для кадровиков благодать: документы проверены, оформлены, и дел-то всего оставалось заполнить одну графу "кем назначается". Так почему бы и не советником?

- Станислав Яковлевич, а что, если вместо должности инспектора Генерального штаба мы предложим вам место советника в Афганистане? предложили, например, полковнику Катичеву.

Тот, сдавший должность начштаба Таманской дивизии,

прикинул: инспектор двести дней в году в командировках, советник - два года. Но в первом случае - ездить, а во втором - сидеть. После же службы в Таманской, "придворной", дивизии, когда все комиссии и иностранные делегации - к ним, так хотелось спокойствия...

- Давай, соглашайся, - продолжали уговаривать знакомые в кадрах. - В странах, где произошли революции, минимум два года после этого спокойно: пока они там разберутся, кто за кого и кто кому чего должен. Как раз на твой срок. Ну?

Согласился.

Приблизительно так же отобрали и остальных. Переодели во все иноземное - почему-то советник, выезжающий за рубеж, обязан до последней нитки быть одетым в "маде ин не наше", прочли лекцию, и - здравствуй, Восток. Приехали добры молодцы не постигать твои тайны и мудрость твоего народа, а сразу советовать. Ох, сколько копий сломано, сколько возможностей упущено, сколько дров наломано из-за таких кавалерийских атак из года в год!

Ни словом единым не попрекают самих советников: как правило, это были и есть трудяги, прекрасно знающие, как строить стрельбище, как водить в наступление полки и бригады, ремонтировать технику, но совершенно не наученные хотя бы оглядываться, хоть чуть-чуть прогнозировать события с учетом обстановки в мире, находить связь между законами Востока и воинскими уставами. Советник в конечном итоге - это такая же профессия, которой надо учиться, и роль Генштаба здесь, конечно, заключается не в том, чтобы подобрать людей и костюмы для них. Пока не будет серьезной школы с серьезным обучением, у нас не наметится и серьезных успехов в этой области. Личные качества советника - это, конечно, многое, но не все. Далеко не все.

Только все мы умны, конечно, задним числом. Тем более что в Кабуле группу встретили хорошо и уже целых три дня - против одного московского вновь читали лекции по Афганистану. Если не профессора, то доценты с кандидатами, как минимум, должны были разлететься по всей республике в свои подсоветные части.

- Катичеву повезло, в Герат попал. С его ростом оттуда можно и Кушку увидеть, - пустил кто-то по кругу шутку, и каждый, прощаясь, просил Станислава Яковлевича поклониться родной земле.

Встречал полковника в Герате назначенный туда чуть ранее советником в пехотный полк майор Бесфамильный. С аэродрома провез своего начальника по городу, завел в несколько дуканов. Как ни давили экзотика и обилие товаров в них, но Катичев не

позволил себе забыть, кто он и где находится. В одном магазине, почувствовав на себе взгляд, резко обернулся. Старик, сидевший на нарах за швейной машинкой, опустил голову, торопливо принялся простречивать дубленку.

- В дуканах все есть, - попытался отвлечь полковника от неприятного ощущения Бесфамильный, тоже заметивший взгляд старика дуканщика. - А чего нет, закажи - завтра будет.

- Ладно, поехали в дивизию, - прервал экскурсию Катичев.

Садясь в "уазик", оглянулся из-за плеча на дукан. Вновь показалось, что из темной глубины магазинчика за ним следят глаза старика. Чтобы проверить себя, посмотрел на майора. Тот беззаботно грыз галеты, и Станислав Яковлевич немного успокоился: излишняя подозрительность тоже ни к чему.

- Где Кушка-то, в какой стороне? - вспомнил наказы сотоварищей.

- Строго на север, - выставил Бесфамильный ладонь прямо перед собой.

Нет, не видать было Катичеву родной земли даже с его ростом. Как, впрочем, не увидел он и местного врача, наблюдавшего за машиной из соседнего дукана.

Глава 6

КАК ЗАРАБОТАТЬ ПОЩЕЧИНУ. - ЖЕЛТОРОТИК ПОКАЗЫВАЕТ КОГОТКИ.

- "ПРИЕЗЖАЙТЕ ВЫ".

28 мая 1978 года. Суземка.

Пощечины зарабатывают или нетерпеливые, или слишком наглые.

Старший лейтенант Борис Ледогоров заполучил ее ни за первое, ни, тем более, за второе. А значит, совершенно несправедливо и незаслуженно.

Желторотик, как он окрестил Желтикову Лену, сопровождавшую их по лесу, неожиданно полезла в полуразрушенную землянку, и он хотел удержать ее, схватить за руку. Но девушка в этот миг подняла ее, и пальцы Бориса вцепились в обтянутое спортивным костюмом бедро пионервожатой. И прежде чем он успел извиниться, что-то сказать и объяснить, хо-о-ороший шлепок по щеке сбил фуражку, заставил его от неожиданности отпрянуть. Нога подвернулась, и, чтобы не упасть, он отпрыгнул еще дальше от девушки.

- Достаточно? - спросила она.

Злясь на несправедливость, нелепый прыжок, а главное, ехидство в голосе, старший лейтенант, отвернувшись, посмотрел на поднимавшего его фуражку курсанта и отчеканил:

- Отвечаешь за то, чтобы ни к одному блиндажу, ни к одной

траншее или воронке посторонние не приближались и близко.

- Есть, - неуверенно отозвался курсант, так и не понявший, что же произошло между командиром и пионервожатой.

Зато до той дошло:

- Это я здесь посторонняя? Я? Да я, можно сказать, родилась в этом лесу. Я исходила его вдоль и поперек, я обезвредила столько мин, сколько вы и в глаза, наверное, не видели. Я эти блиндажи и землянки...

Она вознамерилась вновь спуститься в сумрачный развал, но старший лейтенант на этот раз ухватил именно за руку и буквально вышвырнул Желторотика на поляну.

- Когда будете одна, лезьте хоть... головой в прорубь, - лучшее, что нашел посоветовать Борис.

- Спасибо, - поклонилась Лена.

- Пожалуйста, - сделал то же Борис.

- На здоровьице, - не сдавался Желторотик.

Борису пожелать больше было нечего, и он, махнув рукой, начал осматривать место, куда они вышли.

За землянкой, сцепившись сучьями, стояли два могучих дуба - с ободранной корой на стволах, засечками, зарубками, какими-то пометками белой краской. Вообще-то давно замечено, что самые могучие деревья всегда растут около лесных дорог и тропинок. Или, наоборот, это люди прокладывают свои тропы рядом с лесными великанами, надеясь на них как на защиту и ориентиры?

Белыми пятнами звездочек-цветков обозначались земляничные места. На тонких ножках, но высоко и гордо поднимались над травой фиолетовые колокольчики. Ну и совсем по джентельменски лес выпустил на середину поляны несколько березок в молоденьком, еще не опаленном солнцем, не побитом дождями светло-зеленом инее листвы.

Ледогоров прошел к ним, опустил на землю миноискатель, раскатал зажатую в ремни плащ-накидку. Курсант, так и не поняв, насколько серьезно ему отдан приказ следить за девушкой, тоже снял с плеч вещмешок, но от землянки не отходил.

- Перекур, - ни к кому конкретно не обращаясь, сказал Борис и прилег на плащ-накидку. Некоторое время смотрел на небо, окаймленное верхушками деревьев, потом прикрыл глаза.

Как не вовремя случилась эта командировка! Вот-вот должен был решаться вопрос, кого назначить ротным, а его, одного из кандидатов, - с глаз долой. Видите ли, срочно потребовался опытный сапер, об этом просят областной Совет, обком партии, военкомат, совет ветеранов войны и труда. Кого они там еще приклеили? А, милиция, исторический музей и прокуратура. А в

итоге один Желторотик. Шустрые ребята оказались.

- Вы там посмотрите сами, что к чему, - особо, правда, не настаивал на работе и командир полка. Но, глянув на сидевшего в кабинете майора-военкома, поправился: - Сплошные минные поля не трогать, а единичные объекты - на ваше усмотрение. Михаил Андреевич, - обратился он к майору, даем вам самого лучшего сапера в полку.

- Спасибо. Вот это по-ракетному.

- По-десантному, - поправил комполка. - И сделаем так. Он проведет разведку местности, определит объем работ, доложит нам, и в зависимости от этого уже будем ориентироваться - сколько и на какое время посылать к вам саперов. Ну а вы тем временем добивайте штаб округа и штаб ВДВ.

- Это я беру на себя. Спасибо, спасибо вам.

Единственное, что успел выпросить еще Ледогоров, - это взять с собой одного из курсантов, приехавших в роту на стажировку. И вещи поможет потаскать, и практику получит, и просто вдвоем веселее, чем одному.

- Серега, разводи костерок, ставь обед! - крикнул он, приподнявшись.

Курсант - молодец, практика уже есть! - вначале осмотрел место, проверил его миноискателем, потом начал таскать сухие ветки. Лена собирала цветы, не обращая на них никакого внимания. Чтобы занять себя, Борис достал из полевой сумки карту района, отыскал, где они находятся. Поставил точку почти в центре коридора между красным и синим пятнами. Красное - километрах в двух, синее - совсем неподалеку. Вроде чей-то заповедник или зона отдыха. Короче, тоже для них красное пятно. Пионервожатая еще в военкомате кивнула на него:

- Говорят, сам Брежнев здесь охотится. А по моим сведениям, там незахороненными лежат сотни, если не тысячи солдат из московского ополчения. Охотиться по их костям... - Лена передернулась.

Факт, конечно, был жуткий, но Борис все-таки попытался уточнить:

- Вы знаете это точно или только говорят об этом?

Спросил не зря. Разговоры и слухи про Брежнева, буквально вспыхнувшие в последнее время, выводили его из себя. Язвят про те же награждения - но сам он, что ли, себя награждает? Тем более если присваивают звания, дают ордена чехи, монголы, бразильцы. Не Брежнева ведь почитают, а в первую очередь страну, которую он представляет. Как этого не понимают?! Советский Союз уважают, и почему мы должны смеяться над этим? Книги пишет? Но ведь и так всем ясно, что не сам Брежнев

их писал. Тем более интересные, там есть что почитать, не то что в некоторых. А сколько лет страна без войны? И что, это тоже все без Брежнева, само собой получилось? Да был бы другой, еще неизвестно, что бы было в стране и со страной. И если каждый Желторотик...

В этот момент и стала для него Лена Желтикова Желторотиком. Попадание в яблочко - и по фамилии созвучно, и по пустой напыщенности и многозначительности.

Пионервожатая, еще не знавшая, что она уже Желторотик, хмыкнула на его вопрос об охоте: конечно, она не знала ничего толком, но дыма-то без огня не бывает. Ну, не Брежнев, так кто-то другой, какая разница. Главное, там люди не захоронены, а ее отряд за ограду не пускают.

- Товарищ старший лейтенант, что открывать? - Курсант приподнял рюкзак с продуктами.

Женщина хороша у плиты в домашних условиях, когда все под рукой и есть выбор. А если в запасе пачка галет да несколько консервных банок, ее лучше приглашать к столу с уже поделенными порциями. Словом, с изобилием женщина лучше справляется, а вот с экономией - не всякая и не каждый раз. Поэтому пусть лучше собирает цветочки.

- Подогрей тушенку и две банки - с рисом и гречкой. Фляжки полные?

- Так точно.

- Вскипяти одну.

- Есть, понял.

- Извините, - подошла этим временем Лена, - а вы... работать к нам приехали или... - она кивнула на дымок, уже поднимавшийся гибкой тонкой лентой к небу.

- Извините и вы, - повернул к ней голову старший лейтенант и любезно улыбнулся. - Но в армии, будет вам известно, не работают, а служат.

- Какая разница!

- Не скажите, очень большая, - подперев голову рукой, начал рассматривать Желторотика Борис. Появившиеся, видимо, по весне крапинки вокруг носа и сам носик, вздернутый, а если смотреть вот так снизу - то вообще две темные дырочки, острый подбородочек, чуть ли не детская фигурка - Господи, неужели она и вправду подумала, что ему захотелось ущипнуть ее за ногу? Он потер щеку, и Лена, поняв, о чем он подумал, хмыкнула. Гордая, присела на свою штормовку, отвернулась. - Большая разница, - вернулся к теме разговора Борис. - Понимаете, - как маленькой, начал растолковывать он девушке, - под словом "работа" подразумевается какое-то определенное время. Допустим, у нас в

стране восемь часов. Вся остальная деятельность сверхурочно, но, кажется, уже и оплачивается по-другому. А армия тем временем служит, то есть она все двадцать четыре часа двадцать пять лет подряд имеет право владеть мной, им, - он указал на курсанта. - А вот когда кто-то посторонний начинает предъявлять к армии и к ее офицерам свои права... - Борис вновь потрогал щеку.

- Вы меня извините, конечно, - виновато - наконец-то! - посмотрела в его сторону Желторотик. - Я просто подумала, что вы...

Не стоило, наверное, Борису так откровенно улыбаться ее наивности. Лена вспыхнула, отбросив букет, резко встала и пошла в лес.

"Ишь ты, обиделась. И впрямь гордая", - подумал старший лейтенант, но, чувствуя на этот раз вину за собой, поднялся. Синий костюмчик Лены еще был виден среди зелени кустов, и Борис поспешил за девушкой. Догнал ее около заросшего рва, извивающегося среди деревьев.

- Траншея, - тихо сказала Лена, словно между ними ничего не произошло. - Здесь сильные бои были. И все заросло. Вот так и память зарастет.

- Пока есть вы, не зарастет, - желая сделать девушке приятное, сказал Борис. Боясь, как бы это не прозвучало слащаво, торопливо добавил: - Время просто свое берет. - И, продолжая тон примирения, произнес: - Но сколько же надо отрядов, чтобы поднять всех павших?

- Знаете, пока последний солдат не похоронен, война считается неоконченной. Кажется, это Суворов сказал. Но страшнее другое: пока они... здесь, - Лена присела перед траншеей, - они считаются не погибшими за Родину, а пропавшими без вести.

- Многих удалось установить?

- Три человека. Мало? Но все дело в том, что, когда солдаты попадали в окружение, они старались уничтожить все. Чтобы, если попадут в плен, это никак не отразилось на их родных.

- А как могло отразиться? - не понял Борис.

Теперь уже Лена посмотрела на него как на неразумного малыша. Но, поняв, что удивление старшего лейтенанта неподдельное, ответила вопросом на вопрос:

- А вы что, не знали, как относились во время войны к семьям тех, у кого муж, отец или брат попадал в плен и это становилось известным?

- Ну, сочувствовали.

- Ага, аж до Колымы.

Ледогоров удивленно посмотрел на девушку. Нет, не

Желторотик она, никакой не Желторотик. А какие-то вещи знает и понимает глубже и основательнее его самого. И судит жестко.

- А вы давно работаете с отрядом?

- Четвертый год. Я сначала бухгалтером работала, а когда первый раз сходила на раскопы, перешла в школу - и к ребятам своим поближе, и пальцем меньше тыкают, что занимаюсь якобы не своим делом. И сверхурочные мне не платили, все в свои выходные да отпуска. Одним словом, тоже служила.

- Извините, - присел рядом Борис.

- Вы меня тоже.

- Товарищ старший лейтенант, - послышался голос курсанта. - Ау, обед готов.

- Пойдемте, - подал руку девушке Борис. - Попробуем солдатской каши.

- У меня бутерброды есть, не беспокойтесь.

- Да нет уж, придется. Потерпите недельку.

- Как недельку? - Лена даже остановилась. - Я просила вас на все лето.

- Меня?

- Ну, не вас лично, а хороших саперов.

- Значит, все-таки меня. Но предписание у меня только на неделю. Похожу с вами, оценю обстановку, доложу командованию, а уж оно будет принимать окончательное решение.

- Я вас не отпущу. - Лена стала перед старшим лейтенантом, уперла руки в бока, словно Борис должен был уехать сию минуту. - Я за себя не боюсь, но у меня ведь ребята, школьники. Мы вам покажем, как работаем. Им же ни битлов, ни сигарет, ни водки, ни в конечном счете хлеба не надо - дайте кусок земли с поля боя. Они ж анатомию человека своими пальцами изучают, очищая каждую косточку от земли. Они же песни у костра поют, они... они прошлым летом красноармейских лошадей хоронили, когда раскопали их кости вот какие они! И я не хочу, чтобы кто-то из них подорвался.

- Знаете, я тоже, - серьезно ответил Борис. - Меня сюда за этим и прислали. Разберемся, и, может быть, еще больше людей пришлют, кто знает.

- Правда? - обрадовалась Лена.

- А почему бы и нет? У вас здесь и в самом деле такие огромные непроверенные площади, и это спустя столько лет после войны. Просто удивительно.

- Что же удивительного, некоторые села до сих пор отстроиться до конца не могут, руки не доходят. А... командир кто будет? Вы?

Лена напомнила о висящей в воздухе должности ротного. В самом деле, надо побыстрее определиться здесь и ехать в полк.

- Может, и другой. Скорее всего, что другой, - вслух подумал Ледогоров. - И пусть он будет лучше меня. Пойдемте есть кашу.

Лена отступила, пропуская старшего лейтенанта.

Глава 7

ЛЕТАЮТ ЛИ ФАНЕРЫ НАД ПАРИЖЕМ? - В ЛЕСАХ ПОД СУЗЕМКОЙ.

- КОМУ УЛЫБАЕТСЯ УЛЫБА.

Начало июня 1978 года. Суземка.

Опоздавшие уже не спешат.

Отказался от военкоматовской машины и Борис Ледогоров. Уточнил лишь по карте место раскопа, припомнил его зрительно - недалеко от землянки, где получил пощечину от Желторотика, и вышел из военкомата. Спешить в самом деле было некуда. Должность ротного пролетела, как фанера над Парижем, если они там, конечно, летают. Можно утешиться лишь тем, что и из своих никто не прошел, - казачок, как говорится, оказался засланным, из Прибалтики. Тоже старлей, но, наверное, "калека": одна рука, да еще волосатая, витала где-то в Москве.

Вообще-то грешить на нового ротного не хотелось, но и видеть его, а тем более представляться - тем более. И поведал Борис командиру полка про целые минные поля под Суземкой, про благородную работу поисковиков, подвергающих себя неимоверному риску. Зная уже, что штабы ВДВ и округа разрешили послать одного офицера на помощь следопытам, покуражился, набивая себе цену и давая понять, какого они ротного потеряли в его лице. И со вздохом, делая одолжение, согласился поехать к "настырному, пробивному Черданцеву".

- Вот здорово, что опять ты, - обрадовался военком, только увидев его на пороге. - Значит, ничего объяснять не надо. А ребята уже позавчера ушли в лес, не утерпела Желтикова.

- Но там ведь в самом деле мины. Не могли два дня подождать? Но курсант-то с ними.

- Что курсант! Сами ведь знаете, как сейчас учат. Главная дисциплина марксистско-ленинская подготовка, а ею мину не снимешь.

- И ракету не запустишь, - поддержал майор. - Но партия приказала...

- ...и Желторотик ответил: "Есть".

- Кто-кто?

- Да ваша Желтикова.

- Упаси Бог от такого родства. Она для меня просто лицо, волей случая проживающее на территории района. Ты женат?

- Голова еще на плечах.

- Когда-нибудь все равно придется терять, смотри, чтобы не в ее кусты. Если, конечно, хочешь жить спокойно.

- Ее кусты мелкие, там не затеряется. Ну ладно, я пошел. Пройдусь, подышу свежим воздухом.

- Добро. Но что-то настроение у тебя, по-моему, не десантное.

- Значит, ракетное, - вспомнив сцену в кабинете комполка, вернул "должок" Ледогоров. - Ну а если будете забывать нас, пришлю Желтикову. Уж извините.

- Слушай, дай спокойно дослужить.

"Да, кто-то уже дослуживает, а здесь еще как медному котелку", - думал Борис, шагая когда-то широкой, а ныне заросшей с боков, сверху, между колеями, дорогой. Нельзя сказать, чтобы он тяготился службой, может быть, просто потому, что не знал другой жизни и ни с чем не мог сравнить свою сегодняшнюю. Но сетовать на судьбу было модно, это поднимало человека в собственных глазах, делало его этаким прожженным, прошедшим огонь, воду и те самые медные трубы, о которых все говорят, но которые мало кто видел. Подозрение, недоверие и удивление вызывают всегда и во всем довольные... Неужели в самом деле есть и такие? Или просто у них не все дома?

А лично он отдохнет от любимого личного состава, нарядов, построений, а заодно переждет, когда пообломается и новая метла. Даже Желторотик со стороны не так зануден и страшен, как кажется. Как она встретит его? Перво-наперво, конечно, - это указать ей место. Разделить, так сказать, сферы влияния. Все, что касается железа, - это его, остальное - хоть до центра Земли, день и ночь и еще сто раз по столько же. Так что, если разобраться, жизнь не такая уж и безнадега, а чтобы это понять, надо просто пройтись по лесу, спотыкаясь о корневища, сбивая лицом паутину и вчистую проигрывая битву с комарами. Эх-ма!..

К землянке вышел неожиданно, быстрее, чем предполагал. Сразу увидел две палатки, рукомойник, прибитый к стволу одного из дубов, доску-столик около слегка дымящегося костерка. На растяжках от палаток сушились носки, на трубе, чуть-чуть высунувшейся из железного ободка на крыше, висела ржавая немецкая каска. На поляне никого не было, и Борис, откинув полог, заглянул внутрь палатки. Общие нары, устланные старыми солдатскими одеялами. На центральном стояке - "летучая мышь", справа, в углу, - чуть врытая в землю "буржуйка", рядом с которой лежала стопка дровишек.

Борис прошел ко второй палатке. У входа в нее стоял запотевший на солнце полиэтиленовый мешок. Он заглянул в него и отшатнулся: в нем на груде костей лежал человеческий

череп и пустыми глазницами глядел на него. В самой палатке в одном из углов угадывался в полумраке выложенный на земле скелет человека, в другом рядком покоились несколько ржавых стволов от винтовок, гильзы, котелок.

- Вы к нам? - раздался за спиной девичий голос.

"Какая красивая!" - первое, что подумал Ледогоров, обернувшись. Улыбаясь, на него смотрела девушка лет семнадцати, полненькая, с русой косой на плече, челкой над круглыми, а оттого кажущимися удивленными глазами, с блестящими на солнце завитушками волос около ушей - ну если красива, то красива, что уж тут говорить. И если это в семнадцать лет, то что будет через два-три года, когда к красоте прибавится женственность?

- А вы почему улыбаетесь? - еще больше обнажила она свои ровные, белые зубы. Эх, где его годы!

- Вы улыбаетесь, и я - тоже.

- А вы старший лейтенант Ледогоров? Здравствуйте. Мы вас очень ждем. Очень-очень. Елена Викторовна говорит: "Вот приедет старший лейтенант Ледогоров, работа в два раза быстрее пойдет". Это правда, что вы самый лучший сапер в армии?

- Ну, если это говорит Елена Викторовна...

- Не смейтесь, Сережа тоже говорит так же.

- Сережа - это Буланов, курсант? Я правильно понял?

- Да. Он знаете как нам помогает. Только поводит своим миноискателем чик-чик, здесь копать, здесь - красный флажок.

- Молодец, если так. И много вас здесь таких... улыбчивых?

- Вы не обращайте внимания, это у меня с самого рождения. Меня в селе так и зовут - Улыба. А имя - Настя. С нами еще Санька Вдовин, Юра Грач и Филиппок. Это Петька из седьмого класса. Он маленький, потому и Филиппок.

- А по планам и разговорам вашей Елены Викторовны народу намечалось вроде бы больше.

- Так основные следопыты из нашего отряда - это десятиклассники, а у них как раз экзамены. Юрка с Санькой тоже вон покопаются-покопаются - и домой, на экзамены, а потом опять к нам. Это я в девятом да Петька в седьмом. Ближе к середке лета городские подъедут, они тоже ходят с нами. А много народа в отряд нельзя, никак нельзя, за каждым разве углядишь, мин ведь вон сколько. Это с вами теперь не страшно.

- А где же те, кто есть?

- А на раскопе. Елена Викторовна хороший раскоп сделала. Видит, воронка рядом с окопом, говорит, здесь могло солдат засыпать. Так и вышло. Они недалеко отсюда, проводить?

- А ты - часовой? - перешел на "ты" Борис.

- Не-а, мне ужин готовить, - снова блеснула зубами Настя. - Я поработаю-поработаю с ними - и на кухню, то есть к костру. Дрова есть, их Сережа заранее мне заготавливает.

"Ай да Серега, небось дровишки-то не зазря рубятся, - оценил обстановку Борис. - Видать, не только миноискателем водил по сторонам, но и глазами".

- А вы сходите, сходите к нашим, - сказала, как попросила, Улыба. Вот Елена Викторовна-то обрадуется. Она вас так ждала, так ждала...

"Если бы Елена Викторовна была такой, как ты, может, и я бы обрадовался", - подумал старший лейтенант и попытался представить Желторотика. Вспомнилось, как, отшвырнув цветы, она уходила в лес. Потом они сидели около траншеи и мирились, говоря о постороннем. А теперь Настя говорит, что ждала его. Это в какой-то степени тешило самолюбие, но он, наоборот, сделает вид, что ему эта командировка - как лысому расческа. И вообще, только лишние проблемы. А проблемам кто радуется?

Пригнувшись под орешником, нырнул в лес. Прошлогодние листья шуршали под ногами, и он стал выбирать места, где побольше травы. Он подойдет к Желторотику незаметно и скажет... Нет, крикнет: "Ложись!" И посмотрит на ее реакцию. Инспекция, черт возьми, приехала. Так, теперь еще осторожнее, траншея где-то рядом.

Сначала он заметил за кустами синюю куртку, тихонько подошел ближе и, раздвинув ветки, увидел и саму Лену. Стоя на коленях, она разгребала руками землю и, кажется, что-то приговаривала. Борис замер, прислушиваясь.

- А что ж это ты так неудобно-то упал, милый мой? Как твою ногу-то отбросило, Господи! Погоди, я сейчас, сейчас освобожу. - Лена чуть подвинулась, начала осторожно выкладывать на край ямы кости.

Господи! Как хорошо, что он не заорал это идиотское "Ложись!". Бориса даже бросило в жар от одной мысли, что он мог сделать подобное. Сделал бы в тот миг, когда Желторотик... Впрочем, это он сам желторотик, Лена на десять шагов идет впереди него по отношению к жизни. Она...

Мысль затерялась, и Борис махнул рукой - ну и ладно. Главное, есть Бог на свете. А если и нет - тоже хорошо, тогда вообще никто не видит те глупости, на которые мыслят идти люди-человеки...

- Товарищ старший лейтенант, с приездом! - закричал сбоку Буланов.

Лена резко подняла голову, но, видимо, все же не ожидала увидеть так близко, прямо перед собой, Бориса. Торопливо

начала сдувать, поправлять локтями упавшие на лицо волосы, одергивать куртку.

- Ой, извините. А мы вас так ждали, - наконец произнесла она. И тише, торопясь, чтобы успеть и чтобы не услышали подходившие к ним ребята, сообщила: - А я знала, что приедете снова вы.

- Это случайность. Мог и не приехать, - пожал плечами Ледогоров.

- А я все равно знала, - повторила Лена и начала выбираться из траншеи. Борис подал руку, она посмотрела на свои ладони, испачканные землей. "Давай-давай", - улыбнулся старший лейтенант, и пионервожатая протянула руку навстречу.

...После вечернего чая, когда сгорели все заготовленные для костра дрова, потянулись в палатку.

- Спим все вместе, теплее и друг за друга не боимся, - шепнула Лена, а громко, уже для всех, произнесла: - Где мы товарищу старшему лейтенанту место определим?

- А кто где спит? - в свою очередь спросил Борис.

- Мы с Настей - с этого края, у печки. С другого - Сережа, Петя, Саша и Юра. А вот как раз между нами и пусто было. Как, ребята, пустим нашего командира в середочку?

- Пустим, - первой отозвалась Настя.

- Да я... мне все равно... - закрутился Ледогоров. Ложиться рядом с Леной? И она вот так запросто к этому подводит всех? Может, она еще и место специально оставила рядом с собой для этого случая? А теперь боится и того, что все может поломаться, и невольного разоблачения?

Мало было света от "буржуйки" - только-только дотягивались, допрыгивали до лиц красноватые отблески, но Борис все равно увидел взгляд, глаза Лены. И понял, что не ошибся: ее излишне громкий голос, просьба коллективно решить выдвинутый единственный вариант - это не что иное, как стремление скрыть волнение и оправдать себя, свою маленькую хитрость еще той, первой ночи, когда только занимала место на нарах и оставляла рядом свободное.

"Прости меня, - прочел он в ее взгляде. - И не выдавай, не оставляй одну в этой ситуации".

Борис быстро оглядел ребят - каждый занимался своим делом. Может, и в самом деле он только все осложняет? Палатка-то одна, и кто-то все равно будет спать рядом с Леной. Делов-то...

Бросил фуражку на место, указанное Леной, - занято, И сразу вышел из палатки. Если кто что-нибудь и подумает - плевать, он здесь старший и будет делать то, что посчитает нужным.

Стемнело - без костра и печки - мгновенно. Вершины

деревьев, боясь зацепить запутавшиеся в листьях звезды, замерли, притворились неживыми. Но вот где-то далеко прогудел поезд, - значит, жизнь все-таки не замерла, несется, грохочет.

Послышался шорох - из палатки вышел сначала Сергей, потом остальные ребята.

- Первыми они ложатся, - кивнул на палатку курсант.

- Подъем во сколько?

- Как встанем. Утром все равно роса, так что в любом случае ждем солнца. А сегодня Елена Викторовна сказала, чтобы после отбоя не разговаривали: нужно, мол, дать вам отдохнуть с дороги.

- Вот еще, - возмутился Ледогоров. Такая опека становилась уже назойливой. - Дежурство какое-то ночью есть?

- Я хотел вначале предложить, но... - Сергей только махнул рукой. Так, сам иногда встаю, подтапливаю печь. Спим в спорткостюмах. Вначале вроде жарко, а потом ничего.

- Туалеты оборудовал?

- Так точно. Все по науке.

- Наука... А почему тогда рукомойник прибит прямо к дубу?

- Филиппок прибивал, я просто не стал переделывать, чтобы не обидеть.

- Как ребята? - старший лейтенант оглянулся на присевших около потухшего костра ребят.

- Нормально. Главное, работящие и без заскоков. Это сегодня они притихли, привыкают к вам.

- А Настя? - пролил бальзам на душу курсанту Ледогоров.

- Улы-ыба-а... - расплылся в улыбке Сергей. Было видно, что ему нравится произносить это имя, однако, спохватившись, курсант тут же добавил небрежно: - Ничего. Уши, правда, немного большеватые, как пельмешки.

Тоже, нашел недостаток. Да и всем бы говорить об этом с такой затаенной нежностью и любовью.

- Ну что ж, раз попали в хорошую компанию, будем работать, - не стал больше выяснять понятное и без слов старший лейтенант. - Железа много?

- Много. Пока только отмечаю, никого не подпускаю к этим местам. Копаем там, где чисто.

- Хорошо. Ну что, идем спать? Идем спать, орлы? - переспросил школьников, одновременно приглашая к дружбе и союзу с собой.

- Позовут, - после некоторого молчания по-взрослому пояснил Филиппок.

- Заходите, - тотчас же послышался из палатки голос Лены.

Зашли гуртом: в общем колоброде и Борис вроде перестал комплексовать, разделся, спокойно залез под одеяло. Лена,

вначале лежавшая на боку, отвернувшись от него, повернулась на спину, замерла. Борис же на спине никогда в жизни не спал, но теперь, чтобы улечься удобнее, нужно было или отвернуться от Лены, или, наоборот, лечь к ней лицом. И вдруг понял, что ни того ни другого сделать не сможет, что вынужден будет лежать как струна, руки по швам. И с каждой секундой понимал все больше и больше, что в таком положении уснуть не сможет. А спина уже занемела, стала каменной, нестерпимо захотелось поднять хотя бы руку, забросить ее за голову.

Затаив дыхание, тихонько пошевелил ею, пытаясь вытащить из-под одеяла, но заворочался кто-то из ребят, и он мгновенно замер. Какую же глупость сотворила Лена, приказав всем сегодня молчать, дать ему отдохнуть. Дали, спасибо за заботу! К утру на этом месте найдут мумию или истукана.

Заворочался, повернулся рядом Юра, и Борис, ловя момент, тоже повернулся к Лене. Она тихо, но все равно на всю палатку, спросила:

- Непривычно на новом месте?

- Привыкнем, - прошептал он в ответ и теперь уже вполне официально пообустраивался еще, отыскивая удобное положение.

Лена, понаблюдав искоса за ним, отвернулась, лишь только он глянул в ответ.

- Спокойной ночи, - сказала она всем и быстро повернулась к Насте.

"Спокойной ночи", - поджал губы Борис. И уже не стесняясь шума, тоже отвернулся от Лены: могла бы полежать и так, как лежала. А не желает - и не надо, он тоже гордый и тоже имеет характер.

Глава 8

БЕСПОКОЙСТВО ВЫЗЫВАЕТ ТАРАКИ. - КОГДА ВОЮЮТ ПЛЕМЕНА - ПЛАЧЕТ РЕВОЛЮЦИЯ. - ЗА КЕМ ПОЙДЕТ КАДЫР? - "МОРСКОЕ ЗВЕНО" ПОСТАНОВЛЯЕТ...

Начало июня 1978 года. Москва. ЦК КПСС.

Из Афганистана Николай Нестерович Симоненко, заведующий сектором ЦК по Среднему Востоку, вернулся удрученным. Командировка была краткой, всего несколько дней, но ему, занимавшемуся Афганистаном не один десяток лет, не составляло особого труда соединить в логическую цепь разрозненные вроде бы факты, по интонациям бесед понять общее настроение и в руководстве страны, и в республике в целом.

Самое страшное и неприятное - особое беспокойство вызывал сам Нур Мухаммед Тараки. Как ни прискорбно, но он предстал соловьем, который слышит только собственную песню. Что-то можно было, конечно, списать на эйфорию от победы революции,

но Николай Нестерович слишком хорошо знал нынешнего председателя Революционного совета еще по прежним временам.

В декабре теперь уже далекого 1956 года ему поручили встретиться с Генеральным секретарем ЦК тогда только что созданной НДПА. Правда, высказали пожелание:

- Неофициально и не в кабинетах на Старой площади.

Тогда они с Ульяновским и увидели первый раз Нур Мухаммеда Тараки. Афганец, как оказалось, прибыл в СССР, направляясь на лечение в ФРГ. Транзит был через Москву, и Генеральный секретарь просто не пришел на регистрацию, чтобы не лететь дальше.

- Наша партия - достаточная сила, чтобы совершить революцию и установить режим народной демократии, - увлеченно, с гордостью доказывал Тараки на этих встречах. В открытую, правда, ничего не просил - ни помощи, ни поддержки, а может, был просто уверен в этом и не считал нужным напоминать. Ему важнее было другое - утвердиться в глазах самой влиятельной компартии мира. - Наша революция станет победоносной, - заключал он в конце каждой беседы.

А их было несколько - в ФРГ Тараки так и не выехал, дожидался обратного рейса в Москве. За это время Николай Нестерович попытался выяснить уровень теоретической подготовки лидера НДПА, и здесь вновь его ждало разочарование. Из Ленина Нур Мухаммед уяснил для себя, кажется, только одно - надо захватить власть и удержать ее первое время. Далее, уже по Тараки, все должно стабилизироваться само собой. Словом, ввяжемся в бой, а там посмотрим. Каша из Ленина, Наполеона и Тараки.

- Он же не учитывает, а есть ли объективные и субъективные предпосылки для революции, - горячился Симоненко перед более сдержанным Ульяновским, когда они оставались одни. - Он совсем не берет в расчет международную ситуацию.

- Ему можно посоветовать только одно: укреплять партию, - соглашался Ростислав Александрович. - Она рыхла, а о ее связи с народом конечно же речь вообще вести пока рано.

- И все-таки мы победим! - уехал с галилеевской уверенностью на устах Тараки. Уехал, надо думать, обиженный, почувствовав недоверие.

И сделал ход, которого от него не ожидал никто, тем более в ЦК КПСС. Буквально через неделю после московских встреч Тараки сам пришел к королю Захир Шаху и... покаялся в грехах. Трудно сказать, был ли это тактический ход - снять с себя и партии лишние подозрения, показать свою якобы лояльность к существующему режиму, то ли сработало обыкновенное чувство

самосохранения. Но, как бы то ни было, король простил его. Простил, потому что, в отличие от Генерального секретаря, не воспринимал его партию серьезно. Более того. Когда в начале семидесятых в Советском Союзе издали книгу Тараки "Новая жизнь" и переправили тираж в Кабул, король дал указание определить, где печаталась эта книга без обозначения типографии. И вновь лишь усмехнулся, когда назвали одну из основных версий - Советский Союз: нашли на кого ставить, кому помогать.

И вот сейчас Тараки кажется, что все-таки он был прав - революция-то победила. Но и здесь Симоненко увидел смещение акцентов: победила не из-за революционной ситуации и силы партии, а в первую очередь из-за слабости режима Дауда. Николай Нестерович чувствовал, что не будет мира на этой земле, пока у власти будут находиться Тараки или Амин. Потому что вся история Афганистана - это непримиримая борьба между двумя пуштунскими племенами - дуррани и гильзаями. Закрыть на это глаза, не брать в расчет это уподобиться страусу, ибо последние двести лет страной управляли представители дуррани. А к несчастью революции и партии, Тараки и Амин относятся как раз к противоположному лагерю - племени гильзаями и уже за одно это обречены на сильнейшую оппозицию, противостояние. Сейчас противник пока в шоке, не очень организован, но ведь придет время, когда дуррани начнут предъявлять свой счет. Это историческая неизбежность, которую Тараки тоже не хочет замечать и придавать ей серьезного значения. У него сейчас все хорошо, у него нет проблем, а что там, за порогом, он просто не желает знать и видеть. Он победитель, победитель, победитель! Даже принимая делегацию КПСС, с определенной долей высокомерия посмотрел на старых знакомых: когда-то я вынужден был просить у вас встреч, вы кое-как снисходили ко мне, но теперь я - председатель Революционного совета, глава правительства, Генеральный секретарь победившей партии. Не верили?

Барство и снисходительность Тараки почувствовал Симоненко и по его отношению к советским советникам. Единственным, к кому тот еще относился более-менее уважительно, оставался посол. Да ладно отношения, в остальном ведь тоже остался прежним - прогнозирующим, дискутирующим, причем теперь уже не только и не столько об афганских делах.

- Я виню Насера в том, что он не оставил после себя преемника, глубокомысленно изрекал он, давая оценку уже мировому революционному движению. - Он умер, и Египет сразу же ушел в стан врага. Я, например, такой ошибки не повторю, у

меня уже есть преемник. - Он похлопывал по плечу находившегося всегда под рукой министра иностранных дел Хафизуллу Амина.

Насколько недальновидным, догматичным выглядел Тараки, настолько хитрым и коварным показался Амин. "Смесь шакала с гиеной", - сказал о нем кто-то из делегации, и Симоненко согласился в душе с такой характеристикой. Сдерживала по отношению к Амину и информация о том, что во время учебы в Америке он возглавлял там землячество афганских студентов. Ни один из подобных "старост" не миновал внимания ЦРУ. Ни один до и после Амина. Неужели только он один не приглянулся им? Честолюбие, хитрость в сочетании с великолепными организаторскими способностями и огромной работоспособностью - на эти человеческие качества, надо думать, многоопытное ЦРУ не могло не клюнуть. Или он у них на очень глубоком крючке и в свое время они предъявят счет? В общем, со временем Амин может стать для Тараки самым страшным врагом, такие люди умеют выжидать, они редко торопятся.

По наблюдению Николая Нестеровича, не замечал, не хотел видеть Тараки и еще одну опасность - углубление кризиса в отношениях с "Парчам". Отношения между фракциями, объединившимися перед революцией, сейчас, при дележе портфелей и должностей, вновь осложнились. Вновь Тараки и Бабрак называют "Хальк" и "Парчам" не крыльями НДПА, а самостоятельными партиями. И если после революции Тараки хоть некоторое время старался проводить более сбалансированную политику и доверял пусть и не главные, но все же и некоторые министерские посты парчамистам, то сейчас, спустя всего два месяца после победы, начал понемногу оттеснять их от управления страной.

Открыто возмущается пока только Кадыр, главный исполнитель революционного восстания. По его мнению, революцию ведут куда-то не туда, и он, если убедится в этом, готов совершить третий переворот в своей жизни и свернуть головы тем, кто предает Апрель.

Кадыр... Кадыр... Совершенно непредсказуемая личность. В свое время Дауд умело использовал офицеров-коммунистов, вернее, их стремление к постоянным переменам. Ведь только благодаря перевороту в армии, который совершили в 1973 году Кадыр, Ватанджар и Гулябзой, он смог поднять руку на короля. Дауд не забыл этой услуги: сержанта Гулябзоя сделал офицером, получил повышение в должности Ватанджар, Кадыр же стал начальником штаба войск ВВС и ПВО, подполковником. Авторитет в армии рос у него стремительно, хотя как

политический лидер он не мог представлять опасность. И опять же в силу своего происхождения, вернее, малочисленности и непопулярности племени, из которого он был выходцем. Не та страна Афганистан, чтобы не придавать этому значения. Но Дауд понял, что Кадыра могут просто использовать другие силы, точно так же как и он в свое время, вместо тарана. И незадолго до апрельских событий убрал ретивого сорвиголову подальше от армии, назначив его директором небольшой мукомольни.

Можно представить обиду Абдула Кадыра, а одновременно злость и решительность, с которыми он возглавил вооруженное выступление против своего "благодетеля".

За кем сейчас пойдет он? Насколько серьезен в своих угрозах?

- Я не парчамист и не халькист. Я просто армейский коммунист, подчеркивает в последнее время Кадыр.

Такой непредсказуемости и импульсивности своего министра обороны Тарани тоже следовало бы поостеречься. Трезвости, побольше трезвости бы афганскому лидеру. И внимания в первую очередь не борьбе за власть, а народу...

- Ну, и что будешь докладывать? - спросил Ульяновский, когда Николай Нестерович поделился с ним своими нерадостными в общем-то впечатлениями от поездки. - Я знаю, что по другим ведомствам доклады идут более оптимистичные.

- Значит, менее глубокие, - взорвался Симоненко, но сумел справиться с эмоциями и ответил уже спокойно: - Буду докладывать то, что есть.

Конец июня 1978 года. Кабул.

- Проходи. Что так возбужден?

- С Кадыром говорил. Опять при всех набросился на Тараки. Сотню раз советовал сдерживать эмоции, как бы там ни было, нравится он тебе или нет, но он - глава государства. Зачем его раздражать по пустякам? А он - как специально. Чаем угостишь?

Заплатив развел руками - самоваром еще не обзавелся. Горелов удивленно кивнул на стоящий напротив стол Экбаля:

- А что же подшефный не следит за своим начальством?

- Во-первых, не обязан, а во-вторых, он сам вечно голоден, ест один раз в сутки.

- Что так?

- Полно родственников, да к тому же десятки всевозможных делегаций, которых тоже как-то надо угощать и одаривать подарками.

Замолчали. Отношения между главным военным советником и советником начальника Главпура налаживались трудно. Прямоту и резкость суждений Заплатина поначалу Лев

Николаевич Горелов воспринял как попытку, желание нового сотрудника подмять всех военных советников под себя, подчеркнуть свое положение главного политработника. Некоторое время Горелов даже демонстративно не замечал Заплатина, обговаривая вопросы только с представителем КГБ Ивановым.

Но все же общность решения одних и тех же задач заставила пойти на сближение, а узнав немного характеры, они стали понимать и поступки друг друга.

- От твоего начальства что-нибудь есть? - нарушил молчание Заплатин.

- Утром звонил Огарков. Как всегда, продолжать тесное сотрудничество, попытаться исключить репрессии, снятия с должностей. Кадыр припоминает некоторым своим бывшим сослуживцам, что не помогли, не заступились за него, когда Дауд убирал его из армии, а он просил у них помощи. Что у тебя?

- То же самое. Кроме решения военных и политических вопросов советуют, чтобы мы рекомендовали руководству партии идти в народ, племена, разъяснять цели и задачи революции. Словом, не сидеть в Кабуле. Что на пакистанской границе?

- Пока тихо, проехали и пролетели почти всю. Доложил Амину свои соображения по ее укреплению. Да, а Амин предложил, вернее, попросил проводить с ним индивидуальные занятия по военной подготовке. С одиннадцати вечера до часу ночи ежедневно, больше у него времени нет. Работоспособность, конечно, дикая. Как идет легализация парторганизаций?

Это для Заплатина был самый больной вопрос. Партийные организации в армии до сих пор продолжали находиться в подполье, и в первую очередь таились друг от друга халькисты и парчамисты. Существовали и две партийные кассы, в каждой организации в глубокой тайне шел прием новых членов. В некоторых полках, правда, попробовали открыть, назвать коммунистов. Постарались сделать из этого праздник: людей выводили перед строем, пожимали руку, благодарили за мужество в борьбе, верность идеям НДПА. Но если халькисты шли на это охотно, то "Парчам", скорее всего, продолжал скрывать свои структуры. Пять - семь человек на батальон или полк раскроют - и вроде больше никого нет. Это, конечно, было не так, и уже затаивались новые обиды, продолжало расти недоверие. Зато уж халькисты развернулись до такой степени, что некоторые коммунисты-командиры поспешили на своих кабинетах вывесить таблички: "Вход только членам партии". Вот такие неожиданные вывихи, и где и что выпрет завтра - одному Аллаху известно...

Горелов уловил состояние Заплатина и, уже зная его

болезненную ответственность за свой участок работы, поспешил добавить:

- Да, чуть не забыл. Побывал я на политзанятиях в Гардезе. Спрашиваю солдат, что они знают о Советском Союзе. Встает один, поднимает автомат: "Калашников - это Советский Союз, противогаз - это Советский Союз, кровати - это Советский Союз. Но главное - это политзанятия". Так что передай Епишеву, пусть порадуется и погордится.

- Передам. Нам бы этих солдат с пола поднять, заставить тыловиков отдавать им простыни, которыми они торгуют в дуканах. Сделать так, чтобы все продукты шли в котел, а не тем же перекупщикам. И котелки, тарелки солдатам чтобы выдали, а то хлебают из каких-то общих корыт...

- Мечты... - вздохнул Горелов. - Мне на роты, батальоны назначать некого, вчерашние лейтенанты полками командуют. А ты к тому же создал ореол славы политработников, лучших офицеров забираешь.

- Сейчас слово может быть главнее всего остального, - не согласился Заплатин, хотя и сказал это Горелов с улыбкой и пониманием. - Кстати, что с командирской учебой?

- Тараки разрешил открыть трехмесячные курсы для офицеров и школы для сержантов. Если не поднимем армию... - Горелов обречено махнул рукой.

Информация (получено представителем КГБ в Кабуле):

"В начале июня с. г. в Анаполисе (США) состоялся симпозиум атлантической группы НАТО, где обсуждались перемены в Афганистане и "вытекающие отсюда последствия для Америки и ее союзников по НАТО". В симпозиуме под кодовым названием "Морское звено" приняли участие более 270 генералов, адмиралов, дипломатов, ученых и официальных лиц. Единодушно было заявлено, что Америка и Запад не могут позволить себе такой роскоши, как заниматься только Европой. Афганистан объявлен, таким образом, еще одной зоной жизненно важных интересов стран НАТО, и в первую очередь США.

В Кабул под дипломатическим прикрытием вылетел некий Луи Дюпри, которому поручено координировать действия антиправительственных элементов в афганской столице.

В Пакистане, близ границы с Афганистаном, начали создаваться лагеря афганских беженцев (Читрал, Чират, Кохат, Кветта, Наушери и др.). В этих лагерях начали подготовку группы боевиков из числа офицеров и солдат афганской армии, оставшихся преданными Дауду и перешедших в Пакистан.

Для сведения".

Документ (из переписки советского посла с МИД):

"Запись беседы с послом США в ДРА Адольфом Дабсом.

7 августа 1978 г.

...В ходе состоявшейся беседы Дабс высказал недоумение по поводу напечатанной в газете "Правда" за 1 августа 1978 года статьи корреспондента ТАСС "Подрывная деятельность против народа Афганистана", где говорится, что США оказывают финансовую помощь диверсионным группам, выступающим против правительства ДРА.

Дабс сказал, что позиция США в отношении ДРА базируется на принципе невмешательства во внутренние дела страны...

Я... заметил, что в американской печати была развязана шумная кампания пропаганды о том, что Апрельская революция в Афганистане явилась "делом рук русских".

Дабс никак не отреагировал на это замечание.

Послом был задан вопрос, не заключал ли Советский Союз с ДРА соглашение о военном сотрудничестве. Ответил отрицательно.

Посол СССР в ДРА А. Пузанов".

Глава 9

ВЛАСТЬ ОБРЕЧЕНА НА КРИТИКУ. - Б. КАРМАЛЬ И Н. М. ТАРАКИ. - "ПАРЧАМ" НЕ МЕСТО В КАБУЛЕ. - "КАЖДЫЙ ДОЛЖЕН ПРИНЯТЬ ЛЮБУЮ СУДЬБУ".

Конец июня 1978 года. Кабул.

Нет такой власти, которую бы не критиковали. Жесткую - за тиранию и диктаторство, слабую - за бесхребетность. Могут обвинять в милитаризме и тут же в недальновидности и подрыве обороноспособности страны. Ругают за зажим критики и тут же за потворство вседозволенности. За то, что одним повышают зарплату, а другим оставляют прежнюю.

Поэтому в государствах постоянно за что-то борются. Там, где есть смертная казнь, - за ее отмену. Где нет - за введение. Поднимают свои знамена новые партии и сразу же те, кто требует их закрытия. Идут баталии за принятие какого-то закона или его отмену. А если ни за то и ни за другое, то бесконечно за его уточнение и доработку.

Власть обречена на критику. Пока будет хоть какая-то власть, всегда найдутся и те, кто ею недоволен. Слабая в этом случае рухнет быстрее, но зато безболезненнее для народа. Крах сильной власти несет в себе большие социальные потрясения, так как она способна сопротивляться.

Дольше же всех держится вязкая власть - власть, издавшая сотни законов о самой себе, власть, не запрещающая, но и не разрешающая. Власть кабинетов и согласований, грандиозных будущих проектов и славицы о вчерашних достижениях, но

только не о сегодняшнем дне. Власть многочисленных подписей, власть, когда в случае ошибки виноваты все, но никто конкретно.

Потом ее, конечно, будут ругать, для этого даже найдут двух-трех самых виноватых, и свора бывших соратников, очищаясь и оправдываясь, будет валить вину всей эпохи, просто вину обстоятельств, а заодно и свою собственную, на них. Хорошо выглядеть прозревшим, смелым, умным и деятельным!

Но страшно другое - если эти вечно праведные вновь окажутся у трона. Хотя конечно же самые опасные для народа правительства - это революционные. Мало того, что на гребень штормовой волны поднимается много пены и шелухи карьеристы, сонмы обиженных предыдущей властью, проходимцы и подхалимы. Революционной власти еще всегда хочется и всей полноты правления. Без дележа с кем бы то ни было, даже с теми, с кем еще вчера, объединившись, шли на "последний и решительный". Редкая революция обошлась без раскола в стане победителей, потому что после победы всем группировкам кажется, что ее можно было бы добыть и без союза с остальными. Вот тут и начинается поиск и подсчет ошибок друг у друга, формируется оппозиция - где открыто, где тайно.

История человечества только и делает, что говорит и предупреждает об этом. Но, видимо, революции и разочарования их итогами неизбежны.

Первый заместитель премьер-министра Афганистана Бабрак Кармаль почувствовал на себе это более, чем кто-либо другой. Сброшенная ему с барского плеча халькистов должность ничего не решала и не значила в стране. Вернее, должность была первейшая, ничего не значил на ней именно он, Бабрак Кармаль, лидер "Парчам". Как и в прежние годы, вся власть, но теперь не только партийная, но и государственная, сосредоточилась в руках "Хальк". И Тараки первым открыто игнорирует заместителя-парчамиста, сделав вторым лицом в партии и стране министра иностранных дел Хафизуллу Амина. Человека, которого на последнем съезде партии не избрали даже в состав Политбюро, настолько все делегаты поняли его коварство, приспособленчество, хитрость и жестокость. Неужели Тараки слеп? Или ему выгоден такой человек, чтобы на контрасте с ним самому выглядеть более благородным? К чему в таком случае приведут страну сыновья скотоводов и, как стал в последнее время говорить о себе Амин, "выходцы из низших слоев среднего уровня"? Да, а вот он - сын генерал-полковника Мухаммада Хусейн-хана, получил образование, его избирали в парламент. Почему он должен стесняться этого и почему из-за этого теперь всю жизнь обязан довольствоваться вторыми ролями? Да уже и не

вторыми, при нынешней ситуации только слепой не видит, что он, Бабрак Кармаль, уже вообще ни на каких ролях. Его нет. Нет его, его партии, идей "Парчам" - все подмято, растоптано, выброшено за борт истории...

Распалясь однажды от такого внутреннего монолога, Бабрак Кармаль пришел в кабинет к Тараки. Нет, не так, здесь все решают детали. Перед тем, как войти, его вначале остановили, попросили подождать и пошли докладывать. Какая низость! Какое пренебрежение! Не хватало еще, чтобы его не пустили или не приняли.

Бабрак намерился идти к председателю Ревсовета самостоятельно, не дожидаясь разрешения, но вовремя вышел порученец и пригласил в кабинет.

Еще одна неловкость при встречах с Тараки, может быть даже самая большая, - это то, что Кармаль так и не решил, как же ему называть главу государства, как обращаться к нему. По имени, но не так близки они для этого да и не так он воспитан, чтобы фамильярничать со старшим по возрасту. В традиционном же слове товарищ Бабрак видел и чтил первоначальный его смысл и не мог позволить себе поступиться принципами. До этого как-то обходились вообще без обращений друг к другу: вопрос - ответ, и до свидания. А теперь и встречи уже стали происходить все реже и реже, вернее, только на заседаниях.

Обойтись бы и напоследок без обращений. Да, напоследок, потому что есть гордость и совесть, чтобы отвергнуть должность пустого места. Он будет просить освободить его от обязанностей заместителя премьер-министра. Он готов даже уехать из Кабула, перейти на дипломатическую работу, лишь бы быть подальше от восторженных, занятых самими собой халькистов, не видеть их здравиц друг другу, не чувствовать пренебрежительности по отношению к своим сторонникам.

- Я слушаю, - поднял голову из-за бумаг Тараки, лишь только он вошел.

О, эта усмешка из-под усов! Нет-нет, надо иметь гордость, надо проявить твердость и уехать отсюда. Пусть ухмыляется кому угодно - Амину, готовому лизать пятки, Гулябзою, Ватанджару. А для него, Бабрака Кармаля, это в последний раз. В последний!

- Я пришел, чтобы сказать: я чувствую, что работать в правительстве на своем посту с полной отдачей не могу, - остановившись посреди кабинета, решительно начал Бабрак. Вновь удалось избежать обращения, никак не назвать Тараки - ничего, переживет. Он не Амин, чтобы рассыпаться насчет "великого учителя", это тому надо, чтобы сохранить титул "ученика". Он же будет краток. - Я считаю, что в данный момент я

мог бы более плодотворно работать где-нибудь послом за границей. Это будет лучше и для партии.

Надеялся где-то в глубине души Бабрак, хотел верить, что Тараки замашет рукой, станет хотя бы ради приличия отговаривать, вспомнит его заслуги перед партией, революцией и страной. Напрягся, но... усмешка, опять усмешка.

- Хорошо, я подумаю над этим предложением, - ответил после некоторого молчания Тараки. Бабрак вдруг подметил, что Генеральный секретарь тоже никак не называет его. - Это только ваше решение или ваши товарищи думают точно так же?

Тараки наносил удар, и Бабрак Кармаль вспылил:

- Я говорю от себя, но мои товарищи по партии думают так же.

- Хорошо, - столь же выдержанно отозвался Тараки. И тут впервые Бабраку подумалось, что он делает ошибку, отдавая Тараки, халькистам свой пост. До этого он хоть как-то, но влиял на политику, ограниченно, но был в курсе основных дел. А теперь? Тараки неспроста спросил про товарищей, он может отправить из страны не только его, но и других руководителей "Парчам". Зря, зря он это сделал, поддавшись эмоциям. В политике побеждает только твердый расчет. Забрать свои слова обратно?

Тараки продолжал с улыбкой смотреть на него, и Бабрак, не попрощавшись, повернулся и вышел. Ладно, хуже все равно не будет. А борьба еще не проиграна, она только начинается.

...Через несколько минут после ухода премьер-министра к Тараки прибыл Амин. Вошел без доклада, поприветствовал учителя.

- Бабрак попросился на дипломатическую работу, найдется ему где-нибудь местечко? - с улыбкой спросил Тараки своего министра иностранных дел.

- Бабраку? Конечно, найдется. И для других, кто его поддерживает, тоже бы нашлось, - хитро глянул, все понимая, Амин.

Необходимое послесловие. Через неделю в афганском руководстве произойдут изменения. Лидеры "Парчам" оставят свои посты в правительстве и будут назначены послами: Бабрак Кармаль - в Прагу, Н. А. Нур - в Вашингтон, Вакиль - в Лондон, Анахита - в Белград, Наджиб - в Тегеран и Бариалай - в Пакистан. За Кадыром, Кештмандом, Рафи и другими активистами "Парчам", оставшимися в Кабуле, установится слежка.

Документ (из секретной переписки американских внешнеполитических ведомств по Афганистану):

"(Дата и номер неразборчиво).

Из посольства США в Кабуле.

Госсекретарю. Вашингтон. Немедленно.

Конфиденциально.

Тема: Новый афганский посол в Тегеране - еще один высокопоставленный парчамист.

На № 6250 из Тегерана.

1. Мы мало что можем добавить и информировать о биографии молодого доктора Наджиба, который прежде использовал имя Наджибуллы... По имеющимся данным, он только год назад окончил медицинский колледж и после революции 27 апреля в течение нескольких недель был заместителем министра внутренних дел. В результате борьбы за посты в правительстве (что явно продолжается и сейчас) Наджиб, член крыла "Парчам" в НДПА, стал специальным помощником председателя Революционного совета Н. М. Тараки, о чем публично не сообщалось.

2. Назначение Наджиба в Тегеран, несомненно, является составной частью продолжающейся чистки парчамистов из верхнего эшелона политического руководства. Из шести афганских послов, на которых были недавно запрошены агреманы, один является известным халькистом, а остальные пять установленные парчамисты. Больше всего слухов в Кабуле распространяется о будущем заместителе премьер-министра Бабрака (лидер крыла "Парчам"). Наиболее широко распространен слух, что он отказался от поста за рубежом и останется в Кабуле, чем бы это ему ни грозило.

Амстутп12"

Конец июля 1978 года. Прага.

- А-а, Владимир Владимирович. - Густав Гусак поднялся навстречу советскому послу Мацкевичу, долго дружески тряс руку. Но потом, что-то вспомнив, посмотрел на часы и перешел, как понял посол, сразу к делу: - Я почему вас попросил зайти ко мне. Вас уже посетил новый афганский посол?

- Нет. Он только приехал, а нас, послов, ни много ни мало, а более ста, - попытался сгладить неприятную и для себя в общем-то ситуацию Владимир Владимирович. Уж так повелось среди дипломатов, что вначале посещают друзей, а раз Афганистан становится на социалистические рельсы, то и отношение к тем, кто помогает, должно быть подобающим. Новый афганский посол прибыл в Прагу уже несколько дней назад, но с визитом вежливости не спешил. - Наверное, осматривается, привыкает к новой роли.

- Да, роль эта для него новая, - согласился Гусак. - Он ведь бывший секретарь ЦК партии... Да. Надо будет помочь ему

побыстрее освоиться. По-товарищески, как коммунисту, попавшему в беду в какой-то степени...

- Хорошо, товарищ Гусак. Это без проблем...

Бабрак Кармаль попросил приема в советском посольстве через день. Мацкевич, к тому времени объехавший практически весь мир, Афганистан каким-то образом пропустил и теперь с любопытством смотрел на невысокого, с него ростом, афганца. После протокольных любезностей сели на диван. Переводчик, приехавший с Бабраком, осторожно пристроился на краешке стула, и Владимир Владимирович опытным глазом отметил, что это не посольский служащий, видимо, новый посол взял себе и нового переводчика. Значит, старым работникам не доверяет.

- Я знал только одного афганца - короля Захир Шаха, - продолжил разговор Мацкевич. - Когда-то, когда я был министром сельского хозяйства СССР, устроил однажды на ВДНХ сельхозвыставку. Вот тогда среди приглашенных и был ваш король.

- А теперь вот знаете и бывшего секретаря ЦК НДПА, - грустно усмехнулся Бабрак. Помял пальцы, собираясь то ли с мыслями, то ли с решительностью. - Я, наверное, коротко расскажу о ситуации у нас в стране и в партии, чтобы вам было легче разобраться во всем. В партии с самого начала существовало два крыла - "Хальк" и "Парчам". Я возглавлял "Парчам", а нынешний глава государства Тараки - "Хальк". Революцию тем не менее делали вместе, но вот сейчас разногласия вспыхнули вновь, и нас, пятерых лидеров "Парчам", убрали из страны, назначив послами. Я оказался здесь. Нет-нет, я не жалуюсь, - уловив некоторое нетерпение советского посла, заторопился Бабрак. - Я даже скажу больше. Когда произошла революция, а если быть честным, то сделали ее не мы, а подполковник Кадыр, мы все сидели в тюрьме, и вот после революции мы решали, кто должен стать во главе государства. Я сразу же категорически отказался. Народ только что сверг власть богачей, и вдруг вместо Дауда приду я, сын генерала. Я ведь сын генерала. А Тараки - сын чабана. Конечно же, он должен был стать во главе революции, чтобы за нами пошел народ. И он стал.

Принесли кофе, и Бабрак замолчал, ожидая, когда уйдут посторонние.

- Только, к сожалению, Тараки оказался дураком, - продолжил посол. Он поддерживает во всем Амина, своего ученика и министра иностранных дел, не понимая, что тот карьерист и думает только о себе. Тараки на этом свете жить осталось мало, я уверен, что Амин уничтожит его. И рассказываю я вам это потому, что я должен предупредить советских

товарищей о том, что в моей стране назревает трагедия. Если вас уполномочат меня выслушать, я готов буду рассказать очень многое.

- Хорошо, товарищ Бабрак, я свяжусь с МИДом, доложу о вашей просьбе. Поймите, я ведь всего-навсего посол в ЧССР и, наверное, не в моей компетенции давать вам какие-то обещания, а тем более советы и рекомендации, - ответил Мацкевич. - Но о вашей просьбе я сообщу сегодня же.

- Да, я понимаю, - чуть огорченно, не встретив горячего соучастия к своему сообщению, проговорил посол. - Я понимаю, я подожду.

Однако на телеграмму, посланную в МИД, Владимир Владимирович так и не получил ответа. Не выдержав, Бабрак Кармаль еще несколько раз приезжал на виллу советского посла на частной машине и уже настоятельно требовал:

- Мне надо переговорить с Москвой. Мне надо что-то сказать вашему ЦК.

Мацкевичу как раз выпадала командировка в Москву, и он пообещал афганцу лично переговорить по этому вопросу с Громыко.

Необходимое послесловие. Мацкевич выполнит просьбу афганского посла. Однако Громыко отмахнется.

- Слушай, что ты лезешь в Афганистан? Занимайся своей Чехословакией.

- Да я не лезу, Андрей Андреевич. Бабрак очень просит.

- Ладно, я еще раз переговорю в ЦК.

На следующий день Владимиру Владимировичу позвонят на квартиру:

- Владимир Владимирович, это из ЦК. Вам просили передать, чтобы вы никоим образом не влезали в афганские дела.

- А чье это указание?

- Суслова.

- Хорошо, не буду. Главное, чтобы знали о ситуации вы.

- Кому надо, тот займется, - успокоили со Старой площади.

Информацией от Бабрака займется КГБ. Формировать впоследствии новое правительство во главе с Бабраком будет сам Суслов.

Конец августа 1978 года. Кабул.

Все как обычно: стул посреди комнаты, три человека в разных углах за столами. Лица их скрыты в тенях от настольных ламп, но по голосам, наверное, можно будет узнать, новые это следователи или прежние. Хотя что от этою изменится? До вчерашнего дня он молчал, отрицая все, кроме своего имени - Султан Али Кештманд. Но вчера начали пытать электрическим током...

Конвоир подтолкнул, и он прошел, молча сел на стул. Сейчас начнется перекрестный допрос, когда нет возможности перевести дыхание, подумать над ответом. И в угол, в угол, после каждого вопроса-удара Кештманд физически ощущал, как его загоняют, вбивают в четвертый, никем не занятый угол. Единственное, чему научили первые допросы, - это не теряться после каждого вопроса, не пытаться угадать того, кто спрашивает, а тем более поймать его взгляд. Лучше всего опустить голову, прикрыть глаза, что Кештманд, еще не дожидаясь первого вопроса, и сделал.

Где же он находится? Что за подвалы? Судя по носилкам, которые он видел в коридорах, это может быть центральный военный госпиталь. А где госпиталь, там обязателен и морг. Подумаешь, появится однажды в нем чье-то неопознанное тело, кому до этого будет дело? Бабрак Кармаль перед отъездом предупредил, что в случае раскрытия заговора каждый должен принять любую судьбу, уготованную правительством. А догадаться, какой она будет, несложно. Лишь бы только больше не пытали...

- Когда вы в последний раз видели Бабрака Кармаля? - послышался голос из-за настольной лампы. Кештманд, забывшись, поднял голову, но тут же торопливо опустил ее.

- Дней за десять до его отъезда в Прагу.

- Что он говорил?

- Он говорил, что халькистское руководство изолировалось от народа и народ недоволен им.

- Было ли общее собрание "Парчам" по подготовке восстания? Кто на нем присутствовал?

- Общего собрания не было. Мы встречались друг с другом поодиночке.

- Кто должен был руководить восстанием?

Кештманд замялся, опустил голову еще ниже. По некоторым вопросам он уже понял, что Абдул Кадыр тоже арестован и тоже что-то рассказал. А руководить восстанием, поднимать войска поручалось именно ему...

- Кто должен был руководить восстанием? - повторил вопрос более жестко другой следователь.

"Каждый должен принять любую судьбу..."

- Кадыр.

- Дата восстания?

- Праздник разговения, третье и четвертое сентября.

- Почему?

- В этот праздник каждый занят собой, своей семьей...

- Какие указания отдал Бабрак Кармаль Кадыру?

Опять про Бабрака. Значит, они хотят как можно больше

собрать материала именно на лидера "Парчам". Можно, конечно, не заметить этого, не уточнять какие-то детали, но... но каждый должен принять любую судьбу. Далась ему сегодня эта фраза.

- Указания Кадыру давал я, а не Бабрак. Я сказал ему, что нынешнее руководство страны отклонилось от главной цели - строительства социализма.

- План восстания?

- Офицеры-парчамисты и те, кто их поддерживает, должны были взять контроль над частями и подразделениями, гражданские - над государственными учреждениями. Восстание планировалось начать сразу во всех провинциях. От жителей городов и селений должны были организовать прием жалоб на действия нынешнего правительства. Школьников нужно было вывести на митинги... Бабрак Кармаль, - перебив какой-то новый вопрос, торопливо добавил Кештманд, Бабрак Кармаль подчеркивал и настаивал именно на демонстрациях, на мирном исходе восстания.

- Какой строй вы планировали установить в стране?

- Народно-демократический. Название страны - НДРА, Народно-демократическая республика Афганистан.

- Какую участь в своих планах вы уготовили правительству страны?

- Арестовать и держать до тех пор, пока не согласится на сотрудничество.

- Вы были уверены в победе?

- Да. То есть нет... Вернее, никто ничего не гарантировал.

- Роль Кармаля, Анахиты, Нура, Вакиля и Наджиба в восстании?

- Они должны были приехать в Афганистан накануне.

- Каким образом?

- Нелегально. Через Иран или Пакистан.

- Должности в новом правительстве уже были распределены?

- Нет. Только Кадыр предполагался на пост главы правительства и министра обороны. Остальное зависело от лидеров "Хальк". Операция могла идти несколько дней, и, если бы правительство пошло на переговоры с нами, восстание можно было приостановить и приступить к формированию нового руководства страны, где "Парчам" соответственно предстояло занять надлежащие ей посты.

- Председателя Ревсовета, министра иностранных дел?

- Видимо, да.

- Кадыр был готов к руководству восстанием?

- Не совсем. Он говорил, что у него возникнут трудности с летчиками, поскольку они все халькисты или сочувствующие им... Извините, сердце, Кештманд помассировал грудь. - За месяц до восстания я должен был встретиться с ним и... извините, дайте воды... Мне плохо.

- И что? Что за месяц до восстания?

- Посмотреть... готов ли он... психологически... Воды, умоляю...

- Эй, санитары! Быстро в реанимацию.

По длинному, гулкому коридору двое санитаров везли на каталке потерявшего сознание члена Политбюро ЦК НДПА...

Необходимое послесловие. Кадыру и Кештманду революционный суд вынесет смертный приговор, остальным членам заговора будут назначены длительные сроки заключения.

Через год, когда к власти придет Амин, он издаст Указ № 6 (от 14-го числа месяца мизана 1358 года - 6 октября 1979 года): "Принимая во внимание прогресс и гуманные цели Великой Апрельской революции... с тем, чтобы ликвидировать всяческое чувство угнетения и страха, а также проявляя доброту и в целях обеспечения атмосферы уверенности и спокойствия для дорогих соотечественников ...я издаю данный Указ, связанный с нижеследующими политзаключенными, которые были осуждены 3 сентября с. г.:

1. Абдуле Кадыру, сыну Мухаммед Акрама, смертная казнь заменяется тюремным заключением сроком на 15 лет.

2. Султан Али Кештманду, сыну Наджафа Али, смертная казнь заменяется тюремным заключением сроком на 15 лет...

Настоящий Указ вступает в силу с момента его опубликования".

После 27 декабря 1979 года все парчамисты будут выпущены из тюрем, Султан Али Кештманд войдет в состав правительства Бабрака Кармаля.

Документ (из переписки советского посла с МИД):

"Посольство СССР в ДРА.

24 августа 1978 года.

Зав отделом стран Среднего Востока МИД СССР.

На Ваш № 210 (осв. от 13 июля 1978 года).

...М. А. Мехр (зав. канцелярией МИД ДРА) просил уточнить, сколько будет стоить изготовление в СССР стандартных флагов в массовом количестве, например в количестве 1000 или 10 000 штук.

...В случае если цена будет устраивать афганскую сторону, флаги, возможно, будут заказаны в СССР.

Посол СССР в ДРА А. Пузанов".

Документ (из переписки советского посла с МИД):

"Запись беседы с послом ЧССР в ДРА Зденеком Кармелита.

28 августа 1978 года.

Принял посла у себя в посольстве. З. Кармелита информировал о том, что его сегодня приглашал к себе Х. Амин и просил сообщить Г. Гусаку и Б. Хноупеку о том, что, по показаниям арестованного члена Политбюро ЦК НДПА С. А. Кештманда, к недавно раскрытой заговорщической группе принадлежал и Б. Кармаль, посол ДРА в ЧССР. В связи с этим Бабрак Кармаль отзывается в Кабул. Х. Амин просил чехословацкое руководство, если возможно, принять меры к тому, чтобы Б. Кармаль приехал в Кабул через Москву, а не другие страны...

Посол СССР в ДРА А. Пузанов".

Документ:

"Министерство внешней торговли.

17 октября 1978 года.

Заместителю министра иностранных дел СССР Земскову И. Н.

Сообщаем, что В/О "Востокинторг"... подтверждает возможность изготовления в декабре - январе месяцах по 1000 штук государственных флагов ДРА большого и малого размеров. Стоимость изготовления одного флага большого размера (200х90 см) из сатина артикул 520 составит 3 - 40 американских долларов фоб и одного флага малого размера (36х18 см) из сатина артикул 520 составит 0-50 американских долларов фоб.

Флаги малых размеров могут быть изготовлены только с желтой бахромой, поскольку красную бахрому промышленность СССР не выпускает.

Зам. министра И. Гришин".

Документ (посольство СССР в ДРА):

"Отношения между ДРА и социалистическими странами.

6 сентября 1978 года.

До Апрельской революции... доля социалистических стран, без СССР, во внешнеторговом обороте Афганистана составляла

лишь 3,2 процента.

...В настоящее время ДРА имеет дипломатические отношения кроме СССР с 11 социалистическими странами...

В вопросах развития отношений с ДРА наибольшую активность проявляет Болгария...

Планирует активизировать свои связи с ДРА также ЧССР...

В первое время после Апрельской революции начали активизироваться отношения между ГДР и ДРА.

...Отношения между другими соцстранами и ДРА за время, прошедшее после Апрельской революции, или существенно не изменились, или развиваются медленными темпами. В частности, остаются на прежнем уровне отношения ПНР и ДРА.

...Кубинцы обещали быстро открыть посольство и оказать помощь ДРА, однако эти обещания не выполнены...

КНДР пригласила афганскую партийно-правительственную делегацию на торжества по случаю 30-летия образования КНДР в сентябре 1978 года".

Глава 10

ГЛАВНАЯ ЦЕЛЬ - УРАН. "ВОЙНА В АФГАНИСТАНЕ НАМ ВЫГОДНА".

УДАР ПО "ПАРЧАМ".

Документ (из сверхсекретного донесения израильской разведки "Моссад")13:

". . . . . .

. . . . . .

Согласно вашим указаниям, предоставляю свою ориентировку плана NX.

Для стабилизации обстановки в регионе и в дальнейшем поворота ее к нашим интересам необходимо в первую очередь заставить уйти с Ближнего на Средний Восток Советский Союз. Для этого, на мой взгляд, ныне представляются благоприятные возможности в связи с событиями вокруг Афганистана. Необходимо безотлагательно направить все наши усилия на то, чтобы афганские лидеры не прекращали просить не только экономическую, но начали настоятельно просить и военную помощь от СССР. Анализ обстановки дает основание предполагать, что его нынешнее руководство, даже без нашего влияния через своих лиц в Москве, способно пойти на этот шаг: если Анголе, Кампучии, Сирии, другим государствам, просившим того же, предоставлялись все-таки только оружие и советники, то в государство, с которым имеется общая огромная граница, Сов. правительство при определенной степени опасности поражения Апрельской революции может ввести какое-то количество войск. Положительный опыт с Чехословакией и Венгрией будет только

способствовать этому.

К тому же нынешний председатель КГБ СССР Ю. Андропов - лицо достаточно влиятельное в Политбюро - был в какой-то степени руководителем тех акций.

Следует взять в расчет и интересы Соединенных Штатов в том регионе. Если только мы добьемся ввода советских войск в Афганистан, мы столкнем две сверхдержавы, которые станут решать там свои тактические задачи. Америка в таком случае сделает все, чтобы не выпустить СССР из Афганистана, и тем самым подорвет и его политический авторитет в мире, и просто разорит экономически. СССР не умеет и не хочет понимать свои ошибки и потому будет стоять на афганских рубежах до последнего (По крайней мере пока не сменится правительство. Но в ближайшем окружении Брежнева я пока не вижу людей, мыслящих по-иному.) Афганцы же в свою очередь не позволят чужим солдатам, пусть даже и советским (а при необходимости подтолкнуть, посодействовать этому), находиться на своей земле (примеры - те же попытки англичан покорить эту страну).

В итоге СССР вместо друга заполучит фанатичного врага и волей-неволей вынужден будет переместить центр своего внимания из нашего региона на свой юг. Это будет пропасть, куда, хочет СССР того или нет, его будут толкать уже обстоятельства. Наверняка произойдет раскол и среди арабов в оценке действий Москвы. Все сведется к выяснению отношений СССР с мусульманским миром. Над этим клубком будут стоять, выгадывая свои интересы, США. Но над всем этим станет именно Израиль, добившись сразу стратегических задач в своих интересах.

Поддерживаю план NX в этой части.

Что касается Ирака. Это практически последняя страна в арабском мире, оставшаяся без нашего влияния (даже через третьи-четвертые страны). Если разыгрывать "исламскую" карту, желательно подтолкнуть Ирак к конфликту с любой другой страной региона. Это не только еще раз расколет арабов, но и ослабит нашего главного противника.

(Даю характеристику Саддаму Хусейну, полученную нами от графологов: "Автор этого почерка - подозрительная, агрессивная и нестабильная натура. Он упрям и не в состоянии объективно оценивать трудности. Индивидуалистичен, не может работать в коллективе и с большим трудом воспринимает рекомендации, советы, пожелания. Представляется трудным предсказать его дальнейшие шаги. Импульсивен. Готов идти на все ради достижения своих целей".)

Для ориентировки.

Эксперт Центра".

"Эксперту Центра.

Вы забыли представить свои соображения по поводу сырья, первые образцы которого мы получили из Афганистана.

. . . . . .
. . . . . .".
" . . . . . .
. . . . . .

Сырье, полученное из ДРА, не имеет аналогов в мире по степени своего обогащения. Однако нам для работы, насколько я понимаю, необходимы если не его промышленные разработки, то по крайней мере очень большие партии. Возможностей для этого пока нет. В случае же партизанской войны в Афганистане это будет делать в некоторых случаях значительно легче. Единственное, чтобы эти разработки находились в зоне оппозиции Кабула.

Нам нужна и важна война в Афганистане и по первой, и по второй позициям.

Эксперт Центра".

Ноябрь 1978 года. Афганистан. Район Ханнешин.

Деньги выдавали в последний день работы. Много денег - 20 тысяч афгани всего за месяц. Можно будет рассчитаться с долгами и быть спокойным за ближайшее будущее. Два дня назад такую же сумму получил Карим, они пересчитывали деньги вместе, помечая каждую стопку крестиком и перетягивая затем ее резинкой. Карим будет ждать его в поселке, и они вдвоем станут добираться до Кандагара. С такими деньгами вдвоем надежнее. А работа на руднике их не только объединила, но и проверила: укрывались от дождей одним одеялом, питались из одной миски и последнюю ложку каши всегда делили поровну. Руду - не золото, не лазурит, не рубин, - эту непонятную дорогую каменную крошку выносили из глубокого карьера в мешках, составляли их в пещере и ждали караван. Впрочем, какой это караван - десяток-другой осликов - больше говорил не о богатстве хозяина этого рудника, а о том, что путь этим мешкам предстоял не только неблизкий, но и большей частью по горным склонам, где лошадям и верблюдам просто не пройти.

Хотя это уже не важно, куда идет груз. Пошептывали они меж собой, что чуть ли не для оружия их руда предназначена, да только какое же это оружие можно сделать из крошки? Главное, хорошо платили. Много работали, но и хорошо получали. Теперь точно покроют все долги, а оставшиеся деньги можно отложить на свадьбу или решиться и купить какую-нибудь лавку. Торговля дело почти всегда верное. Если оно сегодня заберет у тебя сто

афгани, завтра вернет двести. Можно сказать, что повезло встретить вербовщика на эти работы. Месяц - и 20 тысяч. Где еще такое возможно, если ты не врач, не мулла и не министр? Он уже приготовил 20 веревочек - перевязать двадцать пухлых зеленых стопок. И это будет сегодня, сейчас, через несколько часов. Ослики уже стоят около пещеры, после намаза их загрузят - и в путь. А перед этим выдадут деньги.

- Махмуд! - позвали из домика, где жил хозяин рудника. - Получи расчет.

Деньги вынес тучный охранник, все время перебирающий рубиновые четки. Он же обычно и провожал, и встречал караван. Значит, все. В путь. Кончился рабский труд от первого намаза до последнего. Одежда истрепалась, туфли держатся на подвязках, голова идет кругом от недосыпания и голода. Но выдержал, выдержал! Теперь - в родной Кандагар. А завтра, а может уже и сегодня, на его место приведут новенького, отмерят ему ровно месяц и дадут в руки кирку и мешок. Выдержишь - и испытаешь счастье человека, имеющего деньги.

А денег было много. Истрепанные, затасканные, они кучей лежали на пороге дома. Побывавшие в сотнях рук, они тем не менее собрались вместе, чтобы осчастливить изможденного работой человека. Аллах акбар!

Махмуд начал торопливо пересчитывать деньги. Афгани оказались еще старее, чем показались на первый взгляд, кое-где надорванные, с многочисленными пометками, ясными только их бывшим владельцам. Но теперь их владелец он, Махмуд. Они с Каримом тоже ставили черным карандашом в углу каждой тысячной бумажки крестик. Вот как на этой - в руки Махмуду попалась стоафганиевая бумажка, и он отложил ее в сторону: когда сам дойдет до тысячи, сверху тоже положит ее.

Самое странное, что деньги имеют вес. Бумажные деньги. Это сколько же надо держать их в руках, чтобы впервые в жизни ощутить это. Вторая тысяча готова, а вот и вторая бумажка с черным крес...

Махмуд вздрогнул. Нет, замер, покрывшись потом. Не смея пошевелиться, глядел на черный крестик. Откуда эта бумажка? Он сам, лично сам ставил этот крестик. Это первый его крестик. Волнуясь, он тогда сильно нажал на карандаш, и тот сломался. Вот здесь, на этом месте... Да, это те самые сто афгани. Те самые. Откуда они у хозяина? Где Карим?

Медленно, страшась увидеть что-то непонятное, поднял голову. Вокруг было пустынно. Те четырнадцать человек, с кем он работал этот месяц, были в карьере, хозяин с погонщиком - в доме. А под ладонью, под ладонью...

Торопливо, уже не считая, он стал рыться в деньгам, отыскивая свои пометки. Ровно двадцать. Это деньги Карима!

Бежать, бежать отсюда. Дорога одна - через разрушенную дорогу, но там сделан мосток. Что же произошло с Каримом? Или... или все-таки он ошибся мало ли ставит людей крестиков на деньгах? Вот и зеленые кружочка были, и красные черточки...

- Готов? - из дома вышел охранник. Четки на солнце показались Махмуду нанизанными друг на друга застывшими каплями крови. - Торопись, сейчас выходим, - грянув на деньги, добавил он и пошел к ослам.

Не считая, перехватывал Махмуд деньги веревочками. А в голове вертелось: что делать? что делать? куда их положить? Если погонщики в конце пути отбирают деньги, то надо хоть немного спрятать. Под рубаху. Нет, лучше под шаровары. Привязать к ноге - не найдут. А лучше - бежать. Сразу после того, как перейдут мост.

А вдруг у них оружие?

Замер, но внутри кто-то подсказывал: торопись, торопись!

Успел одну стопку подвязать под колено и опустить брючину - вышли погонщики. Пятеро. Переступили через разложенные деньги, пошли к пещере. Конечно, что им эти 20 тысяч. Они знают, что через некоторое время отберут их и вновь предложат тому, чей договорный срок на работу истекает завтра. Кто уходит отсюда завтра? Али? Как бы предупредить его?

- Пошли, - позвал охранник. Четки - капли крови - легко сквозили сквозь пальцы. Да, бежать! Только бежать.

Пачка под коленкой мешала идти, казалось, все видят, как задевает она шаровары. Сколько же он успел там спрятать? Хотя бы тысяч пять... А если начнут обыскивать?

Тропа круто уходила вверх. Погонщики вынуждены были даже придерживать навьюченных мешками ослов, чья тонкие ножки дрожали от натуги и напряжения. И что такого ценного в этой урановой руде? Что может быть дороже золота? Следит ли кто за ним?

Нет, внимание всех вроде бы приковано к дороге. Или только делают вид, что не замечают его? Впрочем, пока отсюда деться некуда, надо идти до моста. А что там? Какая дорога там? Как же он не запомнил ее, когда шли сюда? Хотя нет, его вели в сумерках. А может, специально в сумерках, чтобы не запомнил обратного пути? Аллах, милосердный и милостивый, помоги!

Показался наконец мост - две доски от одного края дороги до другого. Справа - скала, слева - обрыв с желтыми уже шарами верблюжьей колючки внизу. Пока будут переводить ослов, он убежит. За мостом, слава Аллаху, поворот. Что за ним -

неизвестно, но бежать надо сейчас, сейчас...

Караван остановился. Охранник проверил ногой доски, осторожно перешел на ту сторону. Погонщики стали толкать на мост первого осла. Тот упирался, мычал, изо рта текла слюна, глаза со страхом смотрели в пропасть, но его тянули и толкали с такой силой, что он по сантиметру, но уступал, продвигался вперед. А ступив передними ногами на доски, инстинктивно почувствовав, что спасти себя сможет только сам, перестал сопротивляться, медленно, осторожно пошел по доскам.

"Так и я, - решился окончательно Махмуд, выходя вперед. - Пока они будут возиться со вторым, я перейду - и в горы. Не спешить, чтобы ничего не заметили и не поняли".

Дождавшись, когда погонщики перейдут обратно, ступил на доски сам. На той стороне только охранник, к тому же он присел, начал зашнуровывать ботинки. Пистолета не видно, пока он его достанет... Быстрее! Уже середина.

- А-а-а!

Охранник, присевший якобы над ботинком, вдруг резко дернул в сторону край доски. Махмуд, хватая руками воздух, попытался еще устоять на одной ноге, но через мгновение и вторая доска рванулась, ушла из-под ног в сторону.

- А-а-а!

Понеслись навстречу песочные пятна колючки, острые выступы скалы. Единственным спасением от них было отвернуться, зацепиться хотя бы взглядом за дорогу...

Наверху охранник спокойно укладывал рядышком доски. Двое погонщиков спускались по еле заметной тропинке к распростертому на камнях телу, остальные подталкивали упрямившегося ослика.

Документ (из переписки советского посла с МИД):

"Запись беседы с Генеральным секретарем ЦК НДПА, председателем Революционного совета, премьер-министром ДРА Н. М. Тараки.

22 ноября 1978 года.

Вместе с министром геологии тов. Козловским Е. А. был принят Н. М. Тараки...

Н. М. Тараки спросил, представляют ли практический интерес проявления урана в районе Ханнешина.

Министр геологии СССР ответил, что для определения размеров урановых проявлений в Ханнешине необходимо провести специальные комплексные исследования.

- Я вспоминаю время, - сказал Тараки, - как в 1938 году, будучи молодым журналистом, я задумал написать серию статей о полезных ископаемых страны. Узнав об этом, товарищи

отговорили меня от этой затеи: мол, нельзя писать о полезных ископаемых Афганистана, иначе англичане могут узнать о них, захватить их, не дадут народу воспользоваться богатствами своих недр.

Сейчас времена изменились, и мы с большим удовольствием принимаем в Афганистане министра геологии дружественного Советского Союза, помогающего нам разрабатывать недра страны на благо афганского народа...

Посол СССР в ДРА А. Пузанов".

25 ноября 1978 года. Москва. ЦК КПСС.

В дверь постучали тихо и уважительно, но открыли сразу, не дождавшись разрешения.

- Николай Нестерович? - спросил вошедший, небольшого росточка, плотно сбитый мужчина с кавказскими чертами лица. За его спиной стоял еще один посетитель.

- Да, проходите, проходите, пожалуйста, - пригласил гостей Симоненко. Подал руку: - Михаил Александрович? - попытался узнать в крепыше представителя института, занимающегося зарубежной геологией.

- Да, - улыбнулся тот и сделал шаг в сторону, давая возможность Симоненко поздороваться со своим спутником.

- Виктор Константинович, - представился тот первым.

- Из... - начал было Симоненко, но тот, утвердительно кивнув головой, перебил:

- Да.

- Пожалуйста, рассаживайтесь. Чай, кофе?

Геолог и кагэбэшник переглянулись, одновременно пожали плечами: все равно. Хозяин кабинета наклонился к селектору:

- Вера Васильевна, кто у нас сегодня дежурит? Лена? Пусть занесет в мой кабинет чай. На три человека. Спасибо. Ну а мы, чтобы не терять времени, начнем. - Заведующий сектором удобнее уселся в кресле. Собственно, вы знаете, о чем речь, - полезные ископаемые Афганистана. Эта страна - мой сектор, мое направление, и мне просто нужно уточнить некоторые детали в этом вопросе. Михаил Александрович, я просил вас захватить карту...

- Да, конечно, принес. - Геолог достал из папки небольшой квадратик, развернул его, уместив на столике, у которого они сидели. Симоненко встал, прошел к ним, наклонился, вглядываясь в условные обозначения. - Только сразу хочу предупредить, что эта карта - скорее состояние геологической изученности территории Афганистана, а не ее потенциальных возможностей. Несмотря на все изыскательские работы, которые до сегодняшнего времени удалось провести, Афганистан

продолжает оставаться терра инкогнито неизвестной землей, неоткрытой кладовой. Кто будет владеть ключом от этой кладовой, тот может быть спокоен за свое будущее.

- Когда начинали работать в Афганистане наши геологи, когда западные? - спросил, изучая карту, Симоненко.

- Так, сейчас вспомню точно. - Михаил Александрович вскинул голову, прищурил глаза, и ему на помощь пришел представитель КГБ.

- В 1958 году СССР, Чехословакия и Румыния приступили к поиску нефти и газа на севере страны, в 1963-м проведены первые работы на твердые полезные ископаемые, - отчеканил он.

- Да, это так. - Михаил Александрович вначале согласно улыбнулся, а потом с долей ревности посмотрел на сидящего напротив худощавого высокого мужчину, с которым он встретился у дверей Симоненко: кто это лучше его знает Афганистан? - Да, Афганистан был по-джентльменски поделен на две части: север изучали мы, юг - западники. Граница проходила вот здесь, чуть ниже Кабула.

- До тридцать пятого градуса широты, - вновь уточнил Виктор Константинович, и на этот раз геолог замолчал: хотите - докладывайте сами.

Симоненко уловил настроение, кивнул Михаилу Александровичу:

- Рассказывайте, рассказывайте, Виктору Константиновичу по долгу службы следует знать некоторые частности, а нам нужна и общая картина.

Принесли чай, горячий, с танцующим по поверхности паром. Каждый сделал несколько осторожных глотков, и все дружно отставили стаканы - пусть остынет.

- К моменту начала работ мы уже знали, что в Афганистане имеются каменная соль, уголь, лазурит, железо, мелкие россыпи золота, рубиновые копи, изумруды, медь, ну и нефть и газ соответственно, - продолжал геолог. - Работали мы чуть меньше западников, ведь у нас были преимущественно горы, рано ложился снег. Но накануне семидесятых годов афганский департамент геологоразведочных работ стал приглашать нас на некоторые оценочные работы на юг.

- Разрешите, - на этот раз деликатно вступил в разговор Виктор Константинович. - К этому времени к афганцам просочились сведения, что американцы и немцы обнаружили и скрыли от афганского правительства залежи радиоактивных минералов. Это вот здесь, севернее Кандагара. Японцы и французы нашли урановую руду под Лашкаргахом, десятки точек. И тоже была попытка утаить это от правительства.

- Каково содержание урановых руд в Афганистане? - посмотрел Симоненко вновь на Михаила Александровича.

- В Афганистане она самая обогащенная в том регионе - до пяти - десяти процентов. А так обычно десятые доли процента.

- Как вы думаете, могли там производиться разработки?

- Думаю, вряд ли. Хотя опробование точек конечно же могло быть, уловив наконец, что больше интересует ЦК в геологии и Афганистане, стал более конкретен и Михаил Александрович. - Могу добавить, что на экспорт Афганистан отправляет асбест, лазурит - по пяти шести тонн в год, не больше...

- Куда?

- В Америку и ФРГ. Затем берилл...

- Это для чего?

- Для ракетостроения, самолетостроения. Мы раньше не имели технологии работы с ним, поэтому все эти годы берилл поставлялся только в США.

- Еще добавление, - попросил представитель КГБ. - Со времен второй мировой войны Америка на 90-99 процентов пополняет свои запасы хрома, берилла, слюды и марганца за счет импорта, и в большой степени афганского. Основное внимание в последние годы американцы уделяли в стране поиску нефти и урана.

- Ясно. А чем расплачивается Афганистан с нами?

- Газом, - виновато развел руками Михаил Александрович: газ, конечно, совсем не звучал рядом с хромом, ураном, бериллом. - Просто газ окупается в течение года, и наши южные республики существенно улучшили свое снабжение газом именно за счет Афганистана.

- Ну, допустим, не за счет, - поправил впервые Симоненко. - Наши изыскные работы, как я понял, дали Афганистану многое.

- Конечно. Не говоря уже о месторождениях, которые мы полностью отдаем им, мы, собственно, подготовили для страны и первых специалистов. Например, если раньше с нашими геологами ходило два-три афганца-стажера, то теперь все наоборот: в афганской партии находится всего два-три наших специалиста. В этом году появились первые кандидаты наук по нашему профилю среди афганцев. Это ли не достижение? Конечно, кто-то искал себе в Афганистане выгоду, - вернулся Михаил Александрович к соотношению афганского экспорта в Америку и СССР, - но зато мы просто честно выполняли то, о чем просило нас афганское правительство. Честно и добросовестно, и никто никогда не упрекнет советских геологов за это.

- Много сейчас там наших специалистов, Михаил Александрович? сдерживая эмоции геолога, вновь вернул в спокойное русло разговор Симоненко.

- Да, много. Знаете, в Афганистане, куда ни пойдешь, что-нибудь да найдешь. Ориентация у афганцев на нас полная. Не поверите, но в иных местах наших пологов встречают лучше, чем в некоторых районах нашей Средней Азии. Честное слово! Поесть, заночевать, достать лошадей - это никогда не было для нас проблемой. Ночевали подчас в мечетях - святынях, можно сказать, мусульманских. Первый вечер и утро местные власти кормили всегда как лучшего гостя, и только бесплатно. О, Афганистан - это прекрасно!

- Ну что же, - вернулся на свое место Симоненко. - Кое-что вы для меня прояснили. Доклад и справки свои вы мне оставите, - протянул он руку за листочками, которые гости вытащили из своих папок. - Да, совсем забыли про чай. Вера Васильевна, ради Бога, пусть Лена принесет нам еще чайку, а то этот остыл...

27 ноября 1978 года. Кабул.

Заплатин хотел уже вылезти из машины, когда прервалась музыка в хрипящем радиоприемнике и водитель с переводчиком разом прильнули к нему, вслушиваясь в сообщение диктора. Он вынужден был толкнуть старшего лейтенанта - не забывай переводить, и тот запоздало кивнул. Неделю назад Василий Петрович убрал от себя Диму, прежнего переводчика, узнав, что тот отчитывается перед представителем КГБ о всех встречах Заплатина и его беседах, причем не только с афганцами, но и со своими товарищами. А он, глупый, еще удивлялся, откуда у представителей особого отдела полная информированность о его делах. Заметив, что Дима после каждой встречи под любым предлогом хоть на несколько минут, но исчезает в комнате особистов, вызвал его и приказал собирать вещи. Слежка возмутила, выбила из колеи: неужели и в наше время еще существует подобное? То, что необходимо, он сам доложит куда следует, а иметь под боком человека, который следит за каждым шагом и каждым словом - увольте! А если нет доверия, он уедет в Союз тут же.

- Да ничего не рассказывал, зачем поднимать шум, - после того как он выставил из кабинета переводчика, прибежал особист. Но это лишний раз подтвердило, что именно к ним прокладывал дорожку Дима. - Хотите, поменяйте его, берите любого другого на выбор.

- И что, любой точно так же будет вас информировать?

- Василий Петрович, мы выполняем здесь каждый свои задачи. Вам нужен переводчик или вы сумеете обойтись без него? - наконец прямо поставил вопрос особист.

Спросил, прекрасно зная, что не обойдется. И вот теперь идет притирка Заплатина с новым переводчиком.

- Ну, что там? - поторопил Заплатин. - О пленуме?

- Да, сейчас, - отозвался старший лейтенант.

О сегодняшнем пленуме ЦК НДПА знали немногие, но ели решили передавать по радио сообщение о его работе, значит, он уже закончился.

- Значит, так, - устраиваясь поудобнее, начал переводчик. - Идет информационное сообщение о пленуме. Семь членов ЦК и два члена Ревсовета Бабрак, Кештманд, Нур, Анахита и другие, всех не запомнил, которые принимали активное участие в предательском заговоре... - В этом месте переводчик догнал диктора и начал переводить синхронно: - ...против Великой Апрельской революции, против ДРА и против нашей славной партии, из которых шестеро не вернулись на родину, с тем чтобы дать отчет о своих делах, исключены из НДПА.

Сделал паузу диктор, перевел дыхание переводчик. Вновь сначала вслушался в текст, зазвучавший в эфире, потом начал перевод:

- Четыре члена ЦК, фамилии все незнакомые, которые тоже причастны к этому заговору, на данном этапе исключаются из состава ЦК и переводятся в кандидаты в члены партии, с тем чтобы они могли бы перевоспитаться на основе критики и самокритики... - Послушав еще немного, сообщил: - Через несколько минут будут передавать текст выступления Тараки на пленуме.

Ну что ж, и без речи Тараки итог ясен. Значит, удар по "Парчам" нанесен под самый корень. Тут уж приходится думать, для блага ли это самой партии, да и страны в целом? Что выиграет, что потеряет Тараки после этого пленума?

- Я буду у главного военного советника, там у него и послушаю продолжение. А вы на сегодня свободны, - отпустил машину Заплатин.

Глава 11

ЗАПЛАТИН - ВО ГЛАВЕ АРМИИ. - КОРАН ЗАПРЕЩАЕТ БРАТЬ ЧУЖОЕ. - АРМИЯ ПОД ПРИСМОТРОМ АМИНА. - "НЕ В НАШИХ ИНТЕРЕСАХ ДЕЛАТЬ МОСКВЕ ТАКОЙ ПОДАРОК".

Конец 1978 года.

С 1978 годом Афганистан прощался сравнительно спокойно. Собственно, это был и не его праздник: по календарю лунной хиджры мусульманин вступает в новый год - Навруз - в середине марта. Но в Кабуле к этому времени собралось такое число советских специалистов и советников, что афганцы тоже почувствовали 31 декабря праздником. Их приглашали в гости, и они с радостью соглашались, образно говоря, дважды ступить в одну и ту же воду.

Но как легко мы расстаемся с уходящим годом! Словно был он или страшной обузой, или пролетел так быстро, что и вспомнить, помянуть добрым словом его жаль времени. Счастья - в новом году, здоровья и успехов - в новом. Новый год как заклинание от всех напастей и бед. Пьем за новый год, говорим о нем, думаем, мечтаем... А нам бы плакать по уходящему, в первую очередь потому хотя бы, что это уходит часть жизни. Уходят 365 дней, в каждом из которых опять-таки целых 24 часа. А сколько раз порой не хватает нам всего одной минуты! Одной! Для счастья, для удачи, для предотвращения трагедии. Нет же - за новый год. Наверное, многое в нашей жизни и не получается именно потому, что наступающий год, еще ничего не сделавший, принимает в свою честь столько здравиц и восхвалений, что большую часть своего времени просто почивает на этих незаслуженных лаврах. А ведь только уважая вчерашнее, можно чего-то добиться завтра. Даже прийти в завтрашний день нельзя, минуя сегодняшний.

А пожелания с Новым годом - это всего лишь надежда. Без пота, без плоти. Конечно, пусть сбудется, без нее, говорят, вроде нельзя, но все равно жаль, что в Новый год мы не ценим по достоинству того, что теряем...

Что уходило с 1978 годом в Афганистане?

Уходил год Великой Апрельской революции - к этому времени ее уже стали называть именно так. Великий вождь и учитель Нур Мухаммед Тараки, чьи портреты незаметно заняли стены домов, кабинетов, школ, больниц, уверенно вел афганский народ к построению бесклассового общества. Были приняты главные законы страны - о земле и воде. Ну и самое историческое событие под занавес года - подписание 5 декабря с Советским Союзом в Москве Договора о дружбе и взаимной помощи.

Вопрос о подписании Договора представлялся настолько важным, что 2 декабря специально был созван пленум ЦК НДПА, на котором утверждался состав делегации. Кроме подписания Договора планировалось заключение множества соглашений практически во всех областях, и пленум после долгих дебатов решил: в Москву выезжает все афганское правительство. Единственное - решили не называть в прессе в составе делегации Амина: пусть все думают, что в стране остался он. Тараки же перед самым отлетом вызвал к себе Заплатина:

- Товарищ Заплатин, мы все улетаем завтра в Москву на подписание Договора.

- Счастливого пути, - пожелал генерал, еще не зная о цели вызова.

- Спасибо. Ну а управление армией мы решили доверить вам.

Остаетесь старшим.

- Я? - Заплатин быстро перебирал в памяти приближенных Тараки: а почему не Амин? Значит, он тоже летит? Но тогда ведь есть еще главный военный советник. Посол, наконец.

Тараки словно угадал его мысли:

- Понимаете, для нас армия - это все. Наш народ любит армию, а в армии уважают вас. Так что придется дня три-четыре побыть главой.

- Есть, товарищ Тараки.

- Вот за это я и люблю военных, - обнял Василия Петровича Генеральный секретарь.

В Москве афганской делегации оказали самый теплый прием, какой только можно было ожидать. Открыт, откровенен и любезен был Брежнев. Амин очень плодотворно провел переговоры по военным вопросам в Генеральном штабе с Огарковым. Здравоохранение, геология, торговля, туризм - все подписывалось, прогнозировалось на будущее. Разве только что о полете в космос не договорились. Удачным виделся Договор для обеих сторон.

На фоне всего этого были, конечно, и тучи на афганском небосклоне. Достаточно сложно шла земельная реформа. Тут впервые революционное правительство столкнулось с парадоксальной ситуацией. Крестьяне, умиравшие от голода, мечтавшие и молившиеся о клочке земли, ее, конфискованную у феодалов... не брали.

- Земля не моя, а Коран запрещает брать чужое, - открещивались они от подарка революции.

Конечно, не только и не столько Коран являлся причиной отказа. Помещики широко разводили руками, представляя земельным комитетам свои поля, - берите, ничего не прячу. Дружелюбно приглашали гостей испить чашку чая. Но зато ночью к тем, кто осмелился взять себе надел, приходили нанятые баем нукеры. И уже на следующий день во всей округе трудно было найти человека, который согласился бы взять землю, - жизнь дороже. А что делать, если новая власть - только до наступления сумерек. Бумажка с непонятной печатью не защищала от ночных гостей.

И получилось к осени: землю-то отобрали, а отдать ее оказалось некому. И остались незасеянными многие поля, в кишлаках и аулах с тревогой начали перебирать съестные запасы, молясь на чудо, которое смогло бы спасти от голодной смерти зимой.

Чудо пришло с севера. Потянулись в Афганистан колонны с мукой, рисом из Советского Союза. Правда, докладывали потом

советники, когда стали делить, распределять продукты, не оказалось под рукой самого малого обыкновенной мелкой тары. Зато тут же отыскались американские коробки, небольшие мешки. И сыпалась русская мука в мешки с американской эмблемой и английскими словами, и развозилась по кишлакам и пастбищам, и молились афганцы гербу и флагу Соединенных Штатов. Но не до этих, казалось бы, мелочей было советским людям, а тем более афганцам. Главное, поддержать народ, а с остальным сочтемся и разберемся потом. Не случайно в конце сентября совпосол Александр Михайлович Пузанов передал в МИД запись беседы с послом Индии в Кабуле Сингхом: "Вначале посол сказал, что, находясь в Москве, из бесед с советскими руководителями А. Б. Ванджпаи (министр иностранных дел Индии. - Авт.) понял, что Советский Союз, будучи близок к Афганистану, якобы стремится не демонстрировать особо такую близость. По мнению А. Б. Ванджпаи, это весьма разумная и мудрая политика... В отношениях между братьями вовсе не является необходимым демонстрировать большую общность взглядов, близость, к тому же в условиях, когда это может стать поводом для нападок врагов..."

Не все ладилось у кабульского правительства и с духовенством. Народ продолжал верить муллам больше, чем секретарям партийных комитетов. Мало кто из священников открыто и безоговорочно поддержал революцию, а после конфискации у них земель число священнослужителей вообще уменьшилось: стали уходить они в Пакистан. Правительство махнуло рукой - обойдемся без них, словно забыв, что слово муллы для мусульманина - закон.

- Новое правительство не ходит в мечети, - как святотатство передавалось из уст в уста.

Агитаторы, противостоявшие этому, были, как правило, молоды и горячи, и их или не слушали, или просто убивали как неверных, идущих против воли Аллаха. Листовки же, которые они приносили, все равно попадали к муллам: кроме них, в округе читать все равно почти никто не умел. А уж те читали то, что нужно.

Именно после таких "прочтений" появились в Афганистане и ответные листовки, впервые за все века призывавшие бороться против русских.

"Срочная информация!

К сведению истинных мусульман.

Программа Тараки, или то, к чему он стремится.

1. Несомненно, что тот, кто недостойно ведет себя, тот кяфир (неверный. - Авт.).

2. Соотечественники делают родину неверной.

3. В угоду русским они попирают честь мусульманина.

4. Отбирают землю и имущество мусульман.

5. Сыновья Советов (НДПА) говорят: у вас не будет женщин, земли и золота.

6. Будет уничтожена религия ислам и улемы.

7. Русским отдают землю и родину.

Мусульмане, запомните все это.

Смерть русским прислужникам!

Смерть английским прислужникам".

Не принесло авторитета новой власти и такое новшество, как создание партийных ядер. Коммунисты, опасаясь за жизнь многочисленных родственников, просили направлять их на работу в другие провинции. Началась великая перетасовка: формировались партядра и направлялись в различные регионы страны. Партийцы, не имеющие корней в своей зоне ответственности, не знающие людей, обстановки, настроений, не имели и авторитета. Они были большей частью "короли на день", так как ночью вынуждены были запираться в уездных комитетах и ощетиниваться оружием до утра.

Вселяла надежду лишь некоторая стабильность в партии после того, как 5 июля лидеры "Парчам" были назначены послами и выехали из страны. А арест Кадыра и последовавшее тут же увольнение из вооруженных сил около восьмисот командиров всех рангов, от генерала до сержанта, позволили говорить об единстве и среди военных. Роль министра обороны взял на себя Тараки, хотя все прекрасно понимали, что и этот воз будет везти на своих плечах его любимый ученик.

- Товарищ Тараки, сколько же можно на одного человека взваливать? спрашивал Заплатин, перечисляя обязанности Хафизуллы Амина к тому времени: заместитель премьер-министра, министр иностранных дел, секретарь ЦК, член Революционного совета.

Улыбался Тараки:

- Товарищ генерал, у нас в Афганистане нет такого другого человека, как Амин. Если ему еще одно министерство дать, он сможет работать и там. И пусть работает.

А министерству обороны работы все прибавлялось. Начали понемногу волновать банды, подучившиеся в Пакистане, они появились в восьми провинциях из двадцати семи, иногда даже отваживались принимать бой против небольших подразделений правительственных войск. Ухудшились, если не сказать, что прекратились вообще, отношения с Китаем, Ираном и Пакистаном. Долго проясняли свою позицию к Кабулу

американцы, и только 1 декабря государственный секретарь Вэнс отправил в посольство в Кабуле секретную шифрограмму: "...один из возможных вариантов для нас мог бы заключаться в прекращении нашей деятельности в Афганистане, но мы считаем, что это было бы обескураживающим для его соседей и не сочеталось бы с их политикой. ДРА не просила нас укладывать чемоданы и отправляться; наоборот, она приняла нашу политику сохранения нашей заинтересованности и присутствия.

Прекращение наших усилий в Афганистане выглядело бы, как если бы мы сняли с себя ответственность, что отвечало бы одной из главных целей Советов, которая заключается в дальнейшем сокращении американского и западного влияния в Афганистане и в регионе.

Было бы не в наших интересах делать Москве такой подарок".

Интерес Соединенных Штатов в первую очередь проявлялся в финансировании и в небольших, но поставках оружия для банд, засылаемых в Афганистан. Это в свою очередь заставляло афганское руководство кроме традиционного дружеского отношения к Советскому Союзу смотреть на него и как на защитника, который поможет выстоять первое время. В мире ведь нет совершенно нейтральных государств: одни революции искали поддержку у социалистического лагеря, другие, которые мы, как правило, называли контрреволюциями, охотно брал под свое крылышко Запад. И все надеялись на лучшее завтра.

Надеялся на будущее и Тараки: народ ведь должен был понять - все, что делается в стране, это ради блага афганцев.

Глава 12

ИЗ ВДВ - В КАВАЛЕРИЮ. - МЫ СЛАБЕЕМ У ЖЕНСКИХ НОГ. - "ЖЕНЩИНА - ЭТО МИНОИСКАТЕЛЬ..." - МОЛНИИ В НЕБЕ ДОЛГО НЕ ДЕРЖАТСЯ. - ОКСАНА ДЛЯ БОРИСА. "МАНЕЖНЫМ ГАЛОПОМ - МАРШ!"

31 декабря 1978 года. Узбекистан.

Жизнь крутанула Бориса Ледогорова так, что сорвала резьбу и пошла вертеть вхолостую. А как сказать иначе, если встречал он Новый год в одиночестве в небольшом узбекском городке на должности командира взвода вьючно-транспортной роты кавалерийского эскадрона. И слыхом не слыхивал про такое, а вот оказалось, что лазит еще по Памиру наша кавалерия и закрывает какие-то перевалы, до которых не может добраться ни авиация, ни пехота. И аккурат под ЧП в Суземке освободилась в эскадроне его нынешняя должность. Так что не права пословица, будто "дальше Кушки не пошлют, меньше взвода не дадут"14. Кушка и саперный взвод были бы для Бориса благом, а здесь изучай, с какой стороны подходить к коням и когда их кастрировать...

За бутылкой вина, в углу казармы, отгороженном устаревшими плакатами, провожал 1978 год бывший десантник, бывший сапер Борис Ледогоров. На кровати лежало нераспечатанное письмо от Желторотика, оно притягивало к себе. Борис ловил себя на том, что смотрит на него по нескольку минут, но держался, решив открыть его ровно в двенадцать: все не один будет.

И неожиданное письмо, и прощание со старым годом подтолкнули к воспоминаниям, к горячему соприкосновению с тем, что хотелось бы забыть, вычеркнуть из жизни и памяти.

Борис поднял письмо, пристроил его на заваленной всякой ерундой тумбочке, лег на кровать. Когда-то давным-давно, сто лет назад, летом, он лежал на нарах в палатке рядом с Леной и боялся поднять руку. А сейчас ворочайся, раскидывайся, хоть поперек кровати, пожалуйста, ты свободен. Радуйся. Да только грусть и боль от такой свободы...

Старший лейтенант повертелся, устраиваясь удобнее, прикрыл глаза...

Июль 1978 года. Суземка.

Саперы говорят, что они ошибаются все-таки дважды, и первый раз, когда выбирают профессию.

Но любил Борис Ледогоров свою саперную науку до самозабвения. Она была делом, которое требовало чаще, чем перед кем бы то ни было, становиться на колени. Которое признавало только уважение и аккуратность. Забитые землей ногти. Дело, совершая которое, уважаешь самого себя, которое заставляет окружающих ценить тебя. Дело без дураков и нахрапа.

Борис, конечно, не мог похвалиться огромным количеством обезвреженных мин и снарядов, не было в его практике и чего-то такого необычного, о чем трубили бы газеты. Тем не менее руку на всевозможных выездах набил и чувствовал себя уверенно.

Но ведь проклянешь и хлеб, коли станет комом в горле.

С его приездом к поисковикам, как понял Борис, особой быстроты в работе не прибавилось. Определить, где есть в земле металл, - дело минутное, а остальное-то по-прежнему делалось малой саперной лопаткой да пальчиками. Серьезных находок по его саперной части не попадалось, с мелочевкой разделывался на месте и постепенно, забыв разграничения в работе, вторгся во владения Желтиковой. Сначала начал освобождать от земли и кореньев кости, потом определять по ним, сколько человек откопали. Раньше думал, что это делается по черепам, но оказалось, по берцовым костям: две положил - вроде уже и человек.

Съездил с Юркой в Сошнево, там в плотницкой мастерской

делали гробы для перезахоронения. Дед Чудрил, с вечной самокруткой во рту, вначале сбивал небольшие домовины, но как-то зашли бабы, подняли шум.

- Что ты колотишь, хрыч старый. Ты не детей хоронишь, а мужиков наших. Давай делай домовины мущщинские, большие.

Дед Чудрил поворчал, но забросил уже готовых "малышей" на полок, авось пригодятся, не пропадать же добру.

- Раньше надо было искать да хоронить, - бурчал он в желтые прокуренные усы. - Спохватились. А я помню, как после войны другая команда пришла-то: в первую очередку искать и сдавать медные гильзы. Рупь восемьдесят копеек за килограмм. Старыми, конечно. Металл был нужен стране, а не мы, солдаты.

Дед пробыл на фронте часов пять, ему оторвало пятку при первой же бомбежке, и он был списан из действующей армии подчистую. Но все равно фронтовиком считался и не забывал напоминать об этом другим.

Наведывался в лес и военком. Сначала привез обещанную еще при первой встрече карту с указанным местом подрыва боеприпасов - на всякий случай, а потом отвез в райцентр Юрку и Сашку сдавать последний экзамен. Заканчивалась стажировка и у Сергея, Ледогоров кивнул и ему на "уазик": давай, езжай с оказией, но курсант с такой мольбой посмотрел на своего командира, что старший лейтенант, даже не оглянувшись на Улыбу, все понял и смолчал.

Так и остались в лагере он с Булановым, Филиппок да Лена с Настей.

- Все, сегодня выходной, - решительно сказала Лена, когда скрылась за листвой деревьев машина.

- Выходной, выходной, - запрыгала, хлопая в ладоши, Настя.

Ледогоров и Буланов тоже были не против отдыха, и только Филиппок, хмыкнув, пошел в сторону палатки с уже завезенными к ней гробами.

Странные вообще-то отношения сложились у Бориса с ребятами. Поначалу они вроде потянулись к нему, он даже провел с ними несколько занятий по работе с миноискателем, но постепенно они начали сторониться и его, и Сергея. Причину долго искать не пришлось: кроме Сереги, дровишки заготавливать для Насти мечтали и Юрка, и Сашка. Улыба же, открытая душа, предпочтение отдавала курсанту, скрывать этого не умела, так что результат был закономерен. Там, где молодежь, опасно появляться со спичками любви.

Не мог похвастаться своей стойкостью в этой области и Борис, Уже на второй или третий вечер они прогулялись с Леной по лесу перед сном, просто так, как старшие в группе. А

укладываясь спать, увидел Борис совсем рядом так рядом, что почувствовал запах солнца, - увидел он рядом со своей подушкой светлые волосы Лены. Они притягивали к себе магнитом, и Борис, еще боясь, но уже и веруя, что девушка не отвернется, дотронулся до белых кудрей, перебрал их осторожно пальцами. Лена замерла - ему ли, промаявшемуся первую ночь, было не почувствовать это, но не отстранилась, не отвернулась. Наоборот, подтянула к его руке свою ладонь. Утихомиривая сердце, коснулся пальцев девушки. Тут же отнял руку - вроде случайность, нечаянность, извини. Проверяя себя и ее, через какое-то время опустил пальцы на ее ладонь. Чуть-чуть погладил подушечками пальцев, если Лева что-то и скажет, то ничего не было, ей это просто могло показаться. Но девушка ответила легким ответным нажимом, и только тогда Борис взял ее руку в свою. По телу пробежал озноб, и он чувствуя, что не в силах справиться с ним, а самое главное, не желая расставаться с этой томительной усладой, увлек руку девушки под одеяло. Там, в теплоте, в темноте и близости, они сцепились пальцами до боли, до хруста, и этим все сказали друг другу. Позови в тот миг кто-то из них другого из палатки, подальше от друзей-свидетелей, не думая о будущем, о всевозможных разговорах и догадках, ушли бы в лес, затерялись бы в его темноте, слились бы в объятиях. Но благоразумие взяло верх, а может, и не благоразумие, а еще неверие в происходящее, и они остались лежать, сцепив руки. А когда занемели пальцы и он медленно высвободил их, Лена, догадавшись, что будет дальше, вновь вся сжалась, замерла. "Так никогда не вырастешь", - улыбнулся мысленно Борис и прислонил ладонь к горячему бедру девушки.

И потерялись после этого вечера головы, и кусты вокруг Лены оказались столь густыми и высокими, что Борис уже и несколько минут не мог провести без нее. Что-то происходило между ними, свои отношения складывались у ребят, а он только ловил ее взгляды, ее прикосновения, ее слова и таял, таял, таял. Какое же это блаженство быть слабым, беззащитным у женских ног...

И когда захлопала в ладоши Настя, радуясь выходному дню, когда ушел в палатку недовольный, но нейтральный Филиппок, перекрестились взгляды Лены и Бориса, Насти и Сергея. Они оставались одни, доверяли друг другу и могли быть чуточку откровеннее в своих чувствах. Как хочется быть откровенным в своих чувствах при других.

- Товарищ курсант, - подойдя к Лене и тем самым отделяя Улыбу и Буланова, помогая им остаться одним, шутливо произнес старший лейтенант.

- Я, - также играя, с готовностью вытянулся и Сергей.

- Определяю вам сектор наблюдения. - Борис отмерил им участок леса от сих и до сих.

- Есть, - согласился тот, благодарно улыбнувшись: старший лейтенант взял инициативу на себя, и теперь все можно делать якобы в шутку.

Взял Настю за руку, кивнул в отмеренном им направлении:

- Извини, командир приказал.

- Молодежь, - стараясь скрыть свою нервность, проговорила Лена. Все-таки оставаться вдвоем вроде бы случайно - это одно, а чтобы вот так, почти в открытую...

- А у нас берез больше, - кивнул в противоположную от "молодежи" сторону леса Борис.

Какие березы, какие цветы и земляничные места - целуясь урывками, перебивая желание тут же, сразу за первыми деревьями обняться, убегали быстрее, быстрее от всех, подальше, еще дальше. Никого не видеть и не слышать. Только они в лесу, только они...

Остановились наконец около небольшой поляны, повернулись друг к другу. Обнялись, обласкались вначале взглядами.

- Здравствуй. - Борис наклонился, дотронулся своим носом до вздернутого носика Лены.

- Здравствуй, - прошептала она горячим шепотом.

Они уже не признавали встреч на людях, они здоровались, отмечали начало дня, только когда оставались одни.

- Ты сегодня необычно красивая.

- А вчера?

- Вчера была еще милее.

- Значит, сегодня хуже?

- Погоди, ты меня не путай.

- А ты не путайся, саперу нельзя ошибаться. Ну, так какая я сегодня?

Вместо ответа Борис легко подхватил ее на руки, закружил.

Сколько девушек кружили кавалеры среди деревьев, уже вроде должно было за тысячелетия появиться в генах у них равнодушие к этому. И какое счастье, что каждый раз любовь идет по новому рисунку.

- Ой, упадем, - обхватила Лена Бориса за шею.

- Ага, уже падаем, - согласился тот. Опустился на колени, положил девушку на траву. Лена, улыбаясь, закрыла глаза откинула голову, и старший лейтенант поцеловал ее напрягшуюся шею, ямочку между ключиц. Затем осторожно проследовал поцелуями за синим ключиком на куртке, открывающим женское таинство...

...Глупцы поэты, восхваляющие взрывы чувств при первом парашютном прыжке, при первой обезвреженной мине. Они просто или не знают, или забыли, или, что скорее всего, не способны уловить, что такое встреча с женщиной. Как все меркнет и тускнеет после этого...

- А ты знаешь, у меня никогда не будет детей, - вдруг тихо проговорила Лена, глядя на редкие белые облачка в синем-синем небе.

- Почему? - приподнялся Борис. Лена торопливо закрыла глаза, и он осторожно поцеловал ее дрожащие веки. На губах ощутил солоноватый привкус, отстранился, в волосы, за уши девушки уже пролегли два блестящих ручейка. Что с тобой, Лена? Ты что? Ленушка!

Она тоже встала, села к нему спиной, вытерла ладошками слезы.

- Извини. Просто жалко себя стало и... и чтобы ты знал, - наконец проговорила она.

Ледогоров, словно неуверенный гипнотизер, водил около ее плеч руками, не решаясь дотронуться: что надо делать с женщинами, когда они плачут? Успокаивать, сводить все к шутке, молчать, говорить, сочувствовать?..

- Все, Боренька, все, больше не буду, - и в самом деле успокоившись, повернулась Лена к нему.

- О, а глазки-то уже красные и носик успел распухнуть, - дотронулся наконец Ледогоров до щеки девушки. Она доверчиво потерлась о его шершавую ладонь, хотела что-то сказать или объяснить, но в этот миг раздался взрыв. Глухой, приглушенный расстоянием и листвой, но он подбросил их с места, потому что прогремел в стороне лагеря, а там... там Улыба и Буланов. Нет-нет, там же еще Филиппок, Филиппок...

- Боря, - окликала, звала отставшая Лена, но Ледогоров не оглянулся, не остановился. Прыгая через рвы, пни, поваленные деревья, отметая от лица ветки, мчался к лагерю. Нет ничего страшнее для сапера, чем невидимый им взрыв. Неконтролируемый взрыв. Неужели Филиппок?

Ноябрь 1978 года. Суземка.

На каждый случай есть в России своя песня. Поют люди на похоронах и на свадьбах. Когда остаются одни и прилюдно. С музыкой и без нее. С повода и просто так, потому что захотелось попеть.

Так же в России и плачут - на поминках и крестинах, от радости и горя, одиночества и от того, что невозможно человеку порой остаться одному. Плач и песня на Руси испокон веков очищали душу. И покуда поет и плачет народ, есть у него душа и

сердце.

В ноябре пело, пило, плакало Сошнево на проводах в армию Юрки Грача и Сашки Вдовина. Народу пришло много, в три захода садились за столы да еще выносили на улицу дедам-бабкам, которым на крыльцо подниматься-то лишний раз оказалось тяжело, не говоря уже о том, чтобы тесниться с молодыми на лавках в доме. Крестились перед выпивкой, прося у Бога прощения: мол, чем больше выпьется, тем легче плачется. А поплакать вроде бы надо...

Проводили солдат за село с гармошкой, там переобнимались. Которые помоложе, полезли в машины с красными флагами по бортам проводить до райвоенкомата, оставшиеся замахали руками - возвращайтесь. Матери сели в кабины, и по шляху, мимо грушенки, лога повезли их сыновей в армию. Все века Россия вынуждена была растить себе солдат. Судьбой и Богом было определено ей постоянно иметь то ли ближних, то ли дальних врагов, зарящихся на ее земли, ее богатства. И счастьем выходило России считать года, которые удавалось прожить без войны. Одна заканчивалась, а народ со страхом уже смотрел вперед: сколько сроку отпущено заживить раны, подрастить новых солдатушек, наделать нового оружья и откуда беда, враг-ворог заявится. И присказка главная: "Хоть бы умереть до войны". Плуг и винтовка стали символом Руси, хотя нам и хочется видеть в гербе лишь серп и молот. И не просто из-за разлуки плачут матери, провожая сыновей в солдаты. Слишком близка всегда была Россия, сама отнюдь не задира, к войне. И слезы матерей - это скорее и больше на "вдруг", на будущее, не приведи Господь.

А шли Юрка и Сашка к тому же еще и в десантные войска. Черданцев перед этим заехал в Сошнево, спросил Аннушку и Соню: есть возможность послать ребят вместе или в подводники, но это на три года и атом, или в береговую оборону, но это район Тихоокеанского побережья и у черта на куличках, или в десантники, вроде страшно, но рядом, в Белоруссию. Уговорил, доказал, что ВДВ - это в первую очередь порядок, это мужская гордость, а прыжки, ну и что, что прыжки, сотни и тысячи ребят прыгало и прыгает, и ничего.

Трудно, когда дают выбирать. Если есть один вариант - это вроде судьба, куда деться, когда же выбираешь - можешь потом всю жизнь жалеть, что поступил так, а не иначе. Плохо, когда выбираешь, плохо...

- Мишенька, ты уж по-свойски реши сам, как лучше, - митусилась перед выбором Соня. - Ой, Господи, мы же ничего в этой армии не знаем. Определи сам, по своему разумению.

Черданцев посмотрел на Аннушку, в хате у которой они

собрались "на совет в Филях", та беспомощно улыбнулась, и Михаил Андреевич решился:

- Все, в ВДВ.

В Суземке, во дворе райвоенкомата, Юрия, Сашку и еще пять-шесть ребят из других сел и в самом деле забрал молоденький лейтенант с парашютным значком на кителе. Прибежавшая на часок с работы Лена Желтикова даже спросила его, не знает ли он Бориса Ледогорова, но ответ услышать не успела: к ребятам пробился Филиппок, и Лена, прячась за людей, отошла, затерялась.

Издали кивнул заплаканным Соне и Ане снующий по двору с бумагами Черданцев, но подходить не стал. А Лену усмотрел, подозвал, попросил заглянуть в военкомат завтра - отыскал адрес Ледогорова, так что просьбу выполнил.

Вскоре электричка умчала призывников дальше, в область. Провожавшие же достали последние припасы, и свои ли, просто ли подошедшие на праздник всем наливали, предлагали выпить. Потом, как водится, нашлись те, кому обязательно надо подраться, малочисленная районная милиция подозвала водителей, приказала заводить машины и увозить "орды" по своим селам и деревням.

Все, отдали ребят в армию.

Соню и Аннушку Черданцев усадил в "уазик": "подброшу сам". Дождался, а где и подогнал, чтобы побыстрее разъехались от военкомата машины, разошлись по домам свои, суземские. К "уазику" вернулся с женой.

- Смотри-ка, видать, с женкой, - толкнула задумавшуюся подругу Сонька. - Вроде ничего, не кочевряжится.

- Знакомьтесь, товарищи женщины, - открыл дверцу Черданцев. - Это Мария, моя жена. А это мои невесты, я тебе о них рассказывал.

Женщины кивнули друг другу. Маша внимательно оглядела "невест", задержала взгляд на Ане; видимо, каждая жена сердцем ли, десятым чувством, но определит, на кого может посмотреть ее муж. Аня почувствовала этот выбор, начала поправлять полы пальто на коленях, и Мария, поняв, что не ошиблась, повернулась к мужу:

- А может, и я с тобой сейчас съезжу в Сошнево? Почти месяц, как приехала, - тут же пояснила она женщинам, - а он только обещает да обещает свозить на родину.

- Месяц - не год, - улыбнулся Михаил Андреевич, уже жалея, что решил познакомить жену с Соней и Анной сегодня. Если верить Ледогорову, то женщины - это чистейший, изумительный миноискатель, который мгновенно фонит на нужный объект. Нет,

надо держать их подальше друг от друга, жену и ту, которая нравится. - Еще съездим, а сейчас я быстро, только туда и обратно.

- Хорошо, - быстро и охотно согласилась Маша, но в этом покорно-поспешном согласии уловил Черданцев и тревогу, и боль и обиду. Хотел дать задний ход своему решению, но Мария сразу же отошла. Ей-то, в самом деле, за что на плечи его груз?

- Пусть бы поехала, - после некоторого молчания, когда уже выехали за Суземку, сказала Соня. Выходит, думали они об одном и том же.

- Теперь в другой раз, - ответил Черданцев и перевел разговор на более близкое для сидящих позади женщин: - Ребята, наверное, уже в облвоенкомате.

- Ох, только бы нормально отслужили да воротились, - вздохнула Соня. А то, говорят, что и дерутся они там, в армии. А, Миш?

Михаил Андреевич хотел отделаться усмешкой, но ответил серьезно:

- Всякое бывает, девчата. Когда сто человек одного возраста поселить на два года в казарму, тут нужно не то что умение, а порой просто житейскую мудрость, чтобы обойти все конфликты и острые углы.

- Так, значит... - с испугом начала Соня, она спросила в надежде, что Михаил развеет ее опасения, а он...

- Но вы за своих ребят не бойтесь, - обернулся назад Черданцев. Во-первых, дерутся далеко не везде. А во-вторых, если и дерутся, то достается в первую очередь маменькиным сынкам, слюнтяям, пижонам и сачкам. Короче, за дело, если отбросить эмоции. А ваши не такие.

- Может, поехать к ним? - подала голос Аня.

"Надо было все-таки просто посмеяться, не лезть в эти объяснения, пожалел Черданцев. - Они сейчас настолько все остро и обнажено воспринимают, что лучший вариант ответов - это "да" или "нет".

- Да все будет нормально. Ехать к ним еще рано, а на присягу, через месяц, можно будет съездить. Потом они в отпуск приедут, так время и пролетит. Лучше невест им ищите.

- Была одна на двоих, да ваш военный, курсантик, перебил, - вздохнула Соня.

- Улыба, что ль? - догадался Черданцев.

- Настасья. Хорошая девка, работящая, а вот не повезло нам с Аннушкой на такую невестку.

- Еще десять раз все поменяется, - махнул рукой Михаил Андреевич. - В их возрасте и в наше время это так.

Замолчали, задумались каждый о своем. Черданцев краешком глаза выхватывал в дребезжащем зеркальце окаменевшее лицо Ани. В дребезжащем каменное - страшно. Нельзя же так убиваться, надрывать сердце.

- Аня, - позвал Черданцев.

- Да, - отрешенно отозвалась та, не отрывая взгляда от видимой только ей точки на ветровом стекле.

- Ты совсем загрустила.

- Тревожно на душе почему-то, предчувствие какое-то нехорошее гложет, - оторвалась она наконец от стекла, села поудобнее.

- Перестань. Осенью восьмидесятого два бравых десантника появятся в Сошневе, и вы сами будете смеяться над страхами и переживаниями.

- Когда это будет...

- Могу сказать: ровно через два года. Точность гарантирую, потому что обладаю даром угадывать все события. Например, зима начнется 1 декабря, Новый год - 1 января, мне пятьдесят два года стукнет 21 декабря, в день рождения Сталина...

- Ох, не напоминай про годы, - отозвалась Соня. - Наш век уже такой, что лучше вообще не вести никаких подсчетов, сзади, как до Суземки, уже проехано много, а спереди - вон оно, Сошнево, рядом.

...Деревня выглядела пустынной, первые после лета холода заставили искать место в доме у печки и старого и малого - пока это привыкнется к зябкости. Черданцев притормозил машину у Сонькиного дома, она открыла, вытолкнула плечом дверцу. Аня из своего угла задвигалась было по сиденью за ней, но Михаил Андреевич остановил:

- Сиди, я подброшу.

Соня с грустью и тихой женской завистью посмотрела на них, не смогла сдержать вздоха:

- А я думала, присядем на минутку втроем.

Черданцев глянул на часы, Аннушка тоже замотала головой:

- Не, Сонь, мне тоже хоть чуть-чуть прибраться надо, все ж стоит корытом. Я попозже забегу.

- Тогда ладно, - вздохнула Соня. Намерилась захлопнуть дверцу, но только оттолкнулась от нее и, оставив открытой, пошла к своей хате.

- Нехорошо как-то все получается, Миша, - проговорила Аннушка, провожая взглядом подругу. - Все нехорошо. И с женой твоей, и с Сонькой.

- Не надо, Аня.

- Надо, Мишенька, давно надо. С самого начала. Я просто

думала, что-то вернется, да только как вернуть прожитое. Жил бы ты тихо, спокойно, а тут я, дура...

- Не говори ничего, прошу тебя. Давай завтра...

- Не, Миша, никаких "завтра". Ни завтра, ни послезавтра, ни на Покров, ни на Николу. Молния долго в небе не держится.

- Погоди, что-то ты... Давай доедем до тебя...

- Не надо. Не хочу. Я лучше дойду. Я давно себе сказала: вот провожу Сашу в армию - и... и все, Миша. Для безрассудства я уже стара, да и не хочу, чтобы у тебя в семье из-за меня было плохо. Прощай.

- Аня! - потянулся Черданцев, чтобы удержать ее, но Аня увернулась, вылезла из машины. Захлопнула оставленную Соней дверцу.

"К чему-то подобному и шло, - подумал Михаил Андреевич. Положил голову на руки, обнявшие баранку. - Только плохо, что именно сегодня. И именно так. Сегодня им обеим тяжело".

Вышел из "уазика". Аннушка медленно шла мимо палисадников. Не оборачивалась, а когда не оборачиваются, сердце ведь болит сильнее. Зачем она так себя?

Звякнули пустые ведра на крыльце у Сони. Она стояла, опершись на коромысло, и смотрела сквозь голые ветви растущей у дома черемухи на него. Вернее на то, как он смотрит на Аню. Может, и загремела ведрами, привлекая внимание.

Но Черданцев, обернувшись еще раз на Аню, залез в машину. Включил передачу...

31 декабря 1978 года. Узбекистан.

"Если найдет тебя это письмо, здравствуй. Сотни раз на день я говорю тебе это слово - "здравствуй", мой родной. Почему же и куда ты исчез? Я умоляю тебя откликнуться, хотя бы сказать, что живой. А хочешь, я приеду к тебе в гости? Хоть на две минутки, хоть навсегда...

Мысли пляшут, сбиваются, ты меня извини. Я даже не знаю, если честно, как писать это письмо, то ли о том, что на сердце, то ли просто о новостях. А все от того, что не знаю, как ты относишься ко мне сейчас, спустя полгода после нашего расставания.

Я сейчас снова работаю экономистом. Не смогла больше быть с ребятами, не имею права. Да и в школе смотрели на меня так, словно... Впрочем, что говорить обо мне, во всей этой истории самым крайним оказался ты, это больно, несправедливо. Я даже писала вам в дивизию, чтобы тебя не наказывали. А адрес твой разыскал Черданцев, он передает тебе привет. Виделись с ним на проводах Юрки и Сашки Вдовина. Они десантники, служат в Белоруссии. На проводах видела и Филиппка, но подойти не

осмелилась. Ты, наверное, знаешь, что ему ампутировали кисти рук, а сейчас еще начало падать зрение на тот, правый, поврежденный глаз...

Вот и все новости. Сердцем пишу одно письмо, а разумом - вот это. Прошу тебя, откликнись. По почерку, по словам попытаюсь понять тебя. Хотя боюсь, вдруг все, что было у нас с тобой, - это сон. Лена".

"Если найдет тебя это письмо, здравствуй. Сотни раз на день я говорю тебе это слово - "здравствуй", мой родной..."

- Здравствуй, Лена, - вслух произнес Борис и отложил читаную-перечитаную страничку из школьной тетради в клеточку, вылил в стакан остатки вина. Кивнул своему отражению в осколке зеркальца, стоящего на столе, - с Новым годом.

- Товарищ старший лейтенант, - одеяло, служившее дверью, отодвинулось, заглянул прапорщик, дежурный но эскадрону. - Там внизу, в дежурке, Оксана Сергеевна.

- Ну и что?

- Поздравила нас с Новым годом, спросила, где вы. Говорю, сейчас позову.

- Меня нет.

- А я уже сказал, что вы здесь.

- Нету. Исчез, растворился. Остался в старом году.

- Товарищ старший лейтенант... Она пирог принесла, с курагой. Говорит, для всех, кто в наряде. А вы ведь тоже ответственный.

- Я ответственный по эскадрону, а не по пирогу. И вообще, почему посторонние в расположении части?

- Так вроде она не посторонняя. Я ведь об Оксане Сергеевне Борисовой, нашем ветеринарном враче.

- И я о ней же. Скажите Оксане Сергеевне, что старший лейтенант Ледогоров пироги с курагой не ест. Все!

Прапорщик недоуменно пожал плечами, окинул взглядом захламленный уголок комвзвода и скрылся за одеялом.

"Кушайте свой пирог сами, Оксана Сергеевна", - плюхнулся на кровать, заставив ее жалобно заскрипеть, Ледогоров. Взял с тумбочки тетрадный листок.

"Если найдет тебя это письмо, здравствуй..."

"Здравствуй, Лена. Я не забыл тебя. И прости за молчание. Просто хотелось забыться, уйти от всего..."

Ледогоров стал смотреть в фанерный потолок казармы. После подрыва Филиппка, только увидев его окровавленные руки, залитое кровью лицо, прожженную на груди курточку, он, вырывая у подбежавшего Буланова медицинскую сумку, краем

сознания, помимо воли и желания просто отметил, констатировал для себя - конец службе. Потом был бег по лесу: Лена впереди, они с Сергеем и уложенным на одеяло парнишкой следом. Где-то отстала, плакала и звала их Улыба. Курсант несколько раз обернулся, но стонал, изворачивался на одеяле Димка, и они бежали, бежали, бежали.

- Что же ты так, Димка? - уже в больнице успел спросить его Ледогоров. - Ты же знал, что нельзя ничего трогать.

Мальчишка посмотрел левым, очищенным от крови глазом на него, потом на Лену и закрыл веки. Да, он ревновал, он делал раскоп назло пионервожатой, променявшей поиск на любовь со старшим лейтенантом, назло Ледогорову, замутившему голову их руководителю. Назло Улыбе и курсанту, предавшим Сашку и Юрку. Назло, назло, назло...

- Во всем виноват я, - отрезал все предложения разделить вину на обстоятельства и случайности Ледогоров, когда вечером собрались в военкомате начальник милиция, женщина из прокуратуры, директор школы. - Я был старшим, и здесь ни Желтикова, ни обстоятельства ни при чем.

Согласно закивал директор - ему, что ли, хотелось вешать ЧП на школу. Вроде бы остался доволен милиционер - не нужно искать виновных, прокурор тоже была не прочь отдать это дело в военную прокуратуру. Лишь Черданцев попытался еще раз если и не выгородить старшего лейтенанта, то хотя бы смягчить ситуацию, но Ледогоров стоял непреклонно: он сапер, он должен был обеспечить безопасность работ, и отвечать должен только он сам. Один.

И через несколько недель расследования - прощайте, ВДВ, да здравствуют советские кавалерийские эскадроны, выговор по партийной линии и полное отсутствие перспективы в дальнейшей службе. Жизнь прекрасна и удивительна. У нас всегда должен быть кто-то наказан. Хотя бы на всякий случай. А тут еще и Оксана, глазастое чудо, подвернулась. Бывшее чудо...

Он окликнул ее, уже подходя к городку. Длинноногая, в коротеньком сарафанчике, она оглянулась на его голос и, убедившись, что запыленный, потный старший лейтенант обращается к ней, остановилась, подождала его.

- Извините. Старший лейтенант Ледогоров. Вы местная?

- А вам показать, где находится эскадрон? - оглядев чемодан, спросила она. - Вот за этим забором, - указала она взглядом на пыльные, когда-то по весне, видимо, забрызганные грязью плиты, тянувшиеся вдоль тротуара. Это Борис знал уже и сам, просто хотел остановить, увидеть лицо идущей перед ним девушки. А глаза ее, как зеленые антоновки, смотрели на него насмешливо,

все понимая, - видимо, не он первый интересовался у нее дорогой. - Что, высоковат для вас? - улыбнулась она, склонив голову набок. Волосы упали на плечо, открыв мочку ушка с дырочкой для сережки.

- Грязноват, - чувствуя подвох, медленно ответил Ледогоров.

- А-а, а я-то думала, что вы офицер, - разочарованно протянула девушка и, подчеркнуто вздохнув, спросила: - Вам помочь нести чемодан?

Ледогоров мот поклясться, что его красное от жары лицо стало сначало белым, потом пошло пятнами. Сняв фуражку, он рукавом вытер пот со лба. Подхватив чемодан, с усилием поднял его и бросил через забор. Туда же полетела парашютная сумка с вещами, фуражка. Не глядя на Девушку, Борис подпрыгнул, ухватился за край плиты и, оставляя на ней туфлями полосы, перевалил за своим имуществом: пусть знает десантные войска. Ишь, красавицу из себя корчит. Познакомился, черт возьми.

Сразу за стеной начинался стадион, за ним виднелась казарма, от которой к Ледогорову бежал сержант с повязкой дежурного.

- Восток диким был, диким и остался, - пробурчал Борис, отряхивая фуражку от пыли и колючек. - Но ничего, я ей ноги когда-нибудь повыдергиваю. И заставлю смотреть своими "антоновками" по-другому.

Подбежал сержант, приложил руку к панаме!

- Дежурный по КПП сержант Крижанаускас. Докладываю: вас вызывает к себе дежурный по части.

- Он что, видел? - кивнул на забор Ледогоров.

- Докладываю: так точно.

- А командир на месте?

- Докладываю: никак нет.

- А где?

- Докладываю: не могу знать. Разрешите проводить к дежурному? - чисто с прибалтийской педантичностью выполнил приказ сержант.

- Проводи, - кивнул Ледогоров.

Сержант подхватил вещи, пошел через стадион к казармам. Между ними мелькнули кавалеристы, и Борис замер: вот она, его новая служба, романтичная, непонятная и совершенно непредвиденная. Неужели это все-таки не сон? Неужели все серьезно? Он, сапер-десантник, будет лошадям хвосты крутить?

- Руки держать стаканчиками, стаканчиками, - донесся чей-то властный голос. - Дистанция - на корпус лошади. Манежным галопом - марш!

- Докладываю: идут занятия.

- Иди в штаб, я посмотрю и подойду.

Сразу за казармами находился изрытый копытами манеж - огороженная невысоким деревянным заборчиком площадка, похожая на хоккейную коробку. Вдоль забора мчались друг за другом около полутора десятка кавалеристов обыкновенных солдат, к тому же еще и в красных погонах. Посреди манежа крутился всадник, время от времени подавая команды:

- Выбросить стремена, сократить дистанцию, в колонну по два - марш!

На площадке стало просторнее, несколько солдат принесли щитовой заборчик, и всадники один за другим стали направлять лошадей на препятствие.

- Не заблудились? - послышался над головой Ледогорова женский голос, он оглянулся и отпрянул: за спиной стояла лошадь, на которой восседала...

"Она или не она?" - думал Борис, вглядываясь в кавалериста - в берете, в форме, перехваченной портупеей, в высоких сапогах со шпорами: к этому трудно было привыкнуть после сарафана. Но "антоновки"-то, глазища, - точно ее. И язвительность свою, видимо, она с сарафаном не снимает.

- Значит, не заблудились, - ехидничала с высоты девушка. - До штаба довезти? Не бойтесь, это лошадь, если вдруг не знаете. Она добрых людей не кусает.

- Тогда почему вы не покусаны? - не сдержался Ледогоров.

Девушка замерла, мгновение раздумывала над услышанным. Потом лошадь под ней, повинуясь какому-то сигналу, встала на задние ноги и пошла на Бориса. Ледогоров решил стоять до последнего, но, увидев прямо над собой перебирающие воздух копыта, все же отскочил в сторону - ну их, этих кавалерист-девиц, в баню. И только после этого девушка хлопнула ладонью по шее лошади, поставила ее на ноги, наклонилась к ее уху и достаточно громко, чтобы слышал старший лейтенант, похвалила:

- Молодец, Агрессор. Умница. Пошли.

Она с места взяла в карьер, перемахнула через заборчик и пронеслась по манежу.

"Дурдом какой-то, детские игры", - сплюнул Борис и, не оглядываясь, пошел к штабу.

Так вошли в его жизнь кавалерия и Оксана. Много воды утекло за полгода службы, научился и он сидеть в седле, рубить шашкой лозу, чистить копыта лошадей, выбирать им корм и многое другое. Было, конечно, интересно, но не его. Иной раз даже ставил своего Адмирала на дыбы, вдруг увидев под его копытами взъерошенную землю - вдруг мина? Сапер жил в нем еще цепко, в конечном итоге Борис мечтал вернуться и в ВДВ, и к

своему делу, но и новое занятие завораживало, позволяло дням нестись со скоростью Агрессора самого быстрого в эскадроне скакуна. Наладились отношения и с Оксаной, а когда оказалось, что ее фамилия к тому же еще и Борисова, Ледогоров в одну из встреч так и сказал:

- А вот и моя Оксана.

- С чего это ты взял? - Они уже были на "ты", но не до такой степени, чтобы определяться в "мои" или "не мои".

- Какая у тебя фамилия? Борисова. А я кто? Борис. Значит, что мы имеем? Оксану Борисову, то есть мою. Возражения?

- Ну тебя, - отмахивалась Оксана, любовь и гордость всего эскадрона.

Вспоминалась ли Лена? Конечно. И за письма ей садился несколько раз, и телеграммы к праздникам заготавливал, но так и не дошло до их отправки. Оксана была виновата? Вряд ли, хотя тянуло Бориса к ней все сильнее и сильнее. И не потому, что она была рядом, а Лена за тысячи километров. Вспоминая Суземку, Борис все отчетливее представлял себе, что до любви у них с Леной было еще далеко. Да, чем-то она понравилась, есть у нее притягательность, но вот появилась Оксана - и вытеснила Лену. Так была ли любовь? А не получится ли, что после Оксаны повстречается какая-нибудь новая глазастая, языкастая и ногастая, которая отодвинет все, что было до нее? Черт его знает. Но... но Агрессор и Адмирал уже ржали, увидев друг друга. А это означало, что их хозяева привыкли ездить рядом и им вновь придется тереться бок о бок. Как это происходит, почему перед Леной он готов тысячу раз извиниться, но все же... все же остаться с Оксаной? Когда-то он думал: хорошо, если бы Лена была похожа на Улыбу. Вот Оксана на нее как раз и похожа...

- К тебе можно?

Борис спохватился: Оксана, в наброшенной на плечи шубке, из-под которой выглядывало длинное зеленое платье, стояла на пороге и просительно-виновато смотрела на него: прости и разреши. Пришла. Пришла! Но ведь...

- Да, проходите, раз уж здесь.

- Я пирог принесла... С праздником тебя, - сделала шажок и замерла. Неужели это она когда-то заставила его одним взглядом лезть через забор?

- Вас тоже с праздником.

Оксана покивала: значит, все-таки "вы". Гордость гнала ее обратно, можно и нужно было усмехнуться и выйти. Впрочем, только вот нужно ли?

- Здесь просидишь весь вечер?

- Да. Я же ответственный.

- Сам напросился?

- Все равно в казарме живу.

- Койку твою в общежитии... никто не занял еще.

- Займут.

Да, надо повернуться и уйти. На столе пустая бутылка из-под вина, кусок булки, банка магазинных огурцов. Боренька!.. А на кровати письмо. От кого?

- Ты... ты не проводишь меня?

- Знаете, ответственный не имеет права покидать расположение части, выдерживал уставной стиль Борис. Хотелось, очень хотелось плюнуть на размолвку, тем более что Оксана сама пришла, но сегодня пришло письмо от Лены..."

- Но солдаты-то все в клубе, - не хотела сдаваться и Оксана.

- Я пошлю с вами дневального.

- Спасибо, Боря. - Сил больше не было. Чтобы не заплакать от унижения и обиды, заторопилась. - С Новым годом тебя. Прощайте. - Повернулась наконец и вышла.

Глава 13

ТАЙНА 117-го НОМЕРА. - ЗА ЧТО ПОГИБ ДАБС? - "ВОЙНА В СУМЕРКАХ". ЗЕЛЕНЫЙ СВЕТ ОПЕРАЦИИ "ГИНДУКУШ". - КОГДА БЫТЬ НА МЕСТЕ ПОЖАРА? - МОСКВА ДУМАЕТ.

Февраль 1979 года. Вашингтон.

Во второй половине февраля Америка хоронила своего посла в Афганистане Адольфа Дабса. Как и положено при прощании, звучал гимн Соединенных Штатов, гроб укрыл звездно-полосатый флаг. В речах отмечались большие заслуги покойного дипломата.

Газеты, в отличие от других событий, мало пролили дополнительного света к той информации, которая содержалась в официальном сообщении. А она излагалась предельно кратко: афганские террористы, переодетые в форму регулировщиков, около 9 часов утра 14 февраля остановили на улице машину посла, пересадили его в свой автомобиль, привезли в гостиницу "Кабул" и, забаррикадировавшись в 117-м номере, потребовали освобождения из тюрьмы одного из своих товарищей. Амин, лично руководивший операцией по освобождению заложника, отдал приказ начальнику царандоя15 Сайеду Таруну атаковать террористов. Посол, получивший в ходе перестрелки смертельное ранение, скончался.

Америка крайне болезненно восприняла это известие. Только что, всего неделю назад, пал шахский режим в Иране, и первым делом оттуда стали изгонять американцев - когда такое было в последний раз? Суждено ли Америке пережить такой позор? Собственно, все беды в том регионе начались именно от иранцев. ЦРУ, занятое в последнее время только ими, проморгало

революцию в Афганистане. Именно проморгало, хотя и делает вид, что здесь не обошлось без русских. Падение Ирана, хоть в какой-то степени ожидаемое, тем не менее тоже повергло в шок привыкшую только побеждать деловую Америку,

А теперь вот вдобавок еще и гибель посла. Кроме того что Дабс считался одним из наиболее заметных дипломатов, он, по мнению госдепартамента, один из немногих, кто сумел сделать хоть мизерные, но шажки по восстановлению интересов США в Афганистане. Его ставка предполагала беспроигрышный вариант: не забывая поддерживать контакты с Тараки на официальной основе, он все внимание сосредоточил на Амине, сумев рассмотреть не только того, кто идет следом за лидером в афганском руководстве, кто является реальной силой в стране уже сейчас, но и наладил с ним если не дружеские, то более чем официальные отношения. Не дать уйти Афганистану полностью в объятия Советов, показать, что и на Западе можно найти надежных партнеров - это Дабс внушал и, кажется, не без определенного успеха Хафизулле Амину более чем на десяти личных встречах за сравнительно короткое время.

И вдруг такой нокаут. Обращение к советской стороне предпринять все усилия для спасения посла не помогли, Амин никого не стал слушать: ни просьбы советского и американского посольств, ни требования террористов, ни советы самого Адольфа, с которым удалось коротко переговорить через дверь, ничего не дали. Поспешность, с которой он приказал начать штурм гостиничного номера, наталкивала на некоторые мысли: а может, МИД Афганистана и не желал иного исхода? Может, он вел игру на какой-то определенный результат, который пока еще даже и не просчитывается?

Убийство Дабса сцепило между собой и двух китов американской политики - госсекретаря Вэнса и помощника президента по национальной безопасности Бжезинского.

- Мы должны проводить более, значительно более жесткую политику в этом регионе, - утверждал ярый антисоветчик. - Если этого не будет, если мы и дальше будем смотреть на события на Среднем Востоке сквозь пальцы, это принесет нам не только экономические и не столько экономические, а в первую очередь политические убытки. Наши союзники уже сейчас могут рассматривать нашу политику как предательство их интересов и одновременно как бессилие Вашингтона перед советской экспансией. Никаких уступок. Нажим, мощное наступление. Восток уважает только силу. Пусть это будет наша сила.

Госсекретарь был более гибок:

- Я считаю, что главная наша задача на сегодняшнем этапе -

это ни в коем случае не провоцировать СССР на какие-то действия в ДРА. Его необходимо вытеснять из Афганистана постепенно, и в первую очередь так, как это делал Дабс, - поощряя националистические тенденции в афганском руководстве. Будет чуть дольше по времени, но надежнее в итоге.

Похоже, что президент Картер прислушался к обоим советам и сумел создать "коктейль" "Бжезинский - Вэнс": на свет извлеклись два старых, но не закрытых документа. Первый, начатый еще в 1948 году, предусматривал проведение операции "Гиндукуш". Главная цель его - стыкуясь с другими планами, создать военное окружение против СССР и его союзников на юге, дестабилизировать обстановку в самом Афганистане, если он станет предпринимать попытки тесно сблизиться с Советским Союзом.

Сгубило этот план, по мнению Картера, неизбежное желание США ставить как раз жесткие условия. Была ведь прекрасная возможность в 1950 году взять Афганистан, что называется, голыми руками: в тот год именно к ним обратились афганцы продать оружие. Нет же, стали в позу, выдвинув сразу два неразрешимых, по существу, условия: "Исключить всякое влияние Советского Союза и урегулировать отношения с Пакистаном". Зачем, зачем это было сделано? Неужели уже и тогда среди советников президента преобладали бжезинские? Оружие бы само вытеснило Советы, потому что с оружием едут советники, ремонтники, специалисты. А это уже проникновение в идеологию, это уже своя пропаганда. Под оружие комплектуется и армия, а если еще команды отдаются на английском... Нет же, захотели всего и сразу. А быстрый результат - это, как правило, журавль в небе.

И как итог - в 1954 году Афганистан отказался вступать в СЕНТО, резко пошел на сближение с Советским Союзом. Хотя нет, переломным, конечно, стал 1951 год, когда Пакистан попробовал погреметь оружием около афганской границы. Кабул повернул голову на север, и Советский Союз тут же направил свои танковые дивизии к Термезу. Конечно, СССР действовал как сверхдержава, стремящаяся иметь на своих границах стабильное, буферное государство. На этом можно играть в дипломатических речах, но, если не лукавить перед собой, Соединенные Штаты вряд ли бы поступили иначе, случись подобное у них под боком...

Словом, "Гиндукуш" требует постепенных, продуманных действий. Это документ для Вэнса, который по своей линии пытается перепрыгнуть через самого себя, догнать уходящий афганский поезд. Бжезинский, верный себе, готовит решение о наращивании тайной помощи афганской оппозиции и уверен, что

проведет его через специальный координационный комитет совета национальной безопасности. По его предварительным данным, уже в ближайшем будущем ведение тайной войны - "войны в сумерках" - против Афганистана потребует средств в десять раз больше, чем затрачено на подобные действия в той же Никарагуа. То есть 80 процентов всех финансовых средств этой статьи расходов ЦРУ станет тратить на Афганистан. Не много ли чести одной стране? Стоит ли овчинка выделки?

Бжезинский словно уловил сомнения президента и, чтобы долго не распространяться, привел только один довод. Оказывается, единственное место, где Советский Союз не имеет системы ПВО - это как раз граница с Афганистаном. Отдельные "точки" противовоздушной обороны там, конечно, есть, но против современных самолетов одними "точками", без общей системы в обороне, не обойтись. В 1960 году Пауэрс на U-2 сумел долететь до самого Свердловска именно по этой причине. Эту брешь Советы пока не в состоянии закрыть. По экономическим причинам: как докладывают эксперты, создание современной системы ПВО потребует десятков, если не сотен, миллиардов рублей, которых взять Москве на данный момент просто негде.

Так что заиметь Афганистан - это заиметь коридор в единственной военной бреши Советов. А дальше идет своя политика: наступая на мозоль, диктовать любые условия. Или хотя бы не принимать в расчет те, которые попытаются протащить из Москвы. Перед подписанием Договора по ОСВ-2 это было бы просто здорово. Но ничего страшного не случится, если это станет возможным спустя какое-то время. Лишь бы случилось...

Президент усмехнулся: он размышлял уже так, словно все шло настолько гладко в афганских делах, что оставалось только заглядывать в будущее. Но "Гиндукуш", конечно, стоит тех денег, которые запрашивает Бжезинский. В вопросах своей безопасности, защите своих интересов Америка никогда не слыла скупой и редко платила дважды. И не при нем, Картере, это должно произойти. Словом, "Гиндукушу" - зеленый свет. Без сомнения.

Второй документ - от военных, и по-военному краток и конкретен.

Комитет начальников штабов предлагает в отношении с Афганистаном определиться как с КНИ - конфликтами низкой интенсивности.

Картер подвинул к себе листок-справку: "КНИ - это ограниченная политико-военная борьба для достижения политических, социальных, экономических или психологических целей. Она часто носит длительный характер и включает все: от

дипломатического, экономического и психологическо-социального давления до терроризма и повстанческого движения. КНИ обычно ограничены географическим районом и часто характеризуются ограничениями в вооружении, тактике и уровне насилия".

Жестко, но зато прямо и откровенно. И продолжение, расшифровка этого уже в воинских уставах, предусматривающих шесть основных форм применения военной силы в КНИ: боевые операции мирного времени; проповстанческие действия; контрповстанческие действия; действия по поддержанию мира; действия по борьбе с терроризмом; операции против зарубежной наркомафии.

Против "проповстанческих действий" стояла отметка. Что ж, для Афганистана это, пожалуй, самое приемлемое. И ставку делать на религиозные и племенные аспекты.

А Дабс... Жалко, что не закончил дела. Но с его смертью жизнь остальных американцев и самой Америки не остановилась. Посол погиб 14 февраля, а 13-го его дело должно уже было быть продолжено. В этом плане политикам следует поучиться у газетчиков с их девизом: "Журналист должен быть на месте пожара за десять минут до его начала..."

Необходимое послесловие. Было над чем поломать голову после гибели Дабса и советской контрразведке. Это только на первый взгляд событие в 117-м номере кабульского отеля - заурядный терракт, жертвой которого по воле случая стал именно американский посол. Но факты, ставшие известными после смерти Дабса, поднимали все новые и новые вопросы.

Оказалось, что слежка за послом была замечена за две недели до 14-го числа. Афганская сторона предупредила об этом дипломата, предложила ему дополнительную охрану. Однако Дабс с улыбкой отказался.

Ну а дальше вообще пошли нестыковки. Посольские машины в городе могут останавливаться только в специально оговоренных обеими сторонами местах, находящихся под наблюдением у полиции. Это ли не знать такому опытному дипработнику, как Дабс?

И уж вовсе странным выглядит то, что кроме остановки в неположенном месте посол к тому же и сам открыл дверцу машины, которая имеет блокировку и открывается только изнутри. Зачем он это сделал, ведь он не имел права открывать ее первому встречному и тем более в неположенном месте? Обознался, надеясь увидеть кого-то другого?

Совершенно необъяснимым оказалось и содержимое чемоданчика посла, который тот захватил с собой из машины. В

нем были бритва, туалетные принадлежности, полотенце. Зачем Дабсу, выезжающему не из дома, а из посольства, брать это с собой? Причем - утром! Планировал встретить следующий день вне дома?

Не прошло мимо внимания контрразведчиков и то обстоятельство, что ни госдепартамент, ни Белый дом, всегда честолюбивые, на этот раз ни в какой форме не выразили свой протест афганской стороне по поводу случившегося. Не желают лишнего шума, дополнительных расследований? Может, Америка знала о готовящемся похищении? Что могло последовать, если бы Дабс остался жив?

Привлек к себе внимание и тот факт, что Амин впервые так откровенно и в категоричной форме отверг помощь советских дипломатов и военных советников принять участие в освобождении посла.

Думала Москва, сопоставляла, анализировала. А события продолжали развиваться...

Вместо предисловия к новой главе.

Она в какой-то степени будет посвящена майору Бизюкову Николаю Яковлевичу, первому советскому военнослужащему, погибшему на афганской земле во время гератского мятежа. До ввода войск еще было много времени, но именно он откроет скорбный счет в 13 833 человека. Начальник Генерального штаба издаст приказ (с нулем впереди - Секретно) о гибели советника, исключении из списков личного состава Вооруженных Сил и его похоронах. На памятнике будет рекомендовано написать: "Погиб при исполнении служебных обязанностей". Эта надпись до 1985 года прочно утвердится на обелисках с красной звездой, и лишь после 1985 года разрешат писать, что "погиб при выполнении интернационального долга".

Специально для "афганцев" будет разрабатываться и текст похоронок. На погибших в бою будет такой: "Выполняя боевое задание, верный военной присяге, проявив стойкость и мужество, погиб..." Те, кто скончался от болезни, в результате автопроисшествий, неосторожного обращения с оружием, "погибали" без слов о стойкости и мужестве.

Вслед за Бизюковым, но тоже до ввода ОКСВ, погибнет еще несколько военных советников. И как правило, не в бою. Подполковника Каламурзина, майора Здоровенно и переводчика Газиева мятежники, например, вначале забьют камнями, затем их тела расчленят на мелкие части и разбросают по склонам гор. Мало что найдут их товарищи, пробившись через несколько дней на место трагедии. Пусть их простят родные и близкие погибших, но, чтобы гробы не были слишком легкими, в них положат по

нескольку камней с тех гор, где они встретили смерть. А 25 декабря, в день ввода, ОКСВ недосчитал в своем списочном составе сразу несколько десятков человек. Вначале перевернулась боевая машина, уступавшая на горном повороте дорогу афганскому грузовику, экипаж и десант, всего около десяти человек, погибли. В 19.33 по московскому времени в окрестностях Кабула прогремел сильнейший взрыв: военно-транспортный самолет Ил-76 (командир капитан В. В. Головчин), на борту которого находилось 37 десантников из комендантской роты и два бензозаправщика, при заходе на посадку зацепил вершину горы и взорвался. Останки десантников собирали по обе стороны горы: и с севера, где осталась их заснеженная, еще ничего не знающая Родина, и с юга, где ждала ограниченный контингент нелегкая долгая судьба.

Еще для живых, но с учетом неизбежных потерь, прикажут одному из деревообрабатывающих заводов Туркестанского военного округа вместо солдатских табуреток и кушеток для караульных помещений делать гробы. Штат: плотники, жестянщик, два водителя. Определили: в комплект "продукции" должны входить гроб, цинк, ящик для перевозки, опилки, две новые простыни.

Вначале погибших вывозили в Ташкент - первый рейс сделал на Ан-12 подполковник Войтов Александр Миронович. Прикрыли парней сеткой для крепежа грузов, не стали плотно закрывать рампу, чтобы было в грузовом отсеке холоднее, и - из Баграма в Союз. А здесь уже шла своя арифметика: если самолету, развозившему погибших, предстояло сделать более 10-12 посадок, то в рейс уходило два экипажа: один летал по югу страны, второй - по северным областям. На Дальний Восток отправляли рейсовыми самолетами, и служба военных сообщений выписывала квитанцию на груз "200". Однако уже через несколько недель стала употребляться другая фраза - "черный тюльпан". Оказывается, было в Ташкенте похоронное бюро с таким названием, и кто-то, отлетающий в Афган, перенес его на "пункты сбора и отправки тел погибшего личного состава" - так официально именовались морги. В Афгане их было четыре: в Шинданде, Баграме, Кабуле и Кундузе. Затем название перенесли на самолеты, да так и осталось.

А деревообрабатывающий завод гнал свою "продукцию" до ноября 1988 года. Видимо, в это время было принято окончательное решение на вывод войск, и "нестандартное подразделение" гробовщиков, не предусмотренное, кстати, ни в одном уставе и наставлении, расформировали. После 15 февраля 1989 года, дня вывода ОКСВ, на складе готовой продукции

останется около пятисот "изделий", которые, кстати, не очень долго лежали без спроса авария под Уфой потребовала сразу около четырехсот гробов.

И самое невероятное в этой истории с "черным тюльпаном" (кстати, на Байконуре, где встречается этот цветок, его, как очень редкий, дарят самым любимым женщинам) то, что завод по изготовлению гробов все эти годы находился в пятистах метрах от "пересылки" - места, где предварительно собирали солдат и офицеров перед отправкой в Афганистан. Вот такое соседство... Сейчас завод занялся изготовлением своей довоенной продукции, а на "пересылке" останавливаются команды, сопровождающие воинские грузы.

Есть возможность и смысл привести подсчет потерь ограниченного контингента в период с 25 декабря 1979 года по 15 февраля 1989 года по годам.

1979 год - 86 человек, в том числе 10 офицеров. Боевые потери составили соответственно 70 и 9.

1980 год - 1484, в том числе 199 офицеров. Боевые потери: 1229 и 170.

1981 год - 1298, в том числе 189 офицеров. Боевые потери: 1033 и 155.

1982 год - 1948, в том числе 238 офицеров. Боевые потери: 1623 и 215.

1983 год - 1446, в том числе 210 офицеров. Боевые потери: 1057 и 179.

1984 год - 2343, в том числе 305 офицеров. Боевые потери: 2060 и 285.

1985 год - 1868, в том числе 273 офицера. Боевые потери: 1552 и 240.

1986 год - 1333, в том числе 216 офицеров. Боевые потери: 1068 и 198.

1987 год - 1215, в том числе 212 офицеров. Боевые потери: 1004 и 189.

1988 год - 759, в том числе 117 офицеров. Боевые потери: 639 и 106.

1989 год - 53, в том числе 10 офицеров. Боевые потери: 46 и 9.

В процентном отношении потери выглядят так: 0,8-0,9 процента погибших от общего числа ОКСВ, или 2,5 процента от числа участвовавших в боевых действиях. То есть воюющая 40-я армия теряла в день четыре человека. Американцы назовут это "неплохим" результатом для советского военного командования. Но это статистика.

А тогда, 17 марта 1979 года, тело майора Бизюкова Николая

Яковлевича вывезут на машине в Кушку, а оттуда уже направят в Красноярский край, Партизанский район, село Вершино-Рыбное. Кладбище села Вершино-Рыбное...

Глава 14

"НЕ ЦЕЛУЙ ПОЛУ ХАЛАТА". - У БЕСФАМИЛЬНОГО, КОНЕЧНО, ФАМИЛИЯ ЕСТЬ. ПЛАН С КИТАЙСКИМ ВАРИАНТОМ. - "АЛЛАХ АКБАР". - "ДОЛОЖИТЕ О ПЕРВЫХ ПОГИБШИХ".

10 марта 1978 года. Герат.

Хоть и не позволил полковнику Катичеву его рост увидеть из Герата Кушку, но оглядеться вокруг себя возможность дал.

Первое, что увидел в дивизии, - гауптвахта. Посреди плаца, прямо на солнцепеке, была натянута небольшая палатка, в которой на корточках сидел провинившийся солдат. Не зная, правильно он поступает или нет, но Катичев тут же приказал убрать "позор Апрельской революции".

Подействовало, убрали. Вроде бы даже зауважали. Восток вообще-то всегда уважал силу и решительность.

Вторым делом наметил себе добиться расположения дивизионного муллы. Опять же, не зная, что нарушает, а что нет, но начал преподносить ему подарки - о, как любят на Востоке внимание к себе! Более того, просил благословлять любое начинание - от строительства новой казармы до митинга. Шел и на хитрости - иной раз специально опаздывал на общие построения, чтобы потом на трибуне, при всей дивизии, здороваться и обниматься с муллой. А Восток чутко различает, когда с муллой целуются, а когда прикладываются к поле его халата.

Словом, стал в конце концов на проповедях мулла внушать солдатам: "Шурави Катичев пришел к нам с добром. Слушайтесь мушавера16. Если же кто вздумает выстрелить в него, то знайте, что волей Аллаха пуля вернется и убьет того, кто ее выпустил".

А параллельно шла боевая учеба. И не просто беготня целый день по методу "сопка наша - сопка ваша". Горелов из Кабула приказал начать подготовку горных батальонов, требовал проводить ночные занятия, чего никогда раньше не было. Оборудовали стрельбище, и хотя вместо тросов и лебедок мишени таскали сарбозы17, все равно это уже были движущиеся мишени.

Налаживали и быт. Катичев уговорил губернатора и комдива срубить деревья вокруг городка и сделать нары, и впервые за службу солдаты перестали спать на голом, вымощенном булыжниками полу. Прекратились, по крайней мере при советниках, зуботычины и мордобой. Нашлись простыни, одеяла, которыми все эти годы, оказывается, исправно снабжалась

дивизия в полном объеме.

Повеселели и сами советники, когда стали приезжать к ним жены. К марту единственным, кто пока маялся в одиночестве, в гарнизоне остался лишь советник зампотеха майор Бизюков Николай Яковлевич. Дружелюбный, открытый, прекрасный баянист, любитель компании, о своих семейных делах, однако, не распространялся, и никто особо не знал, почему к нему не спешит его Арина. И только по долгу службы, уже как начальнику, Катичеву удалось выяснить, что жена Николая Яковлевича - сирота, из детдома, а в анкетах, заполняемых при выезде за границу, требовалось подробно написать и о родителях, А что ей, например, можно было написать об отце, если он давно умер? Но анкета требовала в этом случае указать и место захоронения. На эти поиски и потратил последний свой отпуск Бизюков, разыскав-таки нужное кладбище с крестом, где указывалась фамилия отца Арины. Генштаб принял эта сведения и дал разрешение на оформление документов. Сдала Арина квартиру на Дальнем Востоке, распродала вещи, прилетела в Москву для оформления бумаг и вот-вот должна была уже появиться в Герате. Так что скоро должен был заиграть на баяне веселые мелодии и Бизюков.

Казалось, все шло неплохо в Гератском гарнизоне. Но после 8 Марта, на совместное празднование которого комдив, кстати, с пистолетом в руках заставил офицеров прийти с женами без паранджи, к Катичеву зашел озабоченный начальник особого отдела дивизии майор Ашим.

- Товарищ полковник, мы приметили в городе дуканщика, который проявляет интерес ко всем советским военным.

- А к кому дуканщики не проявляют интереса? - удивился Станислав Яковлевич.

- Товарищ полковник, поверьте моему глазу. Я знаю, как интересуются покупателем, а как... по-иному. У меня ведь тоже люди в городе есть. А дуканщик к тому же один из тех, кто принимал участие в набегах на вашу территорию, когда еще были басмачи, - добавил еще один аргумент Ашим18.

- Что ты предлагаешь? - наконец в открытую спросил Катичев.

- Его необходимо изолировать.

- Ну а я здесь при чем? Поступай как знаешь, это уже не в моей компетенции.

Ашим, довольный разговором, решительно вышел, но часа через два к главному военному советнику буквально ворвался майор Бесфамильный.

- Товарищ полковник, немедленно отмените ваше решение по дуканщику, потребовал он.

Опешивший от приказного тона, возбужденности майора,

Катичев и нашелся только что удивляться:

- Какое решение? О чем вы?

- Вы благословили Ашима убрать дуканщика?

- Во-первых, не благословил, это не мое дело, - пришел в себя полковник. - А во-вторых, товарищ майор, не забывайте, кто здесь старший по званию. Который, кстати, - перешел на разговор о себе в третьем лице Катичев, - пишет вам представление на звание подполковника.

- Спасибо за доверие, но я подполковником хожу, чтобы вы знали, уже два года, - резко ответил майор и, не давая начальнику что-то сообразить, понять в новой для него ситуации, вновь потребовал: - Вызовите Ашима и дайте ему понять, что вы бы не хотели, чтобы трогали дуканщика. И вообще, пусть он оставит его в покое и снимет свое наблюдение.

...Ох, эта война разведок! Она идет постоянно - невидимая стороннему глазу, неслышимая посторонним ухом. В 70-е годы, в период бурного развития новых технологий, разведчики наводняли буквально все страны особенно интенсивно. И необязательно разведка велась против страны пребывания необходимые сведения порой легче было получить именно за десятки тысяч километров от цели, через пятые, десятые руки. Плелись сети, которым могла позавидовать самая искусная кружевница. Делались ходы, перед которыми меркли даже те шахматные короли, которые могли просчитывать всю партию уже после первого хода. Шпионы - это у нас контрразведчики, а у них шпионы ехали как туристы, дипломаты, садовники при посольствах, начальники спортивных и культурных делегаций, как диссиденты, как жены и любовницы, проводники вагонов, коммерсанты. Никуда не исчезли и резиденты, если не считать, по слухам, решения Хрущева, когда он объявил, что китайцы - наши братья, и из Китая в самом деле были отозваны все наши резиденты, которые в свою очередь в тот период работали как раз на Китай. Так что в значительно большей степени, чем даже идеология, противостояли между собой с одной стороны - ЦРУ, ФБР, "Моссад" и К°, а с другой - КГБ и ГРУ.

Шла война нервов, мастерства, приемов, методов. Редко кто задумывается, почему вдруг откладывается подписание на высшем уровне того или иного документа, вроде бы подготовленного и согласованного всеми сторонами. А просто к этому часу те, кто сильнее в области разведки, получают информацию, которую так или иначе утаивала вторая сторона. Данные по ней извлекаются на свет в виде безобидного вопроса за столом переговоров, у партнеров открываются рты, следуют извинения или демарши тут уж зависит от степени выдержки и

воспитанности, - и все бросаются на поиски канала, по которому ушла информация.

Хотя, как это не может показаться странным, большинство разведчиков в каждой стране известны. Но не разоблачаются и не высылаются ни у нас, ни у них. Стороны понимают, что взамен провалившегося агента определят другого, которого надо будет еще найти, заблокировать. "Живые" агенты действуют под определенным присмотром, известны все их контакты, привычки, пристрастия, легче в этом случае подсовывать им и дезинформацию. Жизнь лишь подсказывает, что в контрразведке, как и в любой другой сфере, главное - не наглеть. Не дергаться, когда идет чистая слежка, не уходить слишком часто "в отрыв", откровенно оставляя противника "с носом". Не трогать "ихних" у себя, потому что в ответ на разоблачение тут же последует подобное в стране противника: семидесятые годы, кстати, изобиловали такой порочной для разведки практикой, когда почти в один день высылали дипломатов той и другой стороны с наборами компромата. Так что это не разведчик проваливается, а его проваливают, когда это необходимо. И шелестят тогда по газетным страницам недоуменные сенсации - ах, сколько лет человек жил рядом, а оказался...

Не обо всех контрразведчиках, конечно, речь - только о первом их слое. Дальше идут другие отношения, и их лучше все-таки не касаться, дабы даже случайной, безобидной вроде бы фразой не навредить тем, кто и сейчас рядом с кем-то, ничего не подозревающим...

Все поняв, не стал выяснять отношения с Бесфамильным и Станислав Яковлевич. Хотя теперь, конечно, становилось ясно, что фамилия у него, видимо, есть. Но поступок майора встряхнул, напомнил главному военному советнику, где он находится и в какое время. Заставил отметить про себя, что обыденность притупляет чувства и нужно в самом деле иногда встряхиваться, пытаться смотреть на события с пристрастием. Не стал любопытствовать и насчет дуканщика: наш он все-таки или "их". Главное, есть люди, которые этим занимаются и знают все.

Вызвал Ашима и при майоре, занявшемся в углу кабинета какими-то бумагами, попросил особиста не трогать никого в городе. Тем более за время его отсутствия - планировался выезд в Кушку, откуда Катичев рассчитывал вернуться только к ночи.

Необходимое послесловие. Вечером, возвращаясь в гарнизон, главный военный советник гарнизона получит из дивизии радиограмму: в Шинданде, лежащем чуть южнее Герата, предпринята попытка мятежа и захвата военного аэродрома. Комдив выслал на помощь летчикам батальон на бронетранспортерах. Мятеж удалось локализовать.

- Молодцы, - похвалил афганцев Катичев: вот уже они самостоятельно принимают решения, даже мятеж им не страшен.

В то время ни он, ни даже майор Бесфамильный еще не знали, что в январе под Гератом при содействии китайской агентуры прошел нелегальный съезд командиров маоистских группировок провинции. Выглядело странным, что самое сильное влияние Пекин имел именно в районе, граничащем с Ираном, но это было так, и большинство групп, недовольных нынешним руководством Афганистана, имели именно прокитайские настроения.

На съезде было определено, что Апрельская революция в Афганистане это вмешательство советского ревизионизма в дела региона. Строй, который устанавливается сейчас в афганском обществе, - социал-фашистский. Главная задача в борьбе - свержение и ликвидация руководства НДПА. Методы борьбы партизанские, подобные китайскому принципу создания "свободных зон". Ближайшая задача - одновременно поднять восстание в Шинданде, Герате и Гератской дивизии. На подкуп офицеров выделены крупные суммы. Цель освободить провинцию от революционного влияния, создать автономию с полным неподчинением Кабулу. В случае если Кабул предпримет вооруженные акции, против которых не удастся выстоять, просить Иран признать автономию своей территорией.

Это грозило расчленением Афганистана, но политические интересы были поставлены выше территориальной целостности страны, которая все равно, по мнению съезда, пропадала в "коммунистических" объятиях Советов.

Единственное, что не сработало в этом плане, - не получилось одновременного выступления во всех точках. То ли Шинданд поспешил, то ли Герат чуть запоздал, но за ночь удалось утихомирить летчиков, и к утру Катичев с чистой совестью докладывал в Кабул Горелову: "Обстановка нормализуется, находится под контролем верных правительству войск. Все нормально".

"Нормально" продержалось только сутки...

12 марта 1979 года. Утро. Герат.

Тюрьмы в Афганистане - нормальные тюрьмы. То есть имеются мужские, имеются женские. Ничего особо сверхъестественного не выдумано здесь и для охраны заключенных: забор, проволока, вышки, часовые. Придумать что-то новое для наказания провинившихся - фантазия тоже истощилась за тысячелетия существования человека. Словом, все как у людей, как в других странах.

Хотя нет, была в афганской судебной практике одно время небольшая деталь. Не во всех провинциях, правда, но... Жену, провинившуюся перед мужем и получившую, допустим, пять лет тюрьмы, после окончания срока на волю не выпускали. В суд приглашали ее мужа, который и определял ее дальнейшую судьбу. Прощал - ворота тюрьмы для несчастной распахивались, а нет - жена продолжала оставаться в неволе до тех пор, пока не последует прощение мужа.

В Герате тоже было две тюрьмы - мужская и женская. И именно с требованием открыть их, выпустить осужденных вышли утром на гератские улицы первые митингующие. То ли организаторы знали, что власти никогда не пойдут на это, то ли в случае успеха надеялись на резкий скачок напряженности в городе - трудно найти истинные мотивы антитюремных лозунгов, но к обеду уже со всех минаретов зазвучало многократно усиленное динамиками, записанное на магнитофонную пленку "Аллах акбар"19. В солдат, патрулировавших город, сначала полетели камни, а затем прозвучали и первые выстрелы. Город из райского уголка, подаренного людям самим Аллахом, на глазах превращался людьми же в исчадие ада. Задымили костры, послышался плач над телами погибших, на улицах появились бронетранспортеры. Боевые машины опоясали тюремные стены.

К вечеру напряжение усилилось. Муллы звали народ идти уже не к тюрьмам, а в сторону дивизионного военного городка: там ваши братья, они не станут стрелять, не бойтесь. Идите к ним, пусть они увидят ваше единство и тоже повернут оружие против режима, продавшегося неверным. Идите и требуйте, чтобы солдаты поделились с вами оружием, и тогда вместе вы станете силой, способной установить в родном городе, провинции тот порядок, который посчитаете нужным.

Пожелайте толпе легкую победу и укажите преграду - она затопчет, задушит самое себя. Она перестанет думать и пойдет в ту сторону, куда укажут. По собственным телам. По телам тех, кто окажется на пути. О правом суде не может быть и речи - суд толпы мгновенен и жесток. Для нее невинных не бывает.

Следующие четыре мартовских дня превратились для Герата в один сплошной накал эмоций. К 15-му числу Ашим доложил Катичеву: город на пределе разума, если ничего не предпринять - произойдет взрыв.

- Так пойдут люди на городок или нет? - попробовал получить более точный ответ Станислав Яковлевич.

Особист пожал плечами: кто предскажет ход событий в таких делах? Потом, виновато опустив голову, словно извиняясь за принесенную весть, произнес:

- В толпе стали раздаваться призывы уничтожить всех советских.

Это была новость. До сегодняшнего дня шурави считались в Афганистане самыми желанными гостями, а дома, в которых жили семьи советников, - самыми надежными убежищами. И вдруг такой поворот в сознании? Нет-нет, этой толпой кто-то управляет. Толпой всегда кто-нибудь управляет, людям только кажется, что это они сами выражают свое мнение. Но кто направил восставших на советских? Зачем? Ищите организатора - и вы поймете, как и против кого будет действовать толпа.

Телефонный звонок, раздавшийся сразу после слов Ашима, мог нести только плохую весть, и Катичев, не теряя ни секунды, схватил трубку: плохое хорошим не станет, если тянуть время. А вот упустить какие-то моменты - это да, это возможно.

- Это... мы, чехословенски товарищ, из завод, - послышалось с другого конца провода.

- Да-да, слушаю! - закричал полковник. Десять чехов строили в Герате цементный завод, он совсем забыл про них. В городе еще болгары, индийцы надо и о них позаботиться. - Я слушаю, что случилось?

- Неспокойно, - медленно, по слогам ответил чех. - Мы хотим, чтоб вы даль нам оружие. На защиту.

- Будьте на месте, мы выезжаем к вам. Будьте на месте, ждите нас, повторил полковник и взглянул на майора: - Ашим, танки, бронетранспортеры все, что на ходу и под рукой, - к домам наших советников, чехов, словом, всех иностранцев. И вывезти всех сюда, в городок. Нет, сюда опасно. Давай всех в гостиницу. От нас старшим - полковник Синица.

В бушующий город, осторожно перебирая колесами, тронулись бронетранспортеры. Советники, оставшиеся в дивизии, провожали их тревожными взглядами: что семьи? как семьи? Покинуть свои части, когда с минуты на минуту ожидается штурм городка, когда в самой дивизии среди солдат и офицеров бродит волнение - двойное преступление. Пожалуй, лишь Бизюков в этой ситуации мог чувствовать себя чуть увереннее и поблагодарить

судьбу и обстоятельства, которые сложились так, что не дали Арине приехать в Герат до сегодняшнего дня. Разрываться между семьей и службой, заранее зная, что должен и будешь жертвовать все-таки близкими, - не приведи никому и в кошмарном сне.

Ашим оказался прав. Дома советских мушаверов уже окружали восставшие, и перепуганные женщины выбегали к бронетранспортерам в тапочках и халатах. Лишь жена Синицы, посланного старшим, то ли была более предусмотрительной, то ли муж дал ей больше время на сборы, ждала машину одетой, с чемоданами. Зато в доме, где жил заготовитель шерсти Юрий Борисович Богданов, приехавшие увидели настоящий погром.

- Товарищ полковник, - вышли на связь с Катичевым уже из гостиницы. Это Яков Федорович Концов, нефтяник.

- Где Ашим?

- Уехал в город. Иностранцы и все наши вывезены сюда. Все, кроме... нефтяник умолк.

- Кроме? - потребовал Катичев.

- Нет Богданова и его жены. Дом ограблен. Ашим уехал на его поиски. Товарищ полковник...

- Да.

- Нам бы оружие какое и гранат побольше.

- Будет. Высылаю бронетранспортер. Но... - Катичев замолк. Да и как сказать, что нет у него сейчас надежды на афганцев. Своих офицеров тоже не пошлешь, они и так стоят в полках последней преградой на пути разгула. Убери сейчас их - дивизия станет неуправляемой. - Можете быть старшим?

- Есть. Я как-никак, а бывший матрос.

- Связь держите постоянно.

- Есть. Не беспокойтесь.

"Не беспокойтесь", - тер подбородок Катичев. Выглянул в окно - плац пустынен. А что в городе? Где могут быть Богдановы? Почему молчит Ашим? Он сейчас главное и единственное звено между ним и событием.

Задребезжали от выстрела окна. "Гаубицы", - определил на слух Станислав Яковлевич и посмотрел на телефон. Новости могли прийти только сюда, в этот кабинет, и он не мог покинуть его ни на минуту.

И звонок раздался, от командира дивизии. На плохом русском, но пояснил: приехал губернатор города, восставшие идут в сторону дивизии. Он приказал развернуть две артиллерийские батареи и открыть огонь.

Вбежал полковник Вакуленко - советник начальника артиллерии. Поняв по разговору, что речь идет об артиллеристах, закивал, подтверждая: орудия ведут огонь по городу.

Переговорить не успели - новый звонок и встревоженный голос Якова Федоровича:

- Товарищ полковник, нас атакуют.

- Кто, сколько?

- Тысячи полторы.

- Оружие получили? Продержитесь?

- Минут десять.

- Посылаю людей. Несколько человек, но наберу.

- Не успеют, товарищ полковник.

Катичев оглянулся на Вакуленко. Тот, вновь поняв все без слов, отрицательно покачал головой. Но успеть мог только снаряд. Только огонь артиллерии мог стать преградой на пути атакующих, на пути обезумевшей, жаждущей крови толпы. Карты были в руках у советника по артиллерии, но кроме карт у Вакуленко в гостинице находилась и жена. И жена Катичева, и все остальные. Ошибутся артиллеристы на какой-то градус - и снаряды разметут гостиницу, а вместе с ней... Нет, решиться на команду, взять на себя эту ответственность Вакуленко не смог.

- Яков Федорович, толпа далеко? - вернулся к телефонной трубке Катичев.

- Подходит.

- Не удержитесь?

Матрос мгновение помолчал, видимо, еще раз оценивая ситуацию, и тихо повторил:

- Нет, Станислав Яковлевич.

- Побудь на связи, - полковник повернулся к артиллеристу: - Вызывай своего подсоветного, пусть командует он. Выхода все равно нет. Яков Федорович, - обратился вновь к Копцову. - Сейчас ударит артиллерия. Укройте людей, а сами дайте корректировку. Надо, чтобы снаряды легли между вами и наступающими. Сможете?

- Отчего же не смочь. Попробуем.

Счастье, когда в подобных ситуациях находятся люди, способные взять на себя ответственность.

Стремительно вошел Ашим. И уже по одному его удрученному виду Катичев понял, что несчастье все-таки случилось.

- Командуйте, - подвинул он телефоны Вакуленко и вслед за особистом вышел на улицу. - Нашли? - с тайной надеждой спросил у майора.

Тот указал взглядом на снарядный ящик, стоявший перед входом в штаб. Катичев поднял крышку и тут же опустил ее. Но и этих секунд хватило, чтобы увидеть обезображенный труп Богданова: выколотые глаза, отрезанный нос, исколотая ножами

грудь. Вот он, суд толпы...

- Жена?

- Сейчас привезут.

- Жива?

- Да. Он, - майор кивнул на ящик, - успел подсадить ее и перебросить через дувал. Она сломала руку и ногу, но ее подобрала и спрятала одна афганская семья. А он не успел.

- Она знает? - Катичев тоже только взглядом показал на ящик.

- Нет. Вот, едут.

К штабу из-за казарм выскочил бронетранспортер. Афганские солдаты помогли вылезти из люка женщине. Катичев и Ашим осторожно опустили ее на землю. Охнув от боли, она тут же опустилась на стоявший рядом ящик.

- Юра... где? Где муж? - обескровленными, синими от покусов губами прошептала она.

Катичев, стараясь не опускать глаза на ящик, торопливо проговорил:

- Ищут. Вы не беспокойтесь, найдут. Обязательно найдут. А вам надо врача, сейчас поможем.

Пока врач занимался Алевтиной Сергеевной, полковник заглянул в штаб.

- Порядок, - не смог сдержать улыбки Вакуленко. - Матрос молодец, чистый корректировщик. Толпа отступила. Но у нас один погибший.

- Кто?

- Нефтяник. Вышел из гостиницы посмотреть, что творится, и шальная пуля в живот. Умер мгновенно.

- Ч-черт! Позвоните в части, и всех офицеров, кто уверен в своих подсоветных и может оставить их одних - ко мне.

- Хорошо, Станислав Яковлевич. Может, пронесет?

Необходимое послесловие. К сожалению, не пронесло. Через несколько минут восстанут офицеры артполка, откуда велся обстрел города. Коммунистов поставят к стене казармы и на глазах у всего полка расстреляют. Рота, а затем и танковый батальон, посланные усмирить артиллеристов, перейдут на сторону мятежников. И вскоре огонь откроет вся дивизия, все 12 тысяч личного состава.

В штаб вбежит растерянный - Катичев впервые увидит его таким - Ашим.

- Товарищ полковник, мятежники идут арестовывать штаб.

Станислав Яковлевич успеет доложить обстановку в Кабул Горелову.

- Выезжайте в аэропорт, высылаю подмогу, - обеспокоено отозвался главный военный советник.

И с этой минуты связь пропала как с Кабулом, так и с полками. Офицерам, выехавшим по вызову к Катичеву, отбой не дадут, и "уазик", в котором спешил к начальнику майор Бизюков, перехватит толпа. Водитель-афганец спрячется под машиной, а Николая Яковлевича тут же буквально растерзают на части.

В Кабуле Амин вызовет главкома ВВС и ПВО и прикажет стереть Герат с лица земли. Советники главкома еле удержат его от этого шага: зачем вам Хатынь и Лидице? Главком не поймет этих символов, но послушается мушаверов. Самолеты же с советскими экипажами практически вслепую, ночью, сядут в гератском аэропорту, заберут всех гражданских и перебросят сначала в Шинданд, затем в Кабул и Москву. На усмирение мятежа прилетят сто пятьдесят десантников и рота коммандос во главе с майором Шах Наваз Танаи. Танки, посланные в Герат из Кандагара, остановятся на полпути, и тогда Заплатин лично подберет два танковых экипажа и переправит их Катичеву.

К 17 марта под командой Станислава Яковлевича на аэродроме сосредоточилось шесть танков и около трехсот человек. Одни против дивизии. Но, собственно, не сама дивизия была страшна. Главная опасность заключалась в том, что в армейских складах хранились десятки тысяч единиц оружия и множество боеприпасов. Если все это попадет в руки мятежников...

Катичев предпринимает безумную попытку атаковать дивизию. По крайней мере, хотя бы посеять панику и попытаться арестовать руководителей офицерского мятежа. Но видимо, время совместной работы и службы не прошло для афганских офицеров даром. Атакующих встретил мощный огонь артиллерии. А по данным вездесущего Ашима, дивизия сама готовилась к наступлению на аэродром. Замер лишь город, ожидая развязки.

И тогда советники пойдут на хитрость. Пять танков зайдут в тыл дивизии, откроют интенсивный огонь по артиллерийской позиции. Катичев, поднявшись в воздух на вертолете, дождется, когда артиллеристы начнут разворачивать орудия, и даст сигнал замершему в засаде Танаи. Тот всего с одним танком и всей имеющейся пехотой ворвется в городок прямо через центральные ворота. И вновь плац артполка обагрится кровью, но на этот раз тех, кто только недавно сам расстреливал коммунистов. Солдаты, так до конца и не понявшие, что же на самом деле происходило в дивизии, вновь начнут переходить на сторону Танаи.

Когда Катичев приехал в дивизию, около трехсот человек уже было расстреляно, одиннадцать тысяч обезоружены, оставшаяся тысяча разбежалась. Со складов были сорваны засовы, но само оружие тронуть не успели.

Станислав Яковлевич приступит к формированию практически новой дивизии. Шах Наваз Танаи еще некоторое время будет наводить страх в провинции своей жестокостью по отношению к тем, кто участвовал в беспорядках. В середине восьмидесятых он станет министром обороны Афганистана, а 6 марта 1990 года предпримет попытку государственного переворота. После ее неудачи сбежит в Пакистан.

Юрия Борисовича Богданова похоронят в подмосковном городке Щелково, посмертно наградят орденом... Дружбы народов. Жена Бизюкова с двумя сыновьями получит квартиру в Краснодаре. Станислав Яковлевич Катичев после возвращения в Союз возглавит Челябинский облвоенкомат.

А разграбленными в Герате окажутся только два дома: Богданова, рассчитывавшегося за шерсть наличными и имевшего в доме деньги, и майора Бесфамильного. У него пропадет радиоприемник с вмонтированным в него передатчиком. Возле обоих домов люди видели местного врача...

Погибнет через какое-то время и Ашим. Он будет первым, кто захватит у душманов химические гранаты. Их решат демонстрировать в Кабуле иностранным корреспондентам, а Ашим с приклеенными усами и бородой станет давать интервью и пояснения. И все равно, несмотря на маскарад, кто-то узнает его, и, когда он появится около своего дома в Кабуле, убийца нажмет спусковой крючок пистолета.

Документ (переписка советского посла с МИД):

"Запись беседы с послом Франции в ДРА Жоржем Пиррушем.

27 марта 1979 года.

...Посол спросил, были ли во время событий в Герате жертвы среди советских специалистов.

Сказал, что шальной пулей был убит один советский специалист (фактически погибло три специалиста, но об этом решили в дипкорпусе не говорить).

А. Пузанов".

Документ (переписка советского посла с МИД):

"Запись беседы с послом Ирака в ДРА Аль-Шави.

27 марта 1979 года.

...Посол... сказал, что правительство Ирака считает недавние беспорядки в провинции Герат явлением нормальным для любой революции. Революция, свергшая определенные классы, всегда сталкивается с их сопротивлением, поэтому это не вызывает удивления.

А. Пузанов".

Глава 15

ГЕРАТСКИЙ ДУШ ДЛЯ "БЕЗБОЖНОГО" КАБУЛ А. -

"ЧЕТВЕРКА" ИДЕТ ВА-БАНК. ПРЕЕМНИК - ТОТ, КТО ХОРОНИТ. - ПЕРВАЯ ПРОСЬБА О ВОЕННОЙ ПОМОЩИ. - СЛУШАЙТЕ "ГОЛОС АМЕРИКИ"...

Холодным оказался гератский душ для Кабула. Святая святых, надежда и опора - сама армия! - посмела выступить против революции и народной власти. Кому тогда можно верить?

Нешуточными оказались и антиправительственные группировки, к марту поднявшие голову, и в особенности "братья-мусульмане". Правительство поспешило окрестить их "братьями-дьяволами", но идеи, провозглашенные ими, находили все большую поддержку в стране. Поставив во главу угла борьбу за чистоту ислама, объявив своей конечной целью исламскую революцию "без Советов и Запада", они сумели за год поднять против "безбожного" Кабула вполне реальную силу. К тому же правительство Тараки нет-нет, но и само давало поводы для недовольства собой. Было казнено несколько мулл, наиболее активно выступавших против правительства, а "Пуштунвалай" в кодекс чести включает и кровную месть. Месть же верующего за своего учителя священна, и, по афганской пословице, даже если она настигла противника и через сто лет, все равно это сделано быстро. Недовольство в армии тоже родилось не на пустом месте: по декрету Ревсовета земля отбиралась не только у помещиков, но и у среднего сословия. А именно из него состоял костяк офицеров афганской армии, да и служивого люда тоже.

И когда вслед за гератским мятежом вспыхнуло восстание дивизии в Джелалабаде, уже на юге страны, это подлило масла в огонь борьбы и среди высшего эшелона власти, все еще выбирающего формы и методы руководства. Оказалось, что с уходом "Парчам" и изгнанием из армии сторонников Кадыра эта борьба не только не прекратилась, а, наоборот, усилилась. Теперь уже халькисты сами разделились на две группировки: "твердых" - во всем поддерживающих Тараки, и аминистов - идущих за Амином и исполняющих только его распоряжения. В определенной мере плохую услугу Афганистану оказали создаваемые под звуки литавр политорганы в армии, призванные, казалось бы, укреплять власть. Но державший под своим присмотром армию Амин сделал все, чтобы политработниками назначались только преданные ему люди. И уже назывался Хафизулла "командиром Апрельской революции", и размеры его портретов стали достигать размеров портретов самого Тараки. Невооруженным взглядом было видно, что "верный ученик" если еще и не стал на одну ступень с "учителем", то это - дело недалекого будущего.

Оно могло наступить для Амина - с его огромным

организаторским даром и мощной поддержкой в армии - хоть завтра, но находились рядом с Тараки еще четверо его любимых "сыновей" - главные участники переворота 1973 года и апрельских событий - Ватанджар, Гулябзой, Саравари и Маздурьяр. И если Амин видел в них лишь распутную, дорвавшуюся до власти, выпивок, женщин и гуляний молодежь, то Тараки все же почитал их заслуги перед родиной и революцией и тоже держал хоть и за младших, но сыновей. Четверка платила ему своей преданностью, и именно от них пошло определение "твердых" халькистов. В отличие от "учителя", они к тому же не только видели, но и на себе ощущали мощное давление Амина, который пока только намеками, деликатно, но старался подвести Тараки к тому, чтобы убрать их из руководства страны. Дабы не позорить революцию, не разлагать остальных.

Еще верил Хафизулле Тараки, но в то же время Ватанджар с товарищами казался ему той стеной, тем последним бастионом, за которым он может чувствовать себя уверенно. И потому тянул Генеральный секретарь, ничего не предпринимая и надеясь, что все образуется как-нибудь само по себе.

Но 27 марта на заседании Революционного совета Ватанджар и Гулябзой, уже чувствуя на затылке грозное дыхание Амина, предприняли первую попытку если не свалить, то хотя бы остановить мощное восхождение Амина к единоличной власти, а значит, к их изгнанию, в лучшем случае со всех постов. А повод представился более чем благоприятный - на заседании шел разговор о мятежах в Герате и Джелалабаде.

- Мы не можем закрыть глаза на то, что нас предает именно армия, - и так эмоциональный по натуре, взволнованно заговорил Саид Гулябзой, когда ему предоставили слово. - И я предлагаю строго спросить с тех, кто отвечает у нас в Ревсовете за наши вооруженные силы.

Все посмотрели на Амина, а тот, набычив свою большую голову, медленно наливался краской. Такого откровенного выступления против себя он не ожидал. А он еще жалел их, деликатничал, произнося их имена...

Минутным замешательством воспользовался Ватанджар:

- Наша армия до этого была народной армией. А что мы видим сейчас? Что мы видели в Герате? Именно армию заставили идти против мирных жителей. И это не единственный пример, когда вооруженные силы используются у нас против народа. А что творится в самой армии? С негласного разрешения, надо полагать, армейского руководства идет травля и преследование тех офицеров, кто предан революции, но не предан какому-то определенному командиру.

Это он практически в открытую говорил о себе, а на Амина уже никто не смотрел: всегда неудобно смотреть на того, кого критикуют. А тем более на того, кто еще за мгновение до этого, несмотря на небольшой рост, нависал над всеми глыбой, казался неприступным и вечным гранитом.

Но "четверка" шла ва-банк, отступать ей уже было некуда, а второго случая могло и не представиться. Вопрос о недоверии Амину был поставлен, ответственность за мятежи хоть и не напрямую, но возложена на него, а тут еще и Тараки впервые не поддержал своего "первого ученика". Более того, по его предложению был вынесен на утверждение вопрос о Высшем совете обороны ДРА под его личным руководством. Новшество поддержали, и в ходе перестановок Ватанджар стал министром обороны, Маздурьяр вместо него занял пост министра внутренних дел. Выходит, не только они опасались железной хватки Амина, остальные хоть и чужими руками, но на всякий случай тоже отвели от себя горячие угли аминовской непредсказуемости и жестокости.

- А товарища Амина мы попросим направить всю его энергию и опыт организатора на экономические и, скажем, общеполитические проблемы, - уже в конце заседания повернулся Тараки к замершему в напряжении Амину. И все-таки как опасно иметь руководителю государства мягкое сердце - дрогнуло оно. Кто бы чего ни говорил, но столько, сколько сделал для революции Хафизулла Амин, все-таки надо было еще поискать. И убирать вот так, сразу...

И уже вдогонку, откровенно оправдываясь и показывая, что он по-прежнему верит и ценит его, Тараки торопливо добавил:

- Но, товарищи... Знаете, было бы несправедливо и неоправданно для дела революции, если мы опыт, знания, способности товарища Амина замкнем только этим. Я предлагаю... я думаю назначить товарища Амина первым министром в правительстве.

- У нас нет такой должности, - осмелился вполголоса проговорить Ватанджар. Неужели луч надежды, сверкнувший минуту назад, погаснет?

- Можем ввести, - с улыбкой, что нашел выход из положения, тут же отреагировал Тараки. - А что, пусть будет первый министр, то есть человек, особо приближенный к премьер-министру, - тут же наделил Тараки Амина новыми полномочиями. - Как, товарищи, нет возражений?

Возражений не было: председателю Ревсовета в марте 1979 года еще не возражали. Вернее, ему мог до определенной степени возразить в чем-то незначительном только Амин, но в данный

момент речь шла о нем самом.

Необходимое послесловие. Получить Ватанджару пост министра обороны оказалось мало, чтобы считать, будто дело сделано. Аминовцы, уже стоявшие во главе полков, дивизий и корпусов, в Генеральном штабе "не приняли" нового министра. Все вопросы продолжали решаться через его голову только с Амином. Делать же еще одну чистку среди офицеров Ватанджар не решился офицеров и так не хватало.

Такое двусмысленное положение министра обороны, а еще и отсутствие конечно же опыта работы с огромной и разностороннейшей армейской машиной мешали и эффективному управлению армией. Амин, не забывавший ничего, тем более не забывал подчеркивать промахи нового министра и в конце концов убедил Тараки в том, что Совет обороны как коллективный орган не действует, и поэтому всю вооруженную борьбу против контрреволюции нужно сосредоточить в одних руках. Очень опытных и мудрых. Конечно же, любимого и мудрого Тараки.

Не устоял Нур Мухаммед против новой лести Хафизуллы. 25 июля специальным указом Ревсовета он взял на себя "ведение всех дел, связанных с обороной родины, и командование всеми вооруженными силами страны".

Однако далее в указе подчеркивалось самое страшное для "твердых" халькистов: "До тех пор, пока не прекратится иностранная агрессия, я поручил своему любимому и выдающемуся товарищу Хафизулле Амину... по моим непосредственным указаниям заниматься деятельностью министерства обороны".

Потом этот шаг будет стоить Тараки жизни, ну а тогда Амин с улыбкой отправлял своих противников на прежние должности: Ватанджара - на пост министра внутренних дел, Маздурьяра - на пост министра по делам границ. Обе стороны понимали, что такое противостояние долго продолжаться не может, и, хотя чаша весов вновь склонилась в пользу аминовцев, предсказать конец развязки не решался никто.

Март 1979 года. Москва.

Именно из-за гератских событий впервые за три года своего пребывания на посту министра обороны Дмитрий Федорович Устинов предельно конкретно почувствовал, что он маршал и что именно он непосредственно отвечает за оборону страны.

Да, уже ровно три года, как он министр. 26 апреля 1976 года, в день смерти Гречко, Брежнев подошел к нему и сказал:

- Дима, я думаю, ты должен стать министром обороны.

- Да что ты, Леонид Ильич. - Устинов даже отступил на шаг,

чтобы лучше рассмотреть лицо Брежнева. Поняв, что тот не шутит, уже более серьезно ответил: - Я, конечно, хоть и генерал-полковник, но это звание у меня с сорок четвертого года, человек я сугубо штатский. Мало, что ль, генералов и маршалов?

- А ты знаешь, о чем я подумал? - Брежнев пожевал воздух. - Сейчас для наших Вооруженных Сил главное, чтобы ими не командовали, а оснащали современной техникой. А кто, кроме тебя, в этом деле лучший специалист? А? Давай, утверждаем тебя председателем комиссии по проведению похорон.

Тот, кто хоронит, становится преемником умершего - это закон, не дававший сбоя за все годы советской власти. Генералы и маршалы смотрели во время похорон на него с любопытством, словно видели впервые. Он замечал их взгляды, и вспоминался невольно июнь 1941 года, когда его, 33-летнего директора завода "Большевик", Сталин назначил наркомом вооружения СССР. Тоже многие косились и недоумевали, и, кажется, до 42-го года, когда ему одному из первых за годы войны присвоили звание Героя Соцтруда. Кажется, только в этот момент самые отъявленные скептики его стремительного восхождения в наркомы забыли о том, сколько ему лет.

Да, война быстро поставила всех на ноги, заставила забыть возраст. И годы пролетели стремительно, одним днем. Вооружением занимался и после Победы, и даже когда избрали секретарем ЦК, все равно продолжал отвечать в Политбюро за оборону. Так что, если здраво поразмыслить, предложение Брежнева и не было таким уж неожиданным. Дал согласие, вновь, впервые после войны, надел военную форму. Звание генерала армии присвоили через несколько дней. Маршала - в том же, 76-м. На семидесятилетие легла на грудь к двум трудовым Звездам и Звезда Героя Советского Союза. Не хотелось, конечно, думать, что это только дань традиции: Брежнев оказался прав, армия и флот нуждались в техническом перевооружении, и именно под его началом военно-промышленный комплекс на два-три шага обогнал все остальные отрасли народного хозяйства. Можно сказать, что только из-за паритета именно в военной области, и особенно в военном космосе, с нами вынуждены были уважительно разговаривать и Штаты, и вообще блок НАТО. Не будь этого прорыва в новую технологию, кто бы стал считаться со страной, изо всех сил латающей дыры в своей экономике? Так что он не стеснялся своей новой Звезды и готов был ответить хоть перед Политбюро, хоть перед совестью, что сделал все возможное для безопасности Родины.

А вот теперь оказалось, что министр обороны еще все-таки обязан и командовать. События в Афганистане, вернее, донесения

разведчиков говорили о том, что эта точка на карте становится все более горячей. И не где-нибудь за сотни и тысячи километров от границы, а буквально под боком.

Год назад они в Министерстве обороны как-то не приняли всерьез сообщение о создании в Турции штаб-квартиры "Новой Великой Османской империи", в состав которой по замыслу организаторов должны были войти мусульмане всех сопредельных с Турцией стран, в том числе, конечно, и 70 миллионов мусульман из нашей Средней Азии и Закавказья. То есть создать некий мусульманский фашиствующий блок. Улыбнулись вроде бы невыполнимости подобного, а в Среднюю Азию зачастили "полюбоваться" восточной экзотикой сотрудники американского посольства, туристские группы. Ларчик открывался просто, когда стало известно, что инициатором создания "великой" и "новой" является не кто иной, как Пол Хенци, резидент ЦРУ в Анкаре. Сразу стало ясно, что одна из ставок в борьбе с СССР сделана на религию. И на сообщение разведки посмотрели более серьезно: если произойдет объединение - в любой форме, в любом виде, - то дальнейшее поведение мусульман прогнозировать практически невозможно из-за их фанатичности и преданности исламу.

Резня в Герате - первый признак именно этой цепи. Пробный камень, проверка прочности не только кабульского правительства, но и реакции Советского Союза. Именно ради этого мятеж был направлен, по существу, против СССР. И теперь совсем небезобидным видится лозунг, прозвучавший на гератских улицах: перенести джихад - священную войну под зеленым знаменем ислама - на территорию Советского Союза. Здесь уже не усмехнешься и не отмахнешься - надо думать о безопасности границы. И 17 марта он впервые в своей практике вынужден был поднять по тревоге Туркестанский округ, а когда пришло сообщение о гибели военного советника, дал указание Генеральному штабу развернуть дополнительно, вне годового плана призыва на сборы, еще несколько частей. Правда, с некоторыми ограничениями - не призывать женщин и студентов, не отзывать из отпусков офицеров.

К этому времени, 19 марта, подошла шифрограмма от посла и Горелова несмотря на официальный тон, достаточно тревожная. Пузанова он знал со времен войны, когда тот был еще секретарем Куйбышевского обкома партии, а он размещал там свои заводы, так что в серьезность текста телеграммы поверил сразу.

Документ (донесение из Кабула в МИД и Генеральный штаб):

"...В случае дальнейшего обострения обстановки будет, видимо, целесообразным рассмотреть вопрос о каком-то участии

под соответствующим подходящим предлогом наших воинских частей в охране сооружений и важных объектов, осуществляемых при содействии Советского Союза. В частности, можно было бы рассмотреть вопрос о направлении подразделений советских войск:

а) на военный аэродром Баграм под видом технических специалистов, используя для этого в качестве прикрытия намеченную перестройку ремзавода;

б) на кабульский аэродром под видом проведения его реконструкции, тем более что недавно на этот счет было заключено межправительственное соглашение, о чем сообщалось в печати.

В случае дальнейшего осложнения обстановки наличие таких опорных пунктов позволило бы иметь определенный выбор вариантов, а также позволило бы при необходимости обеспечить безопасность эвакуации советских граждан".

Посла и советника понять можно: они в первую очередь отвечают за безопасность советских людей в Афганистане, и главный акцент в телеграмме все-таки на обеспечение их безопасности и эвакуации. Эвакуация... Эвакуация - это значит отдать Афганистан, а отдав - лишиться и относительного спокойствия на южных границах. Американцы, вышвырнутые из Ирана, по последним данным, усиленно ищут замену. Для трех радиотехнических станций, наблюдавших и прослушивающих из Ирана Союз с юга и до Москвы, временно предоставил свою территорию Пакистан, но отроги Гиндукуша на афганской территории оказались столь высоки, что эффективность станций уменьшилась сразу в несколько раз. Американцы, без сомнения, будут делать все, чтобы выбить Афганистан из-под советского влияния и переподчинить своим интересам. Так что хотим мы того или нет, но единственно верным шагом в этой ситуации могло быть только усиление позиций Тараки. Чем дольше пробудет он у власти и чем надежнее будет его окружение, тем лучше для Советского Союза. Вот такая неожиданная закономерность.

Необходимое послесловие. После консультаций с Андроповым и Громыко министр обороны доложит о своих соображениях Брежневу: обратить особое внимание к Афганистану и личной безопасности Тараки.

Пока этот вопрос будет обдумываться и прорабатываться, из Кабула придет сообщение: Тараки срочно, незамедлительно просит встречи с советскими руководителями. Единственная предварительная просьба - чтобы о его приезде знал крайне ограниченный круг лиц.

Нур Мухаммед прилетит буквально на одну ночь. Брежнев, Косыгин, Андропов, Устинов, Громыко из всех возможных вариантов подобной срочности выделят один: афганский лидер, видимо, будет просить помощи в подавлении мятежа.

И не ошиблись.

В день прилета на приеме у Косыгина Тараки возбужденно убеждал:

- Дайте несколько батальонов или нанесите удары авиацией по Герату. У вас же Кушка рядом, никто ничего не узнает. Всего несколько часов - и революция будет спасена. Косыгин ответит категорическим отказом: советские войска в Афганистан входить не будут, мятеж необходимо подавить собственными силами. А чтобы у Тараки не оставалось надежд и иллюзий на этот счет, его проведут и к Брежневу. Тот менее категорично и резко, но повторит: у советского руководства есть мнение, что посылать войска, а тем более бомбить город с территории СССР, не стоит. В Афганистане достаточно опытных советников, которые могут помочь в ликвидации контрреволюционного выступления. Нелегко дались эти слова Брежневу. Мир давно жил по принципу: кто не с нами, тот против нас. И вот так отталкивать руку, протянутую в просьбе... Ведь Венгрии же помогли, спасли Чехословакию, а здесь, можно сказать, вторая Монголия. Страна, которая из феодализма может шагнуть сразу в социализм. И, как говорит Суслов, предавать ее - это показать другим странам, что мы способны бросить друга на полпути. Ни по-человечески, ни по-партийному подобное никто не поймет. Раз вместе, то до конца. Но и ситуация, судя по докладам, не такая уж безнадежная. Пусть вырабатывают противоядие сами.

Однако вскоре из ДРА придет первая официальная просьба о военной помощи. Передаст ее Горелов 14 апреля 1979 года:

"Был приглашен к товарищу Амину, который по поручению Н. М. Тарани высказал просьбу о направлении в Кабул 15-20 боевых вертолетов с боеприпасами и советскими экипажами для использования их в случае обострения обстановки в приграничных и центральных районах страны против мятежников и террористов, засылаемых из Пакистана. При этом было заверено, что прибытие в Кабул и использование советских экипажей будет сохранено в тайне".

- Ты как сам думаешь, Дмитрий Федорович? - спросил Брежнев, когда Устинов доложил ему об этой просьбе.

- Думаю, сейчас нет особо острой необходимости в этом, ситуация в Афганистане нормализовалась. Я дал команду подумать насчет специального батальона для охраны самого Тараки, а вертолеты... Не знаю. Наверняка они будут втянуты в

боевые действия против мятежников, и не дай Бог кто-то из наших вдруг попадет в плен. Можно будет представить реакцию Запада. Думаю, пока не стоит этого делать.

Вне зависимости от этого разговора начальник Генерального штаба маршал Огарков наложит на шифрограмме резолюцию: "Этого делать не следует".

Подобные решения лягут и на следующие телеграммы. А их к концу года Генеральный штаб получит восемнадцать. Устинову для доклада на заседании Комиссии Политбюро по Афганистану в декабре подготовят перечень просьб афганского правительства о вводе советских войск в ДРА.

"Особо важный документ" (числа указаны по дням передачи секретных шифрограмм в Москву):

"14 апреля - направить в ДРА 15-20 советских боевых вертолетов с экипажами.

16 июня - направить в ДРА советские экипажи на танках и БМП для охраны правительства, аэродромов Баграм и Шинданд.

11 июля - ввести в Кабул несколько советских частей численностью до батальона каждая.

19 июля - ввести в Афганистан до двух дивизий.

20 июля - ввести в Кабул воздушно-десантную дивизию.

21 июля - направить в ДРА 8-10 вертолетов Ми-24 с советскими экипажами.

24 июля - ввести в Кабул три армейских подразделения.

12 августа - направить в Кабул три советских спецподразделения и транспортные вертолеты с советскими экипажами.

21 августа - направить в Кабул 1,5-2 тыс. советских десантников. Заменить афганские расчеты зенитных средств советскими расчетами.

25 августа и 2 октября - ввести в Кабул советские войска.

17 ноября и 20 ноября - направить спецбатальон для личной охраны Амина.

2 декабря - ввести в провинцию Бадахшан усиленный полк.

4 декабря - ввести в северные районы Афганистана подразделения советской милиции.

12 и 19 декабря - разместить на севере Афганистана советские гарнизоны, взять под охрану дороги ДРА".

Итого официальных просьб - около двадцати, семь из них - лично от Амина уже после убийства им Тараки.

Остаться полностью безучастными к просьбам тоже было нельзя: не поможешь ты, это с удовольствием сделают другие. Но усиление помощи шло только по линии советников. Все новые и новые группы советских военных специалистов - майоров,

подполковников и полковников оставляли свои посты в Союзе и летели в соседнюю страну. Начала поступать на вооружение афганской армии и более-менее современная советская военная техника - танки, вертолеты, артиллерийские системы.

Чтобы быть откровенным, следует сказать, что в апреле, после первой просьбы, командиры некоторых дивизий и полков, расположенных в Туркестанском округе, под видом технических специалистов на несколько дней вылетели в Кабул посмотреть все собственными глазами: Генштаб при Огаркове всегда стремился заглядывать на несколько шагов вперед и просчитывал все возможные варианты событий. Поэтому хотя и написал Огарков резко отрицательную резолюцию, как начальник Генштаба он не имел права оставить без проработки подобный вариант. Однако после мартовских волнений обстановка в Афганистане стала чуть спокойнее. Замечено лишь было, что акцент в работе спецслужб сместился на пропагандистские методы.

Документ (для внутреннего пользования в посольстве СССР в ДРА):

"18 апреля 1979 года.

Вещание западных радиостанций на Афганистан (справка).

...Общий объем передач составляет:

"Голос Америки" - 3 передачи в сутки. 2,5 часа.

Би-би-си - 2 передачи. 1 час.

"Немецкая волна" - 2 передачи. 1,1 часа.

Слышимость этих передач в Кабуле, особенно Би-би-си и "Немецкой волны", хорошая.

В пропагандистской кампании западных стран после Апрельской революции можно выделить несколько этапов.

В первый период общая направленность... сводилась к тому, чтобы представить афганскую революцию как продукт вмешательства СССР...

В последующем стало передаваться много... сообщений о расколе в НДПА...

В настоящее время... часто передают сообщения о вооруженных стычках в тех или иных районах Афганистана...

...Би-би-си, как правило, первой подхватывает любой слух, содержащий в себе хотя бы намек на возможность ухудшения положения в Афганистане... Аналогичные сообщения по "Голосу Америки" передаются лишь два дня спустя...

"Немецкая волна" наиболее откровенна в своих антисоветских высказываниях... В комментариях делаются попытки очернить Советский Союз... подвергнуть ревизии итоги второй мировой войны.

Приложение: расписание работы западных радиостанций,

время кабульское, частоты в кГц.

Стажер посольства СССР в ДРА С. Струков".

Необходимое послесловие к документу. Это не просто безобидная бумажка о безобидных делах. В Белом доме, например, в это время состоится межведомственное совещание американских экспертов по пропаганде на зарубежные страны, где основным и главным стал вопрос расширения пропаганды именно на Афганистан. Было подчеркнуто, что органы пропаганды должны:

а) способствовать усилению сопротивления афганского населения советскому военному присутствию;

б) подрывать авторитет нынешнего афганского руководства и местных властей.

Участники совещания признали, что качество пропаганды на ДРА является, по американским меркам, пока весьма низким. Решено было усилить мощности передатчиков за счет установления новых передающих антенн и варьирования времени передач в зависимости от наиболее благоприятных условий прохождения радиоволн. Единодушно приняли решение усилить афганскую секцию, увеличить время передач на языке дари.

На совещании сидели свои люди, и поэтому без стеснения подчеркивалось, что "радиостанции - это служба "психологической войны". Они учреждены для провоцирования внутренних беспорядков в странах, на которые ведутся передачи".

Но американцы не были бы американцами, если бы не вернулись к этому вопросу после ввода советских войск в Афганистан. В "Голос Америки" и "Голое свободы" сразу же пришло указание (вот она, хваленая независимость) усилить освещение войны в Афганистане. Официальным представителям американского правительства, ученым и политикам предписывалось распространять сведения об ужасных нарушениях прав человека в Афганистане. Рекомендовалось прилагать все усилия в демонстрации раненых афганцев и советских дезертиров в качестве советских военных преступлений. Это, как подчеркивалось в инструкции, не будет иметь немедленного воздействия на советского слушателя, однако постепенно в сознании советских граждан должна будет образоваться связь между экономическими издержками и застоем их жизненного уровня.

Отдадим должное американской пропагандистской машине - она прекрасно справлялась с этим предписанием. Постепенно, но в умы многих советских людей внесли мысль в первую очередь о преступности войны в Афганистане. Без анализа, фактов, на одних слухах и эмоциях - но о ее преступности. На Съезде

народных депутатов даже такой борец за права человека, как А. Сахаров, попавшись на эту удочку, говорил о фактах, услышанных в передачах западного радио, места которым не было за все девять лет пребывания наших войск на территории Афганистана - о якобы каких-то расстрелах попавших в плен наших солдат. Ни одного случая так и не было названо, а мы еще раз имеем возможность обратиться к указанию в "Голосе Америки": "Все, что бы ни говорилось, не будет иметь немедленного воздействия, однако постепенно в сознании советских граждан..."

Глава 16

"МУСУЛЬМАНСКИЙ" БАТАЛЬОН - СОВЕТСКИЕ КАМИКАДЗЕ. - ДЕВОЧЕК ОСТАВЛЯЕМ ВАМ. - НАЙТИ КОМАНДИРА.

2 мая 1979 года. Туркестанский военный округ.

В мае в Узбекистане уже достаточно жарко, и, если у человека есть возможность выйти из душного помещения на улицу, в тень, поближе к арыку или фонтану, никто не стесняет себя в этом желании. Дом - он от дождя и от снега, а вообще-то крыша закрывает небо, стены забирают простор. А за столиком под плакучей ивой или чинарой, с пиалой горячего зеленого чая, лагманом и лепешкой, послушать друга, просто соседа, воду в арыке, неземную восточную мелодию, свою душу - вот счастье. А зачем суета? Какая может быть суета у подножия гор? Вот они - воистину великие и вечные, все остальное пройдет, уплывет, убежит. Поэтому сиди, человек, пей чай. Говори, о чем говорится. Не говорится - просто сиди. Вспоминай о прошлом, думай о будущем.

Полковник Василий Васильевич Колесов20 приехал в Туркестанский военный округ после нескольких лет разлуки с ним. Когда-то он начинал свою офицерскую службу на Дальнем Востоке в только что образованных и еще потому не совсем понятных, но тем не менее обещающих быть интересными и перспективными частях спецназа. Прошел все должности, какие только можно пройти строевому офицеру, а здесь, в Туркестанском, командовал уже бригадой.

Должность комбрига - это только звучит загадочно, красиво, даже романтично, будто из времен гражданской войны. Только знать бы любителям словесности, что время навязало, навесило на командира бригады и такие заботы, как ведение подсобного хозяйства, самострой - от парков для техники до жилья офицерам, обязательное выделение солдат для нужд города: перенести, вырыть или закопать, очистить, засыпать. Где мы только не видели чернорабочих в солдатской форме в то время!

Словом, куры, поросята, картошка, цемент, трубы, вода лежали на плечах вместе с подполковничьими погонами и нервы

трепали ничуть не меньше, чем боевая подготовка. Поплакаться бы кому, да и на это просто нет времени. А если бы и было, то при подчиненных нельзя, а при начальстве не положено. Семью тоже поберечь хочется. Так что определенная замкнутость офицеров просто от привычки тащить свой воз проблем самому.

Тяжко было, однако сейчас, когда позади уже два года работы в ГРУ21, то время казалось теперь самым насыщенным и интересным. Как всегда: что имеем - не храним, потерявши - плачем. И ладно бы только ему одному так думалось, но ведь грустила по Востоку и семья. А младшая дочь - та вообще каждый ужин, обед и завтрак начинала с воспоминаний о восточных базарах. И совершенным счастьем были посылочки от бывшего подчиненного Хабиба Таджибаевича Халбаева с корейский морковкой, капустой, приправами к плову, дольками сушеной дыни, редькой, которую все почему-то называли маргеланским салом. Закатывался пир и негласно объявлялся праздник Ностальгии по Ташкенту, тамошним друзьям, по тому времени.

И когда начальник ГРУ предложил Василию Васильевичу слетать в командировку в Туркестанский округ, Колесов, видимо, так откровенно обрадовался и улыбнулся, что генерал армии предупредительно поднял вверх палец и сразу предупредил:

- Но задача сложная. - Ивашутин перевернул листок календаря и рядом с цифрой "3" поставил аккуратную галочку: - Уже с завтрашнего дня, то есть с третьего мая, приступить к формированию батальона.

- Для?.. - видя, что начальник замолчал, и выдержав тактичную паузу, попытался ухватить направление своей деятельности в округе Колесов. Формировать новый батальон - здесь неделей не отделаешься. Да еще наверняка батальон какой-нибудь новой структуры, на обычный есть целый штаб округа.

- Скажем так: вам надлежит в течение месяца сформировать специальный батальон по совершенно новой штатной структуре. И главная особенность на первом этапе - он должен полностью состоять из личного состава трех национальностей: таджиков, туркменов и узбеков.

- Но это получится что-то вроде "мусульманского" батальона.

- Вы правы, нам нужен именно "мусульманский" батальон. Штаты, программу его подготовки мы пошлем следом. Полномочия в подборе людей самые неограниченные, можете брать к себе любого, кто подойдет. Телеграмму на этот счет в округ мы уже дали. Рассчитывайте, что помогут вам и из других округов. Единственное - все солдаты и офицеры обязаны пройти через отделы.

"Это уже серьезно", - забыл про базары Колесов.

С третьего мая он, прилетев в Ташкент, стал с завистью думать о людях, которые могут выйти из душных помещений, посидеть у арыка с пиалой. Сам же от темна до темна изучал личные дела офицеров, а когда чувствовал, что в глазах начинает рябить, что прочитанное уже не воспринимается, уезжал в свою бывшую бригаду, куда потоком шли кандидаты в "мусульманский" батальон. Там уже рождались и крутились вокруг всего этого самые необыкновенные слухи и домыслы, а когда пришел приказ выселить в пользу "мусульман" из казарм в палатки спецназовцев - спецназовцев, выше которых, казалось, никого уже нет! - все стали сходиться на одном: готовятся советские камикадзе.

- Скоро бары построят, обещали даже девочек иногда привозить, поддерживали свой имидж сами ничего не знающие кандидаты.

Но слишком любопытных и разговорчивых особый отдел тут же отправлял по старым местам службы. Колесов же отсеивал тех, кто прослужил более полутора лет и больше думал о дембеле, чем о службе, кто не имел спортивных разрядов, не состоял в комсомоле. Оставленных вновь просеивал и оставлял уже тех, кто имел несколько спортивных разрядов (не по шашкам и шахматам, естественно), кто умел прыгать с парашютом, хорошо говорил по-русски, не имел родственников за границей и тому подобное. Выбирать было из кого, а когда подослали программу подготовки батальона, Колесов немного определился в главном: для чего. Среди тестов, которые предлагались солдатам уже на первых занятиях, прослеживалась, или, как пишут в газетах, проходила красной нитью, мысль о возможных ранениях и даже гибели во время боевых действий.

- Отряд попал в засаду. Ранен пулеметчик, его жизнь зависит от того, перевяжут ли ему рану. Вы станете делать перевязку или продолжите стрельбу?

Санинструкторы обязаны были уметь водить технику, связисты - стрелять из гранатомета. Словом, создавался двойной штат специалистов, в результате чего батальон практически в два раза увеличивал свои возможности. БТР, БМД22 прислали новенькие, только после обкатки, а командиры рот - рот, а не батальона, могли требовать для своих занятий любое количество боеприпасов и моторесурсов. В свое время Колесов сам, будучи комбригом, не имел, например, права менять упражнения по вождению, теперь же офицеры выдумывали такое, что только вверх колесами не ездили. И не потому, что не разрешалось - ради Бога, а просто не могли заставить машины двигаться таким образом. Да и сами солдаты словно с цепи сорвались: как же,

официально разрешили нарушать все правила и режимы. В охотку водили технику ночью в колонне то без габаритных огней, то без показаний приборов. Гранатометчики стреляли на дальность, на время, на шумы сквозь дым, на минимальные расстояния. Нашивали на форму новые карманы, а для удобства и быстроты в стрельбе из автомата связывали крест-накрест изолентой магазины. Короче, чем невероятнее, сложнее и опаснее выдумывались ситуации, тем было лучше. Когда в армии было такое?

- Рестораны и девочек оставляем тем, кто не способен воевать по уму, появилась новая тональность в разговорах "мусульман" со спецназовцами. Например, вам. Нас-то натаскивают не погибать, а выполнять боевую задачу.

Все вроде с формированием и началом тренировок шло неплохо, и единственное, что смущало пока Колесова, - никак не могли подобрать комбата. Начштаба был, ротные как на подбор, замполиты, техники уже крутились, а того, кто получит приказ и будет отвечать за его выполнение, все не находилось. Василий Васильевич вновь и вновь перебирал личные дела, ворошил память на бывших сослуживцев и однажды остановился на Халбаеве своем бывшем инструкторе по воздушно-десантной подготовке бригады. И что привлекло в характере Хабиба Таджибаевича в первую очередь - это его выдержка и спокойствие. На первый взгляд, даже излишнее спокойствие, но если реально смотреть на вещи, то в той ситуации, в которой может оказаться батальон, самое основное - это как раз не пороть горячку, не наломать дров. К тому же при тех же боевых качествах и возможностях, которые предписывалось наработать батальону, про рассудительность и выдержку как-то забыли. И хорошо уже то, что об этом вспомнилось, подумалось в связи с Халбаевым. А если все-таки удастся соединить флегматичность Хабиба и пламень "мусульманскою" батальона? Может, как раз и получится тот сплав, который необходим начальнику ГРУ? Вернее, тому, кто приказал ему подготовить такой батальон?

Посоветовавшись со своим помощником майором Швецом, Василий Васильевич позвонил Ивашутину: на курсах "Выстрел" проходит переподготовку капитан Халбаев Хабиб Таджибаевич, может быть рассмотрен на должность командира "мусульманского" батальона.

Документ (из секретной переписки американских внешнеполитических ведомств по Афганистану):

"9 мая 1979 г., № 3626/1 и 2.

Из посольства США в Кабуле.

Госсекретарю. Вашингтон. Немедленно.

Конфиденциально.

Тема: Роль СССР в Афганистане в настоящее время.

На № 113474 из госдепа.

1. (Ограниченное служебное пользование.) За последние несколько недель советское присутствие в Афганистане заметно усилилось, но оно еще не достигло того преувеличенного уровня, о котором часто сообщается в мировой прессе...

2. (Секретно.) Учитывая, что избранные места этого доклада будут использованы департаментом для ответов на публичные запросы и запросы конгресса (как об этом говорилось в поступившем указании), посольство представляет такой материал о советском вовлечении в афганские дела, публикация которого не нанесет серьезного ущерба нашим операциям и не раскроет наших источников...

8. (Ограниченное служебное пользование.) Наиболее важный вопрос заключается в следующем: можем ли мы ожидать, что советские боевые части примут участие в афганском конфликте? Мы можем только сказать, что такую возможность нельзя исключать.

Статья 4 нового афгано-советского Договора о дружбе от 5 декабря 1978 года гласит, что обе стороны "будут консультироваться друг с другом и принимать по согласованию необходимые меры к обеспечению безопасности, независимости, территориальной целостности обеих стран". Статья заканчивается: "В интересах укрепления обороноспособности высоких договаривающихся сторон они продолжат развитие сотрудничества на основе соответствующих документов, заключенных между ними".

9. (Ограниченное официальное использование)... Как представляется, эти формулировки позволяют Советским Вооруженным Силам вступить в Афганистан в любое время, но также содержат достаточно туманных мест, которые дают Советам возможность игнорировать призыв "Хальк" о помощи...

11. (Ограниченное официальное использование.) Почему СССР может решиться на интервенцию? Афганистан, в отличие от Анголы, Эфиопии и Йемена, граничит с Советским Союзом. Эта неспокойная страна примыкает к нескольким уязвимым мусульманским среднеазиатским республикам СССР. Понятно, что Москва обеспокоена возможностью приближения к своей южной границе сплошной полосы консервативных исламских государств от Ирана до Пакистана.

И такая ситуация может возникнуть, если союз во главе с "братьями-мусульманами" когда-либо свергнет халькистский режим. СССР пошел также на колоссальные политические,

престижные, экономические, стратегические и военные вложения в халькистский Афганистан. Москва вряд ли позволит, чтобы все это пропало, не предприняв усилий для их сохранения.

Амстутц".

23 мая 1979 года. Москва.

Кому еще надо доказывать, что одна-единственная случайность способна перевернуть с ног на голову мириады закономерностей, или, собственно, всю жизнь. Богачу стать бедным, женатому - холостым, здоровому - больным или все наоборот - все это может быть хоть завтра, а хоть и сегодня. Неисповедимы не только пути Господни, но и каждого из нас.

Капитан Халбаев ни о чем подобном, конечно, не подумал, когда его вызвали с занятий, и дежурный по курсам сообщил:

- Слушай, Хабиб, тебя на беседу в ГРУ вызывают. Что, в разведчики записался?

- Да нет, - удивился вызову Халбаев, но тут же вспомнил: - Да там же сейчас мой бывший комбриг служит. Наверное, просто встретиться хочет.

- А-а, тогда ладно, а то разведут агентуру под боком, и знать не будешь. Давай езжай, пропуск заказан.

- Как добраться-то, я Москву практически не знаю.

Это верно, ближняя к столице точка в его службе - Ташкент. Туркестанский округ исколесил, облазал за десять лет офицерства вдоль и поперек, а вот столицу Родины посетить все недосуг было. А год назад хорошо, плохо ли, но его должность в бригаде спецназа сократили, а его, как освободившуюся "штатную единицу", послали на военную кафедру пединститута в Чарджоу. Казалось бы, радуйся покою и почти гражданской жизни, но через месяц уже Хабиб взмолился в рапорте: куда угодно и кем угодно, но - в строй!

- Опять под ремень и в сапоги? - удивились новые коллеги.

- Да.

- Пыль глотать?

- Да.

Ничего больше не спросили, но ясно, о чем подумали. Ну и Бог с ними, что объяснять, если в воинской службе они увидели только ремень да сапоги.

А тут аккурат подошла в округ разнарядка - есть место на курсах переподготовки офицеров "Выстрел". Предложили, согласился, вот так и оказался в первый раз от Москвы на расстоянии проезда электричкой. А вскоре и бывший комбриг, Василий Васильевич Колесов, объявился, позвонил накануне Первомая, передал привет, поинтересовался житьем-бытьем.

- Что, в ВДВ вернуться хочешь? - уловив грустные нотки в

этом месте разговора, спросил Василий Васильевич.

- Только в ВДВ23.

- А если предложат в ТуркВО24, поедешь?

- ТуркВО боятся только те, кто там не служил.

- Семья как, дочери? - увел разговор в сторону Колесов, но вопрос про ВДВ Хабиб запомнил четко. Может, как-то поможет? Не в Москву ведь просится на охрану Генштаба - в пески и горы. Не может же быть, чтобы и туда конкурс был, ведь кроме личного удовлетворения, ни льгот, ни пособий, ни условий.

Скорее всего сегодняшний вызов уже кое-что прояснит. По крайней мере Хабибу хотелось в это верить. А вернуться в свои войска было бы просто здорово. Попробуй того же учителя физики заставить с любовью и уважением преподавать биологию или обществоведение - горе и ему, и ученикам. Так и спецназовцам - элите Советской Армии, десятки раз твердить одно и то же про автомат Калашникова будущим Ломоносовым (не меньше!), которые к тому же совершенно не желают этого знать. Тут уже не насмешка, а издевательство. Тут уж лучше вообще погоны снять, не позориться.

...Москва вокзальная предстала солнечной, крикливой, суетящейся. Мгновенно выделив среди всей толпы в нем приезжего, подвернулись две молоденькие цыганки, задергали, зашептали про судьбу, больно задел тележкой носильщик, торопящийся к группе иностранцев, и Халбаев быстро спрятался от этого мельтешения в подземку метро. Поплутал там немного, но без расспросов доехал до нужной станции, поднялся наверх. И вздохнул полной грудью.

Этот уголок столицы был тихим и спокойным. И очень зеленым. Хабиб даже и представить себе не мог, что в Москве может расти столько деревьев и кустарников. За что Россию можно любить - это как раз за ее зелень. Иметь такие леса, столько зеленого моря - для него, выросшего среди гор и хлопка, это казалось истинным чудом, которого ну не может быть в таком огромном количестве. Нет, он не променял бы свое солнце и свое небо на российские перелески, этого не возникало и в мыслях, но позавидовать людям, живущим в Подмосковье, можно было и десять, и сотню раз.

Нужный адрес нашел быстро, дольше проверяли на КПП документы, созванивались, что-то уточняли. Наконец выдали пропуск. Номер кабинета Василия Васильевича был написан прямо в нем, и Халбаев, постучав, с улыбкой открыл дверь.

Однако за столом сидел незнакомый полковник.

- Извините, - удивился Халбаев и посмотрел на пропуск: нет, он не ошибся.

- Товарищ Халбаев? - спросил тем временем полковник, не давая ему уйти.

- Так точно.

- Проходите, садитесь.

Значит, не в гости Василий Васильевич звал. Похоже, что даже и не он приглашал...

- Что можете, товарищ Халбаев, в военных науках?

Что он может? Стрелять из всего, что стреляет, водить то, что ездит. В спецназе ведь был, а там с этим строго. Работать на средствах связи, картах, может и по альпинизму...

- Как сходитесь с людьми?

- В батальоне проблем вроде с этим не было, вот только в институте...

- Нам институт - не показатель. Знаете что? Я вам дам сейчас одну инструкцию, вы внимательно прочтете ее и... - полковник посмотрел на часы, - через полтора часа выскажете мне по ней свои соображения. Пойдемте, я провожу вас в свободную комнату.

Передав там скрепленные листочки, вставил в дверь ключ:

- Я закрою вас, чтобы не мешали.

"На три листочка - полтора часа? - удивился скорее не сверхсекретности, хотя какая сверхсекретность, подумаешь, закрыли на ключ, это элементарное уважение к работе с документами, а отпущенному на изучение бумаг времени подивился Халбаев. - Серьезно работают. Хотя бы Василь Васильевич появился, объяснил что к чему".

Оглянувшись на закрытую дверь, снял китель, удобно уселся на стуле и только после этого подвинул к себе листочки. Пробежал глазами текст первый раз, прочел второй, начал вчитываться в третий. Встал, прошелся по кабинету. Подошел к окну. Прямо перед ним лениво шевелили плечиками лоснящиеся на солнце листочки липы. За забором, на тротуаре, бабушка пыталась тащить за руку внука, а он старался ударить, не пропустить ни одной белой головки одуванчиков на газоне. Как все тихо и мирно в Москве...

Посмотрел на инструкцию издали. Для борьбы с бандами, переходящими границу (когда, где?), создается специальный отряд. Судя по масштабам задач, в пределах батальона, который в своей деятельности руководствуется... подчиняется... обеспечивает...

Если его вызвали сюда и дали инструкцию, то, надо думать, его рассматривают на должность начальника штаба или даже командира этого отряда. Но это уже детали, главное - есть возможность вернуться в строй. Да и дело у отряда вроде бы стоящее...

- Что можете сказать? - Дверь кабинета отворилась ровно через полтора часа - в ГРУ, видимо, серьезно относились не только к документам, но и ко времени, и Халбаев увидел устремленный на себя острый, проницательный взгляд полковника.

Хабиб выдержал взгляд.

- Эта инструкция наполнится содержанием только тогда, когда будет известна штатная структура отряда. Сейчас же, не зная его тех же огневых возможностей, судить об эффективности ведения действий сложно.

- Так, хорошо. - Полковник несколько оживился, прошел к окну, но, видимо, не заметил ни листьев за стеклом, ни все еще упирающегося мальчугана на тротуаре. Присел на подоконник.

- Основное, на мой взгляд, - это подбор людей в отряд, гибкая штатная структура и... определенная самостоятельность командира, который вынужден будет действовать, как я понимаю, очень часто самостоятельно, в отрыве от основных сил...

- Добро, - вновь кивнул полковник, выслушав весь доклад. - Сейчас пойдем к генерал-майору...25 Единственное пожелание и совет - будьте решительнее. Входите в кабинет и докладывайте без стеснения и смущения. Словом, не так, как ко мне. Нам нужен решительный офицер.

"В отряд", - утвердился в своих догадках Халбаев. А через минуту уже стоял перед генералом.

- Почему ушли из спецназа? Изучили инструкцию? Если доверим батальон, справитесь?

Пять минут разговора - и...

- На беседу к генерал-полковнику...

"Ну и занесло меня", - думал Халбаев, поминутно одергивая китель военные, чтобы сосредоточиться перед встречей с начальством, почему-то всегда одергивают китель. "Быть капитаном и ходить по генерал-полковникам слишком большая честь. Или слишком важное задание", - подумал уже серьезно.

Однако и это посещение не стало пределом. Еще через некоторое время полковник вел вконец ошалевшего капитана к начальнику Главного разведуправления генералу армии Ивашутину.

Генерал армии оказался совершенно седым и небольшого росточка. Он поднялся навстречу из огромного кресла в огромном кабинете, и, чтобы не причинить ему боль, Халбаев осторожно, легонько пожал его руку. Однако в ответ получил такое резкое и сильное рукопожатие, что вновь мигом подобрался, вспомнил, где находится.

- Я посмотрел ваше личное дело и послушал товарищей,

которые вас хорошо знают и рекомендуют на должность командира. - Начальник ГРУ вернулся в свое кресло, вновь показался маленьким, но Халбаев теперь уже не забывал хватку и силу его рук. - Сначала будете находиться в составе десантной бригады, потом, когда освоитесь и сформируетесь, начнете заниматься самостоятельно. Когда у вас выходит звание?

- Через полгода.

Вспомнив наставление полковника быть решительнее, Халбаев откашлялся:

- Это если считать по-старому26.

- Запишите номер удостоверения, - отдал распоряжение генерал армии, и рядом с капитаном вырос старший прапорщик. Хабиб отдал ему документы, тот сделал в блокноте пометки и поднял взгляд на начальника. - Чтобы в Ташкент, в батальон, он прилетел уже майором.

- Есть!

"Как Гагарину, - подумал Хабиб. - Курсы заканчиваются через месяц, если к этому времени оформятся документы на звание, то Москва в самом деле может все. Эх, зря не погадал у цыганки. Интересно, что бы она наплела мне".

- Ну что же, товарищ Халбаев. Сегодня ночью на рейс в 0.50 вам заказан билет на Ташкент. До свидания. Удачи в службе, - определил ему время и судьбу, без гаданий и денег, генерал армии.

Только в самолете Хабиб смог отдышаться и расслабиться после той спешки, с которой он собирался к отлету. Посмотрел в иллюминатор. Двое в штатском, которые сопровождали его с курсов до самого трапа, еще стояли около самолета. "Тоже служба", - пожалел и понял их то ли капитан, то ли уже майор Халбаев и прикрыл глаза: случайность или закономерность то, что с ним сегодня произошло?

Документ (из секретной переписки американских внешнеполитических ведомств по Афганистану):

"24 мая 1979 г., № 3083.

Из посольства США в Москве.

Госсекретарю. Вашингтон. В первую очередь.

Секретно.

Тема: Афганистан: перспективы советской интервенции.

На № 3626 из Кабула, к № 8384 из Москвы.

1. (Секретно.) Мы не думаем, что Советский Союз в нынешних условиях считает свои возможности в Афганистане исчерпанными. По нашему мнению, аналогия с советским вторжением в Чехословакию в 1968 году является ошибочной. Мы думаем, что Советы будут продолжать наращивать свою

советническую и техническую помощь просоветскому режиму в Кабуле. Часть советского персонала, возможно, оказывается вовлеченной в военные операции. Тем не менее, с учетом сложившихся условий, Москва, видимо, будет избегать брать на свои плечи сколько-нибудь значительную часть борьбы против повстанцев в Афганистане...

6. (Секретно.) Наконец... мы не считаем, что беспокойство о мусульманском населении советских азиатских республик могло бы послужить стимулом для советского руководства избрать интервенционистический курс по отношению к Афганистану. Вся информация, которую мы были в состоянии собрать по этому региону, показывает, что Москва полностью контролирует ситуацию.

Во время частных в последние месяцы поездок сотрудников посольства в советскую Среднюю Азию было обнаружено мало признаков недовольства. Среднеазиатские республики под советским руководством достигли значительного социального и экономического прогресса и имеют значительно более высокий жизненный уровень, чем соседние районы Афганистана и Ирана.

И если тем не менее в ближайшие месяцы недовольство и выйдет на поверхность, Советы могут рассчитывать на быструю и эффективную его ликвидацию.

Тун. Посол США в СССР".

Глава 17

ВОЙСКА ДЯДИ ВАСИ. - МАРГЕЛОВСКИЕ "АЗИАТЫ". - БЫТЬ БЫ ВЕРУЮЩИМ. - ВЫБОР - НА ЛОМАКИНА. - "ГОТОВЬТЕСЬ НА 7 ИЮЛЯ".

Начало июня 1979 года. Москва.

ВДВ - это вообще-то не воздушно-десантные войска. Это даже не Выходные Дни Выбрось, если говорить об офицерах.

ВДВ - это Войска Дядя Васи. Имеется в виду их командующий генерал армии Василий Филиппович Маргелов. О нем ходили при жизни и ходит сейчас множество легенд - реальных, додуманных и просто придуманных, которые, в свою очередь, очень даже могли быть. Собственно, за крутой нрав в 1959 году он был снят с этой должности, но через полтора года восстановлен вновь: достойной замены найти так и не удалось.

Маргелов создал дух войск, и десантники рвали тельняшки на груди только потому, что они - десантники. Ее, тельняшку, он выпросил у А. А. Гречко вместе с голубым беретом (до событий в Чехословакии береты были малиновые). И однажды в бане, увидев, что у некоторых приглашенных генералов и полковников под рубашками оказались цивильные майки, построил их в предбаннике, вывел тех, кто имел тельняшки, а остальным указал

на дверь.

Он много курил - только "Беломор", часто держал руки в карманах и сочно ругался матом. О, сколько случаев можно было бы рассказать по этому поводу, хотя все-таки самым страшным ругательством считалась фраза "Румынский бардак". Пошло это с 1944 года, когда при освобождении Румынии в Маргелова выстрелили из-за угла, ранив в щеку, и он, признающий только открытый бой, посчитал это высшим оскорблением. С тех пор, если при проверке какого-нибудь полка он бросал эту фразу, командир в тот же день ложился в госпиталь на увольнение в запас - заслужить прощение было практически невозможно.

В кабинете у него стояли пудовые гири, и при назначении на высокие должности он просил кандидатов "побаловаться" с ними. Мог и выпить, но, закрыв тут же за столом на две-три минуты глаза, вставал бодрый. Зато уж если приезжал на парашютные прыжки, то не уходил с вышки до тех пор, пока не приземлится последний солдат. А когда родилась идея десантировать людей внутри боевых машин - технику на парашютах сбрасывали уже давно, теперь хотелось, чтобы после приземления она не стояла "железом" на площадке и не ждала, пока опустятся на своих парашютах экипажи, а сразу шла в бой. Затея, конечно, очень рискованная, ибо десантник, находящийся внутри машины, не имеет возможности влиять на ситуацию: как и где приземлишься - воля случая. Да и нет на технике запасных парашютов. Но зато заманчивая.

Словом, идею Маргелов поддержал, а первым посадил в БМД своего сына майора. И сам закрыл за ним люк. Не будем гадать, что пережил он, когда над площадкой появился самолет с "Кентавром"27, раскрылась рампа и оттуда начала падать боевая машина. Единственное, что потом он позволил себе, обнял сына после удачного приземления:

- Не посрамил, молодец!

Под более чем двадцатилетним началом Маргелова десантные войска стали одними из самых мобильных в боевой структуре Вооруженных Сил, престижных службой в них, особо почитаемых в народе... Фотография Василия Филипповича в дембельские альбомы шла у солдат по самой высокой цене - за комплект нагрудных знаков. Конкурс в Рязанское воздушно-десантное училище перекрывал цифры ВГИКа и ГИТИСа, а срезавшиеся на экзаменах абитуриенты по два-три месяца, до снегов и морозов, жили в лесах под Рязанью в надежде, что кто-то не выдержит нагрузок и можно будет занять его место. Дух войск витал настолько высоко, что вся остальная Советская Армия зачислялась в разряд "соляры" и "шурупов".

Однако шло деление и внутри самих ВДВ. Две дивизии, расположенные на юге, Маргелов не особо жаловал.

- Да что вы, азиаты, собой значите. Европу, Европу держать надо. Там у нас "румынский бардак".

К этому времени появилась необходимость создания ДШБР десантно-штурмовых бригад, которые должны были подчиняться не Москве, а, для оперативности и мобильности, непосредственно округам. Проблема встала в другом: где взять сразу столько офицеров-десантников? Со скрипом, но решили расформировать одну дивизию и передать ее по частям в округа. Только какую?

Тут-то и всплыли маргеловские "азиаты". Крест Генштаба лег на ферганскую часть.

Справедливости ради отметим, что проработки по ее расформированию начались до революции в Афганистане и до смены командующего ВДВ.

Генерал-полковник Дмитрий Семенович Сухоруков принял войска за год до событий в Афганистане. Бывший десантный комдив, он исхитрился не поддаться общей эйфории ВДВ: интеллигентный, мягкий, никогда не повышающий голоса, прекрасно разбирающийся в литературе. После калоритнейшей фигуры Маргелова он казался конечно же анахронизмом, чужеродным телом в этих войсках. Чем он кончит, всем было ясно: не сработается, уйдет. Вопрос ставился другой: сколько продержится и с чего начнет?

Начал с боевой подготовки. В первые же месяцы командования поднял две дивизии, выбросил в белорусские леса воевать друг с другом. А потом был разбор.

- Чему мы учимся, товарищи? Давайте посмотрим на первом же примере: передовой отряд захватывает мост, "противник" отходит на пятнадцать километров. Через какое-то время подтягиваются основные силы десанта, и что начинается? Море огня, рев, крики, мост вдребезги - как же, десантники пришли! А зачем кричать и палить в воздух, если мост уже сутки как наш! Словом, так: повеселились, а теперь будем учиться воевать. Воевать, а не шуметь.

Сколько жизней спасло в Афганистане назначение Сухорукова! К чему приучил он: перед тем, как бросаться под пулеметы, надо все же подумать, похитрить, проанализировать. Сочетание маргеловского духа и сухоруковской выучки и создало в народе впечатление того, будто в Афганистане воевали одни десантники. А ведь их там была одна дивизия!

Словом, выпало для ВДВ это счастье, солдатское везение - иметь таких командующих. Но тем не менее решение Маргелова пожертвовать ферганской дивизией догнало его преемника через

несколько месяцев после вступления в должность.

- Ну что, Дмитрий Семенович, все-таки будем урезать вас, решение окончательное. - Огарков, вызвавший его однажды в Генштаб под конец рабочего дня, сказал об этом как о решенном вопросе, и теперь Сухоруков ждал, какую дивизию назовет начальник Генштаба. - Давайте-ка еще раз пройдемся по вашим хозяйствам. - Огарков подошел к карте. Ему, видимо, и самому доставляло мало удовольствия лишаться целой дивизии, да еще на юге, и он, может быть, просто лишний раз хотел проверить свое решение. - Этих и этих, - маршал постучал карандашом внизу карты, - сейчас нельзя трогать, они у нас сидят из-за Ирана. Эта, - карандаш сместился на северо-запад, подчинена Варшавскому Договору. Эта, - обвел центр карты, - нацелена на Дальний Восток, там у нас вас нет. Ну а эти, - постучал еще по карте, извините, эти мой личный резерв.

Карандаш упал на карту, что означало точку в решении.

- Но сделаем так. - Огарков прошелся по кабинету, - Будем реалистами. Как говорит Ахромеев, у нас появилась головная боль в связи с Афганистаном. Какие шаги будет предпринимать в связи с ним политическое руководство, неизвестно, но нам надо быть готовыми ко всему. Поэтому дивизию расформировываем, а один из ее полков, как вы и просили, оставляем. И не просто оставляем, а усиливаем. Будем держать за дивизию, деваться некуда. Я хочу, чтобы штаб ВДВ это правильно понял, и довел нашу озабоченность до офицеров полка, которых вы оставите. Афганистан будет их, - без задней мысли, просто как стратег, определяющий зоны ответственности для своих частей и подразделений, добавил маршал.

Был бы верующим да знал бы, что говорить, может, и перекрестился бы...

Необходимое послесловие. Вскоре командир одного из полков подполковник Сердюков Николай Иванович, успевший отгулять всего шесть дней в отпуске, будет срочно отозван телеграммой в Москву. На совещании в штабе ВДВ встретит своего командира дивизии. Вместе им и объявят, с одной стороны, о расформировании дивизии, а с другой - о создании усиленного полка центрального подчинения. Командиром этого полка и был назначен Сердюков.

25 июня 1979 года. Москва.

Заместителю командующего ВДВ по воздушно-десантной подготовке генерал-лейтенанту Гуськову с отпуском повезло больше: он отгулял его полностью. Правда, в последний день перед выходом на службу ему прямо на дом позвонил Сухоруков:

- Отдохнули, Николай Никитович?

- Отдохнул.

- Хорошо?

- Хорошо.

- На службу завтра?

- Завтра.

- Ждем вас. Только захватите с собой гражданский костюм. Надо будет слетать на юг.

На юг - это в Фергану. Но гражданский костюм?..

На следующий день в штабе ВДВ командующий ставил своему заместителю сразу три задачи:

- Первое - вы назначаетесь начальником ликвидационной комиссии по расформированию дивизии. К концу года вопрос этот должен быть решен окончательно. Второе - из состава дивизии вывести полк подполковника Сердюкова, он станет отдельной частью нашего, центрального, подчинения. Офицеров, солдат, технику - вое лучшее отдать и перевести ему. И третье...

Здесь Сухоруков умолк, пристально посмотрел на заместителя. Буквально вчера Устинов отдал распоряжение подготовить парашютно-десантный батальон для отправки в Афганистан. Судя по всему, ситуация там складывалась не совсем благоприятная, особенно для нашей транспортной авиации в Багграме28. Охраны для летчиков и техники не было практически никакой, а прокатившиеся по республике мятежи с захватами вертолетов и самолетов в Джелалабаде и Асадабаде показали, что гарантии их безопасности тают уже не по дням, а по часам.

- ...И третье, Николай Никитович, выберете в дивизии лучший батальон и готовьте его в Баграм.

За что уважал своего заместителя командующий - за спокойное восприятие любого известия. Потом, конечно, появятся десятки и сотни "как", "почему", "откуда", но это будет уже работа. А важно начало, само отношение к делу...

Конец июня 1979 года. Учебный центр ТуркВО.

Пристальное внимание к своему батальону подполковник Василий Ломакин ощутил сразу после приезда в полк генерал-лейтенанта Гуськова. Подняли их по тревоге и перебросили в учебный центр, как понял комбат, - подальше от лишних глаз и разговоров. Незаметно и скромненько нагрянули представители особого отдела, пересмотрели каждого солдата, несколько человек порекомендовали отправить служить в другие части. Затем в штаб батальона ввели автомобилистов, зенитчиков, а когда приписали двух хирургов и начфина, стало окончательно ясно, что лететь батальону куда-то далеко от места расположения.

- Слушай, Володя, отец там ни на что не намекает? -

остановил как-то комбат замполита роты лейтенанта Алферова. Было время, когда Ломакин качал еще на коленях нынешнего лейтенанта, а теперь вот судьба распорядилась и вместе тянуть офицерскую лямку. Из всех комбатов в дивизии Василий Иосифович был, пожалуй, самым старым и, считалось, самым опытным - уж не потому ли затевает какие-то непонятные и странные игры Гуськов? А к Алферову обратился еще и потому, что отец его служил в штабе при картах, и уж он-то в первую очередь мог догадаться, куда их готовят: достаточно было лишь проанализировать карты, которые получает для работы заместитель командующего.

- Василий Иосифович, молчит, - пожал плечами Алферов. - Так, иногда подойдет, похлопает по плечу, но - молчит. Хотя, наверное, что-то знает.

- Ладно, подождем еще. Мы не торопимся.

Уж кто-кто, а такой зубр в тактических делах, как Ломакин, размышления с самого начала направил в нужное русло. Шесть раз за последний год в разную степень боевой готовности приводили десантников из-за беспокойного южного соседа. Это только кажется, что события в других странах - дело одних только этих стран. Спросите у десантников, посчитайте, сколько раз сидели они "на парашютах" последние годы, - и вы узнаете, спокоен ли этот мир, дает ли наличие государственной границы безопасность стране, или это все-таки рубеж, за которым не все желают добра одной шестой части земли?

Готовился к чему-то батальон...

Начало июля 1979 года. ТуркВО.

- Осаживай, осаживай смелее. Теперь сам заваливайся влево, а голову ей выворачивай поводом в другую сторону. Так, хорошо. Ногу из стремени, придавит.

Лошадь под солдатом осторожно завалилась на бок, и кавалерист залег за нее, вскинул автомат.

- Передерни затвор. А лошадь успокаивай. Да не гладь ее, она этого не понимает и не ощущает. Похлопывай по шее. И нашептывай что-нибудь ласковое на ухо. Так, теперь внимание. Огонь!

Треск автоматной очереди над ухом - ощущение малоприятное и для человека, а для лежащей, ничего не понимающей лошади тем более. Она рванулась, попыталась встать, но уздечка была прижата ногой всадника к склону, и попытка не удалась.

- Хорошо. Успокаивай, успокаивай ее. Теперь забрасывай ногу в седло, освобождай ей голову. Держись.

Лошадь, почувствовав свободу, рванулась, копыта

заскользили по каменной крошке, но солдат удержался, облегченно улыбнулся. Стоявшие на склоне кавалеристы, как в театре, захлопали в ладони.

- Взво-о-од! - пропел Ледогоров, привстав в стременах и оглядываясь по сторонам. У лошадей, услышавших голос командира, замерли торчком уши. Дистанция - полголовы лошади. Поводья - по-строевому...

К лошади подходят и садятся спереди, чтобы она не только чувствовала, но и видела хозяина. Сколько таких премудростей пришлось постичь Борису за почти год службы в эскадроне. Противился вначале, ухмылялся: что за игра в "казаки-разбойники" при современной технике, но это скорее была боль от расставания с десантной службой. И когда зимой их эскадрон подняли с проверкой и солдаты, цепляясь за хвосты впереди идущих лошадей и вытаскивая за поводья своих, поднялись на перевал, считавшийся в январе непроходимым, Борис зауважал новое место службы: нет, недаром жуют овес их лошади, рано их списывать на постой.

- Вить "змейку", - указал Ледогоров взводу на один из самых крутых склонов.

Запетлял среди камней конный строй: вправо вверх десять метров, влево вверх десять метров - то ли лыжники стащили у конников этот способ подниматься в гору, то ли наоборот, но ввинтиться на гребень горы можно только так. Скорость подъема была невелика. Но Борис специально загрузил на сегодняшнюю тренировку взвод под завязку - боеприпасы, минометы, продукты, малую вьючную кухню, даже пароконные носилки, изготовленные из березовых жердей, и плащ-палатки - все тащили с собой. Пусть втягиваются, особенно молодежь. Это им не кавалерийский мосфильмовский полк под Москвой. Здесь ТуркВО, боевая задача - служба, одним словом. И может быть, черт с ним, с ВДВ, там тоже мишуры и бестолковости хватает. А кавалерия - это по крайней мере интересно, это простор, это взаимная верность и преданность лошадей и их хозяев; об этом тоже думается, потому что все в конечном итоге мечтают в душе жить по истинным законам братства и товарищества. Кавалерист же начинается с того, что берет из переметной сумы щетку, скребницу и идет чистить лошадь. И когда она почувствует заботу о себе, из любого ада вынесет своего седока, пройдет под ним любое расстояние.

Двадцать пять прожитых лет, как определил Борис, заставляют уже человека определять, где тараканьи бега за воинскими званиями, а где служба в свое удовольствие.

К этим мыслям Борис пришел исподволь, незаметно для себя. Может быть, у вечерних костров, которые так любил их эскадрон

и ради которых специально задерживался на полевых занятиях, а может, в долгих переходах, когда качаешься в седле вместе со своими думами. Но они укрепились в душе, помогли перенести разлуку с ВДВ, старыми товарищами.

Вот и сейчас, за мыслями, незаметно, но вошел со взводом на гору. Вскинул бинокль, оглядел округу. Внизу, по дороге, в их сторону ехали два "уазика", и, вглядевшись, Борис ощутил легкое волнение: за рулем машин сидели десантники в голубых беретах. Вот ведь как получается: только подумал о своем прошлом, вроде отодвинул его в сторону, - все, не мешайся, а поди ж ты, как заколотилось сердце. Даже Адмирал под ним стал переминаться с ноги на ногу, видимо, почувствовал его волнение. Нельзя, нельзя встречаться с первой любовью, умерло так умерло.

Борис перевел бинокль на горы, но вскоре, сам не заметив, когда и как, вновь навел его на машины. Знал, вернее слышал, что в сотне километров от их эскадрона стоит парашютно-десантный полк, одно время порывался даже съездить туда, но удержался перед соблазном: кем приедешь? А что, если сейчас попробовать? Взять и ворваться на лошадях на плац? Или захватить машины? Может, в самом деле посмотреть, как без него в ВДВ управлялись?

Торопясь, приказал снять с лошадей груз, спустил взвод по противоположному склону в предгорье и, когда "уазики" показались из-за поворота, прокричал:

- Шашки - к бою!

Сверкнули, разрубив солнечные лучи, клинки сабель.

- За мной - марш!

Направил Адмирала на головную машину, ослабил поводья, давая возможность лошади вытянуться стрелой.

- Ура-а! - хрипел взвод.

Гудела под копытами земля. В машинах их заметили, "уазики" прибавили скорости, но куда мотору в горах против коня!

Борис первым выскочил на дорогу, осадил лошадь прямо перед радиатором машины. Улыбнулся, заметив за стеклом испуганные и недоуменные лица водителя и офицера в куртке без погон. Поднял Адмирала свечой, погарцевал, играясь шашкой. Вот так-то, десантнички, кровные ребятушки. Чего растерялись-то, где ваш девиз про гвардию мужества?

Первым пришел в себя офицер. Он пригладил волосы, открыл дверцу, спрыгнул на дорогу. Резанули красным цветом лампасы, и теперь уже настала очередь Борису приходить в себя: как это он не подумал, что и в самом деле может ехать генерал. Сейчас взгреет. А лицо знакомое, наверняка когда-нибудь приезжал к

ним в дивизию. Теперь надо выкручиваться.

Спрыгнул на землю, сбросил поводья коноводу, убрал шашку.

- Извините, товарищ генерал, у нас занятие по захвату объекта, а здесь машины на дороге, - на ходу начал сочинять Борис.

- Погоди, - остановил его генерал. - Откуда вы такие взялись? Кино, что ль, снимаете?

- Никак нет, мы настоящий, действующий эскадрон. Не киношный.

Генерал оглянулся на подошедших из второй машины полковников, и те согласно закивали:

- Есть тут у нас в округе один эскадрон, товарищ генерал. Экспериментальный.

- Хороши эксперименты, если они как снег на голову. Вот такие орлы нам и нужны, - вновь обернулся он к попутчикам.

Ах, эти встречи с первой любовью...

- А вы возьмите, товарищ генерал. - Борис, покраснев от собственного нахальства, вытянулся перед начальством. - Если нужны - возьмите.

- Да знаете, у нас как-то в ВДВ еще не научились с лошадьми прыгать из самолетов, - пошел на попятную генерал, а Борис, лишь услышав про прыжки, наконец-то вспомнил: этого генерала он как раз и видел на прыжках. И фамилия у него наподобие птичьей. Что-то типа Гуськова. Да, точно, - это заместитель командующего генерал-лейтенант Гуськов.

- Товарищ генерал-лейтенант, я - десантник.

Гуськов опять посмотрел на сопровождавших его офицеров, те на этот раз пожали плечами: не наш, не знаем.

- А что ж это ты так... приземлился, если десантник? - кивнул генерал на лошадей.

- Взвод, спешиться. Малый привал, - вспомнив про подчиненных, отдал Борис команду кружившим вокруг машины кавалеристам. - Я - сапер, товарищ генерал-лейтенант. Год назад у меня на раскопе подорвался мальчишка...

- Да-да-да-да, припоминаю, - оживился Гуськов. - Был приказ по войскам - откомандировать в распоряжение командующего Туркестанским военным округом. Значит, это тебя - и сюда? Вот так встреча. Обязательно расскажу командующему. Значит, опять в войска хочешь?

Хотел ли Борис обратно в войска? Вчера мог сразу сесть в машину и уехать с десантниками, а сегодня... Что-то произошло сегодня. Даже не сегодня, конечно, раньше, но... седло кавалериста теперь ему не менее дорого, чем парашют и миноискатель. Воде мы не кланяемся, когда живем рядом с рекой,

но в степи уже становимся на колени перед родником. Мы кланяемся и благодарим приют больше, чем родной дом...

- Что, раздумал? - уловив сомнение на лице старшего лейтенанта, спросил Гуськов. Может быть, и сам радуясь, что так легко и просто заканчивается встреча посреди горной дороги.

- Нет, почему же, - встрепенулся Борис. И тоже, не лыком шит, уловив облегченные нотки в голосе генерала, решил стоять до последнего уже из-за принципа: поглядим, что получится. Хотя какой тут принцип: кто это после приказа самого командующего вернет его обратно? Это и при хороших временах карусель на месяцы, а тут...

Гуськов подозвал одного из полковников:

- Нам, вообще-то, саперы нужны?

- Вообще-то, да.

- Запиши его данные, созвонись с Москвой и Ташкентом и завтра к девяти утра решение по нему ко мне в кабинет.

- Есть. Фамилия, имя, отчество? - тут же подступил полковник к Борису, открывая блокнот.

- Это что, в самом деле может быть серьезно? - все еще не верил в происходящее Ледогоров. Это какую же судьбу надо благодарить? Что произошло в мире такого сверхъестественного, что его могут вот так, запросто, к девяти утра завтра?

Но полковник, попросив разрешения, вынул у него из ножен шашку, поигрался ею, любуясь удобством, и, так ничего и не ответив, вновь открыл блокнот на чистой странице:

- Фамилия, имя, отчество?

Необходимое послесловие. Ровно через двое суток старший лейтенант Ледогоров уже представлялся по новому месту службы подполковнику Ломакину. И первое, что потребовал с него комбат, - это снять тельняшку.

- Да я же ее специально... - не понимая и не веря в серьезность приказа, развернул было грудь Борис, но Ломакин не поддержал веселого тона.

- Снять тельняшку и... - он посмотрел на эмблемы, - и эмблемы тоже снять. У старшины первой роты получите лычки, приготовите себе погоны младшего сержанта. Только желтые. С красными лычками будут ходить настоящие сержанты.

- Товарищ подполковник, извините, но я пока ничего не понимаю, - видя, что его не разыгрывают, удивился Ледогоров.

Комбат усмехнулся то ли своим мыслям, то ли растерянному виду сапера.

- Вам надо понять пока только одно: в эскадроне решались одни задачи, у нас, десантников, немножко другие. Мне вот тоже приказали какое-то время побыть старшиной. - Ломакин и впрямь

достал из тумбочки погон с широкой желтой лычкой. - Я не удивляюсь, вернее, удивляюсь, но молчу и жду дальнейших указаний. Вы меня поняли?

Старшинский погон немного отрезвил Ледогорова. В самом деле, он уже не в эскадроне. ВДВ, как бы там ни было, - это все-таки войска первого броска. Но куда? Не потому ли и его так быстро, просто мгновенно перевели в батальон?

- Идите принимать взвод, - отпустил его командир. - Да, может, какие вопросы есть? Кроме, конечно, новой службы, о которой, поверьте мне, я сам пока ничего не знаю.

- Вопросов нет, - пожал плечами Борис. Вот влип так влип. Да-а, все эти мгновенные перемещения просто так не должны были делаться, в этом есть какая-то тайна. Не хватало лишь, чтобы его не отпустили хотя бы на полдня в эскадрон, Оксана приедет из отпуска только завтра. Надо отпрашиваться сейчас. - Вот только... Товарищ подполковник, мне нужно хоть на несколько минут заскочить к себе в эскадрон.

- Теперь когда-нибудь в другой раз, - сразу же отрицательно покачал головой комбат. - Когда-нибудь... - повторил он задумчиво. - Со вчерашнего дня батальон на казарменном положении, выход за пределы лагеря и солдатам, и офицерам запрещен.

- Да я могу и ночью, не днем... - начал Борис, но смолк под насмешливым взглядом Ломакина. В самом деле, для боевой готовности времени суток не существует. Как же быстро все это выветрилось у него из памяти. Но Оксана-то будет его ждать...

- Идите, - повторил комбат. - Взвод ждет.

3 июля 1979 года. ТуркВО.

Единственным человеком, кому разрешили-таки покинуть расположение лагеря, был сам подполковник Ломакин. Третьего числа после обеда за ним заехали на "уазике": срочно в кабинет комдива.

Однако за столом командира сидел Гуськов, а комдив стоял у окна, опершись спиной о высокий подоконник.

- Как настроение, Василий Иосифович? - вместо приветствия поинтересовался замкомандующего.

"Объясните ситуацию, тогда в зависимости от нее появится и настроение", - подумал Ломакин и ответил неопределенно:

- Готовимся.

- К чему? - испытующе посмотрел генерал-лейтенант.

- Когда-нибудь скажут, - сохранил нейтральность подполковник.

Гуськов поглядел на комдива, встал из-за стола. Повертел в руках серенькую записную книжицу с надписью "Львов" на

обложке, протянул ее комбату:

- Вот, Василий Иосифович, читайте приказ и расписывайтесь. Садитесь сюда, - пригласил к столу.

Ломакин повертел книжицу - с каких это пор приказы стали писать в записных книжках? Раскрыл.

"Первому парашютно-десантному батальону десантироваться с аэродрома Фергана на аэродром..." - прочел он и поднял взгляд на Гуськова: далее в приказе шел прочерк. Генерал-лейтенант, следивший за каждым его движением, тут же назвал пропущенное место:

- Баграм.

- Карту можно? - спросил Ломакин.

Комдив из-за спины подал ему карту Афганистана. Гуськов безошибочно ткнул пальцем в коричнево-желтое, с небольшими крапинками зеленого пятно, и Ломакин прочел, повторил для себя написанное курсивом название: "Баграм". Значит, все-таки Афганистан. Он предполагал Китай, Афганистан и Иран, все три соседа колобродили в последнее время особенно сильно, но, выходит, Афганистан...

Он вернулся к тексту приказа: то, что лететь в Афганистан, - это не главное. Основное - что делать там. Итак, задачи: охрана и оборона аэродрома, обеспечение безопасности полетов и, если потребуется, обеспечение высадки дополнительных сил и средств. После десантирования батальон поступает в распоряжение главного военного советника в Афганистане генерал-лейтенанта Горелова.

Коротко и ясно, всего четыре странички. В конце подпись Гуськова, дата и время - 17 часов. Ломакин посмотрел на свои часы: приказ подписан всего полтора часа назад, когда его везли в дивизию. Поискал у себя в карманах авторучку, вытащил с красной пастой - и тоже расписался после Гуськова, поставил дату и время - 18.30.

Гуськов забрал обратно книжицу, вернулся за стол комдива.

- Первое и основное, Василий Иосифович, - охрана аэродрома. Пусть вокруг все горит и рушится, но самолеты при этом должны и взлетать, и садиться. Обустраиваться придется самим, все материалы - из Союза. Продукты - пока на тридцать суток, в дальнейшем станете закупать там, на базаре. Деньги будете получать афганские, они так и называются - афгани. Летите под видом технических специалистов. Погоны для офицеров приготовили?

- Так точно. Не батальон, а школа сержантов.

- Это чтобы не раскрывать структуру батальона. Если афганцы станут интересоваться, откуда прилетели, отвечайте, что

из Советского Союза, никаких привязок к округу и ВДВ. Впрочем, я лечу с вами, первым рейсом. Вам и вашим заместителям взять гражданку.

- Когда можно поставить задачу личному составу?

- Офицеров в общих чертах можно сориентировать сейчас, солдатам и сержантам задачу поставлю я сам уже на аэродроме, непосредственно перед посадкой в самолеты.

- Я могу знать время "Ч"?

- Готовьтесь на седьмое июля, - после некоторого раздумья сообщил дату Гуськов.

7 июля 1979 года. ТуркВО.

Нет большего блаженства в жару, чем холодный душ. И Оксана, лишь войдя в квартиру, бросив у порога сумки, туфли, первым делом прошла в ванную, открыла кран. Подождала, когда сбежит застоявшаяся в трубах вода, набрала озерко в ладони, окунулась в него разгоряченным лицом. Кажется, все земные радости с мая по октябрь сужаются до этих понятий - вода и прохлада. Четвертый год она здесь, в городке, и каждое лето дает себе зарок: все, это в последний раз. Что угодно и как угодно, но она готова уехать хоть к чукчам, хоть к эскимосам, если только это не одно и то же.

Озерцо вытекло, просохло под горячим лицом. Предвкушая еще большее наслаждение, достала из шкафчика полотенце, халатик и, на ходу сбросив одежду, вновь нырнула в ванну, залезла, повизгивая от холодных струй, под воду. Привыкла к ней, забросила за голову руки, закрыли глаза и затаила дыхание: хорошо! Вот так, наверное, воскресают ангелы.

Выбравшись из ванной, вытерла полотенцем забрызганное зеркало, отошла к самой стене, приподнялась на цыпочки, стараясь увидеть себя всю. Перед отпуском Борис, не поднимая в столовой глаз от тарелки с окрошкой, вдруг ни с того ни с сего обронил: "Ловкая ты". Она, покраснев, тем не менее сразу отметила другое: он сказал это не глядя, значит, смотрел на нее раньше...

Сбивая бусинки воды, провела ладонями по груди, животу, бедрам. Повернулась боком - вроде и в самом деле ничего лишнего, все в меру. Есть, конечно, миниатюрные женщины, ну и пусть они правятся тем, кто любит маленьких. А она-то помнит, как смотрел на нее Борис при первой встрече.

Она улыбнулась воспоминанию, подмигнула себе: как же лихо все-таки заставила она его лезть через забор. Томно потянулась, выгибаясь: а какие бы глаза были у него, если бы увидел ее такой?

Тут же смутилась своим мыслям и, чтобы не видеть себя

покрасневшей, выключила свет, вытерлась в полумраке. А Борису она сейчас приготовит окрошку.

- Вернусь из отпуска, угощу тебя настоящей окрошкой, - ответила она тогда в столовой хоть и на скупой, но все же комплимент Бориса. Господи, как же долго шли они к примирению. И, боясь потерять, разорвать эту тонкую ниточку, вновь связавшую их, торопливо добавила: - Седьмого июля, в день возвращения из отпуска, объявляю окрошечный ужин.

- Приглашаешь? - Он поднял голову, и глаза их встретились. Она разглядела в них недоверие, там же готовы были вспыхнуть и колючки, если вдруг уловит усмешку, неправду в ее словах.

- Приглашаю, - тихо ответила она, теперь сама опуская голову.

Помолчали, может быть, оба даже попытавшись представить будущую встречу.

- Я не смогу тебя проводить. - Борису, который ни разу не был в квартире Оксаны, это, видимо, было сделать труднее, и он нарушил молчание первым.

- Я знаю, у тебя выход в горы. - Она все знала о нем.

- Тогда встречу после отпуска.

Весь отпуск Оксана мысленно спускалась с трапа самолета и выглядывала за решетчатой оградкой аэропорта Бориса. Спускалась и шла к нему, спускалась и шла... И наверное, сглазила, потому что, когда в реальности сошла с самолета и шла к толпе встречавших их рейс из Ташкента, Бориса среди них не увидела. Недавних ее попутчиков переобнимали, перецеловали, развезли в машинах, а она все стояла на солнцепеке, выглядывая офицерскую фуражку...

Но не дала себе обидеться: сама служит и знает, что случиться может всякое. Не приехал, - значит, не смог. И до этого дня ее никто никогда не встречал здесь, так что добираться до дома одной - не привыкать. Может, оно и лучше, что не увидел ее Борис пыльной, помятой, пусть сейчас посмотрит...

Наверное, в самом деле не говори никогда под руку: не успела об этом подумать, в дверь в тот же миг позвонили, и она, не готовая к встрече, вначале даже села на диван, затем подхватилась, бросилась к зеркалу. Что же это она, даже волосы не высушила, ведь могла бы достать фен. А халат? Переодеваться или не надо? Как это будет выглядеть со стороны, что она встречает его в халате?

В дверь позвонили снова, на этот раз дольше, настойчивее, и она лишь перевязала пояс, запахнувшись в халат поглубже. Успела еще открыть духи, смочив ими руки, провести по волосам. Подбежала к двери. И тут силы оставили ее. Сердце колотилось

так, что прерывало дыхание: а вот так ангелы умирают.

На площадке послышались шаги - неужели уходит? Конечно, если она так будет стоять, то дождется! Щелкнула замком - нарочито громко, чтобы услышал, остановился...

Распахнула дверь и замерла: вместо Бориса на ступеньках лестницы стоял Крижанаускас.

- Здравствуйте, Оксана Сергеевна. - Сержант поднялся обратно на площадку. - А я звоню, вроде нет вас.

- Здравствуй, Витаутас. Просто я только приехала...

- Да, мне старший лейтенант Ледогоров сказал, что вы приезжаете сегодня.

- А где он сам?

- Докладываю: старший лейтенант Ледогоров убыл к новому месту службы.

- К новому месту? Когда? Куда?

- Докладываю: в конце месяца. Перевели за один день к десантникам. Он попросил меня сообщить вам.

- Спасибо, - прислонилась к косяку Оксана. Перевели... И не говорил, что добивается этого, смолчал...

- Извините, Оксана Сергеевна, побегу.

- Зайди, гостинцев ребятам...

- Оксана Сергеевна, я в самоволке, времени нет.

- А письмо, записку? - вдогонку спросила она, но сержант на ходу помотал головой.

Уехал... И ни строчки, ни слова, ни полслова. Крижанаускаса выбрал, зная, что тот - доложит. Доложил...

Оксана прошла в комнату, опустилась на диван. Вдруг почувствовала страшную усталость: все эти перелеты, сумки, жара свое дело, оказывается, делали. Но самая непомерная тяжесть - это от Бориса. Уехал... Неужели не мог подождать, отпроситься, в конце концов? Мир же не рушится, попросил бы хорошо - отпустили. А что, если не захотел отпрашиваться? Вдруг и тогда, в столовой, уже знал, что к концу месяца его в эскадроне не будет, что не встретит?.. Нет-нет, он так смотрел на нее! Почему же молчал, что собирается уходить к своим десантникам? Конечно, мужикам главное - дело, а офицерам еще и служба, погоны. Разве можно их променять на человека, который... который...

Оксана посмотрела на полураскрытые сумки - и как только довезла? Правда, надеялась, что Борис встретит. А он...

Встала, подошла к окну. На белой от пыли и солнца улице два черноголовых пацаненка собирали пыль в бумажные кульки и подбрасывали в воздух. Визжали под пыльным дождем и принимались за дело снова.

Четвертый год она видит и чувствует одно и то же. Надоело! Завтра же напишет рапорт на увольнение. Но прежде... прежде еще раз повидает Бориса. Прямо сегодня. Он не смог приехать, а вот она сможет. Ничего не станет ему говорить. Просто посмотрит, развернет своего Агрессора - и уедет. Но теперь уже навсегда.

Быстро, привычно переоделась в форму, опоясалась портупеей. Приложила ребро ладони к носу и звездочке на берете - сидит ровно. Порывшись в сумке, достала сапоги со шпорами - выпросила у наездниц в спортсекции в Ташкенте. Вот так она и предстанет перед Борисом. В лучшем виде. Пусть знает, кем не дорожит и кого теряет.

Вывела Агрессора на КПП без лишних расспросов - солдаты только поздравляли с возвращением, приученные к ее вечерним прогулкам. Если напрямую, через перевалы, то она до десантников доедет часа за три. Взвилась в седло. Ну, Агрессор, миленький, выручай. Извини, что тебе имя такое досталось, просто на твой год рождения выпала буква "А", а по орфографическому словарю дошли до слова "Агрессор". Кому-то "Адмирал", "Аврора", а тебе вот такое... Но ничего, не в имени дело. Были бы люди такие же красивые, как лошади, каким прекрасным был бы тогда мир. И еще извини, что ни кусочка сахара, ни корочки хлеба не захватила, просто выбит из колеи хозяин. Мы потом мое возвращение отметим особо. А сегодня надо пройти долгий путь. Выручи, дружок...

Ходко шел Агрессор, застоявшийся в стойле и соскучившийся по хозяйке. Оксана несколько раз наклонялась, припадала к конской шее, выражая ему свою признательность и одновременно жалуясь на свою судьбу, невнимание к себе. Хотя, казалось, ей ли обижаться на это. Верь эскадрон глаза просматривал, когда она садилась на лошадь - и женатые, и холостые. В городе тоже узнавали - эта та самая, которая в кавалерии служит. И льстило, и надоедливо было, но чтобы самой глаза таращить... Чем же привлек к себе Ледогоров? Или существует, как пишут в книгах, настрой на одну волну, и, когда пересекаются два человеческих импульса, уже бесполезно что-либо делать? Импульсы соединяются и зовут, тянут людей в одну точку, создавая вокруг них свой ореол, свой мир...

И хотя после первой встречи косились они друг на друга за обоюдные "любезности", пути и взгляды их пересекались все чаще и чаще. И уже научились разговаривать выражением глаз, и руки, для всех вроде случайно, касались друг друга - зрели, зрели "антоновки" для Бориса. Но потом к сожалению, произошел тот дурацкий разговор перед Новым годом в кабинете комэска...

- Что ж это такое получается, Оксана Сергеевна? - будто бы тревожно, но с нужной долей шутливости спросил комэск. - Три с половиной года все ждали, кому вы позволите восхищаться вами, надеялись, понимаете ли, а тут появляется десантник и уводит вас из-под носа всего эскадрона, заставляет таять нашу неприступную крепость прямо на глазах.

Смутилась тогда, но, опережая подступивший к лицу жар, ответила специально грубовато, чтобы скрыть смущение:

- А вы и поверили? Да вы бы лучше спросили у него, как я одним взглядом в первый день заставила этого десантника лезть через забор. - И хотя никто не тянул за язык, еще и добавила, глупая: - А надо будет - еще заставим.

И случилось же такое, что именно в тот момент Борис оказался рядом с канцелярией. То ли шел к комэску, то ли дверь была приоткрыта, и он саперным слухом выделил, распознал, уловил ее голос, но на обеде, не дождавшись его в столовой, она расспросила офицеров и нашла Бориса на конюшне. Он сидел около стойла ее Агрессора, и она, еще ничего не зная, весело спросила:

- А почему не обедаем?

Борис поднял голову, долго-долго смотрел на нее - как будто прощается, подумала она еще тогда, - вздохнул и ничего не ответил.

- Что-то случилось? - подошла ближе. - Агрессор, милый, что тебе рассказал старший лейтенант Ледогоров? Лошадь потянулась к ней губами, фыркнула.

- Что случилось, Боря?

- Да вот сидел ждал, когда вы меня опять через забор пошлете.

Сказал, резко встал и пошел из конюшни. Она сначала улыбнулась, ничего не поняв, потом вспомнила про разговор в канцелярии, опять улыбнулась: она же шутила, но через мгновение уже испугалась - а вдруг он поверил всерьез? Ну да, он принял все это за чистую монету! Но она же... она нарочно так сказала, потому что... потому что он первый, кто заставил ее так волноваться, она сказала это как раз потому, что он для нее...

Побежала за ним - пуст плац, пуст манеж, пуст склад для сена, общежитие, казарма. Пусто стало и на душе - неужели поверил? А потом спросила сама себя: а ты бы не поверила? Улыбалась и плакала одновременно от такой нелепости, продежурила у офицерского общежития до самой ночи, попросила потом дежурного: если увидит Ледогорова, пусть тот придет к ней прямо на дом, но ночь провела одна. И на следующий день, и после пыталась подойти к Борису,

объясниться, но он, не слушая, тут же извинялся и отходил. Она и письмо ему написала, но после Нового года, просидев одна с двумя фужерами шампанского, тоже дала себе слово не подходить больше к нему. Гордость на гордость. Искрили два оголенных провода...

И лишь перед самым ее отпуском их места в очереди в столовой стали оказываться все ближе и ближе друг к другу. И ради чего, собственно? Чтобы вот так расстаться?

...Из комнатки КПП у десантников к ней выскочил сразу весь наряд, уставился, как на инопланетянку. Оксана спрыгнула с лошади, размяла ноги. Увидев на ее погонах лычки старшего сержанта, дежурный, уже хотевший было направиться к ней, замер, скосив глаза на свои две полоски младшего сержанта.

- Скажите, к вам недавно перевели старшего лейтенанта Ледогорова, - не стала, в отличие от десантников, кичиться апломбом и званиями Оксана и подошла и дежурному сама. - Не знаете, здесь он сейчас?

- Ледогорова? - переспросил, младший сержант и оглянулся на помощников. Жест их был красноречивым, но десантник повторил: - Не знаем, вроде такого нет.

- А уточнить в штабе полка? - подсказала Оксана.

- Точно. Ой, извините, командир полка едет. Может, у него спросите? быстро сказал младший сержант и, перепрыгнув через арык, замер на обочине дороги, поджидая командирский "уазик". Он остановился около него, дежурный что-то сказал открывшему дверцу подполковнику, и офицер вылез, подошел к Оксане.

- Здравствуйте. Командир полка подполковник Сердюков.

- Здравия желаю, товарищ подполковник, - тоже по-военному ответила Оксана. - Извините, я хотела узнать: к вам в конце месяца перевели служить старшего лейтенанта Ледогорова...

- Ледогорова? Нет, вы ошиблись. Это не ко мне, это к Ломакину. Только... - комполка посмотрел на часы и задумался. "Говорить или не говорить?" - прочла его мысли Оксана.

- Только?.. - попросила она.

- Батальон Ломакина скоро улетает.

- Куда?

- Далеко.

- Надолго? - тихо спросила Оксана. Голос командира внушил ей тревогу, но лучше сразу все узнать.

Однако Сердюков ничего не ответил, а лишь опять посмотрел на часы. "Говорить или не говорить?"

- Надолго?.. - вновь вымолвила Оксана.

- Они взлетают с ферганского аэродрома, - тихо, чтобы не слышали десантники, сказал подполковник и, давая понять, что сообщил и так уже слишком много, пошел к машине. - Поспешите, может, еще успеете! - крикнул он уже с дороги.

Ворота раскрылись, поглотили машину и тайну Бориса. Значит, он в самом деле не мог приехать. Но куда улетает?

Оксана оглянулась на Агрессора, обняла, прижалась к его потной шее: поможешь? выручишь, милый?

Необходимое послесловие. Да, 7 июля 1979 года для батальона подполковника Ломакина прозвучал сигнал сбора. На аэродроме около раскрытых рамп уже гудящих и готовых к взлету самолетов десантникам зачитали приказ. И сразу, не давая ни секунды на его осмысление, просто на прощание с родной землей: "По самолетам!" И пошли один за другим самолеты военно-транспортной авиации на подъем, оставляя под собой исчирканную резиной колес "взлетку", ограду вокруг аэродрома, неизвестно откуда появившегося, мчащегося вслед за "анами" и машущего рукой всадника.

Менее чем через час уже другой аэродром подставил самолетам свою спину для посадки. На самом краю рулежки их встречал главный военный советник в Афганистане генерал-лейтенант Горелов.

Так оказался в Афганистане первый наш парашютно-десантный батальон. Рядовые афганцы только утром увидели, что вокруг аэродрома роют окопы, землянки русские солдаты в панамах и рубашках.

- Откуда, шурави?

- Из Советского Союза.

Первые дни для батальона пролетели в благоустройстве лагеря. На счастье, Ломакин оказался мужиком с хозяйской жилкой и первым научился месить глину, обжигать кирпич, из ничего придумывал всевозможные приспособления для быта. Постепенно начало спадать напряжение и у солдат: они уже не хватались за оружие при каждом выстреле, звучавшем в горах или "зеленке", мгновенно нарекли Баграм "Малой землей" - по аналогии с только что вышедшей книгой Брежнева, и первыми почувствовали, поняли, что быть им в Афганистане долго - все до единого постриглись наголо.

Зато наконец-то почувствовали уверенность наши летчики, развозившие по стране грузы и каждый раз при возвращении на аэродром не ведавшие, в чьих он руках. Вздохнули облегченно и семьи советников - есть куда и к кому бежать, если что вспыхнет наподобие Герата.

Никакой связи с прилетом этого батальона и последовавшим затем вводом ОКСВ не было, хотя потом батальон и станет определенной базой для постепенного наращивания нашего военного присутствия в стране.

Параллельно с подготовкой Ломакина, но опять же вне зависимости друг от друга, продолжал тренировки и "мусульманский" батальон Халбаева. Не имел к нему никакого отношения и штаб ВДВ, кроме как предоставил в распоряжение командующего ТуркВО несколько солдат и сержантов южных национальностей.

Оказался среди них и рядовой, "узбек" Юрий Грач, присланный из Белоруссии...

Глава 18

39-й, "АРАХИСОВЫЙ", ПРЕЗИДЕНТ АМЕРИКИ. - АРАБЫ И ЕВРЕИ МИРЯТСЯ, США ПОТИРАЮТ РУКИ, - АМИН - АГЕНТ ЦРУ? - ПОСЛЕДНЯЯ ПОПЫТКА МОСКВЫ,

Конец лета 1979 года.

Ни объявление парламентские каникул в западных странах, ни отдых в Крыму Л. И. Брежнева и выезды к нему на уже традиционные встречи лидеров социалистических стран не остановили международных событий. Политика двигалась порой сама по себе, даже вне воли первых лиц стран и государств, ибо политика - это в конечном счете жизнь человечества: она может

изменяться, но никогда не остановится совсем. Одним словом, газетчики практически ежедневно задерживали выпуск газет, ожидая свежих сообщений своих информационных агентств.

А главное историческое событие произошло, конечно, 18 июня в Вене, когда Брежнев и Картер подписали Договор по ОСВ-2. Это давало не только Москве, но и Вашингтону передышку в той дикой гонке, что шла по всем видам создания вооружения. Вооружения наступательного, самого дорогостоящего, но об обороне говорить в ту пору не приходилось. А может, и не о передышке думали лидеры двух сверхдержав, а о перегруппировке сил, но тем не менее никто не мог утвердительно ответить, достанет ли авторучку за столом переговоров Джимми Картер, тридцать девятый, президент Америки, в свое время выращивавший арахис на своей родине.

Но, видимо, снижение уровня жизни американцев за годы его правления а этого они крайне не любят, - а также рост инфляции и увеличение безработицы заставили его искать и предпринимать шаги, которые бы накануне назначенных на 1980 год президентских выборов заставили бы говорить о нем как о политике мирового масштаба. Год назад он выступил посредником между Египтом и Израилем, и те подписали-таки в его резиденции в Кэмп-Дэвиде соглашение по мирному урегулированию арабо-израильских дел. Пусть остальной мир назвал это сепаратистской сделкой, но Америка оценила поступок своего президента: дружбы и согласия между арабами и евреями, конечно, никогда не будет, а вот увеличить свое военное присутствие на Ближнем Востоке, обеспечить гарантии своим экономическим интересам в том регионе после этого соглашения удалось.

Но то было в сентябре прошлого года, а значит, уже и не было - Америке подавай события на каждый день. И Картер сделал ставку на ОСВ-2.

При подписании Договора была минута, когда авторучка президента, образно говоря, замерла в воздухе - он заговорил об Афганистане.

- Мы крайне озабочены гражданской войной, которая идет там. И мы, конечно, знаем, что СССР делает большие вложения в эту страну. Нам, господин председатель, небезразлично, как будет вести себя СССР там в дальнейшем.

Он деликатно намекал, предостерегал от большего вмешательства, но Брежнев, к тому времени уже практически не отрывавшийся от заготовленных текстов, на этот раз спокойно и вовремя отреагировал:

- А мы Афганистану, господин президент, помогаем со

времен Ленина. Лично у нас здесь нет никаких проблем.

Нет, так нет. И авторучка Картера опустилась на документ.

Конечно, были еще десятки дел, которые делались Джеймсом Эрли29 во благо нации, но о которых нельзя было говорить вслух. Это в первую очередь направление усилии Администрации на возвращение утраченного, то есть Ирана и Афганистана. Ради этого пришлось даже перенести региональную штаб-квартиру ЦРУ из Тегерана в Пакистан, "в центр проблемы", как сказал Бжезинский. Пришлось закрыть глаза и на то, что для доставки оружия афганским мятежникам приходится использовать и каналы, по которым идут в Афганистан наркотики. Политик, по словам Даля, которым так восхищаются и гордятся русские, - это как раз и есть умный и ловкий, не всегда честный государственный деятель, в целом скрытный и хитрый человек, умеющий вовремя молвить и вовремя смолчать и наклоняющий дела в свою пользу...

Москва тоже подсчитывала свои потери и приобретения и тоже делала ходы, которые необязательно надо было знать широкому кругу и которые тоже подходили под определения Даля. Политика в этом случае становилась одеялом, наброшенным в холодную пору на плечи человечеству, которое каждый тянет на себя. И здесь проигрывал тот, кто первый закрывал глаза и терял бдительность - хватай потом руками воздух.

Но вот афганский лоскут этого покрывала ускользал для Москвы постоянно, хотя над ним-то глаза не закрывались ни на миг. Несмотря на всю противоречивость сведений, приходивших из Кабула, ясным было одно: между Тараки и Амином возникает все больше противоречий. Вернее, даже не между ними, они по-прежнему внимательны и любезны по отношению друг к другу. Угроза раскола в руководстве ДРА исходит от тех, кто окружает двух афганских лидеров.

Ради спасения революции одному из них следовало бы уйти, чтобы сделать Ревсовет единым и монолитным. Но кто уйдет добровольно? Амин более работоспособен и деятелен, но в то же время более хитер и коварен. Тараки это истинное знамя, его поддерживает большинство образованных афганцев. Но все прекрасно видят, что он всего-навсего номинальный лидер. Стоящие за его спиной понимают, что в случае прихода к полной власти такого человека, как Амин, по партии будет нанесен страшнейший удар: Хафизулла не простит тех, кто не с ним.

По сообщению посольства, в июле в афганской столице появились листовки против Амина, рисующие его как агента ЦРУ. Сам Амин в одном из своих выступлений подчеркнул, что был бы

разочарован, если за этими попытками поменять руководство страны стоит советская сторона. И в то же время отверг какой бы то ни было компромисс: классы, свергнутые в ходе революции, никогда не будут подпущены к управлению страной. И даже духовенство, все века направлявшее мусульман на путь истинный. Тараки, как всегда, промолчал, давая возможность событиям развиваться так, как развиваются, и это показывало, что, несмотря на листовки, Амин более уверенно чувствует себя у штурвала афганского корабля. Еще бы, за ним - армия, а за Тараки только прошлая слава.

Но в то же время - что еще будет с Амином, а нынешний и законный глава правительства - это Тараки. С ним можно было попробовать и третий путь в преодолении кризиса в руководстве ДРА: каким-то образом повлиять, заставить самого Тараки быть более жестким и деятельным. Показать свою власть. Представился и прекрасный случай поговорить на эту тему в нейтральной, неофициальной обстановке: на начало сентября в Гаване намечалась встреча глав государств и правительств неприсоединившихся стран, и маршрут Тараки мог бы пролечь через Москву. Хотя, если честно, Тараки вообще бы не следовало в складывающейся ситуации покидать Кабул, оставлять Хафизуллу одного. Ему намекнули об этом, но он улыбнулся беспокойству представителя КГБ и подтвердил о своей поездке на Кубу. Тогда и решили просто еще раз поговорить с ним в Москве.

Такое пожелание было передано послу Пузанову...

Необходимое послесловие. В 1980 году Дж. Картер проиграет борьбу за президентское кресло лидеру республиканской партии Р. Рейгану. Однако до этого времени успеет выдвинуть "доктрину Картера", по которой США имели "право" использовать для "обеспечения своих жизненных интересов" любые средства, "включая военную мощь". С именем Картера связывают и принятую так называемую "президентскую директиву № 59", которая предусматривала ради интересов США возможность "ограниченной ядерной войны" против СССР.

Договор ОСВ-2, подписанный им, не будет ратифицирован американским сенатом.

Брежнев в 1981 году на одном из заседаний Политбюро вдруг неожиданно для всех заговорит о преемнике и уходе па пенсию, - мол, пора и честь знать, одолевают болезни, да и возраст напоминает о покое.

В наступившей тишине задвигает кресло Черненко. В последнее время он и так исполнял практически за Леонида Ильича все обязанности главы партии и государства, и взоры всех присутствовавших сойдутся на нем. Он? Инициативу перехватит

Устинов:

- Да что вы, Леонид Ильич. Вот подлечитесь - и все будет в порядке. Товарищи, - обратился уже ко всем. - Что это мы будем делить шкуру неубитого медведя? Леонид Ильич, наше мнение таково, что ваш опыт и авторитет еще долго послужат Родине.

Черненко втянул голову в плечи, Брежнев промолчал, и больше разговор на эту тему на Политбюро не возникал.

Иная участь ждала Тараки, получившего предложение сделать краткую остановку в Москве. Да, собственно, иного пути до Гаваны и не было, кроме как через Москву...

Документ (из секретной переписки американских внешнеполитических ведомств по Афганистану):

"18 июля 1979 г., № 5433.

Из посольства США в Кабуле.

Госсекретарю. Вашингтон.

Тема (ограниченное служебное пользование): О возможных советских попытках побудить ДРА найти политическое решение внутреннего конфликта.

1. (Полный текст документа - секретно.)

2. Несколько недавних событий в Афганистане позволяют предположить, что, возможно, в Кабуле проводится советская кампания, цель которой "помочь" осажденному руководству ДРА найти скорее политические, чем чисто военные, средства, чтобы противостоять росту внутренней и внешней оппозиции. "Добровольный" уход одного или нескольких членов высшего руководства ДРА, видимо, необходим, если Москва не хочет услышать от ДРА сигнал бедствия, призывающий к прямому военному вмешательству с целью помочь остаться халькистам на плаву.

9. Наиболее возможной и, вероятно, наиболее необходимой была бы перемена в высшем руководстве ДРА, сопровождающаяся уходом Амина, или Тараки, или их обоих... Тараки все больше выглядит как номинальный лидер, которого нельзя воспринимать всерьез.

Действительный злодей - это Амин, который считается ответственным помимо всего остальною за аресты, пытки и казни, а также движущей силой вызывающих сопротивление внутренних реформ и политики страстных объятий Афганистана с Советским Союзом. Поэтому любая искренняя попытка примирения сил, действующих в Афганистане, через изменение в руководстве должна была бы, видимо, включать в себя уход, а еще лучше - смерть Амина. (В этой стране кровавой мести некоторые халькистские лидеры должны заплатить традиционную цену за тысячи смертей.)

11. Советские просчеты или неуклюжесть, а может, и заключение Тараки Амина о том, что у них действительно нет иного выхода, кроме немедленного продвижения вперед нынешним курсом, вполне вероятно, могут задержать поиски невоенного подхода к восстанию. Мы сомневаемся, что Советы хотят или могут заставить уйти какое-либо афганское руководство, хотя Москва может при определенных обстоятельствах принять решение оказать "поддержку" каким-либо элементам, которые проявят склонность быстро разрешить конфликт с помощью просьбы о прямой советской военной помощи. Этой помощью мог стать прямой военный переворот.

13. Заключение. Мы, возможно, переживаем период, когда Советы пытаются подтолкнуть афганскую политику в направлениях, которые могли бы прекратить рост внутренней оппозиции и уменьшить внутреннюю и внешнюю враждебность по отношению к нынешнему режиму, чтобы Москве не пришлось оказаться перед лицом афганского обращения за прямой военной помощью. В то же время заявления советских высокопоставленных лиц и признаки увеличивающегося советского военного участия дают возможность предполагать наличие параллельной политики, цель которой - гарантировать будущее революции, хотя, возможно, и без нынешнего состава афганского руководства.

Амстутц".

10 сентября 1979 года. Ташкент.

- Сначала должен умереть ты, Хабиб Таджибаевич, а уж потом только этот человек. - Полковник Колесов показал Халбаеву фотографию пожилого мужчины с благородной сединой в волосах. ("Тараки", - знал комбат по газетным снимкам президента Афганистана.) - Вернее, скажем так: что бы ни случилось там, куда вы летите, но мы поймем тебя лишь в одном случае: если этот человек погибнет, то значит, ни твоего батальона, ни тебя самого уже нет в живых. Извини, но...

- Короче, отвечаю головой. - Комбат взял в руки фотографию, более внимательно посмотрел на Тараки.

- Да. Задачу по охране поставил лично Леонид Ильич Брежнев. Всё. Работаем по второму варианту. Я сейчас в штаб округа, потом к вам на аэродром...

- Ясно, - кивнул Халбаев, возвращая снимок. Наконец-то все стало на свои места с его батальоном. Не дай Бог еще кому-нибудь оказаться в подобной ситуации: полгода упорнейших тренировок, а зачем - одни догадки. Офицеры, не говоря уже о солдатах, думали, что он хоть что-то знает из их будущего, а ему обо всем - одновременно о батальоном. Ладно, охранять так

охранять, умирать так... Короче, задача поставлена, будем выполнять.

- По машинам! - крикнул застывшему на плацу батальону.

Не было дела в этот день ташкентцам до колонны шестьдесят шестых "газонов", выбирающейся из городских улиц в сторону военного аэродрома. Может, пришли самолеты с продовольствием, а может, и подготовка к параду 7 Ноября началась - военные жуть как любят парады. Как в той песенке: "Я бы землю одел всю в плац, я бы выдал всем сапоги..."

Словом, шла колонна, тыркаясь у светофоров, дергаясь на поворотах, шла с включенными фарами, с машинами ВАИ впереди и позади - все, как обычно. Кому могло прийти в голову сопоставить их движение с прибытием в Москву из Гаваны афганского лидера и исчезновением со страниц газет информации из Кабула.

Единственное, что мог бы при желании приметить опытный глаз в движении колонны, - не свойственную поездкам по городу сосредоточенность солдат, их очень загорелые лица. Такой загар не заработаешь на плацу или в поле, а главное, что практически все сидевшие в машинах были вроде бы одной национальности.

Но для этого надо было смотреть, анализировать, а машины как бы то ни было, но шли все-таки быстро - поди усмотри выражение лиц и разрез глаз. Да и, если честно, народ стал чаще видеть солдат на колхозных полях, в грязных котлованах на городских улицах, таскающих ящики в магазинах, подметающих тротуары. С чем-то серьезным армию уже трудно было сопоставить, в разговорах о ней все чаще всплывала фраза: "Война - это слишком серьезное дело, чтобы доверять ее военным". Говорилось это опять же без особого смысла, ради красного словца: Брежнев одну за другой получал награды и премии за укрепление мира, газеты страха не нагоняли, и вероятность войн в обозримом будущем свелась к нулю.

В принципе так и можно было бы думать, если бы на этот раз не шла колонна с "мусульманским" батальоном. А сидевший в первой машине Халбаев, кажется, чаще посматривал на часы, чем на дорогу. Батальон начал работать по второму варианту: личный состав без техники, вылет из Ташкента. Из всего наработанного за полгода - самый легкий, и единственное, что смущало и подстегивало, - время. На аэродром-то они успеют, но ведь надо еще переодеться в афганскую форму, хотя бы еще раз поговорить с людьми. Вроде научились за это время понимать друг друга с полуслова, но сегодня, когда пришел приказ сдать все документы, партийные и комсомольские билеты и, вообще, вытряхнуть все из карманов, до последнего клочка русской бумажки, батальон

притих. Значит, пришел их час. Каким он станет? А когда еще при солдатах начали опечатывать и двери казарм, послышались нервные шуточки про отпущение грехов и списывание со счетов. Словом, как бы то ни было, а все это - лишнее напряжение. А оно сейчас ни к чему.

Наконец показался аэродром. У ворот, зелеными створками захлопнувших дорогу на него, рядом с дневальным стоял Василий Васильевич. Быстро обернулся.

- Товарищ полковник, - не дожидаясь, когда машина остановится, спрыгнул на землю Халбаев. - Батальон...

- Вижу, - остановил Колесов. - В общем так, Хабиб Таджибаевич, даем отбой. Пока все откладывается. Возвращайте колонну назад.

- Так, может, здесь подождем? Там уже все опечатано.

- Нет, ты не понял. Откладывается не на час и не на два, а может... навсегда.

- Не потребовалось?

- Видимо, обошлись без нас, Но на всякий случай людей не расхолаживай, кто знает, как все повернется завтра или через месяц. Скажи, что была генеральная тренировка.

- Есть, Василь Васильевич. Значит, опять сидеть в неопределенности?

- Что поделаешь. Общая-то готовность не снята.

Халбаев вздохнул, отошел на обочину, чтобы его было видно со всех машин, крикнул:

- Старшие машин - ко мне!

...Через некоторое время на ташкентских улицах вновь появилась та же военная колонна. Она бережно протискивалась сквозь поток легковых автомобилей - так же осторожно ведут себя среди детей большие люди, чтобы ненароком никого не задеть и не обидеть. И вновь никто не обращал на нее никакого внимания. Ну, едут солдаты - и пусть едут. Может, с какой работы или занятий возвращаются. Вон какие веселые - улыбаются и подмигивают девушкам на тротуарах...

Глава 19

"СРОЧНО ПОСЕТИТЕ ТАРАКИ И АМИНА". - ПОЛНОЧНАЯ БЕСЕДА. - ВЫСТРЕЛЫ В РЕВОЛЮЦИЮ? - "ШАНСЫ УМЕРЕТЬ В ПОСТЕЛИ РАВНЫ НУЛЮ".

СМЕРТЬ ТАРАКИ.

11 сентября 1979 года, Кабул.

В этот день практически одновременно разрабатывались и готовились два покушения: одно - на Тараки, второе - на Амина. Но в то же время и об одном заговоре, и о другом стало известно обеим сторонам,

Саравари хотя и был отстранен от дел, но через верных осведомителей получил информацию: при заходе на посадку самолет, в котором возвращается Тараки, будет обстрелян зенитчиками, охраняющими аэродром. Амину же в свою очередь указали место, где залягут автоматчики, поджидавшие его машину.

Министр госбезопасности за несколько минут до появления самолета заменит все зенитные расчеты вокруг Кабула, а Амин поменяет машину и выберет для себя новый, окружной маршрут в аэропорт. На командный же пункт аэродрома поступит от Саравари и Амина практически одинаковая команда: самолет с Генеральным секретарем сажать только после того, как и Амин, и Саравари появятся на аэродроме

Командный пункт ответил: "Есть!", и сорок минут Ил-18 кружил над Кабулом, заставив тревожно смотреть в небо тех, кто приехал встречать главу правительства. Саравари и Амин появились в их числе почти одновременно и, посвященные в ход покушений, забыв о самолете, начали недоуменно переглядываться, непроизвольно опуская руки в карманы. И с одной, и с другой стороны операция сорвалась. Случайность или предательство? Когда нет никаких объяснений, а события идут не так, как ожидалось, невольно все вокруг кажутся предателями, и тут надежда только на себя самого и на пистолет в кармане.

Недоуменно оглянулся на Джандада с Таруном и Тараки, когда увидел идущего к трапу Амина: почему? Те сделали вид, что не поняли учителя, а Амин уже обнимал Генерального секретаря, поздравляя с благополучным возвращением. Тараки напряг зрение, пытаясь увидеть, кто стоит в отдалении среди встречающих, и, лишь увидев Ватанджара с товарищами, немного успокоился. Прошел к небольшой трибунке, украшенной флагами и лозунгами, поздоровался со всеми, в нескольких словах рассказал о поездке на Кубу. А сомнения, беспокойство точили душу. Торопливо спустился к встречающим.

- Все здесь? - спросил, ни к кому конкретно не обращаясь.

- Все, - тут же отозвался за спиной Амин, вкладывая в ответ и свой смысл.

Обойдя всех и лично убедившись, что все руководство страны находится здесь, и желая как можно быстрее отомстить за недавнее беспокойство, Тараки не сдержался и произнес перед всеми:

- У нас в партии образовалась раковая опухоль. Я обнаружил ее. Будем ее лечить.

Необходимое послесловие. Однако вместо "лечения" Тараки объявил себе день отдыха. И только к вечеру следующего дня

смогла попасть к нему "твердая четверка" - "бандой четырех" Амин назовет ее через сутки. Разговор шел об Амине, его стремлении к единоличной власти. Министрами был выдвинут новый план устранения "ученика" - отравить его во время обеда. Ждали согласия Тараки. Тот долго колебался, потом показал стоявшему ближе всех Гулябзою свои руки:

- Сынок, я всю жизнь оберегал Амина и всю жизнь за это получал по рукам. Посмотри, они уже опухли от этих ударов. А насчет Амина... Может, вы и правы.

Через несколько минут после ухода министров у Тараки раздался телефонный звонок. Звонил Амин:

- Учитель, тебе хочется слушать сплетни обо мне от других или ты все-таки примешь меня, своего заместителя?

Чуть поколебавшись, Тараки пригласил Хафизуллу к себе. И тут же вызвал начальника Гвардии майора Джандада:

- За время нашего отсутствия в стране и партии произошли некоторые отрицательные явления. Будьте более бдительны.

- Есть,

- Вызовите ко мне начальника Генерального штаба.

Пока Тараки беседовал с подполковником Якубом, Джандада по телефону вызвал Амин, не спешивший с визитом к учителю:

- Мне только что позвонил Тарун и сообщил, что тебя вызывал Тараки. О чем вы говорили? Говорили ли обо мне?

Джандад посмотрел на сидящего в приемной главного адъютанта: да, при таком недремлющем оке каждый шаг Тараки находится словно под микроскопом. И слово в слово передал разговор с Генеральным секретарем: о чем-то утаивать было бесполезно.

- Хорошо, - отозвался Амин. - Передайте трубку Таруну.

...Встреча Тараки и Амина продолжалась около двух часов. Когда после их расставания Джандад позвонил порученцу Генерального секретаря младшему лейтенанту Бабраку и спросил, что с лидерами, тот ответил:

- Тараки простил Амина.

Однако не только простил. В чем-то, даже того не поняв и не заметив, проговорился насчет опасности, угрожавшей Амину. И в восемь часов вечера 13 сентября Амин сделал упреждающий ход: объявил о раскрытии заговора против себя и смещении со всех постов "банды четырех".

Посол СССР Пузанов тут же составил крайне обеспокоенную телеграмму, подписав ее для весомости и значимости не только своей фамилией, но и подписями представителя Комитета госбезопасности Иванова, главного военного советника генерал-лейтенанта Горелова и командующего Сухопутными войсками,

помогавшего в это время афганскому Генштабу разрабатывать операции против мятежников, генерала армии Павловского.

Ответ из Москвы пришел после одиннадцати часов вечера:

"Тов. Пузанову, Павловскому, Иванову, Горелову.

Срочно посетите Тараки и Амина вместе и заявите им следующее:

советское руководство, Политбюро и лично Леонид Ильич Брежнев выражают надежду, что руководители Афганистана проявят высокое чувство ответственности перед революцией;

во имя спасения революции вы должны сплотиться и действовать согласно и с позиций единства;

раскол в руководстве был бы губителен для дела революции, для афганского народа. Он был бы незамедлительно использован внутренней контрреволюцией и внешними врагами Афганистана".

Несмотря на ночь, все четверо выехали к Тараки.

13 сентября 1979 года. 23 часа 50 минут. Кабул.

Председатель Ревсовета сидел в глубоком кресле. Плечи его были приподняты, локти упирались в подлокотники, и сцепленные пальцы почти полностью прикрывали лицо Нура. Обычно он встречал гостей у двери, и вошедшие переглянулись: недобрый знак. Не хватало еще потерять доверие главы государства.

- Проходите, садитесь, - тихо пригласил Тараки.

Нет, о недоверии здесь говорить не приходилось. В голосе, позе Генерального секретаря - просто страшная усталость. И ничего, кроме усталости.

Пузанову вспомнилось, как принимал его Тараки на второй день после революции. Встреча проходила неофициально, но Тараки обнял его, долго жал руку, потом возбужденно ходил по кабинету, строил планы на будущее. Именно тогда он первый раз произнес, что афганский народ построит социализм за пять - семь лет. Словом, светился и буквально источал оптимизм. Александр Михайлович тогда еще спросил под настроение:

- А можно узнать, что вы сделали с членами бывшего правительства?

- Как что? - удивился Тараки. - Арестовали. - И, видимо, сам удивившись этой легкости - вершить судьбы людей, вдруг задумался: - А может, тех, кто хорошо работал, отпустить? Как вы думаете?

- Я думаю, это будет мудро с вашей стороны, - поддержал Александр Михайлович.

Потом он приходил просить за Кештманда и Кадыра, когда был раскрыт заговор "Парчам" и стало ясно, что начальнику Госплана и министру обороны не избежать расстрела. Тогда

Тараки уже встретил холодно, выслушал просьбу и ответил сразу, не раздумывая:

- Их судьбу решит ревтрибунал.

Ревтрибунал приговорил Кештманда и Кадыра к смертной казни. Тогда Тараки тоже выглядел еще бодро и уверенно.

А вот спустя всего год человек изменился до неузнаваемости. Впрочем, и сама революция изменилась. И именно об этом надо говорить усталому Нуру. Говорить неприятные для его самолюбия вещи.

Пузанов оглянулся на посольского переводчика Рюрикова, приглашая его переводить:

- Товарищ Тараки, мы имеем поручение от советского руководства срочно сообщить его точку зрения на события, которые происходят в вашей стране. Москва просит сделать это в присутствии Амина.

Тараки, казалось, не удивился просьбе:

- Хорошо, он здесь, во Дворце, и его сейчас позовут.

Вызвав охранника, приказал ему пригласить Амина.

Тот пришел почти сразу, правда, в халате и тапочках. Цепко оглядел ночных гостей, поздоровался.

- Извините, что я по-ночному. Собирался уже ложиться спать, но мне сказали, что приехали советские товарищи, и я, чтобы не терять время, не стал переодеваться.

"Или чтобы поскорее узнать, зачем приехали", - продолжил про себя Александр Михайлович и повторил, что привез сообщение из Москвы. Зачитал его. Тараки и Амин выслушали его с напряжением, но, кажется, ожидали чего-то более серьезного от ночного визита такой представительной делегации. Хотя, будь они мудрее в политике, поняли бы, что уже и это обращение - едва ли не попытка вмешаться в чужие дела и отсутствие резких выражений в нем еще не говорит о нормальной ситуации.

- Да, в руководстве страны есть некоторые разногласия, но они преодолимы, - начал первым Тараки. - А советскому руководству доложите, что мы благодарим их за участие и заинтересованность в наших делах. И можете заверить их, что все у нас будет в порядке. Вот мой сын, и он подтвердит это. - Генеральный секретарь указал взглядом на Амина. Пальцы Тараки по-прежнему держал у лица, но Пузанову показалось, что под седыми усами Нура мелькнула усмешка.

- Я полностью согласен с товарищем Тараки: все наши разногласия преодолимы, - торопливо, словно опасаясь, что ему не дадут выговориться, сказал Амин. - И хочу только добавить: если вдруг мне придется уйти на тот свет, я умру со словом "Тараки" на устах. Если же судьба распорядится так, что дорогой

учитель покинет этот мир раньше меня, то я свято буду выполнять все его заветы. Он мой отец. Он меня воспитал, и все будет так, как скажет он. Обещаю при нем, что я сделаю все, чтобы в партии было единство.

И опять - то ли кашлянул, то ли ухмыльнулся за ладонями председатель Ревсовета. А разговор можно было считать законченным.

Посол встал первым, поклонился, прощаясь.

- Все эти игры в отцов и сыновей - для отвода глаз, для того, чтобы потом больнее укусить друг друга, - лишь сели в машину и захлопнули дверцы, сказал Иванов.

- К сожалению, вы, кажется, правы, - отозвался с переднего сиденья посол.

От представителя Комитета госбезопасности иной оценки он, впрочем, и не ждал. Если его личные симпатии все-таки на стороне Тараки, то Иванов не признает за лидеров ни Нура, ни Амина. Вообще-то плохо это, когда среди советников уже произошло размежевание на таракистов и аминистов, так никогда не найти будет истинных оценок. Их вон трое в машине - и у каждого свое мнение. Горелов, например, после приезда Заплатина в большом восторге от Амина. Но им, военным, главное - работоспособность руководителя, его конкретность и четкость во всем. Здесь Тараки, конечно, проигрывает своему ученику, но если смотреть на человечность...

- Лев Николаевич, а ваше мнение? - спросил у Горелова.

- Конфликт зашел слишком далеко, - отозвался тот. - Лично я боюсь, что мы уже здесь бессильны.

Замолчали, стали смотреть в окна машины. Кабул спал, погруженный во тьму, проторговавший еще один день и совершивший на благословение еще один намаз вслед уходящему солнцу. Недавно в одной из газет, полученной из Союза, Александр Михайлович прочел занимательную заметку о враче из Баку, который доказывает, что совершение намаза - это великая врачующая сила. Что чтение сур из Корана по ритмике есть не что иное, как дыхательная йога, а прикладывание лбом к земле - разрядка, освобождение тела от избытка энергии. И так далее. Может, так оно и есть, давно пора понять, что на Востоке ничего не делают зря. А посольские шутники, преимущественно из молодых, даже гарему нашли объяснение: если в Европе мужчина отдает свою силу и энергию женщине, то в гареме создается такое энергетическое биополе, при котором уже мужчина получает в определенный миг от своих жен и силу, и заряд новой бодрости. Потому, мол, здесь и старцы в состоянии создавать семьи и иметь детей.

Эх, молодцы, помогли бы лучше найти тот момент, когда можно примирить Генсека и его заместителя. А то ведь, когда паны дерутся, чубы трещат у холопов. Но нельзя же, в самом деле, чтобы при народной власти жилось народу хуже, чем при Дауде. Тогда ради чего и революция? Правда, народной и сегодняшнюю власть назвать можно только с большой натяжкой - в ЦК на данный момент из тридцати человек ни одного рабочего, не говоря уже о крестьянах...

Всплыла вдруг фраза Амина, сказанная им напоследок: "Я сделаю все, чтобы в партии было единство". Он в самом деле имел в виду объединение или... или изгнание из партии всех неугодных, как сделал с "четверкой"? Ох, Восток, Восток...

- И все-таки надо сделать все, чтобы примирить их, - уже подъезжая к воротам посольства, в задумчивости проговорил Пузанов. - Сделать все возможное. Да... Ну что, зайдем, выпьем чаю или спать?

И тут же заметил у посольских ворот три лимузина с афганскими номерами.

Что за чертовщина? Кто приехал и зачем?

Из проходной торопливо вышел комендант посольства:

- Александр Михайлович, в посольство прибыли Ватанджар, Гулябзой, Саррари и Маздурьяр. Говорят, Амин отдал приказ арестовать их.

- Где они?

- Звонят, пытаются поднять войска.

- Ни в коем случае! Лев, Николаевич, немедленно езжайте к себе. Ни один самолет или вертолет не должен подняться в воздух, ни одному танку, ни под каким предлогом не двигаться с места. Хватит крови. Хватит.

- Есть. Понял.

Необходимое послесловие. Горелов успеет отдать необходимые распоряжения своим советникам в Кабульском и Баграмском гарнизонах, и в самом деле ни один танк не выйдет из военных городков, ни один самолет не взлетит с аэродромов. Пузанов вначале станет уговаривать "четверку" не поднимать верные им части по тревоге, затем просто запретит им пользоваться городским телефоном, прекрасно зная, что он прослушивается.

Министры переедут в посольство Чехословакии, но и там им не разрешат воспользоваться связью.

14 сентября 1979 года. 7 часов утра. Кабул.

Наташа проснулась от того, что почувствовала на себе чей-то взгляд. С усилием приоткрыла глаза. Ребенок капризничал всю ночь, забылась только под утро, и первой мыслью было: неужели

опять проснулся?

Но рядом стоял муж. Он уже облачился в форму и, опершись на дужки кровати, смотрел то на нее, то на кроватку сына.

- Что рано? - с облегчением закрыв глаза, вяло протянула мужу руку: я здесь, с тобой, но просто нет сил бороться со сном.

Сайед взял ладонь, поцеловал, и Наташа благодарно улыбнулась.

- Спите, мне пора.

Она легонько кивнула головой, вновь погружаясь в сон. И не могла сказать, длилось это забытье мгновение или все же несколько минут, но, когда вновь открыла глаза, муж возвращался от двери в комнату. Увидев, что она наблюдает за ним, задумчиво замер. Потом улыбнулся, сделал вид, будто что-то ищет. На самом деле подошел к кроватке сына, поправил одеяльце, незаметно погладив тельце ребенка.

- Что случилось? Ты куда? Сегодня же джума30? - приподнялась встревоженная Наташа. Мгновенно вспомнился вчерашний разговор за поздним чаем: Сайед сказал, что между Тараки и Амином все должно решиться если не сегодня, то завтра. Что решиться? Муж служит у Тараки, но главный для него - Амин. В чью сторону он делает выбор?

- Сайед!

- Спите, - сказал на этот раз более решительно и торопливо вышел.

Тревога, уже родившись, вытеснила сон. Как была, в рубашке, Наташа подбежала к окну. Муж, главный адъютант Генерального секретаря Сайед Тарун, шел к подъехавшей за ним машине легко и быстро, как всегда. Это немного успокоило ее, однако сон уже пропал. Наташа села за столик, взяла в руки полученное вчера и неизвестно сколько раз перечитанное письмо от родителей. Поднесла конверт к лицу, пытаясь уловить запах далекого дома далекой России,

14 сентября 1979 года. 15 часов. Кабул.

- Алло. Лев Николаевич? Это Пузанов. Здравствуйте.

- Здравствуйте, Александр Михайлович. А я только собирался вам звонить.

- Что случилось?

- Арестованы те офицеры, которым вчера звонили министры из посольства.

- Бывшие министры.

- Что-то и с ними?

- Сегодня официально объявлено, что они сняты со всех остов. Амин, таким образом, объявил войну Тараки.

- Вы звонили в Москву?

- Да. Политбюро рекомендует сделать еще одну попытку, чтобы примирить лидеров. Я только что звонил Павловскому, он выезжает ко мне.

- Уже вчера было ясно, что мирить их бесполезно.

- Да, но я понял так, что на этот раз мы должны вести речь уже не о примирении, а о спасении Тараки. Подъезжайте ко мне прямо сейчас.

- Хорошо.

Когда Горелов подъехал к посольству, его уже ждали в машинах Пузанов, Павловский и Иванов. "Давай за нами", - махнул из-за стекла посол, и машины тронулись к центру города.

Тараки словно и не покидал кабинета после вчерашней встречи. Он вновь сидел в кресле, но только теперь нервно подергивал пальцами перед своим лицом. На столе лежала кипа газет - создалось впечатление, что афганский лидер искал хотя бы в одной из них опровержения того, о чем писали все остальные.

На самом деле утром ему позвонил Гулябзой:

- Учитель, Амин отдал команду арестовать нас.

- Не может быть.

- Для этого уже готовится батальон.

- Но я же не разрешал этого делать!

Гулябзой, кажется, усмехнулся: сколько дел Амин уже вделал, не спрашивая вашего разрешения. И Тараки понял, что арест министров - это последняя ступенька к нему, Тараки. Следующим будет он.

- Он не сделает этого, - сам не веря в свои слова, проговорил в трубку Тараки.

И вот газеты подтвердили - может. Амин уже издает указы, не спрашивая его согласия. Игнорируя его подпись. Это - конец.

- Как же так, товарищ Тараки, - начал и Пузанов. - Только сегодня ночью Амин при нас говорил о единстве в партии, а сегодня мы узнаем... Александр Михайлович кивнул на газеты.

Тараки обхватил голову руками и наконец впервые сказал то, что давно было известно окружающим:

- Я знаю, что Амин поставил своей целью убрать меня, присвоить себе нашу революцию. Это страшный человек. Он пойдет на всё ради своей цели. Если он придет к власти, прольется много невинной крови.

- Товарищ Тараки, - поднял руку Пузанов, словно защищая Генерального секретаря от излишней эмоциональности и волнений. - Давайте еще раз серьезно обсудим ситуацию, которая сложилась у вас в правительстве. Мы считаем, что нужно опять пригласить Амина.

- Да, сейчас.

Тараки поднял телефонную трубку:

- Товарищ Амин? Здесь у меня советские товарищи в гостях, мы бы очень хотели видеть и вас... Нет, без охраны. Приезжайте без охраны, - уже резко повторил Тараки и бросил трубку. Нажал кнопку. Вошел адъютант - старший лейтенант Касым. После революции его назначили начальником политотдела Баграмского гарнизона, но в декабре 78-го Тараки взял его в Москву на подписание Договора о дружбе и сотрудничестве с СССР и с тех пор не отпускал от себя: в исполнительности и преданности ему не было равных в окружении Генерального секретаря.

Старший лейтенант замер у двери, с тревогой и озабоченностью глядя на осунувшееся лицо своего кумира.

- Сейчас подъедет Амин. Он должен быть один, без охраны.

- Есть, - кивнул Касым и вышел.

В кабинете наступила тишина. Молчал Тараки, погруженный в свои думы, молчали переглядывающиеся между собой гости. Да и что говорить, всё ясно. Всё будет зависеть сейчас от поведения Амина.

Тихо отворилась дверь, с чашками и заварным чайником на подносе вошел порученец Тараки старший лейтенант Бабрак. Осторожно обошел всех за столом, сократив несколько минут ожидания. Так же тихо вышел.

В приемной Касым осматривал свой автомат.

- Ты что это? - удивился Бабрак.

- Проверь и свой, - вместо ответа посоветовал Касым. - Слышал про Ватанджара и других?

- Сегодня во всех газетах об этом.

- У товарища Тараки практически не осталось сторонников в Политбюро. Амин сделал всё, чтобы отстранить его от власти, а затем и убрать.

- Но ты сказал, что Амин сейчас подъедет сюда.

- Да, сказал. И куда сразу делся наш главный адъютант?

- Тарун? - Бабрак оглядел комнату, хотя прекрасно помнил, как главный адъютант Тараки после сообщения Касыма вышел из приемной.

- Я ему не верю. Это человек Амина. Он пошел его встречать.

- Ну и что? Он и раньше это делал.

- Он пошел его встречать со своим автоматом. А товарищ Тараки приказал Амину приезжать без охраны.

- Ты думаешь...

- Я ничего не думаю. Но если он не выполнит приказ учителя, я уложу всех этих предателей на пороге. И пусть меня судят потом за то, что я раз и навсегда покончил с теми, кто мешает товарищу Тараки и революции. Ты со мной?

- Да.

В кабинете у Генерального секретаря раздался мелодичный звон - три часа дня. Пузанов и за ним все остальные посмотрели на наручные часы - да, пятнадцать, Амин должен уже подъехать.

И именно в этот момент во Дворце, прямо за стеной кабинета, раздались автоматные очереди. Пузанов, вскочивший первым, буквально оттолкнул в угол Тараки, сидевшего напротив двери. Горелов подбежал к окну. По двору Амин тащил своего адъютанта Вазира. Оба были в крови, но Горелов отметил другое: на груди у адъютанта болтался автомат. "Зачем же с оружием?" - с горечью подумал Лев Николаевич.

Вбежал бледный, с горящими глазами Касым, начал объяснять что-то на пушту Тараки. Переводчик, владеющий только дари, недоуменно пожал плечами на молчаливые вопросы посла.

- Только что был убит мой главный адъютант Тарун, - наконец произнес Тараки.

- Наверное, нам надо поехать к Амину, - тут же решил Пузанов. И чтобы Генеральный секретарь правильно его понял, тут же добавил: - Попытаемся узнать, в чем дело.

Как не хотелось Тараки, чтобы уходили советские товарищи! Интуиция подсказывала: пока они здесь, с ним ничего не случится, однако согласно кивнул головой.

Пропустив вбежавшую в кабинет жену Тараки, Пузанов и сопровождающие его товарищи вышли из кабинета. Мимо бледных, но решительно сжавших автоматы Касыма и Бабрака, стараясь не наступать на кровь, залившую ступени, обойдя тело убитого Таруна, советские гости поспешили к своим машинам.

Необходимое послесловие. Бабрак и Касым будут арестованы на следующий день и сразу же, без суда и следствия, расстреляны по приказу Амина.

Похороны Таруна превратятся в день национальной скорби. Опять же по распоряжению Амина будут приспущены государственные флаги не только в самом Афганистане, но и в афганских посольствах и представительствах за рубежом. Все газеты ДРА выйдут с краткой биографией Таруна: родился в 1942 году, в 1962 году учился в военном училище в СССР, после Апрельской революции начальник царандоя, затем главный адъютант Тараки. Убит контрреволюционными элементами. Город Джелалабад по указанию Амина переименовывался в Таруншар.

Однако название не прижилось, и о Таруне забылось быстрее, чем предполагалось. Этого желал, кстати, и сам Амии. Ему крайне не хотелось, чтобы ворошилось прошлое Сайеда, что это

именно Тарун исполнил его приказ по штурму номера, где находился американский посол Дабс, что это он рекомендовал его главным адъютантом Генеральному секретарю. Дважды сообщал Тарун своему кумиру о готовящемся на него покушении. И когда утром 14 сентября Амин приказал ему быть готовым ко всем неожиданностям, когда шел на провоцирование стрельбы, впереди себя послал именно Таруна с приказом: на моем пути не должно быть ни одного человека с оружием. Увидев на втором этаже Касыма и Бабрака с автоматами, Тарун потребовал очистить дорогу. Те, имея аналогичный приказ Тараки, в свою очередь приказали ему самому уйти с лестницы.

Тарун же, словно революционный матрос 17-го года, имел привычку носить за поясом два пистолета. Рука привычно потянулась к оружию, и Бабрак, не ожидая развязки, сам нажал на спусковой крючок. Амин находился в это время еще за углом, отпустив на этот раз от себя охрану вперед достаточно далеко. И, услышав выстрелы, больше обрадовался, чем испугался. Он шел в кабинет Генерального секретаря с твердым решением объявить ему при советских товарищах о том, что он больше не подчиняется ему и не считает его главой государства. Об этом он сказал Тараки вчера по телефону, теперь пришла очередь действовать окончательно и решительно. Что ж, выстрелы во Дворце избавили его от лишних слов. За него - армия, Ревсовет и Политбюро. Страной должен управлять тот, кто работает, а не любуется собой.

14 сентября 1979 года. 15 часов 30 минут. Кабул.

Василий Петрович Заплатин стоял на балконе своего кабинета, когда подъехала машина Амина. К ней выбежали офицеры, помогли выбраться окровавленному Амину, начали вытаскивать его адъютанта.

- Экбаль! - придя в себя, позвал Василий Петрович.

Амин уже скрылся в здании, но начальник Главпура, глянув на машину министра, без слов побежал вниз, в его кабинет. Заплатин пошел было за ним, но сдержался: чтобы как-то реагировать на происходящее, надо знать происшедшее. Кто стрелял в Амина? Он поехал к Тараки - неужели там? Не вытерпев, спустился на первый этаж. По коридору бегали офицеры, раздавались команды. У дверей Амина появились часовые.

Наконец вышел встревоженный Экбаль. Ни слова не говоря друг другу, советник и подсоветный поднялись к себе в кабинет.

- Амина обстреляла охрана Тараки, - тихо сообщил Экбаль.

- Он ранен?

- Нет. Ранен адъютант. Убит главный адъютант Тараки Тарун.

- Что делает Амин?

- Звонит Тараки.

- О чем говорят?

- Амин сказал: "Спасибо, ты хорошо меня встретил. Теперь приезжай ко мне, я тоже тебя угощу чаем".

За окном послышался шум, и подбежавшие к окну Заплатин и Экбаль увидели выходящих из машин Пузанова, Павловского, Иванова и Горелова. На ходу каждый из них дотронулся до автомобиля Амина, и все четверо вошли в здание.

- Я зайду к министру, - решил Экбаль.

Когда он вошел в кабинет Амина, тот вытирал платком руки от крови.

- Мы просим пока ничего не предпринимать, - говорил Пузанов. - Надо во всем разобраться.

- В чем? - резко спросил Амин и бросил платок в корзину для бумаг. Тараки предпринял на меня покушение. Мы сами разберемся.

- Мы считаем, что Тараки, как знамя революции, следует оставить председателем Революционного совета, - стараясь не реагировать на резкость Амина, продолжал советский посол.

Амин дождался перевода и усмехнулся:

- Это решит ЦК.

И отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

14 сентября 1979 года. 17 часов 30 минут. Кабул.

- Товарищ генерал, разрешите? - Начальник Генерального штаба подполковник Якуб вошел стремительно, приблизился к самому столу: - Товарищ генерал, в эфир постоянно идет сигнал: "Первый окружен вторым, первый просит помощи". Что посоветуете делать?

Заплатин внимательно посмотрел на Якуба: насколько он искренен? Начальник Генштаба предан Амину, их жены - родные сестры. Если Амин берет власть, Якуб конечно же будет на его стороне. Зачем же тогда он спрашивает совета? Перестраховка на всякий случай или все-таки честь офицера заставляет искать компромисс?

- Вы понимаете, что это Тараки просит помощи?

- Да.

- Это Амин... послал своих людей к нему?

Якуб замялся, но все же ответил правду:

- Да. Касым и Бабрак уже арестованы.

- Значит, следующий - Тараки?

На этот раз Якуб промолчал, нервно побарабанил пальцами по столу.

- Знаете, мы, наверное, не вправе вмешиваться в ваши

внутренние дела, и особенно в такие моменты, - вспомнив просьбу Якуба, ответил Заплатин. Мы можем советовать до начала событий, а если они уже идут... и тем более, когда уже поздно... - Василий Петрович пристально посмотрел на Якуба. Единственный совет, если можно, - не поднимайте войска. Зачем вам кровь?

За окном, заставив зазвенеть стекла, прогремел артиллерийский выстрел. Якуб и Заплатин, переглянувшись, стремительно вышли на балкон. Над Дворцом Арк рассеивалось белое облачко, - значит, выстрел был сигнальный. Тараки просил о помощи или Амин возвещал о победе?

Якуб поспешил из кабинета.

Необходимое послесловие. 15 сентября центральные афганские газеты еще вышли с текстом пресс-конференции Тараки в Гаване, а 16-го радио Афганистана в восемь часов вечера передало текст Заявления Пленума ЦК НДПА (авангарда рабочего класса страны):

"Сегодня с 9 до 13 часов состоялся чрезвычайный Пленум ЦК НДПА под председательством секретаря ЦК НДПА, члена Политбюро д-ра Шах Вали.

На этом заседании была всесторонне рассмотрена и обсуждена просьба Н. М. Тараки. В своей просьбе Н. М. Тараки заявил, что по состоянию здоровья не может продолжать исполнение партийных и государственных обязанностей. Пленум ЦК НДПА всесторонне и внимательно рассмотрел эту просьбу и единогласно удовлетворил ее.

Пленум ЦК НДПА избрал Генеральным секретарем ЦК НДПА секретаря ЦК НДПА премьер-министра ДРА товарища Хафизуллу Амина",

Далее радио Афганистана сообщало, что с 15 часов до 17 часов этого же дня состоялось заседание Ревсовета республики. Председателем его избран Амин. Минутой молчания участники заседания почтили память Сайеда Таруна.

17 сентября в редакционной статье "Кабул таймс" сообщила, что "назначение Х. Амина... - это хорошая новость. Его энергия, храбрость и мудрость вселяют в нас надежду и уверенность в том, что задача построения бесклассового общества будет выполнена.

Да здравствует наш товарищ "командир Апрельской революции".

На пресс-конференции д-р Шах Вали скажет иностранным корреспондентам, что к событиям во Дворце могли быть причастны и советские товарищи, которые там как раз и находились. Узнав об этом, посол СССР поедет к Амину и потребует объяснений об этом голословном обвинении. Амин

встретит очень прохладно, будет говорить повышенным тоном, взволнованно. Под конец встречи, правда, извинится:

- Вы извините, что я громко говорю. Я просто родился и рос в горах, а там трудно услышать друг друга, поэтому приходилось кричать.

И надо сказать, что уже 23 сентября на собственной пресс-конференции, говоря о том дне, скажет:

- Тараки жив. Как правило, авторитетные лидеры сами не отдают власть добровольно. Их обычно устраняет от власти народ.

- Тараки лично убил Таруна?

- Нет.

- Знали ли советские руководители о происходивших событиях?

- Совершенно точно - нет.

Самого Тараки на пленум и заседание Ревсовета не приглашали. С 15 сентября у него в кабинете, во всех помещениях, где жил он и его родственники, отключили телефоны. Выходить самим и принимать гостей не разрешалось. Потом родственников увезут в тюрьму, а через какое-то время за ними последует и Нурбиби - жена Тараки.

Гулябзой, Ватанджар и Сарвари, получив сведения, что специально выделенный Амином батальон выехал арестовывать их, переоделись в национальную одежду и затерялись в городе. Одно время они жили на вилле одного советского разведчика. Кольцо поисков сужалось, и тогда было принято решение вывезти их из страны. Были заготовлены ящики, в которые и поместили министров. Грузы, отправляемые в Советский Союз, Амин приказал осматривать особенно тщательно, и рейс самолета, в который загрузили "гробы", объявили на Софию.

Однако уже через день эта информация просочилась к Амину. И придет приказ - осматривать любой рейс, вскрывать даже гробы. И в самом деле вскрыли настоящий гроб, следовавший в Союз. Накануне в Баграме в батальоне Ломакина застрелился представитель особого отдела капитан Чепурной. Выехали они с комбатом на природу, выпили немного, капитан достал итальянский пистолет, повертел его в руках и, скорее всего случайно, нажал на спусковой крючок. Рана оказалась смертельной.

Гроб с телом капитана генерал-лейтенант Гуськов будет вывозить через Кабул, вот там и прикажут ему поднять крышку. Еще ничего не зная о событиях с министрами, Гуськов было возмутится, но полиция окажется непреклонной: вскрывать. И только убедившись, что в гробу в самом деле погибший шурави,

разрешат загрузку в самолет.

На Ломакина буквально на следующий день после этого выстрела придет приказ на увольнение из Вооруженных Сил. Во-первых, он не имел права покидать расположения батальона (кроме одного раза в неделю для выезда в Кабул на узел связи). Во-вторых, батальону был объявлен сухой закон. В-третьих, события в Кабуле разворачивались настолько непредсказуемо, что поведение комбата не давало больше гарантии для той степени готовности, которая могла потребоваться от батальона. Единственное, что удалось отстоять командованию ВДВ перед Генштабом, - это не лишать подполковника пенсии.

На место Ломакина прилетит майор Пустовит. Гуськов даст прочесть ему тот самый приказ в серенькой записной книжице, и майор распишется на нем после фамилии Ломакина. Уже при нем батальон поднимут по тревоге, заставят загрузиться боеприпасами и посадят в самолеты - лететь в Кабул на спасение Тараки. Но промаявшимся несколько часов в "анах" десантникам дадут отбой. Без каких-либо объяснений.

Из четверки министров в сети Амина попадет лишь Маздурьяр. В день ареста он поедет отдыхать в Пагман - курортный городок на севере от Кабула, там его и схватит полиция. И прямым назначением - в Пули-Чархи.

Документ (из секретной переписки американских внешнеполитических ведомств по Афганистану):

"15 сентября 1979 г., № 6874.

Из посольства США в Кабуле.

Госсекретарю. Вашингтон. Немедленно. В первую очередь: в посольства США: в Анкаре, Пекине, Дакке, Исламабаде, Джидде; в консульство США в Карачи; в посольства США: в Лондоне, Москве; в миссию США в НАТО; в посольства США: в Дели, Париже; в консульство США в Пешаваре; в посольство США в Тегеране - в первую очередь.

Секретно.

Тема (ограниченное служебное использование): Халькистский режим принял в Кабуле жесткие меры безопасности.

1. (Полный текст документа - секретно.)

2. Кабул живет в затишье перед бурей. В то время как халькистское руководство, как представляется, ожидает резкой реакции армии на вывод из кабинета трех оставшихся в нем военных, основные воинские части в Кабуле, видимо, остались верны премьер-министру Хафизулле Амину.

5. 13 сентября до английского посольства дошел слух, что бывший министр внутренних дел Аслам Ватанджар и министр границ Ширджан Маздурьяр похищены повстанцами... Радио

Афганистана не сообщило о судьбе смещенных министров. Хотя предположительно они могут быть еще на свободе, из-за чего, возможно, и объявлена военная тревога. Все же наиболее вероятно, что халькистское руководство смогло арестовать их. Такой потенциально опасный деятель, как Ватанджар, возможно, уже умерщвлен после короткого "следствия" (индийский дипломат заметил до полудня 14 сентября большую активность в специальном следственном центре АГСА, который расположен напротив здания индийского посольства).

... 7. Взрыв во Дворце Арк 14 сентября в 17.50, по свидетельству нескольких очевидцев, был взрывом в воздухе. Это мог быть артиллерийский снаряд, выпущенный в сторону Арка, возможно, в целях сигнализации.

8. Имеются признаки, что события 14 сентября поставили Советы перед свершившимся фактом.

11. Все же еще не ясно, знали ли заранее Советы о шаге, предпринятом Амином, или сами внезапно оказались перед свершившимся фактом. Москва, конечно, не может быть довольна, что вопреки ее советам халькисты еще больше сокращают основу своей политической власти, тем самым еще более затрудняя нынешнюю борьбу за выживание режима. Возможно, теперь Советам придет в голову мысль, что быстрый военный переворот смог бы стабилизировать нынешнюю политическую неразбериху. Это позволило бы совершенно новому составу лидеров взять все в свои руки.

Амстутц".

Документ (из переписки советского Министерства иностранных дел с посольством СССР в Кабуле):

"15 сентября 1979 г.

Советским представителям в Кабуле.

1. Признано целесообразным, считаясь с реальным положением дел, как оно сейчас складывается в Афганистане, не отказываться иметь дело с Амином и возглавляемым им руководством. При этом необходимо всячески удерживать Амина от репрессий против сторонников Тараки и других неугодных ему лиц, не являющихся врагами революции. Одновременно необходимо использовать контакты с Амином для дальнейшего выявления его политического лица и намерений.

2. Признано также целесообразным, чтобы наши военные советники, находящиеся в афганских частях, а также советники органов безопасности и внутренних дел оставались на своих местах. Они должны исполнять свои прямые функции, связанные с подготовкой и проведением боевых действий против мятежных формирований и других контрреволюционных сил. Они,

разумеется, не должны принимать никакого участия в репрессивных мерах против неугодных Амину лиц в случае привлечения к этим действиям частей и подразделений, в которых находятся наши советники.

А. Громыко".

Документы (из секретной переписки американских внешнеполитических ведомств по Афганистану):

"17 сентября 1979 г., № 6936.

Из посольства США в Кабуле.

Госсекретарю. Вашингтон. Немедленно. В первую очередь: в посольства США: в Пекине, Дакке, Исламабаде, Джидде; в консульство США в Карачи; в посольства США: в Лондоне, Москве, Дели, Париже, Тегеране; в миссию США в НАТО.

Конфиденциально.

Тема (ограниченное официальное использование): Напряжение в Кабуле уменьшается, по мере того как президент Амин использует свои политические завоевания.

1. (Полный текст документа - секретно.)

3. На 16.00 по кабульскому времени 17 сентября политическая напряженность последних дней ослабевает. Хотя танки все еще охраняют ключевые позиции вокруг Дворца Арк ("Дом народов") и комплекс "Радио Афганистана", танковые экипажи отдыхают в тени около своих машин.

4. На сегодняшний вечер запланировано обращение Амина к нации в 20.00 (на пушту) и в 22.30 (на дари). Афганцы ожидают услышать некоторые детали. Например, будет ли Амин по-прежнему следовать уважительному топу по отношению к "больному", уходящему "великому лидеру Нуру Мухаммеду Тараки"... или он начнет развенчивата "великого учителя", под которым он служил в качества "героического ученика"... По заслуживающим доверия сведениям, дочь Амина 16 сентября сорвала в своей школа портреты Тараки и назвала его плохим человеком.

6. Что случилось с Тараки? Большинство кабульцев, с которыми сотрудники посольства беседовали... считают, что Тараки уже умер от огнестрельных ран, полученных в перестрелке, в которой был убит его охранник, печально известный Сайед Дауд Тарун, 14 или 15 сентября (точная дата пока неизвестна). Вполне могло быть, что Тараки и Тарун вольно или невольно принимали участие в насилии, которое сопровождало чистку последних военных членов кабинета. Сами они в этот момент еще не были включены в график Амина для уничтожения. Согласно расписанию Амина их очередь была еще впереди. Тем не менее, раз предоставилась возможность, Амин

мог быстро воспользоваться ею. Другой вопрос - почему же тогда Амин держал смерть Тараки в тайне, когда он дал указание о похоронах погибшего Таруна 16 сентября. Многие пока верят, что Тараки еще жив, но умирает, и что о его смерти режим в конце концов объявит...

8. Советская реакция в Кабуле... Пока еще не ясно, знало ли советское посольство в Кабуле об акции Амина против Ватанджара заранее. Оказавшись перед свершившимся фактом (если это предположение верно), Советы не имели другого выхода, как терпеливо переждать быструю смену событий. Кабульская пресса сообщила, что советский посол А. М. Пузанов посетил Амина 15 сентября в 10.00. Один из наших источников сообщил нам, что встреча продолжалась до полудня. На этой встрече, как можно предположить, между восходящим лидером и его советскими покровителями достигнуто взаимопонимание.

9. Общее впечатление среди дипломатов и осведомленных афганцев: Советы не в восторге, но, возможно, осознают, что в данный момент у них нет иного выхода, как поддержать амбициозного и жестокого Амина... Теперь Амин - это все, что им осталось. До тех пор, пока не появится другой подходящий момент, он является единственным орудием, с помощью которого Москва может защищать "братскую партию" и сохранить "прогрессивную революцию"...

10. Тем не менее это не означает, что Советы молчаливо соглашаются с этой ситуацией. 17 сентября младший советский дипломат раздраженно говорил нашему сотруднику посольства, что халькисты совершают ошибку, "пытаясь сделать слишком много слишком быстро". Он считал, что режиму потребовалось бы четыре-пять лет, чтобы осуществить то, что они пытаются сделать за четыре месяца. Советский дипломат дал ясно понять, что, по его мнению, халькисты терпят неудачу.

Амстутц".

"18 сентября 1979 г., № 6976.

Из посольства США в Кабуле.

Госсекретарю. Вашингтон. Немедленно.

"Конфиденциально.

Тема: Некоторые соображения об афганском политическом кризисе.

1. (Полный текст документа - секретно.)

2. ...Поступают много сообщений и некоторые данные о том, что трем смещенным военным деятелям (Ватанджару, Гулябзою и Маздурьяру) удалось бежать из города и что они на свободе.

Вот уже 18 месяцев мы наблюдаем, как эта марксистская партия (НДПА) сама себя уничтожает. Одно афганское

официальное лицо вчера в беседе с работником посольства потихоньку назвало руководство "кучкой скорпионов, смертельно кусающих друг друга".

Для иллюстрации: если взять список министров, утвержденных в апреле 1978 года, то в нем произведено 25 изменений. Количество изменений среди заместителей министров еще большее - 34. Одна чистка сменяет другую, и трудно даже представить себе, каким образом этому режиму удается выжить... Количество убитых политических заключенных, видимо, достигает 6000...

...Я не знаю, что принесет будущее. Поразительно, но Амин выживает, несмотря на заговоры против него, которые следуют один за другим. Конечно, закон средних чисел в конце концов должен настичь и его... Лично я не дал бы ему более 50 процентов шансов, что он останется у власти в этом календарном году.

Я считаю, что его шансы умереть в постели в преклонном возрасте равны нулю.

Амстутц".

"22 сентября 1979 г., № 250373.

От госсекретаря. Вашингтон.

В посольство США в Исламабаде. Немедленно.

Секретно.

Тема (секретно): Анализ ситуации в Афганистане правительством Пакистана.

На № 10702 из Исламабада.

1. (Полный текст документа - секретно.)

2. Вам надлежит ответить на вопросы, поставленные Османом, придерживаясь следующих положений.

Мы заметили необычайную активность севернее реки Амударья, свидетельствующую о приготовлениях некоторых воздушно-десантных частей выйти из гарнизонов. Это может иметь отношение к событиям в Афганистане, но прямых подтверждений этому нет.

Мы не наблюдаем сосредоточения советских войск севернее границы...

Первоначальные советские оценки последних изменений в Кабуле, в том числе поздравительное послание Брежнева Амину, были сдержанными. Тем не менее мы считаем, что Советы не имеют другого выбора, кроме как поддерживать Амина в ближайшем будущем...

3. Для Исламабада. Вы получите для информации текст телеграммы, в которой нашим представительствам дается указание сообщить свои соображения о вмешательстве Советов в Афганистане.

Вэнс".

"27 сентября 1978 г., Л" 7218

Из посольства США в Кабуле.

Госсекретарю. Вашингтон. Немедленно.

Конфиденциально.

Тема: Визит поверенного в делах к президенту Амину.

На № 250412 и № 250278 из госдела.

1. (Полный текст документа - секретно.)

2. Сегодня утром я имел дружественную, непринужденную встречу с президентом Амином. Будучи весь обаяние и дружелюбие, он ратовал за лучшие отношения с правительством США. Никаких по-настоящему серьезных вопросов не обсуждалось.

4. Амин держался непринужденно, был уверенным в себе и чрезвычайно дружелюбным. Нет никаких признаков, что он был ранен в перестрелке во Дворце 14 сентября, о чем поступали сообщения. Глядя на этого добродушного человека, было трудно поверить, что это он выживает от одного до другого заговора и достигает вершины. Когда я смотрел на него, я не мог не вспомнить, что только два года тому назад, в 1977 году, когда мы занимались одним из списков-прогнозов потенциальных лидеров, мы не включили туда Амина. Трудно также понять, говоря с этим дружески настроенным парнем, что он несет прямую ответственность за казнь около 6000 политических оппонентов...

5. Как известно департаменту, я был ограничен двумя строгими указаниями. Первое: сделать встречу короткой; второе: не говорить ничего существенного, кроме упоминания, что правительство США разделяет стремление Амина (и его часто повторяемые просьбы) к улучшению отношений. Когда вы знаете, что обязательный в таких случаях ритуал чаепития не начнется раньше, чем через несколько минут, и что слишком поспешное отступление может быть расценено как преднамеренное оскорбление, то мне и моим помощникам пришлось накануне поломать голову над тем, к какому же небольшому разговору я могу прибегнуть, чтобы заполнить отпущенное время. Но все обернулось не такой большой проблемой, как я опасался. Амин был словоохотлив, и я предоставил ему возможность говорить самому. Нас сфотографировали вместе (это заняло около четырех минут), и, к моему удивлению, два фотографа сфотографировали нас девять раз...

6. Как только фотографы вышли, Амин заявил, что он хочет, чтобы Вашингтону было ясно, что он стремится к "лучшим и дружественным отношениям". Слава Богу, что я оказался в состоянии ответить, что Вашингтон тоже разделяет стремление к

дружественным отношениям...

7. Он также продолжил свою линию, извиняясь за то, что не имеет своих послов во многих странах (читай: среди них и в США), объясняя это тем, что партия испытывает отчаянный недостаток квалифицированных людей, кто мог бы достойным образом представлять режим. В результате, сказал он, он рассматривает меня как канал для двусторонних отношений между США и Афганистаном. Развивая эту тему, он дважды повторил, что его дверь всегда открыта для меня, когда бы я ни пожелал посоветоваться с ним...

9. Это почти все. Я думаю, что мой визит к нему был мудрым шагом. Я думаю, что он был рад случаю направить в госдеп послание об улучшении отношений. Он тщательно избегал тем, вызывающих разногласие...

10. Памятуя об указании госдепа о том, чтобы я провел короткую встречу, уходя от Амина, я взглянул на часы. Если не считать времени на фотографирование, которое заняло четыре минуты, я пробыл в приемной Амина 19 минут. Общее время визита, я думаю, было верным.

Амстутц".

8 октября 1979 года. 18 часов. Кабул.

Начальник караульной службы охраны Дворца лейтенант Экбаль уже переоделся в гражданское платье, чтобы идти домой, когда его вызвал к себе начальник Гвардии майор Джандад. Поглядывая на часы и чертыхаясь - должна, была подъехать машина и подбросить его до остановки, лейтенант вновь облачился в форму, поднялся на второй этаж.

В кабинете кроме начальника сидел и его заместитель по политической части старший лейтенант Рузи. Экбаль только успел доложить о прибытии, как в дверь постучали, и вошел его друг - лейтенант Абдул Водуд, начальник связи Гвардии. Увидев друг друга, одновременно спросили взглядами: "Зачем вызвали?", и так же одновременно пожали плечами.

Джандад пригласил лейтенантов подойти ближе к столу, сам же - высокий, мускулистый, упругий, по-кошачьи цепко прошел к двери, проверил, плотно ли она закрыта. Остановился за спинами подчиненных и, когда они хотели повернуться к нему, остановил, положив тяжелые руки им на плечи. Из-за стола на офицеров испытующе смотрел Рузи.

- Я вас вызвал вот по какому вопросу, - начал за спиной майор. - По решению руководства ЦК НДПА и Революционного совета республики бывший глава правительства Нур Мухаммед Тараки должен быть уничтожен.

Лейтенанты, только что хотевшие вновь повернуться, теперь

сами замерли, сжались. Слова начальника Гвардии пронзили, но окончательный смысл доходил медленно. Зачем начальник говорит им это? Такое лучше не знать, даже если служить в охране. Пронеси и помилуй, милосердный и милостивый...

- И это должны сделать вы! - резко закончил командир.

Что? Тараки? Уничтожить? Они?

- Да, вы, - прочел их мысли майор. Вернулся к столу, набычил голову: Вы - члены партии и обязаны выполнять ее решения.

Теперь лейтенанты боялись посмотреть друг на друга. Словно они уже выполнили приказ Джандада, ЦК НДПА, Ревсовета и... и...

- Надо... вроде... документ какой, - пересилив страх, попытался сопротивляться Экбаль. - Чтобы официально, - тут же поторопился добавить. Надо срочно найти повод, выход, чтобы отказаться, надо дать понять, что он не желал бы выполнять этот приказ. Зачем он ждал машину, мог бы дойти и пешком, а теперь...

- Или хотя бы... обращение по радио, - так же несмело, но тем не менее поддержал друга Водуд. И точно таким же извиняющимся тоном торопливо пояснил: - Чтобы не получилось, что это мы... сами...

Он тоже умолк, видимо почувствовав, что, собственно, и слова Экбаля, и его - это уже фактически согласие на... на...

Подумать, а тем более произнести слова о предстоящем - этого они просто боялись. Слишком высоко от них, лейтенантов, только-только принятых в партию, был Тараки - основатель этой самой партии. И хотя последние события, судя по газетам, показали, что он предал революцию, замышлял убийство их нынешнего руководителя Амина, имя Нура Мухаммеда Тараки, буквально вчера произносимое рядом с именем Аллаха, так быстро еще не могло опуститься в их сознании на землю. Да и убить человека - убить не в бою, а... просто прийти и убить...

- Насчет заявления можете не беспокоиться, оно будет, - навис над подчиненными Джандад. - А я еще раз повторяю: решением Пленума ЦК НДПА Тараки исключен из партии, а решением Ревсовета снят со всех постов и приговорен к смерти. Он теперь - никто, понимаете, никто! Вы выполняете решение партии, волю народа и мой приказ. Вам этого недостаточно?

Этого было достаточно. С самого начала все было достаточно и предельно понятно - они не смогут отказаться. И боялись они, может быть, не столько исполнения приговора, сколько самого командира. Ведь ясно, что если откажутся... Нет-нет, они не хотят умирать в застенках Пули-Чархи. Они не хотят, чтобы погибли их близкие.

Зазвонил телефон, и лейтенанты впились в него взглядами: может, он принесет спасение, сотворит чудо? Принесет весть, которая все отменит, выведет из той орбиты, куда их непонятно каким образом занесло, заставит заниматься одного нарядами, другого связью?

- Рузи, к начальнику Генштаба, - выслушав указания по телефону, сказал Джандад молчавшему все это время помощнику по политчасти. Тот стремительно вышел. Значит, и подполковник Якуб все знает...

Странно, но сознание этого принесло Экбалю и Водуду некоторое облегчение. Это вольно или невольно снимало с них какую-то долю ответственности, давало уверенность, что высшее руководство страны и армии знает, что все делается по закону, и все так и должно быть.

Джандад вытащил портмоне, прямо в нем отсчитал деньги и протянул несколько бумажек Экбалю.

- Купишь белой материи. Сошьешь в виде простыни и принесешь мне.

"Для Тараки", - понял начальник караула. Зачем, зачем он согласился на эту должность?

Вернулся возбужденный Рузи и, хотя видел нетерпение находившихся в кабинете, сначала сел на свое место, потом еще удобнее устроился в кресле и только после этого наконец сообщил:

- Начальник Генерального штаба приказал хоронить на "Холме мучеников", рядом с умершим год назад его старшим братом.

Для майора это была очередная информация, уточнение деталей, для лейтенантов же - крушение надежд. Спасения так и не пришло. Значит, на то воля Аллаха.

- Идите. Но находитесь на месте, я вас вызову, - отпустил подавленных подчиненных Джандад.

Офицеры вышли и, не глядя друг на друга, разошлись в разные стороны казармы.

- Не проговорятся? - задумчиво спросил Рузи, Сложив на груди руки, он в окно наблюдал за идущим вдоль плаца Экбалем. Снующие по внутреннему двору гвардейцы с заварными чайниками в руках - скоро ужин, отдавали ему честь, но лейтенант не отвечал на приветствия. Он шел точно по белой линии строевой разметки, и подошедший к окну начальник Гвардии подождал с ответом, загадывая: что станет делать начальник караула, когда она кончится?

Лейтенант не остановился, не свернул: линия была у него внутри.

- Возьмешь его, съездите на кладбище, проверите готовность могилы. И полная скрытность, ни один посторонний не должен видеть никаких приготовлений. Солдат для работ с лопатами и кирками пришлют прямо туда. Труп сверху накроете листами железа. Возьмешь их в ремонтной мастерской.

- Они же для лозунгов и плакатов.

- Теперь не потребуются. Солдат после работы - в Пакистан31.

- Есть.

...В эту ночь Тараки не спалось. Он давно потерял счет дням и ночам, а если точнее, то он просто и не считал их. И особенно после того, как увели из комнаты жену. Жил от скрипа до скрипа ключа в замочной скважине: за ним? Оставлять его живым, а тем более долго оставлять живым, Амину опасно. Так что обольщаться насчет помилования не стоит: Хафизулла не пощадит его. Он сметет и его самого, и имя его, а события перескажет так, как выгодно ему. Как же это все могло случиться? "Верный ученик любимого учителя..."

Тараки помассировал левую сторону груди - вновь дало о себе знать сердце. Нащупал в кармане рубашки партийный билет, вытащил его. В феврале, полгода назад, он попросил товарищей из КПСС - партийных советников помочь создать и отпечатать билет члена НДПА. Из Москвы прислали около тридцати образцов билетов всевозможных партий со всего мира - выбирайте, комплектуйте, как нравится. Выбрал какой проще - без граф и пояснений, учитывая малограмотность большинства коммунистов. Через месяц из Советского Союза прибыл целый грузовик новеньких партбилетов и учетных карточек. Нашли хорошие чернила, писаря с красивым почерком, и тот заполнил партбилеты: за номером один - Тараки, за номером два - Амину. Они и вручали их друг другу. 21 апреля, накануне дня рождения Ленина.

По мало кто знал, что тот, первый, партбилет пропал у Тараки через несколько дней. Стыдно было, но позвонил Веселову, партийному советнику:

- Товарищ Веселов, партийный билет не могу найти.

- Что-о? Ищите, - с тревогой отозвался тот, а вскоре и сам пришел к нему в кабинет. - Это же партбилет, товарищ Тараки. Поймите: пропал билет у Генерального секретаря партии. Надо найти.

- А что у вас делают в таком случае? - осторожно спросил он.

- Исключают из партии или, в лучшем случае, объявляют выговор.

- Тогда надо найти, - с уже большей тревогой сказал Тараки.

Все обыскали - бесполезно, как испарился. Протянули день,

два, педелю - дальше ждать становилось бессмысленно, позвонили в Москву. Там, конечно, не обрадовались, но буквально на следующий день переслали новую бежевую книжицу под номером один.

Может, это тоже было дело рук Амина? Может, он уже тогда отлучал его от партии? Ведь надо было просто вспомнить, у кого билет со вторым номером, кто идет следом за Генеральным секретарем партии...

А ведь как не хотелось верить в предательство Хафизуллы в Москве, когда об этом предупреждал Брежнев. Улыбнулся он тогда и предложению Громыко объединиться с лидером "Парчам" Бабраком Кармалем, чтобы противостоять рвущемуся к власти Амину. Успокаивал советских друзей: он не рвется, он просто такой по натуре и молодости.

Этот первый разговор произошел, когда он летел в Гавану, на совещание глав государств и правительств неприсоединившихся стран. А возвращаясь через несколько дней опять же через Москву, услышал от Брежнева и Андропова новости, которые заставили-таки вздрогнуть и серьезно задуматься над положением дел в руководстве страны и партии: Амин в его отсутствие практически отстранил от занимаемых постов самых верных и преданных революции людей - Гулябзоя, Ватанджара, Саравари и Маздурьяра.

Хотел больнее ударить? Ведь знал, что это не просто герои революции и не просто его любимцы. Не дал им с Нурбиби Аллах детей, и почитал он Сайда Гулябзоя и Аслама Ватанджара как сыновей, любил за молодость и удаль. Моулави Абдул Маджиб Афгани сказал однажды про них, пуштунов: "Пуштуны уважают смерть на поле боя. Если афганец умирает на поле боя и оставляет сына, который может взять в руки оружие, то женщины его не оплакивают. Они говорят, что мужчины рождаются, чтобы погибнуть; они их оплакивают лишь тогда, когда мужчины не оставляют после себя сыновей, способных держать оружие".

Нурбиби не придется его оплакивать. У него есть сыновья, и они отомстят убийце.

- Это переворот, - сказал тогда Брежнев. - Тебе опасно возвращаться в Кабул.

Сейчас можно себе признаться, что стыдно в тот миг стало перед советскими руководителями за интриги в его партии и стране, за свою недавнюю беспечность, а значит, и недальновидность. Больно было осознавать, что в Москве могут плохо подумать об НДПА, в такой сложный для страны момент занимающейся дележкой портфелей. И он ответил так, чтобы сохранить и гордость, и достоинство, и даже - на всякий случай,

если все не так серьезно, - долю пренебрежения:

- Я уже старый человек, и мне не страшно умереть.

Так страшно или нет? Сейчас, когда смерть стояла на пороге, бравировать, лукавить не перед кем. Но нет, нет, страха он и в самом деле не чувствует. Горечь, обида на товарищей - бывших товарищей по партии и борьбе, единодушно переметнувшихся на сторону Амина и проголосовавших за его исключение из рядов НДПА, отчаяние перед обстоятельствами, отчасти даже недопонимание происшедшего - это есть, это клубится в душе все дни после ареста. Может, они как раз и вытесняют страх, тем более что и он сам не дает себе права думать об этом. Он в самом деле истинный пуштун и он чтит "Пуштунвалай" - свод неписаных, но свято почитаемых законов, где главными являются гаярат - честь, имандари - правдивость, преданность истине независимо от последствий, сабат и истекамат - твердость и настойчивость, бадал - бесстрашие, отвага. Он, Нур Мухаммед Тараки, сын скотовода Назар Мухаммеда Тараки из села Сур под Газни, из пуштун племени Гильзай клана тарак ветви буран, и перед смертью не нарушит ни одну из этих заповедей.

Единственное, о чем можно пожалеть, - что не написал он ни строчки из задуманного романа о Саурской революции. Ведь как бы там ни было, он в первую очередь все же писатель. Писатель, вынужденный заниматься политикой и достигший самых высоких вершин на этом поприще. Только надо ли было оставлять перо? И неужели нужно было дожидаться этого часа, чтобы понять, как он соскучился по листу бумаги, по бесконечной правке своих рукописей, по ночной тишине, мягкому свету лампы и своему одиночеству в рабочем писательском кабинете. Страшно разные вещи: одиночество писателя и одиночество узника. То сладостное добровольное заточение, когда рождались его лучшие книги "Скитания Банга", "Белый", "Одинокий", принесшие ему литературную славу, - разве оно не было счастьем? И повторится ли оно когда-нибудь? Хоть на один миг? Неужели мир не отреагирует, что исчез лидер партии, глава правительства? Что предпримет Москва по отношению к Амину? И главное, кто еще арестован? Если Гулябзой с товарищами тоже у Амина - тогда прощай, революция. Единственный, кто может теперь противостоять Амину, это Бабрак Кармаль. Но что он сделает из Чехословакии? К тому же ему всегда недоставало решимости, он много интеллигентничал, а жизнь - она...

"Вот такая она", - горько усмехнулся Тараки, оглядывая комнату-тюрьму. Думать о побеге, уговаривать, подкупать охрану - нет, это ниже его достоинства. Он не позволит себе опуститься до этого. Его или освободят, или он примет смерть, не сказав ни

слова убийцам. А тем более не вымаливая у них пощады. Пусть знают, как умирают истинные революционеры. Пусть они дрожат, пусть они боятся кары.

Тараки прошелся по комнате. На миг остановился у зарешеченного окна и тут же отошел от него. В первый день, вернее в первую ночь, он, наверное, несколько часов простоял с женой у черного стекла, думая о будущем. В апреле семьдесят восьмого вольно или невольно, но получилось так, что погибла вся семья Дауда, а ближайшие его родственники лишены гражданства. Амин повторит это...

У двери послышались голоса, в скважину неумело вставили ключ. Значит, не охрана. Значит...

Вошли трое - он не сразу узнал офицеров из своей бывшей охраны. По тому, как они остановились на пороге, как, стараясь не глядеть на пего, принялись осматривать комнату, словно только за этим и пришли сюда, стало окончательно ясно: да, за ним.

- Мы пришли, чтобы перевести вас в другое место, - первым пришел в себя от его все понимающего и, главное, совсем не испуганного взгляда Рузи.

- И вы захватите мои вещи? - уже с откровенной усмешкой спросил Тараки.

- Да, мы перенесем и ваши вещи, - или не понял, или не хотел поддаваться эмоциям Рузи. - Пойдемте.

Однако Тараки прошел к столику, отодвинул отключенный с первой минуты заточения телефон, положил на него дипломат. Испытующе оглядел офицеров.

- Здесь около сорока тысяч афгани и кое-какие украшения. Передайте это моим... родственникам.

Хотя бы один мускул дрогнул, хотя бы как-то изменилось выражение лиц пришедших - Тараки бы почувствовал, понял, что с его родными и близкими. Но офицеры не выдали, не проговорились даже в жестах и мимике.

- Передадим, - бесстрастно ответил Рузи. - Прошу.

Тараки вышел первым. Старший лейтенант, показав взглядом Водуду на одеяло, следом за ним.

- Сюда, прошу, - указал он на одну из комнат, когда они спустились на первый этаж.

Тараки оглядел пустынный, тускло освещенный коридор, поправил прическу, словно выходил на трибуну, к людям, и шагнул в низкую дверь. И уже на правах хозяина, улыбаясь - он и сам не знал, откуда у него столько выдержки, - пригласил в комнату офицеров. Увидев Водуда с одеялом, понимающе кивнул. Лейтенант, не ожидавший такого откровенного жеста,

стушевался, отступил на шаг, стал прятать одеяло за спину.

- Передайте это Амину. - Тараки снял с руки часы и протянул их старшему лейтенанту.

Когда-то Хафизулла спросил в шутку: "Сколько времени на часах революции?" Пусть знает, что они остановились. Теперь у него остался только партбилет. Как быть с ним? Наверняка потом... после... станут выворачивать карманы. Мерзко, низко!

Нур Мухаммед решительно достал книжицу:

- И это тоже.

- Хорошо, - принял все Рузи. Кажется, вздохнул с некоторым облегчением: приговоренный понял свою участь, не сопротивляется, не елозит у ног - таких приятнее... спокойнее... словом, так лучше.

Достал из кармана кителя тонкую шелковую веревку и, хотя сам мог спокойно связать уже выставленные самим Тараки руки, позвал помощников:

- Помогите.

Связывал тем не менее один: видимо, просто боялся подойти к осужденному в одиночку. Веревка больно врезалась в запястья, у Тараки уже готов был вырваться стон, но он сдержался. Он не даст, не даст Амину повода для ухмылок или злорадства, он сам будет ухмыляться, и пусть это преследует убийцу и предателя. Не стонать, а, пересилив себя, улыбаться. Улыбаться. Обо всем этом потом расскажут Амину, пусть знает... пусть знает...

- Я закрою дверь, - пряча дрожащие руки, сказал подчиненным Рузи и быстро вышел из комнаты.

Лейтенанты, оставшись одни, тут же отскочили от связанного, словно не были причастны к происходящему. Они тоже не могли унять дрожь и смотрели только на дверь, ожидая Рузи и конца всей этой истории.

- Принесите, пожалуйста, воды, - нарушил молчание Тараки, и Экбаль, опередив Водуда, выскочил в коридор.

- Ты куда это? - преградил ему дорогу возвращающийся политработник.

- Он... просит пить.

- Некогда воду распивать. Пошли, - вернул лейтенанта Рузи.

Кажется, в минуты отсутствия он не просто закрывал входную дверь, а сбрасывал с себя последние капли нерешительности. И, войдя в комнату, с порога указал Тараки на кушетку:

- Ложитесь.

Тот посмотрел на вернувшегося пустым Экбаля, облизал пересохшие губы. Да, он пожил на эхом свете, ему все равно не страшно покидать этот мир, но почему-то очень хочется пить...

Руки были связаны впереди, и Тарани лег на спину. Оглядел

еще раз комнату и прикрыл глаза. Вот так умирают революционеры.

Рузи словно только этого и ждал. Стремительно подойдя к Тараки, одной рукой зажал ему рот, другой ухватил за горло. Водуд набросил на лежащего одеяло - наверное, чтобы не видеть агонии. Экбаль прижал слабо подрагивающие ноги умирающего. И последнее, что попытался в этой жизни сделать Тараки, - это сбросить с лица потную, почему-то пахнущую железом руку Рузи.

Но силы были слишком неравны.

Необходимое послесловие. Через несколько минут убийцы вынесут тело Тараки, завернутое в одеяло, и уложат в машину. Она возьмет курс на кладбище "Колас Абчикан", "Холм мучеников", как прозвали его кабульцы. Свежевырытую могилу будут охранять несколько солдат.

Когда все будет закончено и Рузи, передавая начальнику Генерального штаба вещи Тараки, посмотрит мельком на часы, они покажут 2 часа 30 минут ночи 9 октября. Это будет время, начавшее отсчет нового поворота в истории Афганистана, время, которое станет началом и для судьбы ограниченного контингента.

После 27 декабря Рузи и Водуд исчезнут из страны. Следы старшего лейтенанта отыщутся в Иране, потом, по некоторым слухам, он возвратится в Кабул с повинной. Однако халькисты, верные Тараки, приговорят его к смерти: "Ты, поднявший руку на учителя, не должен жить на этой земле". Экбаль предстанет перед революционным судом. Не избежит своей участи и Джандад, не говоря уже о начальнике Генштаба Якубе и самом Амине.

Уничтожить семью Тараки Амин все же побоится, отправит ее лишь в Пули-Чархи. И в январе 1980 года, когда в США только ленивые корреспонденты и политики не будут убиваться по поводу смерти Амина, вдова Тараки обратится к президенту Америки Дж. Картеру:

"Господин президент. В течение последнего периода времени, до сентября 1979 года, мой муж являлся законным главой государства, председателем Революционного совета, неустанно трудился во имя создания нового, процветающего Афганистана. Однако в сентябре прошлого года заговорщик и вероотступник Амин, не брезгуя самыми коварными методами, предательски и подло захватил власть в стране. Он убил моего мужа, я повторяю - законного главу Демократической Республики Афганистан, а всю нашу семью, в том числе и меня, бросил в свой ужасный застенок.

Господин президент. У меня и у всех честных афганцев вызывает гнев и возмущение то, что вы пытаетесь защищать

убийцу и преступника Амина. Вы позволяете себе называть его законным президентом Афганистана. Ваши слова оскорбляют память моего мужа, Нура Мухаммеда Тараки, злодейски убитого Амином и его палачами..."

По решению революционного суда место вдовы Тараки в тюрьме займет вдова Амина.

Восток продолжал оставаться Востоком.

Глава 20

ИЗВЕСТИЯ ПРИНОСИТ АНДРОПОВ. - 62 ШАГА ОДИНОЧЕСТВА. - МАКАРОНЫ ПО-БРЕЖНЕВСКИ. - ОТБОЙ "МУСУЛЬМАНСКОМУ" БАТАЛЬОНУ.

10 октября 1979 года. Кунцево - Заречье.

Водитель чуть притормозил за воротами, и Брежнев, зная, что он смотрит за ним в зеркало, кивнул: выйду. Когда-то здесь останавливались без напоминаний, зная привычку хозяина дачи № 6 пройти оставшиеся до дома двести метров пешком. Теперь же все диктуют годы и здоровье, а в дождь и ветер водитель даже не смотрит и в зеркальце, везет к самому подъезду.

Сегодня Брежнев решил пройтись: погода стояла тихая, а известия из Афганистана пришли удручающие. Принес их Юрий Андропов:

- Леонид Ильич, Тараки убит.

Брежневу вспомнилось, как он вздрогнул, и его вновь передернуло, как от озноба. Он не хотел признаваться даже самому себе, что ждал этого известия. Ждал, потому что иного выхода в той ситуации, что возникла в Кабуле, просто не было: или Тараки убирает Амина, или... наоборот. Амин оказался хитрее, он сумел подкупить в охране Нура человека и знал каждый шаг своего... учителя, превратившегося во врага. Да, спасения для Тараки не было. О спасении надо было думать заранее. Вернее, о том, чтобы не допустить сегодняшнего.

- Ну, а что же вы? - Он с отчаянием посмотрел на Андропова.

12 сентября, какой-то месяц назад, тот, как всегда, немногословно, а оттого, может, и убедительно, дал понять, что, пока Нур Мухаммед Тараки будет лететь из Москвы в Кабул, в афганской столице, по данным КГБ, должны произойти события, в результате которых Амин будет убран. Что случится, как это произойдет - руководители двух стран не стали интересоваться, в таких делах лучше вообще ничего не знать, но убежденность Андропова именно в таком раскладе событий была столь велика, что Брежнев и Тараки пошли и на другой - это сейчас ясно, что роковой, - шаг: решили не посылать в Кабул "мусульманский" батальон, специально подготовленный из таджиков и узбеков для личной охраны афганского руководителя и уже готового вылететь

вместе с ним из Ташкента. Наивно подумали: если не будет Амина, то от кого защищать? Амин плетет интриги, рвется к власти. Главное - нейтрализовать его, остальное мелочи. Нейтрализовали: Амин поехал на аэродром встречать Тараки другой дорогой, благополучно миновав устроенную ему засаду. И можно представить, что испытал Тараки, увидев на кабульском аэродроме среди встречавших своего врага. Живым и невредимым, Усмехающимся. Неужели Нур подумал, что все происходившее в Москве - предательство? Павловскому, командующему Сухопутными войсками и находившемуся в это время в Кабуле с визитом, дали указание сделать все, чтобы примирить их. Что из этого вышло, уже известно: порученец Тараки открыл огонь по Амину. Знал ли об этом Тараки или порученец действовал от других сил? О, власть на Востоке, была ли она когда-нибудь без крови?

- Когда... убили? - спросил, немного придя в себя, Брежнев.

- Еще два дня назад.

- Как два? Посол только вчера, при тебе, звонил оттуда и говорил, что Амин положительно отнесся к нашей просьбе сохранить ему жизнь? Даже, по-моему, сказал, что они питаются из одной кухни. Да, я не забыл, это говорилось о Тараки.

- Мы просили уже за мертвого.

- За мертвого? И Амин вот так... с нами?

Брежнев встал, начал прохаживаться вдоль стола. Он и сам не заметил, как появилась у него эта сталинская привычка - ходить вдоль стола. А скорее всего, он и не ведал, что повторяет кого-то.

- Как его... убили?

- Задушили. Подушкой. Офицеры из его же охраны.

Охрана! Как же легкомысленно они оставили в Ташкенте батальон. Стоило на секунду расслабиться, поверить во что-то - и вот результат. Если бы полетел батальон...

- Ты говорил, что наши десантники, ну те, которые уже в Афганистане, готовы были вылететь в Кабул на его освобождение. Что же не взлетели?

- Батальон уже сидел в самолетах, Леонид Ильич. Но... но ни один из них не взлетел бы. Зенитчикам, которые стоят на охране аэродрома Баграм, был отдан в тот день приказ расстреливать любой самолет, взлетает он или приземляется. Мы еле успели дать отбой, предотвратить...

- Чем же тогда там занимаются наши военные советники? За что получают деньги? Кто там старший?

- Генерал-лейтенант Горелов.

- Горелов? Это тот, что ли, которому мы звание присваивали на ступень выше положенного?

- Он. Но ведь то Дауд лично просил за него, еще до революции.

- Дауд, Дауд... А сейчас Амин. Он давно там?

- Горелов? Три с половиной года.

- И за это время не заиметь влияния среди каких-то зенитчиков?

- Горелову особо не доверяли ни Тараки, ни Амин. И именно за то, что тот был советником при Дауде.

- Значит, менять надо было.

Андропов хотел что-то объяснить, но сдержался. "А что скажешь, если проморгали", - в который раз за сегодняшний день подумал Брежнев, медленно шагая дорожкой парка.

Злиться но хотелось, вернее, нельзя было: врачи все настойчивее просят не волноваться, перед ужином обязательно дают выпить какую-нибудь гадость под предлогом снотворного или успокоительного. Но только будешь спокойным, когда такое творится. Тараки... Нур Мухаммед Тараки. Кажется, они глянулись друг другу. По крайней мере хотелось верить, что афганский руководитель не лукавил, когда для рукопожатия протягивал обе руки, когда постоянно прикладывал ладонь к сердцу, выказывая свое восхищение и уважение Советским Союзом и лично Леонидом Ильичом. Давно не чувствовал Брежнев такого искреннего и откровенного уважения к себе. Он видел на своем веку немало и льстивых угодников, и откровенных подхалимов, и тех, кто улыбался, а сам готов был вцепиться в горло. 0-о, он их видел насквозь, но вынужден был тоже улыбаться и делать вид, что ничего не понимает: Когда делаешь вид, то добиваешься большего, И в итоге получите двадцать лет правления. И не самого худшего, если посмотреть на историю страны. Да и мира. Сколько сделано за эти годы! А сколько можно было еще сделать, найдись среди руководителей других стран истинные друзья, сотоварищи! В которых бы верил, как в себя. Нету их. Хотя нет, Гусаку можно доверять. Их сблизил Крым и известие о гибели Веры Карловны, второй жены Густава. Лишь узнав о катастрофе вертолета, в котором она летела, он позвонил в Прагу, долго говорил Густаву что-то утешительное. Гусак вообще может удивительно слушать, несмотря на то что сам молчаливый. Да, с ним можно и в домино поиграть, и о Чаушеску откровенно поговорить.

И вдруг еще Тараки - такой же искренний, открытый. И сразу забылось, что про него докладывали: якобы и тщеславен безмерно, вплоть до того, что сам пишет о себе революционные пьесы и сам себя играет в них, и что может заказывать себе обед из 28 блюд, и по три телевизора в комнатах имеет, и что забросил

партийные дела... Зато откровенен и благороден. А опыт руководителя пришел бы. Он, Брежнев, не допускал, что ли, в начале своей работы промахов? Если покопаться - найдут потомки, за что его можно будет и поругать. Единственное, обидно будет, если этим займется тот, кто сменит его на посту. Это самое последнее дело, когда сегодняшний руководитель делает себе политическую карьеру на ошибках вчерашнего. Что бы там ни было, а лучше смолчать, как это он сделал сам по отношению и к Сталину, и к Хрущеву. Ругать - не от большого ума, заниматься надо сегодняшним днем, а не вчерашним.

Словом, все бы пришло и к Тараки - и опыт, и умение, и талант. Суслов как-то вскользь сказал, что искру таланта можно высечь упорным трудом. Наверняка это не его слова, все в Политбюро знают, что он даже послов и дипломатов заставляет присылать и привозить ему из-за границы книги пословиц и поговорок, афоризмов, крылатых слов. Заучивает их наизусть и при случае не упускает возможность блеснуть эрудицией. Если присмотреться, то и речи его - это расшифрованные, развернутые в рассуждения пословицы и поговорки. Все хочет казаться умнее, чем есть на самом деле. Он и сказал про Тараки - про искру эту и талант. Помогли бы, помогли постичь эту науку, это искусство - быть во главе партии и страны. И как жаль, что думать об этом приходится в прошедшем времени...

Машина тихо шуршала сзади. Ее можно было пропустить вперед, но до поворота к дому оставалось шагов десять, и Брежнев не стал сходить на обочину. Да и на охране сегодня Медведев, а он себе такие вольности не позволит - уехать, оставить одного. Эх, Нуру бы таких людей. А Амин-то, Амин... Как же просмотрели его? Как допустили, что вырос до таких постов и так стремительно? И не побоялся ведь, хотя прекрасно знал отношение Советского Союза к Тараки. Отношение ЦК. Его в конечном счете, Брежнева, отношение. Не побоялся...

Свернул на тропинку к даче. Не оглядываясь, махнул рукой сидевшему в машине Медведеву - в гараж. Вот теперь он точно оставался один. Уже подсчитывал - на полное одиночество в этой жизни, на этой земле, ему отпущены вот эти 62 шага от поворота до дома. 62 шага в сутки. И то если не выбежит навстречу правнучка. Семимесячной оставила Галина им с Викторией Петровной свою дочку. Ничего, вырастили, как свою дочь, поставили на ноги. И вот как подарок судьбы на старости лет - у той уже своя дочь, ласковый, игривый комочек, названный Галинкой. Наверняка она сейчас на улице: день был достаточно теплый, он пораньше уехал с работы, чтобы хоть подышать свежим воздухом. И жена, конечно, сидит в беседке у крыльца,

вяжет. Она еще ничего не знает про Тараки, еще практически никто не знает об этом, а уже надо думать, как ответить убийце. Да-да, это дело просто так оставлять ни в коем случае нельзя. Амин должен - и он почувствует! - что подобное не прощается.

- Дедуля приехал, дедуля!

От беседки бежала любимица - пятилетняя Галинка. С разбегу уткнулась в колени, обхватила ноги. Вот и кончилось одиночество, с дел государственных - да в проблемы семейные.

- Дедуля, дедуля, дай что-то скажу на ушко, - ухватившись за пальцы, тянула вниз правнучка.

Леонид Ильич присел, и Галя, стрельнув глазками в сторону дома, быстро зашептала:

- А Леня и Андрей опять говорили, что им надоели твои котлеты с макаронами. Вот.

- Так и сказали?

- Ага.

- А ну-ка пойдем к ним, разберемся.

Андрей и Леня - это уже внуки от Юрия. Значит, и он с семьей здесь. Как-то невестка вспомнила детское упрямство своих сыновей: те заявили, что не поедут на дачу, потому что там на ужин опять подадут любимую дедушкину еду - котлеты с толстыми макаронами - и заставят съесть до конца. Он тогда улыбнулся, мол, а что бы вы говорили, ребятки, если бы еще и обедали здесь: на первое, как правило, здесь подавались борщ, щи или кулеш. Не тот возраст, чтобы менять свои привычки. Даже в еде.

Разговоров на эту тему больше не возникало, пока не появилась и не подросла Галинка. Зная ее привязанность к прадеду, ребята специально, дразня ее, вздыхали про макароны. Галя из солидарности - человек ведь уже! - уходила в сторону и ждала деда, чтобы сообщить о коварства ребят.

- Ну-ка, где они? Мы сейчас спросим, чего ж это она такого заморского хотят.

Из беседки выглянула жена, Витя. Звал так Викторию со студенческих лет, еще когда познакомился на танцах с дочерьми старого железнодорожника Петра Денисова и среди Александры, Лидии и Виктории выделил старшую - Вику, Витю. Не самую красивую, как удивлялись друзья, но жизнь тем не менее прожили. В конце двадцатых у них родилась Галина, потом Юрий, судьба бросала их по всей стране, но ни разу не расстались они с женой больше чем на месяц. Война, правда, не в счет.

Тяжело опираясь о столик, Витя встала. Ноги беспокоили ее все чаще, только после Карловых Вар она чувствовала себя немного полегче, спасибо Гусаку, приглашает каждый год.

- Устал? - спросила она.

- Как всегда.

В доме не было принято говорить о работе, а тем более расспрашивать о ней. Лишь иногда он делился с Витей планами или настроениями в Политбюро. А так - смотрите телевизор да читайте газеты, там все скажут и напишут. Вернее, то, что можно. Государство ведь тоже есть тайна. Вот что про Амина напишешь? Что скажешь? За ним ведь тоже страна, и, кстати, первая, кто признал после революции новую власть в России. Эмманула-хан с Лениным, можно сказать, друзья были, они с Тараки нашли общий язык, а до этого и Дауд был, и шах - всегда Афганистан слыл надежным другом. А что будет теперь, при новом руководстве? Просьбу о помиловании Тараки они отвергли, да не просто отвергли, а обманывали, вздумали играть в кошки-мышки. И можно ли после этого верить Амину? Громыко, правда, послал по своей линии телеграмму, чтобы посол и советники не рушили сложившихся связей, не шли на конфронтацию с новым правительством. Единственное, о чем просили, - делать все, чтобы удержать Амина от репрессий. За те двадцать дней, что он у власти, по линии КГБ приходят страшные вообще-то сведения: Амин не просто расстреливает сторонников Тараки, а заодно и оставшихся в живых парчамистов, он приказывает сбрасывать трупы в ямы с хлорной известью, чтобы от человека вообще ничего не осталось. А то, что политзаключенных загружают в самолет, а над горами раскрывают рампу и высыпают людей, как горох, вниз? И все под видом очищения партии. Знаем мы эти

чистки...

- Ужинать будем сразу? Юра с детишками приехал.

Словно подтверждая это, в дверях дома появилась невестка, как всегда, улыбающаяся и, как всегда, с книгой в руках. Насколько не сложилась личная жизнь у Галины, настолько можно было радоваться за Юрия. Люся оказалась на диво чуткой к обстановке в доме женщиной. За двадцать пять лет ни разу не огорчила. Единственный раз он сделал даже не замечание, а намек - где-то на третий или четвертый день ее замужества. Не дождавшись, как теперь будет называть его Люся, как бы ненароком сказал за ужином Вите:

- Вроде бы раньше невестки родителей мужа называли папой и мамой. А сейчас, я смотрю, никак не зовут...

Люся покраснела, уткнулась в тарелку. Потом призналась: просто она никогда никого не звала папой. С трех лет был отчим. Люди как стали говорить: "К вам дядя Жора пошел", так она и усвоила - дядя Жора да дядя Жора. Но ничего, здесь привыкла и уже не просто признала и почитала за родителей, а даже составляла компанию, когда по телевизору показывали футбол или хоккей, а рядом с Леонидом Ильичом сидеть, сопереживать было некому. Такую невестку поискать да поискать. Юрию до конца бы это понять, не доводить до слез ее да и их с матерью тоже: ясно, что каждый лезет подружиться и поднять рюмку с сыном Генсека, но голова-то должна быть на плечах своя, есть же границы разумного. И еще одно омрачало - не приняла невестка Чурбанова. Вроде и приветлива, когда сходятся вместе, но он-то знает, что значит искренняя приветливость Люси. Вроде женщина умная и должна попять разницу между ним и цыганом с циркачом, которые до этого морочили Гале голову. Витя допытывалась по-женскж: отчего? Вроде бы за то, что кланяется Чурбанов подобострастно даже дома, что, несмотря на негласный запрет, старается говорить о работе даже за столом - командует дивизиями, округами. Но надо же понять, что молодому генералу хочется быть генералом даже дома. Привыкнет и к должности, и к званию, главное же еще раз - что не циркач да не цыган...

- Здравствуйте, пап, - приветливо улыбнулась невестка. Хотела что-то спросить, но, глянув на свекровь, сдержалась. Остановила Галинку, хотевшую шмыгнуть вслед за прадедом в дом.

Центральную дверь на даче открывали редко - по праздникам или если вдруг принимали гостей. А так пользовались запасным выходом - мимо кухни, подсобок - в холл. Когда-то дача была деревянной, но уговорили перестроить ее, обложили мрамором. Появились третий этаж, лифт, бассейн с парилкой, туалеты в

каждой комнате, но исчезли бильярдная, комната с птицами - как много раньше привозили и дарили птиц! - а главное, из дома ушло тепло. Уж сколько горевалось по старому срубу, но кто ж теперь вернет прошлое?! Да и вообще в последнее время вокруг него творятся дела без его ведома и согласия. То за время его отдыха в Крыму проложили автотрассу из Внуково прямо к тыльной стороне дачи, то в одну ночь вырубили рядом с воротами рощицу и оборудовали вертолетную площадку - все говорят, надо. А то вдруг появляется в какой-нибудь его речи абзац про развитие той же Западной Сибири, и тогда сибиряки требуют денег и средств на выполнение его указаний. А где их взять, лишние деньги? Только если другим не дашь. Надо бы серьезно поговорить с Цукановым, пусть наведет в своем хозяйстве порядок.

Вызвал лифт. Подумав, нажал на третий этаж.

На "голубятне", как Брежнев называл его, были только его рабочий кабинет и библиотека. Да по стенам фотографии - с Костей Грушевым на охоте, с правнучкой на берегу моря. На фотографиях он выходил хорошо - хоть в маршальском кителе, хоть в спортивном костюме. Бог не обидел ни ростом, ни фигурой, потому и снимки получаются. Сюда, на третий этаж, меньше всего доносились звуки и почти не проходили запахи с кухни: кроме всего прочего новая дача была гулкой и вбирала в себя все запахи. В кабинете поднял штору, но смеркалось быстро, и Леонид Ильич включил свет. Хотел выйти на балкон, но, что-то вспомнив, прошел к столу. Задвигал ящиками. В самом нижнем нашел то, что искал, - красную тетрадь со своими пометками и вложенными в нее страничками машинописного текста.

Да, это была рабочая тетрадь, в которой прорабатывались вопросы переговоров с Тараки 10 сентября. Где-то должна быть и справка, подготовленная Андроповым, о положении дел в Афганистане. Вроде бы данные были только за последний месяц, но уже тогда таили в себе тревогу. Где же листок?

Справки не оказалось, и Брежнев попытался вспомнить, что было написано в ней. Что-то о финансировании афганских мятежников в Пакистане, о совещании в Америке по поводу положения дел в Афганистане, о донесениях госдепартамента в посольство в Кабуле по поводу желательности падения режима Тараки - Амина. Что-то еще было... А, о тайных встречах Амина с американским послом, где-то больше четырнадцати неофициальных встреч за последнее время.

Тараки, узнав об этом, поверил окончательно в то, что Амин может его сместить. Но это только то, что стало известно, а сколько всего непонятного и тайного происходит вокруг

Афганистана? Это только непосвященный думает, что там все хорошо, революция развивается. То, что плетется вокруг страны более густую сеть Андропов еще не рисовал.

Да, тогда, 10 сентября, Тараки поверил ему. Но что он подумал, когда увидел на аэродроме Амина? И как вести теперь себя с убийцей? Что посоветует институт Примакова, востоковеды? Впрочем, что они могут посоветовать, если и Апрельская революция стала для них громом средь ясного неба, если до сих пор не могут окончательно разобраться с различными движениями и партиями в стране. Разогнать бы их наполовину, может, и на пользу пошло бы. Да только за каждого уволенного плакальщик-заступник обязательно найдется, так что будет себе дороже. Только и надежда, что у Андропова и Устинова люди знают свое дело, перекроют прорехи.

Хотя как сказать. От них, скорее всего, как раз и идет разнобой в оценке афганских событий. Насколько он успел уловить, военные находят ее спокойной, в одном из донесений даже написали, что для Афганистана Тараки это знамя, а Амин - мотор революции. Советники от КГБ, наоборот, бьют тревогу: все рушится, революцию можно спасти только в том случае, если придут к власти парчамисты во главе с опальным ныне Бабраком Кармалем. Сегодняшнее руководство халькистов во главе с Тараки и Амином скорее случайно, чем закономерно. Оно дискредитировало себя и не пользуется поддержкой народа. А Бабрак не запятнан...

Вот и выходит, что за власть боролись "Парчам" и "Хальк", а стрелялись Тараки и Амин, "знамя" и "мотор". Интересно, как объяснят завтра гибель Тараки Устинов и Громыко, какая информация пройдет по их каналам? Андропов, собственно говоря, отмолчался, все у него тайны да свои сведения. Разбирались бы сначала на своем уровне что к чему, а уж потом шли к нему с готовыми предложениями или хотя бы наметками. Не об одном ведь Афганистане в конечном счете у него болит голова - есть еще и Штаты, и Запад. К тому же и свои стали поднимать головы: все нахальнее, демонстративнее ведут себя Тито, Чаушеску, Ким Ир Сен, в открытую поддерживая Китай. Ясно, что они ищут в нем определенную опору для своего "особого", независимого от СССР и Варшавского Договора курса. Только неужели еще не ясно, что кто не с нами тот против нас? На Западе, если верить докладам, наметилась тенденция к сближению стран, а здесь - самостоятельности, видите ли, им захотелось. Какая может быть сейчас самостоятельность?! Все давно друг от друга зависят. Если отойдут от лагеря социализма, так что, минуют капиталистов? Обойдутся без них? Нет, конечно.

Да был бы Китай с их лагерем, совсем иная обстановка была бы в мире, совсем иная. По-другому бы разговаривали и вели себя те, кто считает себя пупом земли.

Была надежда на страны "третьего мира", но уже стало окончательно ясно, что никакой отдачи от них в ближайшем будущем не будет. Ни в деньгах, ни в политике. Хотя средства бухаются в них как в бездонную бочку. Пономарев даже прогнозирует, что, пока развивающиеся страны нуждаются в нашей военной поддержке, они будут следовать в фарватере Советского Союза. Но как только перед ними встанут задачи экономического подъема и развития, где социалистические страны пока, к сожалению, не смогут оказать сколь-либо существенной поддержки и помощи, они начнут "уплывать" на Запад, меняя соответственно и свой политический курс. Вот и все их революции, все идеалы. Перевороты это, мятежи, а не революции, если главное - деньги.

А что в Афганистане - революция или переворот? Тараки и Амин называют свой приход к власти социалистической революцией, уже несколько раз проскакивало у них и слово "великая". Посол тоже говорит о революции. Но послу что, он прекрасно знает, что за переворот ему - взбучка, за революцию же - награды ж почести. Тут главное - что будет дальше в Афганистане, куда пойдет революция. Здесь пока никто не прогнозирует, никто не хочет предположить или гарантировать. Или не хочет брать на себя ответственность? Эх, времена. Когда-то они взваливали на себя всю страну со всеми проблемами...

Брежнев все же вышел на балкон. Около летнего бассейна стоял сын и задумчиво смотрел на покрытую опавшими листьями воду. Внизу, около построенного недавно из бамбука детского домика, сидели на корточках внуки, рассматривая выползшего на тротуар ежа. Рядом крутилась Галинка, простив им макароны. Новым поколениям всегда что-то не нравится из того, чем жили их отцы и деды. Можно, конечно, сказать на кухне, чтобы готовили для внуков что-нибудь другое, да только любое другое тоже в конечном итоге надоедает, а на каждого все равно не угодишь. Пусть уж лучше будет так, как всегда.

"Это все-таки надежнее всего", - подумал он и стал спускаться в столовую.

Необходимое послесловие. В конце восьмидесятых дачу № 6 с большой газетной шумихой передадут под детское отделение одной из районных больниц. Несколько санитарок не смогут ухаживать за всей территорией дачи и помещением, и постепенно дача станет приобретать неприглядный вид. Да и строилась она для определенных, отнюдь не лечебных, целей, поэтому говорить

о каких-то удобствах дли врачей и детей не приходится. Правда, для газетчиков это уже не представляло интереса.

Виктория Петровна переедет в дом на Кутузовском проспекте. Практически ослепнув и обезножив, она месяцами не имела возможности спуститься вниз, подышать свежим воздухом. Люся часто заставала ее плачущей, с радиоприемником у уха.

- Что ты плачешь, мама?

- Опять про Леню плохо говорили. И опять неправду, да еще те, кто как раз при нем становились академиками и получали награды...

Из всех, окружавших семью Брежнева при жизни Леонида Ильича, самыми верными, преданными и человечными окажутся женщины из обслуживающего персонала дачи. Они единственные, кроме родственников, кто будет приходить к вдове бывшего Генеральною секретаря, ухаживать за ней...

11 октября 1979 года. Ташкент.

- Хабиб Таджибаевич, читали? - В кабинет к Халбаеву вошел с "Правдой" в руках Саттаров. Увидев на столе у командира эту же газету, развел руками: не уберегли, но в чем мы виноваты?

- Почему нам все-таки дали отбой? - Майор, взяв "Правду", еще раз пробежав сообщение о смерти "после тяжелой, непродолжительной болезни" председателя Ревсовета Афганистана Нура Мухаммеда Тараки, задумчиво потер свой высокий из-за залысин лоб. Саттаров пожал плечами: если вы не знаете, я-то откуда? - Ну ладно, дело в прошлом. А в настоящем... В настоящем нам полный отбой. По всем статьям.

- Может, еще не все...

- Да нет, уже все. С завтрашнего дня батальон запланирован в наряды и даже, кажется, на хозработы. Как понимаешь, вернее признака быть не может. Отвоевались. Жалко...

И неизвестно, то ли майор жалел так никогда и не увиденного в жизни Тараки, то ли просто понимал, что больше такой возможности, о которой мечтают все офицеры - заниматься только боевой подготовкой, - уже не предвидится.

Глава 21

НЕ ПРИЕЗЖАЙТЕ НА ВОСТОК ОСЕНЬЮ. - "ИЩИТЕ ЛЕДОГОРОВА В АФГАНИСТАНЕ". ПИСЬМО ДЛЯ БРЕЖНЕВА. - СМЕНА КОМАНДЫ.

Октябрь 1979 года. ТуркВО.

Никогда не приезжайте на Восток осенью, когда начинает растворяться по ночам летняя жара. Когда базары - о-о, что это за дивное богатство и изобилие, восточные базары! - когда базары заполнены товаром, как гранат зернышками. Когда запахи медовости, сытности становятся воздухом. Когда голубые купола

минаретов, мечетей, кафе и ресторанов сливаются с небом. Когда цветы стоят дешевле воды, а в фонтанах купаются дети. Когда блаженство все: и тень, и солнце, и стакан морса, и чашка плова прямо на улице из котла. А откуда-то вьется, тянется тонкой золотой нитью голос певицы, И цветасто все, улыбчиво, красиво...

Ох, не приезжайте на Восток этой порой, если не хотите раз и навсегда влюбиться в него.

Лена тоже ошалела от обрушившейся на нее диковинности, непохожести Ташкента на все, что она видела раньше в своей жизни. Хотя, если разобраться, что она видела - два раза Москву в детстве, да и то по больницам. Заставляла мать вечерами таскать с колхозного поля бураки, и она надорвалась. Тогда и услышала, как говорил врач матери: операции не требуется, но не сможет ваша девочка иметь детей. Застыдилась тогда: она только в шестом классе, а уже про ее детей говорят, И радость заодно - не надо ложиться на операцию.

Да только классы, школа пролетели, а болезнь осталась. И кого винить, мать, что ли? Так она ради нее-то и старалась с этими бураками: теленка специально не сдавала, держала подольше, чтобы потянул не по тощаку, чтобы на вырученные деньги купить ей наконец пальто к зиме. А то ведь в фуфайке до шестого класса и проходила, а все же девочка, хотелось и принарядиться.

Поплакать бы сейчас над тем пальтишком, да износила до подкладки. А когда выросла, хоть и не хуже других была, а чуралась ребят, жила дичком помнила о своем несчастье. Вот тут-то оно горем и обернулось, когда все осозналось.

И вдруг - весна, приезд Бори, лес, его рука в темноте... И все! Пропасть. И летит она в эту пропасть уже почти полтора года. И шепчет только имя старшего лейтенанта, и ложится спать с именем этим, и встает с ним. Сумасшествие какое-то. То томительно-сладостное, то до боли печальное. Бо-ря!

Замерла, увидев в толпе военную фуражку: а может, повезет и встретит Бориса прямо здесь, в Ташкенте? Вдруг приехал в командировку, ведь может же быть такое...

- Куда едем, девушка? - подошел, перебирая ключами, как четками, молодой парень.

- Мне лететь.

Лететь, лететь. Лететь дальше. Добраться до Бориса. Увидеть его. Пусть поругает, прогонит, усмехнется, но - увидеть. Она не может вот так сразу, как, видимо, он, забыть обо всем. Отрезать прошлое. У нее один раз в жизни была та ромашковая поляна. И может быть, больше никогда не случится. По крайней мере она не хочет. Или Борис - или никто.

- Куда едем? - подошел еще один водитель.

- Мне лететь, - повторила и ему Лена. Взяла чемоданчик. Где-то рядом с Центральным аэропортом, сказали, есть местный, а уж от него до Бориса один час лета.

...А вообще-то таким, как Лена, у которых один Борис на уме, можно приезжать на Восток и осенью. Дальняя и необычная сторона - настолько дальняя и необычная, что кажется заграницей, - оглушила Лену, но заинтересовала лишь настолько, что где-то здесь, в этой необычности, служит и живет Борис. Как они встретятся? Что он скажет? Как посмотрит? Нужно только добраться до него к вечеру: хоть и красиво здесь, но ночью и красота страшна.

Побегала по дежурным, регистрациям - успела. Солнце еще стояло над горами, а она опять где с расспросами, где по наитию, но нашла сначала забор из пыльных плит, а потом вышла и к солдатским воротам. Помялась, собираясь с духом и надеясь, что кто-нибудь выйдет из будки дежурного и избавит ее от нерешительности. Но никто не выходил, мелкая дрожь не исчезла, и тогда она сама стала подниматься по ступенькам. Ужас: дома, издали, все казалось намного проще. Представлялось, что, как только она подойдет к воротам части, Борис сам выйдет навстречу, и они... они... Впрочем, это уже неважно, главное было - решиться на поездку и доехать, отыскать в далекой Средней Азии место, где живет и служит Борис. Глядела на карту - и обмирала. Мыслимо ли для нее такое - лететь к черту на кулички. Лучше еще десяток мин обезвредить, перелопатить гору земли, но там Борис, который столько времени молчит...

Вышел бы он сейчас. Полтора года она думала о встрече и каждый раз представляла, как выходит Борис. Другого не смогла придумать. А может, и не хотела. Вышел бы...

Вместо Бориса появился солдат с красной повязкой дежурного. Он оглядел ее, чемоданчик и, поняв, что это к ним в часть, спросил:

- Вы к кому?

- Мне... здравствуйте. Мне Ледогорова.

- Из какого взвода?

Взвода? Откуда она знает. Хотя нет, как же она забыла, он ведь командир саперного взвода.

- Из саперного, - радостно сообщила она.

- Саперного? У нас таких взводов нет.

Как нет? Может, она просто не туда попала, может, здесь есть и другая часть?

Торопливо, боясь, что дежурный уйдет, достала кошелек, отыскала среди денег листок с адресом. Солдат взял бумажку,

прочел, свел брови, что-то соображая.

- Часть наша, но Ледогорова у нас нет, это точно.

- Ну как же нет! А где он?

- Подождите, вон Оксана Сергеевна идет, она у нас всех знает. Оксана Сергеевна, - поднял дежурный бумажку навстречу идущей по тротуару девушке в красном сарафане. - Оксана Сергеевна, помогите. Вот, адрес наш, а солдата с такой фамилией вроде и не слышал - Ледогоров.

Сарафан, только что стремительно приближавшийся к КПП, замер, девушка остановилась, впилась своими огромными глазищами в Лену, и та поняла: эта Оксана Сергеевна знает Бориса. Но почему так резко остановилась? Почему молчит? Почему так смотрит? Оценивает? Сравнивает? С кем? Уж не с собой ли, такой ногастой и лупастой? А вдруг и правда?

- А вы?.. - наконец проговорила Оксана. - Вы кто ему... Борису?

Какое ее дело? В гости приехала. Родственница.

- В гости... - ответила тем не менее почему-то сдавленно.

Оксана опять придирчиво осмотрела ее, чемодан и сумочку. А Лена рассматривала ее. Какое это, наверное, счастье, удача для девушки, когда у нее есть на лице какая-нибудь родинка, небольшой шрамик или что-то такое, чего нет у других, - это привораживает, притягивает. А когда к тому же есть такие глаза и такие ноги, как у Оксаны, то не нужно даже и родинок... И все это, конечно, видел и не мог не оценить Борис...

- Ледогоров здесь уже не служит, - дошел до Лены голос. И тут же сам сарафан тоже приблизился, и Лена разглядела, что глаза у Оксаны хоть и огромные, но какие-то холодные, зеленые. Такие глаза разве смогут разглядеть Бориса? Сам-то хоть он их рассмотрел?

- Он здесь уже давно не служит, - вновь повторила для нее Оксана.

- А где... он служит?

Спрашивать не хотелось, вернее, не хотелось спрашивать именно у Оксаны, но солнце уже садилось, солдат ничего не знает, и эта красивая и холодная девушка - последняя ниточка, которая может привести ее к Борису. Сказка про злую волшебницу...

Оксана почему-то оглянулась, посмотрела на темно-синие, похожие на грозовые облака горы на горизонте.

- Он далеко.

- Где?

- Там, - после некоторой паузы кивнула Оксана на горы-тучи.

А что там?

- А как... доехать до него?

Неприятно, ужас как неприятно вымаливать у этого красного, а теперь уже позеленевшего от глаз сарафана какие-то новости для себя. Но что поделаешь...

- Понимаете, к нему нельзя доехать. - Оксана, оказывается, все это время тоже смотрела на горы. - Вася, - вдруг обратилась она к стоящему рядом дежурному, - иди неси службу. - Убедившись, что дверь за ним закрылась, перевела взгляд на Лену. - Он... он за границей. Это все, что я могу вам сказать. Так что не ищите его, а езжайте домой.

За теми горами - граница? И Боря там? А какая страна? Какие у нас по карте внизу страны? Господи, вся география вылетела из головы. Китай, Монголия, Индия, Турция... Что-то еще мелкое...

- А... адрес? У вас есть его адрес?

Господи, лишь бы не было. Пусть она не узнает, где Борис, но лишь бы он никому не писал...

- Дело в том, что адрес у него наш, советский, - медленно, останавливаясь после каждого слова, словно все еще раздумывая, говорить или нет, тем не менее сказала Оксана. - Письма уже потом переправляют к ним туда. Вы меня понимаете?

"Значит, они все-таки переписываются, - думала Лена свое. - Мне - ни строчки, а этой лупастой-ногастой..."

- А что же вы здесь, если он - там? - закончила свое унижение презрительным вопросом Лена. У Оксаны от удивления раскрылся рот оказывается, он и в самом деле открывается от удивления, это не только так в книгах пишут, - веки виновато, безответно заморгали, и Лена, подумав: "Вот так и ходи", - взяла чемоданчик и пошла от КПП.

Необходимое послесловие. На следующее утро в отделение милиции ташкентского аэропорта милиционер привел девушку.

- Заграницей интересуется, товарищ капитан, - тихо доложил он дежурному. - Афганистаном. Твердит, что какой-то старший лейтенант у нее там служит.

- В Афганистане?

- Так точно.

- А она... не того? - Капитан хотел повертеть у виска, но, увидев, что задержанная наблюдает за ним издали, лишь поправил фуражку. Но милиционер понял.

- Вроде нет. Вот документы.

Документы оказались в порядке, рассказ Желтиковой Елены Викторовны вроде правдоподобный, кроме, конечно, нелепости про службу старшего лейтенанта в Афганистане.

- А может, где при посольстве? Или советником? - попытался прояснить капитан у девушки, но для нее эти слова настолько

были далеки и непонятны, что дежурный оставил свои предположения при себе. Куда-то позвонил, перезвонил, сам дождался звонка и порекомендовал в конечном итоге девушке поехать в Министерство геологии Узбекистана: вроде бы там оформляется большая группа для работы в Афганистане.

- Попадете туда - тогда и ищите своего старшего лейтенанта.

25 октября 1979 года. Кабул.

Два раза в год, весной и осенью, в Министерстве обороны СССР подводят итоги боевой учебы. Со всех округов, флотов, групп войск в Москву съезжается командование, где каждый и получает по заслугам.

В эту осень на подведение итогов впервые вызвали и "афганцев" Горелова и Заплатина. Вызвали срочно - указание пришло вечером, а в Москву предписывалось явиться уже на следующий день. То ли Устинов долго раздумывал, то ли сам в последний момент получил команду представить советников, но в итоге Горелов вынужден был в 23 часа докладывать Амину о своем убытии.

Амин, уставившись в одну точку, молча выслушал доклад главного военного советника. Можно было подумать, что он вообще не понял, о чем идет речь, - настолько отвлеченным казался его взгляд. Горелов же, замолчав, посмотрел на часы - скоро полночь, а надо еще собираться, сделать хоть какие-то наброски, если вдруг предложат выступать. А Амин все сидел, смотрел и думал. Наконец поднял свою большую голову:

- Можно попросить вас об одном одолжении?

- Конечно, - удивился Лев Николаевич: Амин - и что-то просит.

- Я попрошу вас передать мое личное письмо Леониду Ильичу Брежневу, медленно, словно еще раздумывая, говорить Горелову это или нет, и вообще, решиться на это самому или не стоит, начал Амин. - Я давно прошу о встрече с ним. Но, видимо, мои письма и просьбы до него по моим каналам не доходят.

- Хорошо, товарищ Амин, я выполню вашу просьбу, - ответил Горелов, хотя не был уверен, правильно ли поступает. Впрочем, это личная просьба Амина он просто доложит о ней послу и Иванову, пусть уже они делают выводы.

- Счастливого полета, - подал руку Амин.

- А... письмо? - спросил Горелов. - Вылет-то рано утром.

- Письмо будет вручено вам позже.

Неприятно попадать в жернова непонятных историй. Рядом что-то крутится, вертится - а куда, зачем? Шестеренки вон тоже вращаются в разные стороны, а тем не менее концентрируют силу ради чего-то одного, размышлял Горелов, возвращаясь от Амина.

А какой вал, какой пласт придет в движение после получения письма? Может, Пузанов сумеет проанализировать это хотя бы в силу своей большей информированности? Хотя Амин как раз и дал понять, что именно дипломатическим каналам он не доверяет. Что же, промолчать, сделать вид, что разговора о письме не было? По-мужски, по-джентльменски, в конечном счете так и надо сделать. Но когда дело касается двух стран, это джентльменство может вылезти еще неизвестно каким боком. К тому же здесь он представляет интересы своей страны, а за нее решать поручено здесь только одному человеку - послу.

- Александр Михайлович? Извините, если разбудил, это Горелов. Час назад я докладывал Амину о своем отъезде, и тот попросил меня передать его личное послание Брежневу.

- Где письмо?

- Пока нет, сказали, отдадут после.

- Доложите Иванову.

Иванов, Иванов... На этой фамилии, видать, не только Россия держится, но уже и Афганистан...

- Где письмо? - повторил посла даже в интонации, немного растерянной, обеспокоенной, представитель КГБ.

- Вручат позже. Когда - не знаю.

Необходимое послесловие. Письмо передаст Экбаль. Дождавшись, когда Горелов и Заплатин поднимутся на трап самолета, он догонит их и подаст конверт Заплатину:

- Василий Петрович, прочтите, кому это, - попросит он.

- "Лично Леониду Ильичу Брежневу от Хафизуллы Амина". Понял, - ответит он, зная от Горелова о просьбе. - А печатей-то сколько наставил.

Экбаль ничего не ответит, сбежит по трапу. За Гореловым и Заплатиным закроется дверь самолета.

По прибытии в Москву Горелов будет вызван на доклад к Огаркову, и Лев Николаевич передаст письмо начальнику Генерального штаба. Амину так и доложит при возвращении:

- Товарищ Амин, я далек от Леонида Ильича, но письмо передал лично начальнику Генерального штаба маршалу Огаркову.

Амин кивнет, хотя и не станет скрывать неудовольствия такой цепочкой.

Начало ноября 1979 года. Москва - Казань - Чита.

Письмо Брежневу состояло всего из двух пунктов. Амин просил встречи с ним в любое время и в любом месте, и вторая настоятельная просьба заменить посла, прислать к нему человека, который не был бы связан ни с даудовским режимом, ни с Тараки, ни с КГБ, ни с МВД,

Первую просьбу Брежнев отмел сразу: ждать искренности от человека, убившего своего учителя, пустившего под расстрел собственную партию в угоду личных амбиций, не приходилось. Просто же смотреть, как он будет выкручиваться, оправдываться, а в конце концов просить все, что только можно, - самолеты, бензин, кровати, подушки, гвозди? Нет уж, пусть знает свое место. Пусть чувствует что прощения за Тараки нет и не будет.

Другое дело - знать каждый шаг Амина. Пока он не доверяет никому из советников, кто работал рядом с Даудом и Тараки. Да и какое может быть доверие и какая может быть информация у того же Пузанова, если Амин на пресс-конферецции на весь мир заявил, что считает советского посла причастным к перестрелке с Тараки во Дворце 14 сентября. Конечно, работы здесь никакой не будет, посла надо менять. А заодно и главного военного советника, в этой области. Амин должен быть по крайней мере хотя бы предсказуем. Так что замена посла и советника сразу поможет убить двух зайцев: и на письмо вроде бы отреагировать, и свое дело сделать.

- Да, нам надо быстрее определиться с Амином, - прочитав послание, произнес и Громыко. - А чтобы люди быстрее вошли в курс дела, видимо, нужно подыскать мусульман, знающих традиции, обычаи, нравы Востока. Это значительно сократит для них время вхождения в обстановку.

МИД - с одной стороны, Генеральный штаб - с другой открыли свои картотеки. Вскоре мидовцами был назван свой кандидат - первый секретарь Татарского обкома партии Табеев Фикрет Ахмеджанович. На дипломатической службе никогда не был, но опыт в этой области немалый: много лет подряд возглавлял все наши дружественные делегации, отправляемые в страны Азии и Африки.

Суслов, ознакомившись с личным делом первого секретаря, позвонил в Казань. И уже на следующий день Табеев получал в неприметной на первый взгляд пристройке рядом со Спасскими воротами пропуск в Кремль.

- Обстановка в Афганистане сложная, Фикрет Ахмеджанович, - покашливая, говорил Суслов. - И именно поэтому, с одной стороны, выбор пал на вас. К тому же вы не просто видный партийный работник, хорошо знающий тот регион, но и человек, до этого никак не связанный с КГБ и МВД.

Увидев удивленный взгляд Табеева, покачал головой: да-да, именно так. Но пояснить не успел: вошла с подносом, накрытым салфеткой, девушка, поставила его на журнальный столик. Суслов пригласил будущего посла в кресло, первым опустил в стакан с чаем кружок лимона.

- Да, Амин просит к себе именно такого посла. Если боитесь... - здесь Табеев усмехнулся, и Суслов поправился: - Если есть какая-то причина не ехать, то будем считать, что разговора этого не было, мы вас поймем.

- Я согласен, Михаил Андреевич.

- Хорошо. После обеда зайдем к Леониду Ильичу.

Брежнев был еще короче:

- Молодец, что согласился. Мы на это и рассчитывали. Андрей Андреевич только что сообщил, что они связались с Амином и он доволен вашей кандидатурой.

У военных тоже особых проблем не возникло. Советником в Монголию как раз собирался ехать генерал-полковник Магометов Солтан Кеккезович, карачаевец, первый заместитель командующего Забайкальским военным округом. И если Табееву Брежнев дал неделю на сборы, то министр обороны Магометову на все про все, как лейтенанту, - два дня. Утром Солтан Кеккезович улетел по вызову в Москву, а в обед к его жене приехал командующий войсками округа генерал-полковник Салманов.

- Александра Ивановна, у меня к вам разговор.

Та, нащупав кресло, села. Никто, наверное, не шел так трудно в Вооруженных Силах к званию генерал-полковника, как ее Солтан. В сорок четвертом, когда Сталин выслал карачаевский народ в казахские степи, Магометова спасло лишь то, что был на фронте. И даже когда пришло на все фронта указание срочно отозвать карачаевцев, комполка отправил своего начальника разведки капитана Магометова в такой глубокий рейд по тылам противника, что тот вернулся в полк только где-то через месяц, когда страсти вокруг отзыва карачаевцев приутихли, а большие чины из особых отделов отъехали подальше от пуль.

После войны в первый же отпуск приехал майор Магометов к себе в Карачаевск. В комендатуре, куда зашел отметить документы, фронтовик-капитан затолкал его к себе в кабинет, продержал до вечера:

- Вот что, майор, я тебя не видел, и ты здесь не был. Иди, и лучше по тропам, и не возвращайся больше сюда. Мне приказано задерживать и отправлять в комендатуру всех возвращающихся карачаевцев.

Через год, в следующий отпуск, поехал в Казахстан. Ходил от селения к селению, от юрты к юрте - искал родственников. Содрогался: как только смог его теплолюбивый, привыкший к горам народ выжить в степных холодах? А входить в спецпоселения можно лишь по особым пропускам, а разговаривать с выселенцами - только в присутствии

оперуполномоченных... Спасло лишь то, что имел полную грудь орденов и нашивок за ранения. Нашел-таки мать и родственников, сумел даже поселить их в одном месте. Зато по службе затор. Дважды подавал документы в бронетанковую академию, но сначала придрались к оформлению документов, на второй год уже более существенная зацепка появилась - нет аттестата за военное училище. Разозлился экстерном сдал экзамены в Ленинграде за военное училище. Приняли - со скрипом, но приняли. Однако злость, видимо, не остыла, потому что за год академии сдал экзамены сразу за три курса.

Короче, было чего испугаться Александре Ивановне. И хотя на дворе стоял конец семьдесят девятого, но этот срочный и непонятный вызов в Москву, приезд самого Салманова...

- Да не беспокойтесь вы, Александра Ивановна, - чувствуя, что испугал жену своего заместителя, но не поняв чем, попросил командующий. - Просто ваш муж получил назначение ехать главным военным советником в Афганистан. Он вернется сегодня вечером, но завтра утром вы должны уже убыть.

- Как... утром? - Александра Ивановна оглядела только что полученную квартиру, расставленную мебель. А книги! Книг-то сколько, на одну их упаковку три вечера надо.

Салманов вздохнул:

- Ничего не поделаешь, Александра Ивановна. Я дам команду, чтобы прислали взвод солдат, они помогут сколотить ящики, все упаковать.

Солтан Кеккезович прилетел в самом деле под вечер. Ночь сдавал должность - сейфы, планы, карты, документы, а в шесть утра устроил прощальный ужин-завтрак.

- Я не могу лететь, у меня температура поднялась от всего этого, подошла к командующему Александра Ивановна. - Пусть Солтан летит, я потом, когда поправлюсь.

- Вы должны лететь вместе, Александра Ивановна. Извините, но я должен посадить вас в самолет.

- Я правда не могу. У меня тридцать девять с половиной температура.

- Александра Ивановна, сейчас. Это решение ЦК.

Так вот отбирались в Афганистан те, на кого потом ляжет вся ответственность за прием и размещение ограниченного контингента. Ходит у военных байка про Сталина на эту тему. Вроде бы подивилась однажды Фурцева, почему это военные денег получают больше, чем инженеры. Сталин попыхтел трубкой, потом велел привести ему с улицы первых попавшихся инженера и офицера.

Приводят инженера.

- Мы решили, дорогой товарищ, послать вас на работу в Сибирь, говорит ему Сталин. - Сколько вам потребуется времени на сборы?

Инженер ни жив ни мертв, но глазами повел, всех осмотрел, сориентировался:

- Два дня на сдачу дел, день-два на сборы и сдачу квартиры. За пять дней управлюсь, товарищ Сталин.

Приводят военного.

- Мы решили, дорогой товарищ капитан, послать вас служить в Сибирь. Сколько вам потребуется времени на сборы? - повторяет свой вопрос Сталин.

- А сколько времени до отлета самолета, товарищ Сталин? - спросил капитан.

- Вот за что, товарищ Фурцева, мы и платим военным деньги.

Было, не было такое - скорее всего, конечно, не было, но смысл улавливаем. И потому сидела, разметавшись от жара в кресле самолета, жена нового главного военного советника, рядом жались притихшие от нового поворота в жизни дети - Лиля и Роман. И один Солтан Кеккезовнч проходил все девять тысяч километров от Читы до Москвы по самолету. Думал, размышлял. Про мусульманство его никто во время бесед в Москве не заострял внимания, а вот сирийским опытом его советнической работы интересовались впрямую. Хотя нет, это Огарков и Устинов расспрашивали его о Сирии, Андропов же, оказавшийся прекрасным знатоком Кавказа, спрашивал о традициях горцев, сыпал именами восточных поэтов и воинов, легко называл даты и события. Об этой встрече у Магометова осталось самое светлое впечатление - он почувствовал, что есть в Политбюро человек, прекрасно знающий Восток. Значит, неразумностей из Москвы ждать не придется. Это отправляясь в Сирию, получил традиционный для всех совет:

- На месте во всем разберетесь.

Разобраться заставила жизнь. Тогда, в конце шестидесятых, министром обороны Сирии был нынешний глава правительства Хафес Асад, к нему и направили Солтана Кеккезовича. Однако Магометов, чуть-чуть войдя в обстановку, занялся не общими, глобальными для сирийской армии вопросами, а... одной-единственной зенитной батареей, находившейся на Голанских высотах.

- Нам нужен хоть небольшой, но успех. Надо воодушевить армию, показать, что она способна бороться с израильтянами, - доказывал Магометов офицерам-сирийцам.

С секундомером, картой и курвиметром прожил на батарее несколько дней. Сделал расчеты - а математик он был

прекрасный, - вычислил, что израильские самолеты тратят на взлет, подлет и бомбежку сирийской территории пятнадцать минут, зенитчики же полностью готовы к стрельбе через двадцать. "Стрельба вслед самолетному гулу", - чертыхался Магометов. Посоветовал в конце концов чуть оттянуться с прежних позиций - выиграл три минуты, лично тренировал расчет по нормативу - еще две. И вскоре первый израильский бомбардировщик получил порцию железа в свое брюхо. Этот день стал праздником для всей страны: все поверили, что бороться с захватчиками можно.

"В Афганистане, конечно, посложнее будет служить, чем в Монголии, но все равно, в любом случае - это не Сирия", - пришел к выводу Солтан Кеккезович.

- Пап, а ведь в Афганистане самые лучшие в мире борзые, - подал голос Роман.

Да, собаки - это его слабость. Что ж, если повезет заиметь чистокровную афганскую борзую - это компенсирует исчезнувший "монгольский" вариант службы.

Документ (перехват зарубежной радиоинформации):

"Голос Америки". Вашингтон.

На русском языке.

18 ноября 1979 года. 23.00.

Судя по сообщениям очевидцев, прибывших в Индию из Афганистана, сотни женщин и детей собрались в Кабуле у здания министерства иностранных дел, где был повешен список погибших в заключении после правительственного переворота в апреле прошлого года. Очевидцы говорят, что собравшиеся начали называть президента Амина убийцей. Была вызвана полиция. Судя по спискам, многие погибшие заключенные были с образованием: учителя, профессора, студенты, правительственные служащие, муллы и купцы.

С другой стороны, судя по сообщениям Кабульского радио, тысячи политических заключенных, задержанных предыдущим правительством, теперь освобождены. Президент Амин возложил вину за гибель политических заключенных после государственного переворота два года назад на своего предшественника Тараки.

Однако осведомленные лица, посещающие Афганистан, говорят, что афганцы настроены скептически и утверждают, что освобождены режимом Амина мелкие воры и преступники, а не политические заключенные. По их словам, аресты в Афганистане продолжаются.

Сообщается, что афганцы так же скептически относятся к сообщениям об обстоятельствах смерти бывшего президента

Тараки, утверждая, что он и его жена были убиты во время стрельбы в Президентском дворце 14 сентября. Кабульское правительство признало, что во Дворце была перестрелка за два дня до отставки президента Тараки, но что среди четырех убитых его не было".

Документ (из секретной переписки американских внешнеполитических ведомств по Афганистану):

"№ 5278.

Класс сообщения - секретно. Не подлежит передаче иностранцам-союзникам.

Страна: Афганистан, СССР.

Тема: Увеличение советского военного присутствия в Кабуле.

Дата информации - сентябрь - октябрь 1979 года.

Источник: афганский госслужащий среднего уровня. Источник новый и непроверенный.

5. Наблюдается значительное увеличение числа молодых советских людей в микрорайоне. 27, 28, 29 и 30 октября между 16.00 и 17.00 большое количество молодых русских собралось на трех спортплощадках блока № 5 микрорайона, где шла игра в волейбол. Было насчитано около 300 советских. (Комментарий источника. До августа 1979 года была только одна волейбольная площадка.) Советские, многие из которых были одеты в афганскую рабочую форму, были в возрасте 21-22 лет. Все они имели очень короткие, "военные", прически. Этих русских очень легко отличить от советников. Советники старше возрастом, обычно одеты в гражданское платье, имеют более длинные волосы, ходят в сопровождении жен и детей... 29 и 30 октября наблюдалось три афганских автобуса советского производства, отвозивших советских детей в школу. Автобусы были полностью заполнены, во всех трех было приблизительно 100 детей. (Комментарий источника. Советы не пытаются скрывать свое растущее присутствие в микрорайоне. Они словно говорят: "Мы здесь, чтобы остаться. Привыкайте к нам".)

7. Место подготовки информации: Афганистан. Кабул. 30 октября 1979 года.

8. Место исполнения: посольство и военный атташе в Кабуле. Направить в Лондон, Исламабад, Дели, Карачи, Тегеран, Джидду".

Глава 22

АФГАНИСТАН СПАСАЕТ МИР. - ЗАСЕДАНИЕ ПОЛИТБЮРО: РЕШЕНИЕ ПРИНЯТО. ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ ПРОТИВ. - "ВЫЗОВИТЕ ЗАПЛАТИНА".

Вместо предисловия.

Зима 1979 года пришла лютая, снежная. Замело и выстудило все враз, не оставив никаких надежд на потепление.

Так же резко, даже не по месяцам, а уже по неделям, менялся климат и в международных делах. Пик разрядки - 1975 год с его встречей в Хельсинки и подписанием Соглашения по безопасности и сотрудничеству в Европе - остался далеко позади, и теперь не то что взойти на него вновь, просто помыслить о новом восхождении к столу переговоров никто не пытался: все равно бесполезно при всеобщей подозрительности и недоверии друг к другу. Соединенные Штаты практически начали установку своих крылатых ракет в Западной Европе и теперь могли поразить любой город Советского Союза в европейской части за 5-7 минут. Подписанный летом между Брежневым и Картером Договор по ОСВ-2 на глазах превращался в фиговый листок: конгресс США не собирался его ратифицировать. Передышка, на которою в определенной мере рассчитывали обе стороны, получилась короткой, в полглотка. И Политбюро набросилось на Устинова: почему мы ничего не можем противопоставить крылатым ракетам? где наша армия и чем занимается военная промышленность?

Промышленность занималась СС-20 - новой межконтинентальной ракетой, а пока Министерство обороны в срочном порядке отмобилизовывало Западную группировку войск. Делать это приходилось с потерями: на переговорах в Вене политикам нужен был удар козырной картой, и Брежнев пообещал, что к концу года из ГДР выведет первые полторы тысячи военнослужащих с оружием и боевой техникой. Ответных уступок от НАТО не последовало, но слово приходилось сдерживать - эшелоны стали под погрузку. Ничего не ответил Запад и на предложение министров иностранных дел социалистических государств не предпринимать никаких действий, направленных на изменение обстановки в мире.

Не давали спокойно спать и восточные проблемы. Китай с его 200-миллионным населением вдоль советско-китайской границы глыбой нависал над 2 миллионами дальневосточников и сибиряков, проживающих на нашей стороне в зоне первого броска. Время проведения командно-штабных учений в Генеральном штабе сузилось до одного дня: что будет после нанесения противником ядерных ударов, никто не мог предположить... Ясно было только одно: европейская часть СССР лежит в развалинах, Сибирь отходит к Китаю.

Как снег на голову свалились Ангола с Эфиопией - окруженные врагами, вымолили военных советников и оружие. Но не успела эта помощь прибыть в страны, как неторопливая, привыкшая повелевать, а оттого резкая в поступках и движениях, "обидевшаяся" Америка тут же ограничила торговлю с Советским

Союзом. К противостоянию военному добавилось и экономическое.

Каждому здравомыслящему политику становилось ясно, что разрядка закончилась, что впереди - неизбежный новый конфликт. Ждали только, какой, кто начнет его первым и кого потянет за собой? Но поскольку навстречу друг другу неслись сверхдержавы, остальному миру могло хватить и осколков от их столкновения. Мир могла спасти только случайность, неожиданный зигзаг истории, который бы отвел противников в разные стороны.

Таким зигзагом, спасшим мир, стал Афганистан, принятие решения на ввод советских войск. Советский Союз "нырнул" вниз, на юг, и Америка "пролетела" мимо. Не чувствуя соприкосновения с противником, порыскав по задворкам, остыла и занялась более спокойной и долговременной программой - СОИ, стратегической оборонной инициативой. По инерции еще выпустит спортивные и экономические стрелы, бойкотируя Олимпиаду-80 в Москве и наложив новые эмбарго на торговлю. Однако это будут детские шалости по сравнению с тем, что противостояло между СССР и США вначале.

Так что кровь советских солдат на афганских склонах - это тоже плата за мир в Европе в начале восьмидесятых...

8 декабря 1979 года. Москва. Кремль.

Устинов вошел в кабинет Брежнева, когда там уже находились Андропов, Громыко и Суслов. Всех их он уже сегодня видел, но кивнул - то ли еще раз здороваясь, то ли принося извинения за ожидание.

- Ну что, товарищи, - оглядел собравшихся Брежнев. - Для кого суббота - день отдыха, а нам надо немного поработать. Тем более что Дмитрий Федорович и Андрей Андреевич отсутствовали у нас целую неделю32, а на следующей открывается, как вы знаете, сессия Верховного Совета РСФСР, так что там опять не до заседаний. А вопрос назревает сложный, я бы даже сказал, что он уже назрел, - это Афганистан. Последние шифровки, и особенно по линии КГБ, показывают, что Амин занимает все более проамериканскую позицию. И не сегодня, так завтра Афганистан мы можем потерять.

Брежнев остановился, перевел дыхание, помассировал подбородок. Долго говорить для него было уже утомительно, но сидевшие в кабинете терпеливо пережидали передышку Генерального секретаря. Собирались и сами с мыслями. Если в МИД после убийства Тараки круг лиц, занимавшихся Афганистаном, сократился практически до одного Громыко, то в КГБ и Министерстве обороны он стремительно разрастался.

Поэтому основными докладчиками Могли быть Андропов и Устинов.

- Будем считать, что кворум для заседания Политбюро у нас есть. Сегодня мы пригласили и Михаила Андреевича, потому что вопрос, который надо рассмотреть, находится и под его контролем. О просьбах афганских товарищей вы все хорошо знаете, поэтому сегодня давайте просто проанализируем, что мы теряем, если и дальше не будем обращать на эти просьбы внимания. У кого из нас более точная информация по Афганистану? - Брежнев посмотрел на Андропова и Устинова. - Давай, Юрий Владимирович, начинай.

- Обстановка в самом деле очень обострилась, Леонид Ильич, председатель КГБ раскрыл папку с документами, но доставать их не стал, прекрасно зная ситуацию. - И определиться с Афганистаном уже требуют не только время, но и обстоятельства. И первое, с чего хотелось бы начать, это то, что сам Афганистан находится на грани раскола, потери своей государственности. После неудачи в Герате контрреволюция практически вывела из-под контроля Кабула северные провинции страны, то есть те районы, которые лежат вдоль нашей границы. По последним сведениям, оппозицией вынашиваются планы или создания нового исламского государства определенной ориентации, или отход этой территории к Пакистану.

- Дмитрий Федорович, ваши разведчики знают об этом? - перебил Брежнев.

- Да, Леонид Ильич. ГРУ подтверждает эти сведения. Добавлю лишь, что попытки создать гератскую автономию тоже еще не закончились.

- Поэтому, - продолжил Андропов, - если мы не укрепим власть в Кабуле, мы просто получим на своей южной границе новое враждебное нам государство, - подытожил председатель КГБ.

Брежнев потер, потом расправил брови:

- Но, поддерживая кабульскую власть, мы тем самым будем поддерживать Амина - человека, который развязал террор против собственной партии, который убил Тараки. Андрей Андреевич, что у тебя по Амину?

- Здесь мы, Леонид Ильич, поставлены, конечно, перед дилеммой, неторопливо и издалека начал министр иностранных дел. - Если мы перестанем помогать Амину, он тут же повернет свой взор к американцам, в этом сомневаться не приходится. Более того, по дипломатическим каналам стало известно, что Амин не ждет этой ситуации, а сам начинает искать пути сближения с Западом и США. Об этом говорит факт

договоренности между Амином и Зия уль Хаком, что в конце декабря, а точнее 22 декабря, в Кабул прибудет личный представитель пакистанского лидера Ага Шах для неофициальных переговоров. Именно этим каналом воспользуется при случае Амин, когда надо будет пригласить Запад или Штаты. С другой стороны, если мы будем продолжать и если по просьбе Амина усилим нашу помощь Кабулу, Амин нашими же руками продолжит в стране террор и репрессии.

- Я слышал, что он уже прикрывается нами. - Брежнев повернулся к Суслову, а тот утвердительно кивнул.

- Да, это так, Леонид Ильич, - согласился Громыко. - Все промахи и неудачи Амин практически списывает на нас: мол, так нам посоветовала Москва. Но, к сожалению, для этого мы давали и поводы. Наши партийные и другие советники присутствуют практически на каждом заседании Политбюро, Ревсовета, Совета обороны Афганистана. И когда принимаются непопулярные или неприемлемые для партийной этики решения, Амин обязательно подчеркивает, что у них на заседании присутствуют советские товарищи. Об этом же пишется и в газетах.

- Так запретите советникам протирать штаны в кабинетах, - потребовал Брежнев.

- Посол Табеев уже наводит в этом вопросе порядок, - поспешил прояснить Громыко. - Однако Амин в интервью, беседах не устает повторять, что их дело - совершить революцию - сделано, теперь дело Советского Союза помочь одержать окончательную победу. Что СССР несет равную долю ответственности за события в стране.

- Хитер, ничего не скажешь. - Брежнев задумчиво повертел в пальцах карандаш, которым он делал пометки на лежащем перед ним листочке. Все обратили на него взоры, но Генеральный секретарь больше ничего не сказал, и присутствовавшие посмотрели друг на друга: кто продолжит?

- Если говорить дальше об Афганистане и нашей государственной безопасности, то мы берем здесь во внимание и вопрос создания "новой Великой Османской империи".

- Да-да, ты обещал поподробнее рассказать об этом, - оживился Брежнев.

- Движение за создание "новой Великой Османской империи" началось года два назад в Анкаре. Оно подразумевает собой создание нового фашиствующего блока, в который помимо Турции, Ирана, Афганистана входили бы и наши среднеазиатские и закавказские республики, а это где-то 70 миллионов человек. Задачи - провозглашение тюркоязычных народов и ислама главенствующими в мире, а отсюда - фактический увод наших

южных республик из состава СССР, разжигание межнациональной розни. Многое в этой организации стало понятным, когда отыскался организатор этой кампании некто Пол Хенци, по нашим данным - резидент ЦРУ в Анкаре. Значит, это не детские шалости, а долговременная и хорошо спланированная операция по дестабилизации обстановки в этом регионе и фактически на территории СССР. Если революция в Афганистане будет побеждена, мы получим, и очень скоро, мусульманскую проблему.

- Ты не веришь в наши среднеазиатские и закавказские республики? удивился Брежнев.

- Я знаю, что такое Восток, религия и национализм, - осторожно возразил Андропов и тут же, правда, поспешил замять свой выпад. - Сразу, конечно, это ничего не даст, но потом, со временем...

- Что еще? - понял его Брежнев.

- Еще? Еще органы госбезопасности волнует проблема наркотиков. По границе Пакистана, Афганистана и Ирана, - Андропов оглянулся на карту, вгляделся в нее, словно проверяя названия государств, - по их границе проходит так называемый "золотой пояс" - основное место добычи наркотиков. Они уже хлынули в Афганистан, отмечены первые случаи переправки его и на территорию среднеазиатских республик.

- Здесь можно добавить, - вклинился Устинов, - что каналы, которые действуют для переправки наркотиков в Афганистан, стали использоваться душманами и для переправки оружия. Американцы об этом прекрасно осведомлены и тем не менее, несмотря на призывы бороться с наркомафией, здесь молчат и всячески поддерживают такой способ переправки оружия. Можно сказать, что мы видим слияние наркобизнеса и контрреволюции. Нас это вроде бы не касается, - поспешил добавить министр обороны, - но среди воинствующих мусульман все чаще и чаще раздается призыв перенести священную войну за святое дело ислама на территорию Советского Союза.

- Вы думаете, наши границы недостаточно надежно защищены? - поднял брови Брежнев.

Пограничные войска относились к ведению КГБ. Устинов посмотрел на Андропова, но тот не отреагировал на вопрос Генерального секретаря. Значит, Брежнев имел в виду более широкое понятие. И Устинов продолжил:

- Сама граница, конечно, защищена, но присутствующие знают, что у нас на юге отсутствует система противовоздушной обороны. Если Афганистан уйдет на Запад и американцы, как говорится, не дай Бог, поставят там свои "Першинги", у них под прицелом будет не только наша европейская часть, но еще и весь

юг. Какие условия они будут диктовать нам после этого, можно только предположить.

- И еще Байконур... - подсказал Андропов, и Устинов тут же подхватил, показывая, что его ведомство и КГБ работают в тесном контакте:

- Да, под контролем и прицелом окажется и Байконур. По некоторым, пока, правда, разрозненным фактам, но тем не менее выстраивается версия, что Соединенные Штаты намерены свои военные программы полностью перенацелить на космос. Видимо, военный космос заставит нас повернуться лицом к еще одной проблеме - противостоянию в этой области. И изначально отставать, отставать, как говорится, на старте, чувствовать себя под колпаком - это, конечно, не выход. Один Северный33 космодром нас здесь не спасет.

- Какие у нас здесь проблемы?

- Нужны будут деньги, Леонид Ильич.

- Сколько можно? Космос для нас становится бездонной бочкой.

- Леонид Ильич, космос - это в первую очередь даже не оружие, а новые технологии, специалисты высочайшего класса...

- Ты еще уговаривать меня будешь. - Брежнев непроизвольно скосил глаза на пиджак, где первой среди всех звезд Героя висела как раз Звезда за космос.

Устинов несколько смутился:

- Нет-нет, это я просто к слову. Просто начальник космических войск на днях сказал, что если мы не поднимем хотя бы вдвое ассигнования на его хозяйство, то лот через пять отстанем от американцев настолько, что перестанем понимать, что там у них летает, - Дмитрий Федорович посмотрел вверх, - а главное - как летает.

- Ладно, это отдельный разговор. Что еще? - устало спросил Брежнев. До сегодняшнего заседания Афганистан, конечно, представлял определенную заботу, но сейчас, когда проблемы, связанные с ним, выстраивались в один ряд, связывались воедино, становилось не очень уютно. - У вас еще что-то есть? - переспросил Леонид Ильич министра обороны.

- Есть, Леонид Ильич. Данные о том, что некоторые страны того региона обратили внимание на урановую руду в Афганистане, подтверждаются. При определенном раскладе сил и Пакистан, и Ирак, и Израиль, и даже Иран способны будут в кратчайший срок с помощью афганских месторождений, если их не взять под жесткий контроль, создать свое ядерное оружие. Выкладки по каждой стране и каждому типу оружия, перспективам их развития имеются. Устинов приподнял свою

рабочую папку. - Но реальность такова, что все эти страны уже сейчас являются околоядерными государствами. С одной стороны, им выгодно быть именно в таком качестве, так как в этом случае они не попадают под всякие договоры, международный контроль, но с другой - не будем забывать тезис тех же пакистанцев, которые согласились есть траву, но только чтобы у них было свое ядерное оружие...

- То есть оппозиция в Афганистане готова торговать урановой рудой? попытался уточнить Брежнев.

- Готова. Кроме того, она согласилась отдать американцам разработку всех полезных ископаемых в стране, если США помогут ей свергнуть кабульский режим.

- Спасибо за информацию, Дмитрий Федорович, - поблагодарил Брежнев. Теперь ясно, чего американцы туда лезут.

Министр обороны развел руками: сказал то, что знаю, а происходящее за Гиндукушем, к сожалению, зависит не от меня.

- Андрей Андреевич, - вновь обратился Генеральный секретарь к Громыко. - А как, по вашим прогнозам, отреагирует мир, если мы в какой-то степени удовлетворим просьбу афганцев насчет ввода некоторого количества войск?

Министр иностранных дел пожал плечами:

- Ясно как, Леонид Ильич. Для пропаганды против нас это будет не то что лакомый кусок, а королевский подарок.

- Тут, товарищи, нам надо посмотреть, что важнее: или потерять Афганистан и вместе с этим приобрести еще десятки проблем, или бояться, что про нас скажут всякие радиоголоса. Надо будет просто предупредить заранее некоторых наших послов, Трояновского в ООН.

- Позвольте мне, Леонид Ильич, - впервые за все время заседания подал голос Суслов. - Тут, на мой взгляд, мы не должны упустить еще один аспект. Идеологический. Если мы сейчас не поможем Афганистану - это значит, мы не поможем завтрашней социалистической стране. Афганистан, подобно Монголии, может показать и доказать миру, что переход от феодализма к социализму - не случайность, а закономерность в развитии мировой цивилизации. При соответствующей, конечно, поддержке. Оставлять Афганистан один на один с трудностями - это, по-моему, не по-коммунистически, не по-партийному. Единственное, что нас может здесь сдерживать, - это то, что во главе афганского правительства стоит человек, запятнавший себя кровью своих же товарищей по партии. Вот если бы создать условия, при которых он уйдет с политической арены, уступит свое место другому, не запятнавшему себя ошибками первых этапов революции человеку...

- Ты имеешь в виду Бабрака Кармаля? - напрямую спросил Брежнев.

- Да, его. Это в самом деле человек, не запятнавший никоим образом свое имя во всех этих передрягах. И за ним должен пойти народ. Товарищ Бабрак Кармаль уже встретился здесь, в Москве, с Ватанджаром, Гулябзоем и Саравари. Несмотря на то что они состоят в разных фракциях, их объединил общий враг - Амин. И против него они готовы действовать сообща. Если бы наши части вошли в Афганистан, эти товарищи могли бы прибыть вместе с ними, а там, исходя из обстановки... - Суслов не стал договаривать: и так было всем все ясно.

- Лучше, если бы сначала они пришли к власти, а уж потом мы вошли, задумчиво проговорил Андропов. - Мы должны учитывать опыт Венгрии и Чехословакии.

- Но насколько это реально, что они смогут прийти к власти без нашей помощи? - спросил Брежнев и, не дожидаясь ответа, посмотрел на Устинова: Дмитрий Федорович, армия поддержит Бабрака Кармаля? Что говорят ваши советники?

- Вряд ли, Леонид Ильич. В армии очень сильно влияние Амина. Во-вторых, практически все офицеры - халькисты, а Бабрак - парчамовец...

- Кстати, а как правильно: парчамовцы или парчамисты? поинтересовался Брежнев.

Все посмотрели на Суслова: давай, теоретик, объясняй, это из твоей области.

Тот значительно кашлянул:

- Наверное, есть смысл называть Ид все-таки парчамовцами и хальковцамй. Дело в том, Что окончание "ист" предполагает идеологию марксист, коммунист, фашист...

- Ну ты и поставил рядом, - подал голос Брежнев.

- Это я для примера, Леонид Ильич, - виновато улыбнулся Суслов. - А "Хальк" и "Парчам" - это обыкновенные фракции в одной партии, поэтому правильнее будет, если они будут именоваться хальковцами и парчамовцами.

- Ну что ж, разумно, - согласился Генеральный секретарь. - Утверждаем отныне и навсегда. А армия, значит, Бабрака не поддержит?..

- Вряд ли, - повторил министр обороны. - Единственное, что может внести коррективы, - это если он назначит министром обороны Ватанджара или Гулябзоя.

- Михаил Андреевич, - вернулся Брежнев к Суслову. - Как там они договорились между собой? Как поделили портфели?

- Ключевые посты займут именно Ватанджар, Гулябзой и Саравари, Ну и, конечно, ближайшее окружение Бабрака - Нур,

Анахита, Наджиб, Вакиль.

- Тогда может еще что-то получиться, - неуверенно произнес Устинов.

- Юрий Владимирович, а возможна такая ситуация, что Бабрак Кармаль придет к власти без нашего участия? Имеется в виду, что без ввода войск? уточнил Брежнев.

- Вполне, - тут же отозвался председатель КГБ. - У Амина больше врагов, чем друзей. А те, кто считается вроде бы другом, смертельно боятся его и рады бы избавиться от него при первом удобном случае. Если проводить аналогии, то Амин - это афганский Сталин. А у таких людей, как мы знаем, искренних друзей не бывает. Поэтому я не исключаю, совсем не исключаю такого поворота событий, что Амин будет убран.

- Вы нашли доказательства, что, он был завербован ЦРУ?

- Пока нет, Леонид Ильич.

- А с послом, что с Дабсом этим?

- Вот посол - как раз самое тонкое звено. Мы предполагаем, что Дабс получил указание встретиться с Амином и напомнить ему о каких-то обязательствах из его прошлого, Поэтому Амину очень выгодна была смерть посла... Анализируем, ищем Леонид Ильич...

- Кто-то еще хочет сказать? - поглядев на часы, спросил Брежнев. Присутствующие тоже посмотрели время, промолчали: сидят и в самом деле уже долго, пора подводить черту.

- Я вижу, что картина вырисовывается не слишком радужная, - начал подводить итог разговора Брежнев. Посмотрел в свои пометки на листочке, перечислил: - Вот посмотрите: раскол Афганистана, ислам, наркотики, космос, ПВО, вторая Монголия - словом, что-то нам с южным соседом надо делать, определяться по отношению к нему. Здесь страусиная политика нас не выручит. Наверное, разумно было бы пойти по двум путям: первый - это пусть наш КГБ держит под контролем самого Амина, и в случае чего товарищ Суслов быстро представит Бабрака Кармаля. Так, Михаил Андреевич?

- Так, Леонид Ильич.

- Действуйте в тесном контакте с Юрием Владимировичем.

- Конечно.

- И второй, нежелательный, но может случиться, что и необходимый вариант, - это то, что все-таки какое-то количество войск мы вынуждены будем послать на территорию Афганистана. Дмитрий Федорович, у вас должен быть полностью проработан этот вариант. Что вздыхаешь?

- Где войска-то взять, Леонид Ильич? Я же не могу ни одного взвода снять ни с западного направления, ни с востока.

- Ну в центре поищите, на юге.

- Центр и юг давно у нас кадрированы.

- Да перестань прибедняться, Дмитрий Федорович, - вмешался Андропов. Найдем мы эти 70-80 тысяч. Резервистов призовем. А если еще из Средней Азии, то вообще многие проблемы снимем. Мы ведь не воевать туда идем, а станем гарнизонами, стабилизируем обстановку - и назад. Здесь немного другая проблема. Разрешите, Леонид Ильич? Давайте не будем закрывать глаза на то, что наши советники в Афганистане тоже разделились на халькистов... извините, на хальковцев и парчамовцев, на таракистов и аминовцев. Это очень вредит делу. Я бы очень хотел и просил, чтобы на ближайшее время из Афганистана под каким-нибудь предлогом выехал, например, генерал Заплатин. Он опытный и толковый политработник, но всецело поддерживает Амина. А это случайно может повредить событиям, которые вполне возможны в ближайшее время. Пусть это время он пересидит в Москве.

- Дмитрий Федорович, реши этот вопрос сам, - поддержал председателя КГБ Брежнев.

- Хорошо, Леонид Ильич.

- Ну, тогда все. Будем считать, что предварительный разговор состоялся. Давайте уделим Афганистану самое пристальное внимание.

10 декабря 1979 года. Москва. Генеральный штаб.

Совещание по поводу приезда министра обороны Алжира уже закончилось, когда Устинов попросил Огаркова задержаться. Начальник Генерального штаба, уже вставший из-за стола, посмотрел на часы, вновь сел. Времени до начала приема в алжирском посольстве оставалось совсем мало, но Дмитрий Федорович занялся бумагами на своем столе, хотя было видно, что он просто дожидается, когда освободится кабинет.

Не дождался, сел в кресло, посмотрел на Огаркова. Когда-то он сам убеждал Брежнева, что ему нужен именно такой начальник Генштаба грамотный, волевой, решительный. "Тебе работать", - согласился Леонид Ильич, хотя на эту должность планировался маршал Соколов. Собственно, планировался он на нее в 1967 году, когда Генштабом руководил неизлечимо больной маршал Захаров Матвей Васильевич. Однако тогда Брежнев так и не смог сказать Матвею Васильевичу, чтобы он освободил место, - Леонид Ильич вообще никого не снимал, и Захаров протянул еще четыре года. По армейским меркам, Соколова уже передержали в ожидании должности, но не был он назначен на нее и в 1971 году: подошла очередь определять куда-то главкома Группы советских войск в Германии маршала Куликова. Теперь вот, после

Куликова, Соколову не повезло в третий раз: Устинов выбрал Огаркова.

Работать начали дружно. Но в последнее время Дмитрий Федорович все больше и больше чувствовал, как отделяется от него начальник Генштаба.

- Генеральной штаб должен сам разрабатывать военную политику и предлагать ее для проведения правительству, - на одном из совещаний сказал Огарков, и министру обороны стало ясно, что настораживало в его бывшем любимце: тот жаждая самостоятельности. Он не желал быть просто исполнителем, более того, он не стеснялся подчеркивать, что чистая исполнительность - враг Генерального штаба. Генштаб, по Огаркову, должен сам формировать политику в военной области и добиваться проведения ее в жизнь.

Однако при таком раскладе получалось, что тогда не нужен министр обороны. ГШ при министре или министр при нем?

Наконец дверь затворилась, и Устинов отодвинул бумаги.

- Николай Васильевич, Политбюро приняло предварительное решение на временный ввод наших войск в Афганистан.

Огарков, хотя и сидел всегда прямо, выпрямился еще больше.

- Как ввод? А почему Генеральный штаб не знает ничего об этом?

Устинов снял очки: чтобы сдержаться, он всегда снимал их, давая себе паузу:

- Знаю я, министр обороны, член Политбюро.

Повертел очки, посмотрел на свет стекла, но протирать не стал, надел их вновь.

- Готовьте ориентировочно 75-80 тысяч человек.

- 75 тысяч обстановки не стабилизируют. Для Афганистана с его рельефом - это ничто. - Огарков встал. - Я против ввода войск. Это безрассудство.

- А вы что, будете учить Политбюро? - резко встал из-за стола и Устинов. - Вам надлежит только выполнять приказания.

- Как солдат, я сам могу стать в строй. Но как начальник Генерального штаба...

- Вот и выполняйте приказ как начальник Генерального штаба, - перебил Устинов. - Вы свободны.

Необходимое послесловие. Во второй половине дня Николая Васильевича Огаркова, присутствовавшего на приеме в алжирском посольстве, срочно вызовут к Брежневу. Поняв, какой вопрос будет обсуждаться у Генерального секретаря, маршал заедет вначале в Генштаб, возьмет с собой некоторые документы.

- Ну и почему вы, Николай Васильевич, против того, чтобы помочь афганским товарищам? - спросил Брежнев. Сидевшие в

его кабинете Андропов и Громыко посмотрят на него с любопытством, Устинов отвернется.

Начальник Генштаба пройдет к столу, молча расстелет карту Афганистана, уже испещренную знаками.

- О, да у вас уже весь ввод отработан, - то ли удивится, то ли похвалит Генсек.

- Я начальник Генштаба и обязан был это просчитать после первой же просьбы афганской стороны. Разрешите начинать?

Брежнев кивнет, и маршал Огарков станет объяснять маршалам Брежневу и Устинову, генералу армии Андропову и дипломату Громыко, почему надо искать политический выход в афганской проблеме, а не уповать на силу. Он предостерегал от возможного втягивания в военные действия, говорил о национальных традициях народов Афганистана, во все времена не терпевших на своей земле иноземцев, об исключительно тяжелом климате и местности, обращал внимание на возможные политические последствия ввода войск.

После его доклада Устинов, сам до этого никак не настаивавший на вводе войск, в пику начальнику Генштаба попытался опровергнуть доводы своего подчиненного: временный ограниченный контингент (министр обороны по гражданской привычке иногда называл войска контингентом, от него и пошло название ОКСВ. Правда, вначале еще было и слово "временный", но его опустили, чтобы не утяжелять аббревиатуру) - так вот, советские войска войдут в Афганистан не воевать. Они станут гарнизонами вдоль дорог, в городах, займут коммуникации, и уже одно их присутствие в стране заставит оппозицию понять, что их попытки повернуть ход событий в Афганистане вспять обречены на провал.

- Я хочу показать еще одну, последнюю просьбу Амина. Вот, пожалуйста. - Устинов положил на стол шифрограмму.

"Х. Амин пригласил главного военного советника и заявил, что в условиях, когда мятежникам в Бадахшане оказывается активная помощь со стороны Китая и Пакистана, у них нет возможности снять войска с других районов боевых действий, он просил бы Советское правительство направить в эту провинцию на короткое время один усиленный полк для оказания помощи в нормализации обстановки.

В заключение беседы тов. Амин попросил довести его просьбу до министра обороны СССР и сказал, что он готов лично обратиться по этому вопросу и Л. И. Брежневу. Магометов".

- Все правильно, они просят нас воевать, - ухватит смысл просьбы Огарков.

- Давайте тогда сделаем так, - попытается примирить военных

Брежнев. Разговор о немедленной военной помощи вести не будем, но войска на всякий случай пусть будут готовы. Распустить потом всегда легче.

Такое разрешение конфликта между министром обороны и начальником Генерального штаба позволит Устинову в этот же день, 10 декабря, собрать коллегию Министерства обороны и отдать устные предварительные распоряжения о возможном формировании новой общевойсковой армии. В тот день об этом еще говорилось обтекаемо, с оговорками на предварительность, возможность отмены приказаний.

Однако через два дня, 12 декабря, Андропову, присутствовавшему в составе Политбюро на заседании сессии Верховного Совета РСФСР, доложат о двух донесениях, пришедших из Кабула. Первое: в Генеральном штабе пакистанской армии имеется план захвата Кабула в двухдневный срок силами мощной пакистанской регулярной армии. Время "Ч" пока не назначено. И второе - в течение ближайшей недели силами, противостоящими Амину, планируется устранение его от власти. Председатель КГБ тут же доложит об этом Брежневу, добавив от себя, что ситуация в Афганистане уходит из-под контроля. Решение но нему надо принимать немедленно.

После заседания сессии, поужинав, в 9 часов вечера Генеральный секретарь ЦК КПСС, он же Председатель Президиума Верховного Совета СССР, он же Председатель Совета Обороны, Леонид Ильич Брежнев, председатель Комитета государственной безопасности Юрий Владимирович Андропов, министр иностранных дел СССР Андрей Андреевич Громыко и министр обороны СССР Дмитрий Федорович Устинов - лица, юридически ответственные за принятие любого решения на государственном уровни, вновь соберутся обсудить возникшую ситуацию. Снова "проговорят" те моменты, что уже обсуждали 8 декабря.

Незримо присутствовал Суслов с его идеологическим раскладом проблем: по крайней мере Брежнев несколько раз ссылался на его мнение. Но на этот раз был более настойчив Андропов:

- Если я отвечаю за государственную безопасность страны, то обязан предупредить, что ситуация в Афганистане начала развиваться вне нашего контроля. Лучше самим проложить русло для развития афганской истории.

Так, собственно, Андропов вкупе с предостережениями Суслова сказал "а" вводу войск.

- Как началась подготовка контингента? - поинтересовался Брежнев у Устинова.

- Устные предварительные распоряжения отдал. Если будет решение войска подготовятся в кратчайший срок.

Устинов своей исполнительностью сказал "б".

Ничего не возразив, Громыко сказал "в".

Точку поставил Брежнев:

- Ну что ж, Дмитрий Федорович, считай, что ты получил решение Политбюро. Действуй более решительно.

На следующий день, 13 декабря, в Генеральном штабе будет создана оперативная группа по развертыванию 40-й армии. Под руководством генерал-полковника Ахромеева группа вылетит в Ташкент и Термез. Вскоре ее возглавит заместитель министра обороны маршал Сергей Леонидович Соколов.

13 декабря командующий войсками Туркестанского военного округа генерал-полковник Юрий Павлович Максимов вызовет своего первого заместителя генерал-лейтенанта Юрия Владимировича Тухаринова и поручит согласно его должностным обязанностям приступить к командованию новой армией.

Это не было еще приказом на ввод войск - на своей территории правительство и министерство обороны могли распоряжаться своими войсками как считали нужным.

Но это все равно уже была грань, которую, долго сопротивляясь, но тем не менее все же переступило советское руководство. Не хватило той политической мудрости, той ее толики, которой, собственно, частенько недоставало руководству страны в период правления Брежнева. Члены Политбюро были сначала идеологами, а уж потом, не увидев политического решения, не желая утруждать себя этими поисками, сдались обстоятельствам и обратились к армии. Когда же политик прибегает к силе, он кончается и умирает как политик... Брежнев, Андропов, Громыко и Устинов как политические лидеры умерли именно 12 декабря. Теперь они оставались заложниками обстоятельств, которые сами же и создали. Политическая акция свершилась, и военным теперь ничего не оставалось, как провести крупномасштабную военную операцию с наименьшими жертвами.

Наконечником стрелы, нанесенной на карту Афганистана, Андропов определил два отряда из законспирированной даже в самом комитете группы "А" - "Зенит" и "Гром". Сформированные еще в 1974 году как группы "антитеррора", они владели таким искусством по захвату любых объектов, что председатель КГБ изначально верил в успех операции.

Единственное, чем подстраховался, - это назначил над "Зенитом" (командир майор Семенов) и "Громом" (майор Романов) единого командира полковника Бояринова Григория Ивановича, Батю, опытнейшего работника, в свое время

партизанившего еще в лесах Смоленщины.

Впрочем, войска еще не вошли. И они еще могли не войти, случись у самих афганцев все так, как было задумано 16 декабря. Однако не получилось.

А пока Устинов распорядился отозвать из Кабула Заплатина, а Громыко дать шифрограмму в Нью-Йорк Трояновскому - советскому представителю в ООН и Совете Безопасности.

8 декабря 1979 года. Москва.

Припорошенная снегом, разрумяненная от мороза, русоволосая и улыбчивая, Оля Заплатина телефонный звонок в этот день услышала, открывая входную дверь. Словно кто-то знал ее распорядок дня и ловил именно между двумя и четырьмя часами, когда она прибегала с работы собрать конспекты, перехватить чего-нибудь из холодильника и мчаться в институт. Подумалось о Вале Зубовой, которой обещала позвонить насчет записи в парикмахерскую, и, на ходу расстегивая дубленку и сочиняя извинения - и вправду ведь день забит до предела! - добежала до телефона.

- Да-а, слушаю.

- Ольга Васильевна? - услышала она незнакомый мужской голос. Значит, от папы.

- Да, - торопливо ответила она, радуясь тому, что услышит новости от родителей и - все мы не без греха - что звонок не от Вали. Завтра уж точно сделает все, что обещала.

- Заплатина Ольга Васильевна? - старались утвердиться на том конце провода.

- Заплатина Ольга Васильевна, - подтвердила она с улыбкой: заинструктировал же папа. Посмотрелась в зеркало, сняла гребешок, тряхнула головой, сбрасывая с волос бусинки растаявших снежинок. Вообще-то ей самой тоже уже можно подумать о парикмахерской.

- Это звонят из Генерального штаба, - собеседник сказал это и дал несколько секунд, чтобы она, как шутил отец, успела сделать "глазки домиком", удивленно-вопросительно подняв брови: надо же! Обычно папины сослуживцы не говорят, откуда они, просто передают приветы, и все... Ольга Васильевна, - теперь уже с нажимом повторил звонивший, и Оля, еще ничего не зная, тем не менее мгновенно ощетинилась против такого тона. Таким тоном приветы не передают. - Скажите, вы хотели бы встретиться со своим отцом? Господи, о чем разговор.

- Конечно хочу.

- Но дело в том, что в интересах службы... Словом, мы должны срочно вызвать его в Москву, но нужно, чтобы это якобы исходило от вас. Что не мы вызываем, а вы просите с ним

встречи. Вы - дочь военного и должны нас понять.

Она пока не понимала, ей еще трудно было перестроиться в своих мыслях, но почему-то кивнула. Спохватившись, сказала "да". Видимо, служба отца в самом деле отложила свой отпечаток: раз надо, значит, надо.

- Вам надо бы подъехать сюда, к нам.

Она опять кивнула. Волосы упали на лицо, она отбросила их назад, но они упали опять, и она машинально, словно собираться и ехать нужно было прямо сейчас, вновь прихватила их гребешком. И то ли этих мгновений хватило, то ли пришло время простого удивления, но она подумала: а почему все-таки они сами не могут его вызвать? Что за секретность, неужели нельзя обойтись без этого? Впрочем, это же армия, наверное, так и должно быть...

- Вам будет заказан пропуск, мы встретим вас около часового. Знаете как ехать?

- Знаю.

- Ждем вас в понедельник в девять утра. До свидания.

Не спросили, свободна ли она в это время, уверены были в ее согласии. Да, надо ехать. Конечно же, надо ехать. На месте и узнает все подробности. Хотя нет, подробностей ей как раз и не сообщат, но главное... главное... А что главное? Главное - папа с мамой с ума ведь сойдут, пока узнают всю правду. А когда узнают?

О, эти телефонные звонки. Мы зависим от них почти полностью, потому что именно они заставляют нас менять свои планы, они с необыкновенной легкостью играют нашим настроением, предписывают или предлагают нам куда-то ехать, делать то, чем минуту назад и не помышлял заниматься. Они становятся действующими лицами в наших судьбах, останавливают нас, уходящих из дома, на пороге, зовут из кухни, будят по ночам, и, пока мы думаем, кто это нас вспомнил, звонки зовут и притягивают к себе. И мы - вспомним, что иной раз против своего желания разговаривать с кем бы то ни было, против своей воли, - поднимаем трубку. И тем самым делаем, как потом часто оказывается, очередной зигзаг в своей жизни. А иногда и в чужой.

Нельзя сказать, что Оля Заплатина спала тревожно: в восемнадцать лет, наверное, только любовь может родить ночную тревогу. Но утром встала настороженная, притихшая. Притихшей была и заснеженная, еще окончательно не проснувшаяся Москва за окном. А вообще-то нет: дворники скоблили тротуары, прогревались вытянутые вдоль тротуара автомобили. День начался, и Оля, спохватившись, глянула на часы: до Генштаба

добираться не меньше часа; пока там всякие пропуска, проверки - лучше выехать пораньше.

Ее встретили прямо у дверей, лишь только она протянула пропуск и паспорт часовому,

- Ольга Васильевна? - стоявший рядом с солдатом подполковник заглянул в паспорт и, убедившись, что не ошибся, помог снять дубленку, а потом жестом руки открыл доступ на широкую мраморную лестницу с красным ковром посредине ступенек: - Прошу.

Оля замешкалась, выбирая, где ей идти - то ли по ковру, то ли сбоку, у перил. Хотела схитрить, посмотреть, Как будет идти подполковник, но тот не трогался с места, ожидая ее. Выбрала узенькую полоску по краю ковра. Стараясь не заступать за нее, пошла наверх.

От волнения - куда от него деться, не каждый день в Генеральный штаб приглашают, - а также быстрого подъема по лестнице стало жарко. Захотелось остановиться, отдышаться, привести и себя, и мысли в порядок. И подполковник, словно поняв ее желание, стал останавливаться, здороваясь и перебрасываясь фразами со встречными на этаже. Оля и отдышалась, и даже поправила прическу - да, Валечка, вот тебе и парикмахерская, узнаешь ахнешь, с кем твой звонок спутала, но ее спутник стал останавливаться все чаще, разговаривать - дольше, и ей уже стало казаться, что она совершенно никому не нужна здесь. Что исчезни она сейчас - и ничего не случится. Впрочем, она не могла и сказать, как должны были принимать ее в Генеральном штабе, она не то что ни разу не заходила в эти стены - ухитрилась ни разу в жизни не пройти мимо этого желтого здания по улице, хотя оно и стоит практически на Арбате. Но чувство одиночества, нет, на одиночества, а обреченности, хотя тоже нет, не обреченности - чужеродности, отторгнутости от этого мира, хотя она и не стремилась в него, ощущалось все сильнее. Благоговея к отцу, а значит, и к его работе, к среде, которая его окружает, сейчас она не могла перебороть в себе непонятное, необъяснимое чувство недовольства армией, ее порядками.

Нет, опять не так. Что ей быть недовольной, кто она такая? Ей было просто неловко и обидно за невнимание - пусть и не подчеркиваемое, но и не скрываемое подполковником. Все-таки они сами попросили ее приехать, а тут стой у стены, жди, когда наговорятся. Хорошо, она дочь военного, а если так относятся и к гражданским? Что они могут подумать об армии?

Наконец, миновав несколько поворотов, они вошли в огромный кабинет с такими же огромными картами но стенам.

Наверное, стены и возводились под эти карты. Боясь взглянуть на них, чтобы случайно даже не соприкоснуться с какой-либо тайной - карты у военных - это всегда тайны, - Оля не сводила глаз с поднявшегося из-за стола полного, не в пример отцу, полковника. Тот, однако, не предложил ей ни пройти, ни сесть.

- Нам нужно вызвать Василия Петровича в Москву, но сделать нужно так, чтобы просьба о приезде исходила от вас. Так нужно, - сказал он об уже известном.

- Хорошо, - ответила Оля. Захотелось вдруг одного: чтобы все это быстрее закончилось, чтобы выйти из этой духоты на улицу, где просто идут москвичи, просто едут машины, просто мигают светофоры.

- Ну, тогда все, - удовлетворенно кивнул хозяин кабинета. - До свидания. Ой, нет, еще один момент. Если Василий Петрович вдруг позвонит оттуда, из Афганистана, домой, ему тоже скажите, что это вы просите его приехать. А о том, что приходили сюда, - ни слова.

Полковник напомнил о том, что тревожило ее со вчерашнего вечера, и Оля решилась:

- А можно... спросить?

- Конечно, пожалуйста, - разрешил собеседник, но сам настороженно замер.

"Ага, значит, я вам все-таки нужна?" - заметила его напряжение Оля, и это придало решительности:

- А когда папа... Василий Петрович узнает, что это все же не моя... инициатива?

Полковник широко, облегченно улыбнулся:

- Сразу же, как только приземлится в московском аэропорту. Его встретят наши товарищи и сразу все скажут.

- Спасибо.

За что спасибо, почему спасибо, Оля не могла объяснить. Но это уже и не было главным. Просто она в самом деле знала отца и уже представляла, как он будет мучиться от неизвестности, переживать, строить догадки насчет этого дурацкого вызова. И чем быстрее все для него прояснится, тем конечно же лучше. А мама, что будет с мамой? Когда узнает она? Господи, что же она наделала? Может, отказаться от всего, пока не поздно?

Но подполковник уже подал хозяину кабинета ее пропуск, тот размашисто расписался на нем - такие подписи, наверное, очень весомо выглядят под документами, и кивнул, прощаясь и отпуская гостью...

10-12 декабря 1979 года. Кабул - Москва.

Заплатин читал лекцию политработникам, когда его позвали к телефону.

- Попозже нельзя? Я занят.

- Сказали, срочно. Москва.

На связи был Ошурков, замполит одного из управлений Главпура.

- Василий Петрович, добрый день. Как настроение?

Настроением, как и погодой, обычно интересуются, если нечего спросить. А тут наверняка готовят к чему-то важному.

- Я слушаю вас, Леонид Николаевич, - помог начальнику начать разговор Заплатин.

- Василий Петрович, тут такое дело... - Наступила тишина, но на этот раз Заплатин промолчал. - Понимаете, ваша дочь...

Тут уж Заплатин не выдержал:

- Что с ней?

- Ничего, уверяю вас. Просто она обратилась в ЦК КПСС с просьбой встретиться с вами.

- Оля? В ЦК?! Это недоразумение, Леонид Николаевич. Она не могла обратиться в ЦК. С ней что-то случилось?

- Поверьте мне, ничего. Вам просто надо сегодня же вылететь в Москву.

- У нас через час стемнеет, да и самолетов на Москву нет.

- Самолет вас ждет в Баграме. Добирайтесь туда.

Лучше бы он этого не уточнял. Если прислали самолет - значит, у Оли страшная беда. Оля, Оленька...

- Но что с дочерью? Она-то хоть жива? - ни на мгновение не поверив в сказку про ЦК, крикнул, уже не сдержавшись, Василий Петрович.

- Конечно, жива. Успокойтесь. Но больше ничего не опрашивайте.

Жива! Главное, что жива. Но обращаться в ЦК... Нет и тысячу раз нет, такое мог придумать только человек, не знающий его дочь. В ЦК... Здесь что-то не то. Попала в больницу? В какую-нибудь банду?.. Дом - школа институт - друзья... Где в этой цепочке и что могло случиться?

- Что случилось, Василий Петрович? - дошел до Заплатина голос Экбаля.

Телефонная трубка, зажатая в руке, тоненько и коротко попискивала, а подошедший Экбаль смотрел то на нее, то на своего советника.

- Ничего, Экбаль, ничего. Просто срочно вызывают в Москву. Я пойду собираться. Одни справитесь? - кивнул на зал.

- Конечно, товарищ генерал.

Уже справляются одни - это хорошо. Это очень хорошо. Но что с Олей? Если взять дом - что там могло случиться? Второй этаж, балкон застеклен. На кухне - газ. Но ведь если что - дверь на

балкон как раз из кухни...

- В посольство, - попросил водителя.

- Ничего не знаю, Василий Петрович, - удивленно пожал плечами Табеев. - Честное слово. По моим каналам никакой информации на эту тему и близко не проходило. Но я думаю, что надо лететь, раз позвонили.

- У меня час времени, срочно вызывают в Москву, - поднявшись к себе в квартиру, с порога сказал жене. Боясь, как бы она не уловила тревоги и озабоченности в голове, добавил: - По делам службы.

"Зря уточняю, - тут же пожалел о сказанном. - Ничего не надо уточнять. Лечу и лечу".

Чтобы скрыть недовольство собой, сам начал доставать вещи, смотреть, что взять с собой на московские холода. И подсознательно ждал, о чем спросит, какой первый вопрос задаст Вика. И как они похожи с дочерью...

- Надолго?

Пронесло - это ее извечный вопрос с лейтенантских пор: не куда и зачем, а на сколько. Значит, с женой все в порядке, хоть она не будет волноваться. Но Оля, что с Олей?..

- Надолго? - думая, что он не расслышал, переспросила Вика.

Ответил уже искренне:

- Не знаю.

...Афганистан - не Союз, особенно по расстояниям: двадцать минут на вертолете - и уже в Баграме. Самолет для него уже был готов, но летчики, естественно, ничего не знали, им приказ: забрать и привезти. Единственное, взлететь засветло не успели, в Ташкент прибыли только утром. Там под парами, для него одного, уже стоял Ил-18.

"Что же это за почести такие? Что все-таки случилось?" - вновь закрутилась пластинка под непрерывное хождение между креслами.

- Товарищ генерал, командир просит вас подойти, - позвал один из летчиков.

"Может, что-то передали, сообщили дополнительно", - заторопился в кабину Заплатин.

- В Москве нет погоды, не сажают, - обернулся к нему командир экипажа. - Предлагают лететь в Ленинград.

- Смотрите сами, я вам не начальник, - отдал судьбе свое время Василий Петрович.

Ленинград - это значит еще несколько часов неизвестности. Еще несколько часов не будет знать, что с Олей. Это - облегчение и камень. Отодвинется что-то страшное непонятное, темное, но ведь оно есть, есть, есть...

- Запросите еще раз, - попросил генерал.

Командир вновь начал переговоры с аэродромом, обернулся на стоявшего за спиной Заплатина, словно подтверждая земле, что пассажир на борту. Кивнул:

- Будут сажать.

Сели в слякоть и ветер. А у трапа уже ждали офицеры из Главпура:

- Товарищ генерал-майор, вас ждут начальник Генерального штаба и начальник Главпура.

- Но я же в гражданке,

- Они знают. Пожалуйста, - распахнули дверцу стоявшей у трапа "Волги".

Было 19 часов, когда он вошел в кабинет Епишева.

- А, Василий Петрович, здравствуйте. С прибытием. Как Обстановка на юге? - дружелюбно, без тени беспокойства за чью-то жизнь, спросил генерал армии. Может, и в самом деле с Олей все в порядке. - Ты давай рассказывай, а я здесь небольшие наброски буду делать к началу совещания.

"А когда же по голове-то ударите?" - мысленно спросил Заплатин. Приближая развязку, доложил коротко: обстановка в Афганистане и Кабуле достаточно спокойная, советнический аппарат работает.

- Ладно, ты посиди, подожди меня здесь, а я в ЦК. Вон, газеты почитай, - кивнул Епишев на кипу газет. Глянув на часы, торопливо вышел.

"Ну а что все-таки с дочерью? Кто мне хоть что-нибудь объяснит или скажет?" - посмотрел ему вслед Заплатин. Перевел взгляд на телефоны. Позвонить. Да, надо просто позвонить дочери.

Встал, подошел к столу. Белый телефон - с гербом СССР, два следующих без дисков, значит, местные. Серый... Оглянулся на дверь, посмотрел время и решительно повернул телефон к себе. Набрал первую цифру. Подождал. Гудков не было - значит, прямой. Добрал остальные цифры.

- Да-а, - родной, с протяжным удивлением голос дочери. Жива! Дома!

- Это я. У тебя...

- Папа, ты где, откуда? - перебила, обрадовавшись, Оля.

- В Москве. У тебя все в порядке?

- Да-а.

- Хорошо, я потом перезвоню.

Опустился в кресло. И не помнит, сколько просидел, опустошенный от главного известия. Однако вернувшийся начальник Главпура тут же вернул к действительности:

- Ты вот что, Василий Петрович, перестань мне хвалить хальковцев. С информацией, которую получаю от тебя, я вечно выгляжу белой вороной.

От былой любезности Епишева не осталось и следа. "Значит, ЦК не удовлетворен моей информацией. Вернее, тем, что я отдаю должное Амину за его работоспособность. Нет, не Амину лично, Епишев сказал хальковцам. Против них и Амина в Афганистане настроены работники госбезопасности. Да, только они. Посол по-настоящему еще не вошел в курс дела, партийные советники стараются держать нейтралитет, а те, кто оглядывается на комитетчиков, все равно категорически против "Хальк" не выступают. Значит, ЦК начинено информацией КГБ".

- Вам надо возвращаться назад, - не глядя на него, сказал Епишев, вновь принимаясь за свои записи. Редкий случай увидеть, как начальник работает.

- Домой я могу заехать? - попытался в последний раз, хоть косвенно, выйти на причину своего странного вызова в Москву Заплатин.

- Конечно, - не понял Алексей Алексеевич подоплеки. - Самолетов в ваши края теперь будет много, так что с отправкой проблем не станет.

"Да нет уж, хоть день, но дома побуду", - подумал Василий Петрович.

Необходимое послесловие. Епишев не случайно произнес эту фразу насчет самолетов. В этот день, 10 декабря, министр обороны отдал приказ, вернее устное распоряжение, о начале формирования 40-й армии.

Утром Заплатина вновь срочно вызовут к Епишеву. Тот возьмет его с собой к министру обороны. Устинов вначале будет занят, потом уедет почти на два часа, предупредив, чтобы ждали его. Вернувшись, пригласит Василия Петровича в кабинет, протянет шифровку.

Заплатин вначале прочтет подпись - "Представитель КГБ", и, уже почти зная, что там написано, пробежит ее глазами. Да, все то же: в Афганистане все рушится, Амин занимает все более проамериканские позиции.

- Я бы своей подписи здесь не поставил, - протянет документ обратно Заплатин.

- Почему? Вот поговорите с такими, - скажет Устинов сидевшему тут же Епишеву. Алексей Алексеевич неодобрительно покачает головой, но Заплатин решительно повторит:

- Я не могу согласиться с тем, что написано в этом донесении. Давайте пригласим сюда автора шифровки и вместе будем разбираться по каждому факту.

- Вот видите, вы там, на месте, никак не разберетесь между собой, а нам здесь за вас принимай решение, - в сердцах воскликнет Устинов. Захочет еще что-то сказать, но передумает: - Вы свободны.

Выйдя из кабинета министра, Василий Петрович увидит знакомых офицеров в полевой форме. Узнав, что большая группа оперативников срочно вылетает в Ташкент и Термез, начнет о чем-то догадываться. Однако еще через день ему совершенно неожиданно порекомендуют вместо Афганистана поехать в те военные училища, где обучаются афганцы, - посмотреть жизнь и быт.

"Сказали бы просто, что хотите убрать не только из Афганистана, но и из Москвы". - После выяснения всех подробностей с "обращением дочери в ЦК" Заплатин начал смотреть на происходящие вокруг него события немного глубже.

Вернувшись из поездок по училищам, доложил о результатах. Как и ожидал, доклад его никому не был нужен: все уже работали на Туркестанский округ. А когда официально будет объявлено о вводе войск, Епишев пригласит Заплатина к себе:

- Ну, знаешь, что произошло?

- Слышал.

- Надо срочно возвращаться туда. Обстановка, и особенно политическая, сложная.

- Она другой и не может быть. Но можно свое мнение?

- Конечно, пожалуйста.

- Товарищ генерал армии, я бы не хотел возвращаться в Афганистан. Мое присутствие там нецелесообразно.

- Это почему же? Ты ведь прекрасно разбираешься в обстановке, а посылать кого-то нового...

- Сейчас, с приходом к власти Бабрака Кармаля и "Парчам", придется круто поворачивать руль в политике в другую сторону. Я этого не смогу сделать, потому что работал с другими людьми. За свою шкуру не дрожу, но делать мне в Афганистане больше нечего.

Устинов, как ни странно, поймет и поддержит Заплатина. Епишев, правда, намекнет:

- Но лететь-то все равно придется, Василий Петрович. У вас же там жена, вещи.

- Товарищ генерал армии, я не хочу лететь туда даже по этому поводу.

- Хорошо, больше не будем возвращаться к этой теме. Я скажу, чтобы передали Магометову и Тутушкину, пусть они помогут собраться вашей жене.

К сожалению, генерал-майор Тутушкин, заместитель

Магометова, еще до этого получит указание из КГБ ничего не сообщать жене Заплатина - ни зачем он вызван в Москву, ни почему не возвращается. Постепенно среди советников родились слухи: Заплатина исключили из партии, разжаловали из генералов, а сам он находится под следствием. Жена бросится к его рабочему столу, сожжет все, что было написано мужем за время работы в Афганистане. А написано было очень много...

Заплатин стал первым, кто выразил свой протест против ввода войск в Афганистан. Академики Богомолов, Сахаров с их письмами будут после, Заплатин же, коммунист, политработник, генерал, отказался ехать служить туда. Для конца семидесятых годов - тягчайшее преступление. Однако никто его за это не выгонял из армии и партии. Служил еще несколько лет. Первый афганец, которого он встретил через одиннадцать лет, был его подсоветный Экбаль Вазир. Но об этом уже упоминалось...

Глава 23

ПОДНЯТЬ БЕЛОРУССКУЮ ДИВИЗИЮ. - НАПРАВЛЕНИЕ - ЮГ. - ВЫЛЕТ "МУСУЛЬМАНСКОГО" БАТАЛЬОНА. - ЕЩЕ ОДНО ПОКУШЕНИЕ НА АМИНА.

- "РУКОВОДСТВОВАТЬСЯ СТАТЬЕЙ 51 УСТАВА ООН...".

13 декабря 1979 года. Москва. Генеральный штаб.

Военные - единственные, кем страна имеет право рисковать. И 12 декабря, приняв решение на ввод войск, политическое руководство пошло именно на это.

13 же декабря помимо всех остальных событий Огарков срочно вызвал к себе командующего ВДВ Дмитрия Семеновича Сухорукова. Тот со штабом ВДВ инспектировал дивизию, расположенную в Белоруссии, но начальник Генштаба повторил:

- Все отставить. Прибыть немедленно.

Через два часа Сухоруков уже был в Москве и докладывал маршалу о своем прибытии.

- Для одной из твоих дивизий будет поставлена задача. Боевая задача, тут же уточнил Огарков, потому что десантники вечно выполняли какие-нибудь задания, - Какую лучше поднять?

Сухоруков думал, что начальник Генерального штаба продолжит постановку задачи или хотя бы в общих чертах пояснит, что ждет дивизию, в каком регионе, сроки готовности, но Огарков, замолчав, испытующе глядел на него.

Однако ответить Дмитрий Семенович не успел. В кабинет вошел командующий военно-транспортной авиацией, и Огарков, кивнув на Сухорукова, так же двумя фразами озадачил и летчика:

- Десантники получают боевую задачу. С учетом дислокации вашей авиации на аэродромах, какую из их дивизий мы сможем поднять в воздух с наименьшими проблемами? В первую очередь

имеется в виду время и скрытность.

Командующие посмотрели друг на друга, молча подошли к столу, на котором топорщилась свежими склейками карта. Вгляделись каждый в свои точки.

- На сегодня больше всего самолетов у меня в Белоруссии, - первым доложил летчик.

- Дмитрий Семенович? - потребовал ответа Огарков у Сухорукова. - Что вы скажете о своей белорусской дивизии?

- Готова к любым действиям. Там как раз находится и группа офицеров из штаба ВДВ, если что, помогут командованию на первых порах.

- Хорошо. Поднимаем эту дивизию. Сегодня ночью ей быть на аэродромах взлета. Боеприпасы с собой, но пока не выдавать.

- Какую задачу я должен поставить командиру дивизии? - не терял надежды добиться хоть какой-то конкретности Сухоруков.

- Пока произвести расчеты на высадку десанта посадочным способом на аэродромы номер один, номер два и номер три.

- Кто мне поставит задачу?

- Или я, или министр обороны. Время и место выполнения задачи также укажем при постановке задачи. Все, выполняйте первый пункт приказа.

Необходимое послесловие. К ночи на 14 декабря командир воздушно-десантной дивизии генерал-майор Иван Федорович Рябченко выведет свои полки к аэродромам взлета. О возможном выполнении именно боевой задачи знали только комдив, начальник штаба, еще два-три человека. Вся остальная дивизия думала, что штаб ВДВ решил устроить проверку, организовав учения на недельку. Или меньше - из-за глубокого снега и морозов. Многие офицеры, не говоря уже о солдатах, не успели попрощаться даже с семьями - такие учения для десантников проходили достаточно часто, каждый раз не напрощаешься.

Оказалось, однако, что дивизия улетала не на неделю, а на девять лет. И не на учения, а на войну. Первые на нее уходили именно так - не прощаясь.

14 декабря летчики ВТА получат приказ перебазироваться вместе с десантниками на среднеазиатский аэродромный узел. Становилось известным направление - юг.

В последний день декабря десантник Сергей Голиков напишет отцу письмо, в котором он, следуя законам акростиха, когда каждая начальная буква строки является частью слова, сообщит на станцию Шаховская Московской области о дальнейшем:

"Здравствуй, лапка! С приветом, с

Моим огромным приветом, твой Сергей. Все пом

Ыслы мои сейчас о доме, как вы там Новый год в
Стречаете. У меня все в порядке, я теперь командую
Отделением, ребята отличные, мы довольно быстро
Выяснили отношения и поняли друг друга. Я по-настоящ
Ему узнал службу. Что такое караул в мокрых
Рукавицах и сапогах, Но теперь я знаю, что
Шесть десантников стоят роты... солдатни.
И теперь стальная пружина сработает, я знаю, в
Любой ситуации. Папка, как ты там воюешь с зимой?
Или у вас тоже снег по заказу? У нас так он
Пошел только 31 декабря, под Новый год. А Новый год,
Если б ты знал, я встретил на посту

Рядом со Знаменем, его я охранял. Сейчас сменился, и
Есть время написать тебе. Как солдат солдату
Выкладываю тебе свои думы. Знаешь, армия
Она многому меня научила, прежде всего ценить
Родителей своих. Как я перед вами в долгу,
Об этом я раньше мало задумывался, и только
Теперь я научился ценить ваши заботы. Четыре дня назад,
27-го, было ровно восемь месяцев, как я расстался с вами на
ВДНХ. Как много изменилось с тех пор, особенно я,
А Татьяна, наверное, совсем взрослая, как там она,
Форсу, наверное, много? Вы следите за ней, помо
Гайте, ей сейчас трудно. Папка, как ты там?
А на охоту, наверное, так и не выбрался, ждешь меня.
Ничего, я вот уже стрелять научился, приду,
И тогда вместе сходим. Я начал немного по дому
Скучать, тем более что письма от вас получал
Только в прошлом году, а от Наташи уже давно,
А точнее, три месяца не получал, поздравила меня моя
Наташа с днем рождения, и все, даже не знаю, что
Ей трудно, что ли, написать..."

Так родители прочли и узнали, что "Мы совершили переворот 27-го в Афганистане". Сергей погибнет 8 августа 1980 года.

Декабрь 1979 года. ТуркВО - Баграм.

Вылет в Афганистан получился не такой уж заинтригованный и романтичный, как это представлялось солдатам из "мусульманского" батальона.

Сначала, после гибели Тараки, про них на целый месяц забыли, и прапорщики с жадностью набросились на дармовую рабсилу, доселе тщательно оберегаемую. "Камикадзе" превратились в мойщиков посуды, землекопов, каменщиков, подносчиков, просто в "стой и жди". Взвыли даже офицеры: оказывается, за эти полгода, пока они занимались боевой подготовкой, никуда не исчезли требования подметать плац, подстригать траву, красить табуретки и заниматься еще миллионом дел, нужных порой только проверяющим, Которые, кстати, тоже никуда не исчезли за это время.

Но в конце октября сверкнул для "мусульман" вдруг луч надежды: из отпусков срочно отзывали офицеров, солдат выуживали из столовых, котлованов, складов. В очередной, третий, раз приказали выстирать афганскую форму, чтобы не выглядела новой. В ноябре уже вовсю водили-стреляли, а 8 декабря вечером вновь потребовали сдать в секретную часть все документы. Единственное, что оставалось в карманах у офицеров, - алюминиевые жетоны с личными номерами. На технике в

спешном порядке снимались или закрашивались номера.

Но если раньше задача батальону более-менее была ясна - охранять Тараки, то теперь даже полковник Колосов разводил руками в ответ на молчаливые вопросы Халбаева: не знаю. Просто лететь в Афганистан, там все прояснится.

Лететь так лететь. 9 и 12 декабря, двумя рейсами, спокойно, без стрельбы и захвата плацдармов, батальон перелетел в Баграм, к нашим десантникам.

Необходимое послесловие. Уже там "мусульман" переоденут в афганскую форму и прикажут ждать команды. Истинное предназначение батальона в тот момент знало всего несколько человек в Москве: в день покушения на Амина, если обострится обстановка, выдвинуться к Кабулу и стабилизировать ситуацию. Имелось в виду 16 декабря.

Если бы удалось покушение на Амина, "мусульманский" батальон и батальон Ломакина - Пустовита могли быть единственными советскими подразделениями, ступившими на афганскую землю для предотвращения кровопролития во время смены руководства. Только "гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить...".

3 декабря 1979 года. Баграм.

Старший военный советник гарнизона полковник Олег Арсентьевич Скугарев, вернувшись из Кабула, немедленно собрал у себя в кабинете офицеров особого отдела.

- Товарищи! В стране возможен государственный переворот. Задача нам: ни под каким предлогом не дать подняться в воздух ни одному самолету.

- А когда, кто, что? - поинтересовались особисты, но тут же поняли всю бестактность вопросов и замолчали.

Скугарев удовлетворенно кивнул, благодаря за понимание.

- Кроме имеющихся самолетов два дня назад, как вы знаете, из Союза пригнали партию "мигов". Сдачу самолетов затянуть, причины любые некомплект запчастей, плохая регулировка и тому подобное. Пока в этих машинах должны сидеть наши летчики, а не афганские. Все. Ждите дальнейших указаний...

Третий день ждал указаний и генерал-лейтенант Гуськов. 10 декабря в его бункере появились связисты, начали устанавливать новый телефон.

- Откуда связь? - шутливо спросил их Николай Никитович.

Те переглянулись, затем показали пальцами вверх.

"Космическая?" - шутливый настрой у генерала сразу исчез. Эту связь просто так устанавливать не будут. Значит, последуют команды. Какие и от кого?

И 13 декабря телефон наконец ожил.

- Николай Никитович? Это Устинов.

- Здравия желаю, товарищ Маршал Советского Союза.

- Вам товарищ Андропов еще не звонил?

- Никак нет.

- Значит, позвонит. Там самолет нужно будет один принять, обеспечьте, чтобы все было в порядке.

- Есть, обеспечим.

Слышимость была прекрасной, словно министр обороны находился где-то рядом. Не успел Николай Никитович положить трубку, как тут же вновь раздался звонок. Андропов?

Да, это был он. Хотя и вежливо, но тем не менее приказным тоном повторил уже известное: принять самолет, обеспечить скрытность и безопасность пассажиров, которые прибудут на нем.

Странную особенность стал замечать за собой генерал в Афганистане. Чувствуя, что волей судьбы оказался в какой-то непонятной еще политической игре, тем не менее не стремился и не желал знать что-то сверх того, что относилось лично к нему. Вот и сейчас было совершенно безразлично, кто прилетит и зачем. С него требовалось обеспечить безопасность - это он сделает, а остальное... На остальное тоже люди есть. Если Афганистаном командует не Устинов, а Андропов, вот его люди и пусть знают больше.

Необходимое послесловие. Ночью на аэродром Баграм рейсом из Ташкента приземлится Ту-154. При заходе на посадку на всем аэродроме неожиданно отключится свет - выйдет из строя электростанция. Пока будут возиться с аварийной, летчики практически вслепую посадят самолет в трех метрах от края бетонки. Нехороший симптом, если верить в судьбу...

Из самолета выйдут вначале андроповские "ребята в штатском", возьмут машину под свою охрану, а уж потом на трапе появится группа афганцев с коренастым мужчиной в центре.

Это был Бабрак Кармаль. Лидер "Парчам", сведенный в Москве судьбой и Андроповым с халькистами Гулябзоем, Ватанджаром и Сарвари, сумел перебороть в себе обиду на "Хальк" и объединиться с бывшими министрами против общего врага - Амина. Распределили будущие посты в новом правительстве и стали ждать лучших времен. И вот из Кабула пришла весть: Амина не станет 16 декабря в 19 часов вечера. К этому времени новое правительство республики должно конечно же уже находиться в Афганистане.

Прибывших афганцев отведут в самый дальний бункер, и до 16-го числа Гуськов никого из них не увидит.

Но 16 декабря, когда среди афганских летчиков разнеслась весть, что в Кабуле предпринята попытка нападения на Амина

(сам Амин не пострадал, тяжело ранен лишь его племянник Асадулла), на связь с Гуськовым выйдет Андропов и прикажет срочно отправить "гостей" в Союз.

Из Ферганы прилетит Ан-12. Не заглушая моторов и не выруливая со взлетной полосы, раскроет рампу. Таинственная группа афганцев скроется в чреве военно-транспортного самолета, и тот сразу же возьмет курс на север. На следующее утро улетят и летчики, в одночасье сдавшие боевые "миги" афганским пилотам: улетят злые и нервные - какого черта мурыжили их здесь, самолеты ведь подготовлены были прекрасно.

Так что 16 декабря еще существовала для ОКСВ реальная возможность никуда не лететь. Но если в сентябре, во время перестрелки во Дворце, автоматная очередь не достигла Амина благодаря Таруну, то сейчас на пути выстрелов оказался уже племянник. Которого, кстати, тут же переправили в Союз, и советские врачи сделали все, чтобы спасти его от смерти.

Гуськов, пока еще ничего не ведающий ни про Бабрака, ни про политический расклад сил, после взлета Ан-12 вытрет со лба пот: "Слава Богу, что улетели. А то поседеешь с такими "гостями"..."

Документ (информация в Комитет государственной безопасности):

"13 декабря 1979 года.

Вход. № ...

Из Брюсселя.

Министры иностранных дел стран НАТО одобрили в Брюсселе план размещения в Западной Европе новых ракет средней дальности. Заседание названо чрезвычайной важности и успешным. Госсекретарь США, по сведениям, в частности, подчеркнул: "Мы решили привести в исполнение план модернизации ядерных сил НАТО".

На заседании было решено, что США будут производить ракеты "Круз" и "Першинг-2". Взятые на вооружение в Западной Европе, эти ракеты смогут поражать территорию Советского Союза. На совещании упоминалось о попытках Советского Союза убедить членов НАТО отказаться от размещения этих ракет. Единственная страна, где эта попытка увенчалась успехом, - Нидерланды. Хотя есть сведения, что и они вынесут свое окончательное решение через два года. На полгода перенесла рассмотрение этого вопроса и Бельгия. Остальные члены НАТО утверждают, что любая отсрочка приведения в исполнение этого плана недопустима.

От Розена".

13 декабря 1979 года. Нью-Йорк.

Шифрограмму от Громыко постоянный представитель СССР в ООН и Совете Безопасности Олег Александрович Трояновский получил в самом начале рабочего дня. Разница во времени между Москвой и Нью-Йорком составляла как раз рабочий день, и естественно, что к приходу на службу Трояновского уже ждали дела отработавшей свой день Москвы.

За четыре года службы в представительстве у Трояновского выработался свой ритуал получения известий: лишь входил шифровальщик с бланком телеграммы - а приходил он только к нему, все остальные работники представительства сами ходили в комнату к секретчикам, - Олег Александрович по поведению вошедшего старался определить, какие новости прислала Москва. Кто-то доказывает, будто есть люди с непроницаемыми лицами. Но тогда надо просто внимательнее вглядеться в походку, жесты, в то, как открывают и закрывают двери, как идут, как протягивают бумагу, - и десятки мельчайших, неконтролируемых движений, жестов, интонаций дадут первую реакцию.

В десять сорок пять по Нью-Йорку шифровальщик "нес" послу свое недоумение. Впрочем, ладно бы свое, личные дела у государственных людей неизменно на задворках и не требуют особого внимания. Но в руках у секретчика был бланк шифровки.

"Иран - Америка, Кампучия - Китай - Вьетнам", - определил конфликтные регионы уходящего 1979 года Трояновский.

Принял бланк. Секретчик остался стоять, готовый забрать его обратно и, если надо, подтвердить свое недоумение словами. Значит, это не могло быть сообщением по уже извессным конфликтам. Здесь что-то другое. Может, лично к нему, главе представительства? Отзывают в Москву? Это в дипломатических кругах первое дело - не засиживаться на одном месте, дабы не терять остроту восприятия проблем. А может, новые указания по Шевченко?

Шевченко - заместитель Генерального секретаря ООН Курта Вальдхайма от советской стороны, недавно сбежал, попросив политического убежища. Трояновский был последним, кто разговаривал с ним в одном из магазинов на окраине города, куда его тот попросил приехать. Правда, разговор шел в присутствии адвоката, которого Шевченко успел нанять за те сутки, пока его искали всем представительством. Оправдания старые и смешные - он не желает возвращаться в Советский Союз именно по политическим, а никаким иным мотивам, а в доказательство - "мощнейший аргумент": в свое время его отец был влюблен в батьку Махно. Пообещал, что напишет книгу, разоблачающую стиль работы советского МИД. Правда, его здесь,

кажется, самого опередили. Одна из женщин Шевченко на днях выпустила книгу воспоминаний "Любовница диссидента", в которой тот представлен довольно в неприглядном виде. Америка - это не Союз, теперь ему надо тысячу раз отмыться, прежде чем будут серьезно воспринимать. Но все равно за сотрудника, хоть он напрямую и не подчинялся, Трояновский на себе почувствовал приличный груз ответственности.

А что еще?

Надел очки, выставил бланк на вытянутую руку, словно рассматривал фотографию с очень мелкими лицами. Однако, лишь прочитав первые строки, приблизил телеграмму к самому лицу: "Если в Совете Безопасности будет поднят вопрос по поводу ввода советских войск в Афганистан, руководствоваться статьей 51 Устава ООН о праве каждой страны на индивидуальную и коллективную самооборону. Громыко".

Какой ввод войск? Какой Афганистан?

"Если в Совете Безопасности будет поднят вопрос по поводу ввода советских войск в Афганистан..."

Трояновский поднял взгляд на шифровальщика. Тот молча протянул серенькую книжицу Устава ООН с торопливой закладкой - клочком телеграфной перфоленты. Но, еще не открыв книги, перевел взгляд на карту, висевшую на левой стене кабинета. Не сразу, но нашел Афганистан - коричневый аппендикс в подбрюшье СССР, Слева - Иран, внизу - Пакистан, справа - громадина Китая. Соседство...

Торопливо раскрыл книгу, хотя помнил смысл 51-й статьи - не так уж их много в Уставе. Рядом с ней была поставлена еле заметная карандашная точка - воистину, пролистаешь и не заметишь. Итак, дословно: "Настоящий Устав ни в коей мере не затрагивает неотъемлемого права на индивидуальную и коллективную самооборону..."

Так, это известно и из телеграммы. В дипломатии же самая безобидная на вид, но коварнейшая штука - это обрыв фразы, выхватывание ее из контекста. Что в статье дальше?

"...на индивидуальную и коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение на члена Организации, до тех пор, пока Совет Безопасности не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности". Вот теперь всё.

Шифровальщик все еще стоял у стола, правда, сделал несколько неслышных шагов влево, то ли чтобы самому лучше разглядеть карту, то ли от вышколенности - не закрывать обзор начальству, не маячить у него перед глазами. Да, собственно, большего он ничего и не мог дать. Взять мог, вернее, обязан был

забрать обратно телеграмму: с секретностью, охраной государственных тайн после предательства Шевченко в представительстве, слава Богу, дело было поставлено.

- Если будет что-то дополнительно к этому, срочно мне, - отпустил шифровальщика Трояновский.

Лишь затворилась осторожно, уважительно дверь, Олег Александрович прошел к карте. Уж если и было где одно из спокойных мест в мире, то это как раз Афганистан. Даже несмотря на прошлогоднюю Апрельскую революцию, на убийство Тараки. Совсем недавно нынешний глава правительства Хафизулла Амин приезжал в Нью-Йорк, выступал на Генеральной Ассамблее. О чем же он говорил? О чем-то не очень существенном, иначе бы запомнилось. А-а, заседание Генассамблеи было посвящено проблемам разоружения. Вечный как мир вопрос, давно потерявший свою остроту. А вот теперь...

"Кабул, Герат, Кандагар, Джелалабад". - Трояновский отыскивал афганские города, читал их названия по слогам, стараясь запомнить. Что же произошло там такого сверхъестественного, что необходимо посылать войска? Готовится чье-то вторжение? Ирана? Нет, Иран отпадает, у него своих дел и забот с Америкой по горло, Китай? Этот сейчас со своей внешней политикой может пойти на все, но после осуждения его агрессии во Вьетнаме амбиции Пекина должны чуть остыть. Пакистан? Это реальнее всего. Зия уль Хак послал далеко-далеко просьбы практически всех стран о помиловании свергнутого им премьер-министра страны Бхутто - кстати, своего же учителя и покровителя, и сделал то, что наметил, - взял и повесил. Да, Пакистан - вероятнее всего. Но это опять же только догадки, а что там на самом деле?..

Вернулся к столу, сел в кресло. Поймал себя на мысли, что смотрит на белый телефон, стоящий за ненадобностью дальше всех на столе. Это - связь с Москвой. Подними трубку - и можно услышать голос Громыко. Только вопросы, которые мучают сейчас, разве по телефону задашь? Телефон советского дипломата в Америке - это для того, чтобы поинтересоваться здоровьем, и не более. То, что разговоры прослушиваются, в представительстве никто не сомневался. Как и в том, что кто-то где-то ведет на каждого служащего досье. Вон Михаил Аверкиевич Харламов, первый зам, при переезде на новую квартиру обнаружил ни много ни мало, а двадцать четыре подслушивающих устройства. В туалете и в ванной по два стояло, не говоря уже о комнатах и лестничной площадке. Так что ЦРУ получает из бюджета свои 35 миллионов долларов в год не для того, чтобы платить своим сотрудникам за красивые глазки. Поэтому, поднимая трубку, и в

самом деле можно спрашивать про здоровье хоть Громыко, хоть свое - и тебе, если захотят, ответят четко и ясно сами "цэрэушники".

Для связи с Москвой оставалась кодированная связь, и Трояновский торопливо написал на личном бланке: "Прошу более подробной информации по Афганистану". Расписался. В Москве сейчас вечер. Даже если Громыко успеет прочесть его телеграмму, без решения Леонида Ильича он вряд ли что предпримет. Андрей Андреевич прекрасен как исполнитель, его опыту могли бы, наверное, позавидовать многие дипломаты мира, но вот как генератор идей, как руководитель, формирующий политику на своем участке работы, - здесь советские дипломаты чувствовали слабину у своего начальника. Так что ответ скорее всего будет только завтра. Да и будет ли? Если бы что-то можно было сообщить дополнительно, прислали бы и без его просьбы. Скорее всего, вопрос с вводом войск еще окончательно не решен. И тогда тем более никакого ответа не будет.

Трояновский свернул бланк, потом вложил его в папку - на уничтожение. Вдруг почувствовал - впервые и очень остро, - как он одинок и беззащитен в этом огромном кабинете и в этой стране. Никогда ничего подобного не возникало - ни во время работы послом в Японии, а это тоже не мед был, ни в многочисленных командировках за рубеж.

Поднял трубку телефона внутренней связи:

- Михаил Аверкиевич, зайдите, пожалуйста.

Харламов - первый заместитель. Вообще-то такой должности - первый заместитель - не существовало, было просто пять замов, занимавшихся кто экономическими, кто юридическими, кто кадровыми вопросами. Но год назад Василий Васильевич Кузнецов прислал от Громыко указание - Харламова назначить и считать первым заместителем.

Трояновский не возражал, хотя и решили этот вопрос без него. Михаил Аверкиевич - в свое время фронтовой корреспондент "Правды", партизанил в Брянских лесах. Приятно было узнать, что это именно он чуть ли не заставил Бориса Полевого писать о Маресьеве, когда тот рассказал ему о встрече с необычным летчиком. Некоторое время работал в штате МИД, куда его пригласил Молотов. Скрупулезен во всем, а потому не просто досконально изучает и знает дело - он мог отстаивать, драться за него. Трояновский иной раз даже по-хорошему завидовал настырности, несгибаемости, четкости в вопросах, какие бы ни решались заместителем. И сюда, в представительство, его назначили, чтобы урегулировать конфликт, возникший между коллективом и предшественником

Олега Александровича - Маликом. А сейчас говорить или не говорить Михаилу Аверкиевичу о телеграмме? Пока о ней знают только двое он и шифровальщик. Он и шифровальщик... Что-то сдерживает в отношении Харламова, какая-то мелочь. Надо додуматься, надо довериться интуиции... Дневники! Да, дневники. Заместитель ведет дневники, еще с времен войны, и это знают все. Значит, это насторожило, вернее, предостерегло. Неосознанно сработало на секретность. Хотя сколько она продержится, эта секретность?

Харламов, несмотря на не гнущуюся в правом колене ногу, вошел стремительно, уже готовый по своей натуре действовать и желавший знать только одно - в каком направлении. Действовать, действовать... А стоит ли действовать? Для дипломата действие - не всегда благо, иной раз мудрость как раз в том и заключается, чтобы выждать. Да и на телеграмме стояла пометка - "Для ориентировки посла". Для ориентировки, а не действия...

- Приветствую, Олег Александрович, - первым поздоровался Харламов. Он был одного роста с Трояновским, но чуть покрепче, сбитее, и это Олег Александрович еще раз ощутил в цепком рукопожатии.

- Что там у нас с деньгами, Михаил Аверкиевич? - спросил Трояновский первое, что пришло в голову. - Конец года па носу, - вроде бы оправдал он свое любопытство и ненужный в общем-то вопрос.

Одна из основных задач Харламова - следить за расходованием средств постпредства. Денег было - кот наплакал. Трояновский, как посол, мог позволить себе не более трех дипломатических приемов в год - на День Советской Армии, День Победы и в годовщину Октября.

- Через два дня представлю все расчеты.

- Хорошо, спасибо.

Харламов подождал мгновение, потом кивнул и вышел раз нет указаний, он найдет себе работу сам. Вернее, таких, как он, работа сама ждет за дверью.

А Трояновский вновь посмотрел на карту. Сколько войдет войск? С какими задачами? Каким будет заявление правительства? Знает ли обо всем этом Бисмеллах Сахак - представитель Афганистана в ООН? Кстати, он учился одно время в Воронеже, жена у него русская. Но ведь в то же время он стал представлять ДРА в ООН после убийства Тараки, то есть он ставленник Амина.

Вопросов становилось все больше и больше, и Трояновскому вдруг захотелось несбыточного: очутиться на несколько минут в Москве, попасть на обсуждение афганского вопроса. Кто его

может обсуждать?

Посол откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза, чтобы яснее представить картину. Конечно же, этот вопрос будет решать крайне ограниченный круг лиц. Брежнев и Громыко - это ясно. Затем... затем Устинов, раз дело касается армии. Не обойтись здесь без Комитета госбезопасности, без КГБ вообще нигде не обойтись - четвертый Андропов. Несомненен Суслов - идеологический бог страны, "серый кардинал". Подметил же кто-то. Услышав однажды эту фразу в МИД, еще не зная, кому она предназначается, мгновенно представил худого, сутулого Суслова - и не ошибся. А ведь был момент в 1970 году, когда тандем Брежнев - Суслов чуть было не распался. Почувствовав, увидев однажды растущую самостоятельность Генерального секретаря, Суслов, Шелепин и Мазуров написали записку в Политбюро и членам ЦК, где подвергли резкой критике речь Брежнева на декабрьском (1969 года) Пленуме ЦК, Его обвинили во всех тяжких грехах - и в очернительстве истории, и в неумении видеть положительный опыт развития страны, перспективы социалистической экономики. На очередном, мартовском Пленуме и намечалось обсуждение этой записки. А точнее, смещение строптивого Генерального. Суслов шел ва-банк и, видимо, рассчитывал на успех: он выпрямился, сделался еще выше.

Однако неожиданно для всех Брежнев отложил проведение Пленума, выехал в Белоруссию на войсковые учения. Там у него произошли встречи с министром обороны А. А. Гречко, другими маршалами и генералами. В Москве стало ясно, что Генеральный секретарь заручился поддержкой военных. Это означало крах: в политике побеждает тот, кого поддерживает армия. И к моменту возвращения Леонида Ильича в столицу записка "троицы" была уже отозвана. Суслов начал сутулиться пуще прежнего. Тут надо отдать должное Брежневу как интригану: он ничего не предпринял по отношению к своей правой руке. И "серый кардинал" понял свою задачу. Мгновенно весь идеологический аппарат был направлен на восхваление и здравицы "выдающегося вождя современности". Прощение было куплено потерей независимости. Искренности в отношениях между Брежневым и Сусловым искать не приходилось, но тем не менее Генеральный секретарь не отпускал от себя взбрыкнувшего однажды соратника: искупающий вину служит преданнее. И Суслов последнее десятилетие только и делал что изо дня в день доказывал свою лояльность "днепропетровской эре" - после 1970 года Леонид Ильич особо интенсивно ввел в свое окружение сотоварищей по Днепропетровску, Днепродзержинску, Молдавии.

Да, Суслов тоже наверняка среди обсуждавших. За это говорит еще и то, что последнюю награду Генеральному секретарю - орден "Победа" - вручал именно он.

Но кто еще? Пономарев? Борис Николаевич ведет в ЦК международные вопросы и, как представляется, наибольший профессионал в своем деле. Без него просто не обойтись, даже если и захочешь. Вроде и все. Брежнев в последнее время особо не расширял круг приближенных. И хотя почти в каждой газете печатались отчеты о его встречах и беседах в Кремле, целые полосы отводились рецензиям его книг, со стороны было видно: былая мощь Генерального убывает. Это чувствовалось хотя бы по тому, как постепенно исчезала та особая уважительность при упоминании его имени, которая раньше неизменно присутствовала даже в беседах с западниками, не говоря уже о братьях-славянах или представителях развивающихся стран. Эпоха Брежнева заканчивалась, и, если в Союзе, судя по отпускным впечатлениям, об этом еще не думали, западный мир начинал осторожно выискивать в Политбюро претендентов на главную роль.

Осторожно упоминались Суслов, Андропов, Косыгин, Гришин, не сбрасывались со счетов Романов, Машеров, Алиев. Все было так, но это была лишь видимая часть айсберга, всего лишь лотерея для дилетантов, где итог игры - неизменный проигрыш. Потому что был еще Георгий - так называемый человек за спиной Брежнева, "черный ворон ЦК" - помощник Леонида Ильича и его личный друг Цуканов Георгий Эммануилович. Достаточно было знать, что некоторые члены Политбюро входили к нему в кабинет с уже виноватым выражением липа, а таким, как Черненко, он вообще мог сказать: "Слушай, ты мне мешаешь. Выйди, пожалуйста". И Константин Устинович - а только ли он? уходил, пятился, потому что члены Политбюро приходили и уходили, а Георгий оставался. Он был первым, кого четверть века назад Брежнев, сам только приехав в Москву, вызвал из Днепродзержинска к себе в помощники. Все эти годы Цуканов был невидим и неслышен для народа, хотя лауреатства и ордена текли к нему рекой. И именно он отвечал лично перед Брежневым, и только перед Брежневым, за промышленность и оборону. Он последний, кто обобщал сведения, формулировал заявления, подготавливал документы, перед тем как они попадали к Генеральному. И он же был первым, кому Леонид Ильич сообщал те новости, которые вдруг случайно проходили мимо него.

В ЦК ходил анекдот, неплохо отражавший власть и всесилие именно помощников. На вопрос, почему Брежнев сместил

Хрущева, сказывали: потому что у Хрущева один из помощников был по фамилии Лакеев, а у Брежнева Блатов.

Так что, как бы там ни было, а исход всех дел решают не открывающие дверь люди, а закрывающие ее. Георгий был таким. И те, кто сбрасывал его со счетов, - ничего не знали про обстановку в окружении Брежнева, не ведали о хитросплетениях коридоров власти.

Но Брежнев, несмотря ни на что, был еще силен, это еще не был манекен, которого можно поворачивать во все стороны помимо его воли. В любом случае все будет зависеть от него лично.

"Так что будем ждать, - решил про себя Трояновский. И тут же усмехнулся: - Только чего? Разъяснений или ввода войск как де-факто?"

Вновь посмотрел на телефоны - и белый, и внутренний. Кажется, француз Талейран, выведший Наполеона к власти, подчеркнул, что язык дан дипломату для того, чтобы лучше скрывать свои мысли. А поговорить, посоветоваться надо бы с кем-нибудь. Ох как надо. Представлять СССР в ООН - это не в третьестепенной стране сидеть, там хватает снятых министров и их помощников. Господи, во что вообще-то превратили дипкорпус! В ссылку для не справившихся на других постах.

Олег Александрович встал, прошелся по кабинету. Но чтобы не задерживаться у карты, опять сел. Представил зал заседаний Совета Безопасности. Кто и как будет голосовать в случае... в случае подтверждения телеграммы? Особо не вздохнешь, надежда только на себя да на Чехословакию. К тому же председательствует Чэнь Чу, китаец. Этот не даст уплыть дискуссии в сторону, нацелит в самую точку. Протянуть бы декабрь, в январе председателем станет Жак Лепретт, француз. Он корректнее, интеллигентнее. Место ЧССР займет ГДР, в Совет войдет и Замбия - ее представитель вроде неплохо относится к СССР...

Трояновский моделировал, вернее, пытался предусмотреть ход событий, предугадать расстановку сил. Он уже чувствовал, кожей ощущал, каким может стать обсуждение афганского вопроса. Он представлял изголодавшихся по сенсациям из Советского Союза газетчиков, потирающих руки политиков, с величайшим удовольствием готовых отвлечь внимание общественности от собственных болячек. Будет драчка, ох будет! Но неужели мы дадим им такой повод? Неужели это придется испытать? Афганистан, Аф-га-нис-тан... Первым делом, конечно, изучить эту страну. И помнить, что на ее поведение - да и не только ее - чаще, чем кажется, оказывают влияние закулисные события. На памяти факт, что еще в 1920 году английский

резидент докладывал своему начальству, что он может и поднять восстание пуштунов, и отменить его. Прошли годы, но наивно было бы думать, что методы империалистических разведок изменились. Изощреннее стали - да, более многоступенчатыми - тоже несомненно, но чтобы рыцари плаща и кинжала полностью отошли от политики не те времена на дворе, не те...

...А Нью-Йорк готовился к Новому году. На улицах ставили и наряжали елки, появились новые фонари и иллюминация, загорались дополнительные рекламы - город у океана сам стал походить на расцвеченную наряженную елку.

Газеты вдруг вспомнили, что уходящий год был не только годом захвата заложников в Иране, но и Всемирным годом ребенка. И вообще, желалось много хорошего, милого, сентиментального.

В этой всеобщей подготовке к празднику стал забывать о телеграмме министра и Трояновский. Впрочем, нет, было бы неверно так утверждать: о ней вспоминалось каждый раз, когда взгляд останавливался на карте, когда встречался Харламов или шифровальщик. Ушли лишь острога восприятия и ежеминутное ожидание новостей. Где-то в подсознании мозг отметил для себя, что до Нового года уж точно ничего не произойдет, просто не должно произойти. В это сразу поверилось, потому что в это очень хотелось верить.

Да только бы зависеть истории от праздников...

Документ (из переписки советского посольства с МИД):

"15 декабря 1979 года.

Запись беседы с министром внутренних дел ДРА Ф. М. Факиром.

...Ф. М. Факир отметил, в частности, что халькисты совершили революцию, а дальнейшее ее продвижение зависит от советских друзей.

Посол СССР в ДРА Ф. Табеев".

Документ (из переписки советского посольства с МИД):

"16 декабря 1979 года.

Запись беседы со студентом Кабульского университета Мунир Ахмад Миром.

...Мунир подтвердил, что в сознании афганцев все репрессии, осуществляемые в стране под руководством Амина, так или иначе связываются с Советским Союзом. Афганцы убеждены, что аресты и пытки в КАМ34 осуществляются под руководством и при участии советских советников. Он знает семьи, в которых молят Аллаха послать им любого, кто бы помог убрать Амина. Сейчас почти в каждой семье кто-нибудь или убит, или сидит в тюрьме...

1-й секретарь посольства СССР в ДРА Мишин".

Документ (донесение в Комитет государственной безопасности):

"17 декабря 1979 года,

12 и 17 декабря представитель КГБ встречался с Х. Амином. Из высказываний Амина заслуживают внимания следующие.

Амин настойчиво проводил мысль о необходимости непосредственного участия Советского Союза в сдерживании боевых действий бандформирований в северных районах ДРА. Его рассуждения сводились к следующему:

нынешнее афганское руководство будет приветствовать присутствие Советских Вооруженных Сил в ряде стратегически важных пунктов в северных провинциях ДРА...

Амин сказал, что формы и методы оказания военной помощи должны определяться советской стороной:

СССР может иметь воинские гарнизоны в тех местах, в которых сам пожелает;

СССР может взять под охрану все объекты афгано-советского сотрудничества;

советские войска могли бы взять на себя охрану коммуникаций ДРА...

Представитель КГБ".

Середина декабря 1979 года. Кабул.

На Востоке политика - это совсем иное, чем на Западе. Лозунги и идеи, конечно, шумят, но над всем этим господствуют характер лидера и его взаимоотношения с кланами - с теми, кому лидер служит.

Хафизулла Амин мог быть и был доволен всем. А первое и основное сравнительно спокойно прошла смерть Тараки. Он все-таки ожидал большего шума вокруг этого. Как же благоразумно продержали "учителя" почти месяц в изоляции! Умри он сразу - и еще неизвестно, как отреагировал бы Кабул на смерть вождя. А так - свыклись, успокоились, оказались подготовленными к тому, что от болезни может умереть каждый. Этот месяц изоляции не только спускал пар и охлаждал пыл сторонников Тараки, но и позволил Амину в спокойной обстановке еще больше укрепить свои позиции.

Хорошим предзнаменованием для Амина стало и то, что советская сторона восприняла смерть своего любимца тоже без каких-либо заметных демаршей. И хотя поздравление от Брежнева с избранием на руководящие посты было несколько сдержанным, но ведь пришло, и пришло первым. Выполнила Москва и две другие просьбы Амина - поменяла, и причем срочно, посла и главного военного советника. Вот так и надо действовать - решительно и напористо. Теперь, когда Амина никто не держал

за руки, когда ему не нужно было ни перед кем отчитываться, он готов был любое дело сделать в пять, десять раз быстрее прежнего. Революции не нужны белоручки. И святые не нужны. И по всему после этого выходило, что Саурской революции необходим именно он, Амин. Тараки умер только ради победы революции, и история в конечном счете простит тех, кто решился на этот шаг.

Неожиданно благоприятными оказались для Амина и переговоры с Громыко насчет военной помощи. То, чего не мог добиться Тараки за целый год, сделано за месяц: министр иностранных дел СССР дал ясно понять, что Советский Союз скорее всего найдет возможность прислать в Афганистан и определенное количество войск.

Конечно, он не обольщался, что Советы делают это ради него, укрепления именно его позиций. Им нужен сам Афганистан как территория, плацдарм на Среднем Востоке. Как, собственно, нужен Америке, Пакистану, Китаю, Индии. А раз так, то руководитель страны сам должен и сам будет выбирать, с кем идти одной дорогой. Пока выгодно с Советским Союзом, а взбрыкнет он - беда невелика: Америка при хорошем торге может дать в десять раз больше. Условия станет диктовать он, Амин. Пока же он примет советские войска, разгромит с их помощью своих противников - как засылаемых из Пакистана и Ирана, так и притаившихся за одним столом, в одной партии. Он было подумал, что основные противники уничтожены и разогнаны, но 16 декабря, когда на него вновь подняли оружие, показало, что успокаиваться рано.

А будут войска - он сумеет перегруппировать силы в армии, покажет колеблющимся, кто сегодня вождь и за кем надо идти. Если же вдруг советские попытаются возражать, диктовать свои условия, он укажет им самим на аэродром и за двадцать четыре часа - хдо хафез, до свидания. Анвар Садат однажды в Египте уже сделал так - и ничего, зауважали еще больше. Тех же, кто готов заменить советских советников, - только позови, слетятся как мухи на мед. Афганистан - это мед. Тараки не сумел этого понять, потому и попал под полное влияние русских. Им-то хорошо быть либеральными и мягкотелыми, их революции более шестидесяти лет, а здесь - всего год. И когда всякая нечисть поднимает голову, эту голову надо просто сразу рубить. Ради будущего. Ради его, Амина, революции. Да, это его революция. Он ее организатор, руководитель и исполнитель. Наконец-то можно сказать правду о событиях 27 апреля. Он заставит переписать историю, которую сочинили в угоду Тараки. Теперь же он свою революцию не отдаст никому. А тем более не даст ее погубить. Не идет земельная

реформа - он или заставит эти 11 тысяч феодалов уважать революционные законы, или уберет их. Всех до одного. И даст ему на это право совесть. А то ведь допустили, что боевые действия идут уже в 12 провинциях, численность бандформирований достигла 40 тысяч. А ведь еще весной, когда в Кунаре начались первые стычки, он предложил на Ревсовете выжечь все на три километра вдоль дорог, где душманы осмеливались нападать на колонны правительственных войск. Убить контрреволюцию в самом зародыше, показать остальным, что может ожидать противников Кабула.

Нет же, Тараки послушался советских. Побоялся, когда Заплатин и Горелов заявили, что не только не будут сами участвовать в разработке этой операции, но и запретят советникам. А настоял бы тогда Тараки на своем, поставил советников на место - был бы и другой расклад. Теперь же приходится расплачиваться новой кровью.

Словом, решительность и еще раз решительность. А для этого надо чуть приподняться, повести плечами, вздохнуть поглубже. Очень кстати были бы советские войска...

Необходимое послесловие. Чтобы в какой-то мере подстегнуть советское руководство на ввод войск, Амин 20 декабря прислал в Ташкент заместителя начальника Генерального штаба, наделив его полномочиями привести с собой советские войска. Для этого была подготовлена и выдана карта с обозначением мест, где могли бы разместиться советские полки и батальоны.

Командующий войсками ТуркВО генерал-полковник Максимов переправит афганского представителя в Термез, где генерал-лейтенант Тухаринов под руководством оперативной группы Соколова и Ахромеева спешно формировал 40-ю армию. 24 декабря, за сутки до ввода войск, Тухаринов вместе с афганцем перелетит на вертолете границу, посетит в Кундузе Абдуллу - старшего брата Амина, который отвечал за северные провинции Афганистана. Он, получивший от Хафизуллы приказ принять советские войска, укажет Тухаринову места, где хотел бы видеть их размещение.

Одного опытного взгляда на местность было достаточно, чтобы понять: все советские части находились ниже афганских частей, прекрасно просматривались и при случае обстреливались. Мало чего добившись от Абдуллы, Тухаринов передал свои соображения маршалу Соколову.

Вскоре в Кабул главному военному советнику Магометову пришло указание пересмотреть все места дислокации советских подразделений после прибытия в республику.

Документ (перехват зарубежной радиоинформации):

"Би-би-си. Лондон.

На хинди.

23 декабря 1979 года. 20.30.

В Вашингтоне выражают озабоченность в связи с известиями о концентрации на границе с Афганистаном Советских Вооруженных Сил.

Американские чиновники утверждают, что в настоящее время на границе с Афганистаном сосредоточены и находятся в боевой готовности 30 тысяч советских солдат и инструкторов".

Вторая половина декабря 1979 года. Термез.

На правом, заросшем камышом берегу Амударьи заканчивались последние приготовления к броску на афганскую сторону. Основной состав 40-й армии призванные из запаса отцы семейств. Поначалу, оторвавшись от дома, жен, работы, они прошли широким фронтом по всем близлежащим магазинам, но результаты этой ходки нанесли сокрушительный удар по "партизанской" вольнице: еще неделю назад по личному указанию Рашидова в Термезском районе на весь период сборов ввели сухой закон.

Волей-неволей пришлось заняться делом, которого наваливалось все больше и больше. Непрерывно шли из колхозов и городов машины. Прилетели Соколов и Ахромеев; поставив свой КП на берегу реки, на виду у всего лагеря, затянули гайки дисциплины так, что приписники начали ходить не только строем, но и в ногу.

Напряженно работали штабы. Составлялись списки личного состава: военный педантизм требовал передать пограничникам пофамильные списки убывающих за границу. По аэрофотоснимкам намечались пути выдвижения колонн. Командиры, выросшие в погонах и должностях в будние серые дни, почувствовав дело, дело сложное, но вроде бы без особых опасностей, окунались в него с головой и страстным желанием наконец-то доказать, чего они стоят. Государственная политика соединялась с человеческими слабостями, и уже трудно было представить силу, которая могла бы перевернуть или остановить ход истории. Еще значило что-то слово Брежнева, но к этому времени, к сожалению, он полагался во всех делах на свое окружение. А придворная камарилья, более всего боявшаяся перемен в верхних эшелонах власти, не давала усомниться: все, что во благо революции, законно. Этому учили Маркс и Ленин. Поэтому надо спасать вторую Монголию. А спасая ее, решим заодно и множество стратегических задач в данном регионе.

И получили уже понтонеры задачу наводить переправу:

строительство моста Дружбы от советского Термеза к афганскому городу-складу Хайратону только началось, пограничные катера для переброски армии были каплей в море, и два берега сцепляли металлическими звеньями понтонов. Вот тут-то и узнали армейцы, что имеет Амударья и другие названия - Джейхун, то есть "бесноватая", а также "место крови" (джей - место, хун - кровь). Да только что нам символы, когда задача поставлена, а мы все сплошь - атеисты? И хотя Аму раз за разом размывала песок в местах сцепления моста с берегом, понтонеры тут же принимались за работу снова. В конечном итоге выручил местный опыт приписников: по их совету берега укрепили камышом, и мост лег надежно и прочно.

Успокоились на время и оставшиеся зимовать в водах реки утки да гуси, а на притаившийся лагерь в ожидании смотрели лишь палатки командного пункта опергруппы Генштаба да издали темная голова Орлиной сопки - самой жаркой точки в Советском Союзе, отмечавшей два года назад температуру свыше 73 градусов. Жаркое место. Впрочем, символы в самом деле здесь ни при чем...

Менее интенсивно, вторым эшелоном - это если вдруг потребуется, готовилась мотострелковая дивизия в Кушке. У нее не предвиделось особых сложностей: путь до Герата и Шинданда предстоял по отличной равнинной трассе. Ни хребтов, ни перевалов - прогулка35.

А вот на аэродромах подскока среднеазиатского узла маялась неизвестностью десантная дивизия полковника Рябченко. Кончались прихваченные с собой сухпайки, солдаты ходили небритые, невыспавшиеся, нервные - ну куда таких вести в бой? И комдив в конце концов вышел на связь с командующим войсками Среднеазиатского округа генерал-полковником Лушевым: прошу полевые походные кухни, душевые, кровати.

Командующий сам прилетел к десантникам:

- А куда это вы направляетесь?

- На учения. В Монголию, - судя по вопросу, командующий не знал об афганском варианте, и комдив назвал первую вспомнившуюся страну.

- Куда? Да вы хоть знаете, где она, Монголия? Через Китай, что ли, полетите? Вечно вы, десантники, со своими шуточками. А почему в дивизии все без погон?

- Так определили форму одежды на период учений.

- Анархия, - бросил Лушев, улетая в Алма-Ату. А там уже и его ждала новость: Генеральный штаб поднял по тревоге один из полков, стоявших близ границы с Афганистаном.

24 декабря рано утром Рябченко созвонился с Сухоруковым:

- Товарищ командующий, дайте хоть какую-то определенность.

- А куда бы ты хотел лететь?

- Конечно, домой. В Витебск.

- Ну что ж, видимо, твое желание сбудется. Готовься потихоньку домой.

Ответ Сухорукова был не случаен: сомнения в применении войск все еще бродили в недрах Министерства обороны хотя бы уже потому, что ограниченному контингенту до последней минуты так и не была поставлена конкретная задача. Однако в это же самое время в Кабуле проходило совещание, которое наконец и расставило все точки над "i".

Глава 24

"НАЗНАЧАЕТСЯ ОПЕРАЦИЯ "ШТОРМ". - ВЫСТРЕЛЫ ПРОЗВУЧАЛИ РАНЬШЕ. - СМЕРТЬ АМИНА. - ВОЗВРАЩЕНИЕ "МУСУЛЬМАНСКОГО" БАТАЛЬОНА. - ПОЗДРАВЛЕНИЕ Б. КАРМАЛЮ.

24 - 25 декабря 1979 года. Кабул.

Усаживались долго: кабинет представителя КГБ Бориса Ивановича (фамилию нет смысла называть, все равно она вымышленная) оказался небольшим, не хватало и стульев. Справа от хозяина сел Магометов, поближе к начальству протиснулся и советник при Джандаде полковник Попышев. Несколько комитетчиков вошли со своими стульями и сели у стены. Василий Васильевич Колесов, его заместитель по "мусульманским" делам, подполковник Швец и майор Халбаев заняли места у входа.

Больше и заметнее всего нервничал Магометов. Пять дней назад, 19 декабря, ему позвонил Устинов.

- Как идет подготовка к операции "Шторм"? - после традиционных "как дела" спросил министр обороны.

- Какой "Шторм"? - не понял Солтан Кеккезович.

- Как "какой"? - удивился в свою очередь Устинов. - Вы что, не знаете о предстоящей операции?

- Не знаю, товарищ маршал.

- Вам звонил Андропов?

- Никак нет.

- А его представитель, товарищ Иванов, что-нибудь говорил?

- Тоже нет.

- Да-а, - протянул министр. - Ладно, это наши неувязки. Узнайте все у Иванова, вникните во все детали и знайте, что за ход операции отвечаете лично вы. До свидания.

- Ни о какой операции я не знаю, - попытался сделать удивленное лицо Иванов, когда Магометов приехал к нему в посольство.

- Как не знаете? Мне звонит министр обороны, член Политбюро и ставит задачу, а вы делаете вид...

- Да какая там операция, - махнул рукой, сдаваясь, комитетчик. - Так, по мелочам. Чисто наше, специфическое.

"Мелочи", однако, оказались существенными. Уже на следующий день, 20 декабря, пришло указание Генштаба перебазировать из Баграма в Кабул "мусульманский" батальон. В тот же день Иванов наконец раскрыл карты: в Кабуле в ближайшее время должна поменяться власть, и задача советников - не допустить кровопролития и междоусобицы во время этой смены. По возможности изолировать, а где нужно, отстранить от командования войсками афганских офицеров, если они попытаются поднять людей. Дворец Амина, мосты, радио, телевидение, банки и тому подобные атрибуты всякого переворота блокирует батальон Халбаева. Самим Амином занимается группа полковника Бояринова, составленная из представителей Комитета госбезопасности и которая присоединилась к "мусульманскому" батальону перед самым вылетом в Афганистан и под его прикрытием тоже приземлилась в Баграме.

В то же самое время Магометов получил указание пересмотреть и места, где расположатся советские части.

- Какие части? Зачем? Я ничего не понимаю, - разводил руками главный военный советник. - Я всего месяц назад был у руководства страны, и никто ничего и намеком не дал понять о намечаемом.

Однако дело военных - выполнять приказы. Пришлось Магометову напрашиваться на прием к Амину, просить показать ему схему расположения частей. Амин вызвал начальника Генштаба полковника Якуба, втроем они вышли из кабинета во дворик, чтобы исключить любое подслушивание - то, что советские войска все-таки войдут в Афганистан, Амин держал в секрете даже от членов правительства.

С первого взгляда на схему было видно, что Якуб не зря провел время в академии Фрунзе: все советские части находились под контролем афганцев, в крайне невыгодных точках. Почти три часа изворачивался Солтан Кеккезович, чтобы переменить места дислокации. Переводчику Плиеву иной раз казалось, что Амин не сдержится - настолько решительно перечеркивал Магометов нарисованные его рукой знаки, но все же первым сдался именно Хафизулла, махнул рукой:

- Ладно, решайте все вопросы с начальником Генштаба. Как решите, так и будет.

Перед Якубом главный военный советник мог уже не только

зачеркивать старые знаки, но и рисовать свои. Практически все части были выведены из-под ударов, если таковые, конечно, подразумевались.

Нервничал на совещании и Халбаев, хотя и по другому поводу. 20 декабря генерал-лейтенант Гуськов, "вечный дед", как прозвали его в Баграме десантники, поставил ему задачу совершить ночной марш на Кабул. Тут же сделал расчеты: расстояние - 80 километров, это на два часа движения.

Хабиб Таджибаевич успел хорошо изучить эту дорогу от Баграма до Кабула. Как-никак, а трижды за несколько дней пребывания в Афганистане его вызывали в столицу. Первый раз представлялся главному военному советнику, второй раз его повезли во Дворец Народов.

Сопровождавший посоветовал словно между прочим?

- Запоминайте коридоры, ходы, выходы, посты, лица. Водил долго, и в одном из коридоров вроде бы случайно нос к носу столкнулись с коренастым мужчиной с густой черной шевелюрой.

- Здравствуйте, товарищ Амин, - дружелюбно поздоровался с ним сопровождавший Хабиба посольский работник. - А это, товарищ Амин, командир батальона, который будет вас охранять.

Амин цепко оглядел Халбаева.

- Сколько у вас человек? - неожиданно спросил он.

Халбаеву перевели, и он назвал цифру, которую посоветовали указывать в посольстве:

- Четыреста.

На самом деле, если считать и группу "Зенит", возглавляемую Бояриновым и растворившуюся в батальоне, уже насчитывалось более пятисот пятидесяти человек.

- Сам Дворец охранять не надо, у меня надежные люди, - Амин оглянулся на стоявшего позади него высоченного майора. Тот утвердительно кивнул. Расположитесь где-нибудь на окраине Кабула, на всякий случай. Все распоряжения вам будет отдавать майор Джандад. - Амин опять кивнул на майора и так же стремительно, как и появился, исчез в одном из коридоров.

Через день после этого Халбаева вновь вызвали в Кабул. Однако на этот раз привезли в другой Дворец, стоявший на одном из холмов на окраине города. Здание готовили к заселению: навешивали хрустальные люстры, натирали полы, стелили ковры. На улице перед входом в огромных глиняных чашах высаживали цветы. Чуть в стороне, повыше, светился стеклом похожий на шайбу ресторан.

И вновь Хабиба водили по пустым залам, коридорам, подвалам: смотри и запоминай, скоро Дворец приготовят для Амина, а система охраны здесь не отработана, поэтому найдется

место и "мусульманскому" батальону поближе к афганскому лидеру, а не где-то на окраине. Поближе. На всякий случай.

Так что три эти поездки в Кабул позволили майору узнать и дорогу туда. Два часа на марш, выделенных Гуськовым, показались преуменьшенными, но возражать не стал. Постарается уложиться, сорок километров в час для его механиков - цифра вообще-то реальная. Меньше вроде и просить стыдно.

Однако пыль, темнота, чередование в колонне колесных и гусеничных машин сделали свое дело: майор привел батальон в Кабул только через четыре часа.

- Если вы с самого начала выполняете задачи такими темпами, то что будет, когда получите более серьезную задачу? - не сдержал раздражения Гуськов.

На следующий день прилетели из Москвы Василий Васильевич Колесов и подполковник Швец. Гуськов представил их Джандабу, взявшему власть над батальоном в свои руки, как заместителей комбата по боевой подготовке и разведке, но Хабиб Таджибаевич понял, что они прилетели снимать его. Колесов пока ничего не говорил, лишь расспрашивал о марше офицеров и сержантов. Но комбату было ясно, что вопрос со снятием с должности - дело времени. Как же он подвел Василия Васильевича...

Сам Колесов ждал начала совещания на первый взгляд невозмутимо. Срочный вызов в Кабул его не встревожил: сколько такого срочного за службу пережито, станешь каждый раз умирать и волноваться - быстро вынесут вперед ногами.

Как раз к прилету случилась и ситуация с Халбаевым, но, поговорив с офицерами, решил: наказывать комбата особо не за что. Тем более глупо было менять командира батальона накануне событий, связанных со "Штормом". Вчера Магометов и Иванов, вызвав его к себе, спросили, что называется, в лоб:

- Если бы вам отдали приказ захватить Дворец Амина, как бы вы действовали?

Амин лишь недавно переехал в здание, отремонтированное специально под его резиденцию. Хафизулле, с одной стороны, самому не терпелось оказаться в роскошнейших апартаментах, но с другой - Дворец Дар-уль-аман стоял на окраине города, и система охраны, как еще раньше говорилось Халбаеву, не обеспечивала безопасности. Однако нашлись, как понял Василий Васильевич, люди, которые подогрели самолюбие главы государства: ах, такой правитель, как вы, достоин только подобного Дворца. А насчет охраны - батальон Халбаева стоит без дела, определите ему задачу.

Амин клюнул на лесть, чем помог "доброжелателям"

завершить пока что главное - убрать Амина подальше от центра города, где он находился под достаточно надежной защитой. Пришлось обращаться и к помощи Халбаева: батальон расположился в каких-нибудь пятистах метрах от здания.

Теперь это связывалось воедино, и последняя точка напрашивалась сама собой - взятие Дворца.

Василий Васильевич оглядел тогда Магометова и Иванова: насколько серьезен ваш вопрос? Понял, что такими вещами не шутят.

- А какие условия?

- Реальные. То, что на сегодня. С расчетом, конечно, что рядом с Дворцом уже стоят зенитно-ракетный и танковый полки. Плюс одиннадцать объектов в городе, которые необходимо тоже будет взять под свой контроль.

- Наши силы?

- Батальон Халбаева и "Зенит". Можем дать еще одну роту из Баграма, но это в крайнем случае.

- Когда представить расчеты?

- Завтра утром.

И вот это утро наступило. И приглашенных - полный кабинет. Значит, сегодня - окончательное решение по Дворцу. Неужели все-таки решили брать его?

Василий Васильевич развернул небольшой тетрадный листок, на котором одному ему известными знаками он делал расчеты на проведение операции. Что ж, он доложит то, что думает. А думает он об отмене "Шторма".

- Начнем, товарищи, - поднялся Борис Иванович. Армейские офицеры посмотрели на Магометова: кому подчиняться - вам или представителю КГБ? Солтан Кеккезович, поняв эти взгляды, тем не менее никак не отреагировал на них, дав понять: старший здесь - хозяин кабинета, слушайте его.

- Полковник Попышев, докладывайте, - продолжил тот.

"Значит, прорабатывать план поручили не только мне", - понял Колесов и, откинувшись на спинку стула, стал внимательно слушать советника из бригады охраны. Но после того как Попышев, утерев со лба пот, сел, усмехнулся: весь доклад свелся к названиям улиц и объектов, к которым должен разойтись, расползтись, растащиться батальон.

Борис Иванович словно уловил его усмешку:

- Василий Васильевич, ваш вариант?

- Я бы отказался выполнять приказ теми силами, которые имеются в наличии, - сказал, вставая, Колесов. Находившиеся в кабинете оживились: после радужного и спокойного доклада Попышева такое категоричное заявление...

- Почему? - пристально посмотрел Борис Иванович.

- Соотношение сил - один к ста двадцати. Нападающих - один, обороняющихся - сто двадцать, - уточнил Колесов. - Конечно, используя элемент внезапности, можно захватить некоторые объекты, но чтобы затем удержать их - это нереально. Надо опуститься на землю и решить: или провалить операцию, или вообще не начинать ее.

- А если все-таки начинать? - переждав мгновение после резкого ответа полковника, спросил Борис Иванович.

- Могу предсказать исход: через тридцать минут операция захлебнется, а вы объявите, что взбунтовались пьяные офицеры. Извинитесь перед афганским руководством, а нас - к стенке и расстреляете.

- Ну вы скажете, - улыбнулся комитетчик.

- Реально батальон Халбаева может захватить только один Дворец и удерживать его какое-то время. Дополнительно, но уже с натяжкой, может блокировать и зенитно-ракетный полк, если к тому же помогут советники. И все. В соотношении это будет один к десяти, но в целом реально.

Борис Иванович и Магометов переглянулись и, в чем-то поняв друг друга, молча вышли. Оставшиеся вначале думали, что они вышли посовещаться наедине, но прошел час, второй, а их все не было. Значит, начальство звонило в Москву.

Когда в полном молчании были выкурены почти все сигареты, вернулись главный военный советник и комитетчик.

- Я доложил в Москву все соображения, которые прозвучали здесь, сообщил Борис Иванович. - Но "Шторм" не отменяется. И первое, что необходимо, - это назначить руководителя операции. Выбрать и утвердить этого руководителя поручено мне. Я считаю, что общее руководство действиями должен возглавить генерал-полковник Магометов.

Это было новостью, видимо, и для самого главного советника; услышав свою фамилию, он некоторое время соображал, потом поднял вверх палец:

- Борис Иванович, погодите. Я - главный военный советник. Меня в любую минуту может вызвать к себе Амин и дать какое-то задание, услать в любой район. Давайте подумаем о другом варианте, чтобы избежать накладок.

Борис Иванович, соглашаясь, покивал головой, потом повернулся к Попышеву: в руководителях он видел только советников.

- А меня вообще любой может послать куда угодно, - тут же открестился полковник.

Все улыбнулись двойному смыслу слов, и Попышев

заторопился объясниться:

- Я ведь тоже советник, меня...

- Василий Васильевич, а кем вы были до работы в ГРУ? - перебил Борис Иванович, обратившись к Колесову.

- Комбригом.

- Тогда вам и карты в руки.

- Я свое мнение высказал.

- Мы доложили его в Москву. Теперь вам нужно переговорить лично с Сергеем Федоровичем Ахромеевым.

Необходимое послесловие. Ахромеев поинтересуется у Колесова:

- Это вы докладываете, что задача для одного батальона невыполнима?

- Я.

- Обоснуйте.

- Тем количеством сил, которое сейчас здесь, мы можем выполнить только одну задачу: взять Дворец или блокировать полк.

- Вы, как руководитель операции, настаиваете на этом?

- Да.

Ахромеев помолчит, потом прикажет:

- Хорошо, дайте об этом письменную шифровку за своей подписью и подписью Магометова.

После получения шифровки военных в Москве перед руководством страны станет окончательный вопрос; отменять операцию или вводить в Афганистан дополнительные силы? Но маховик по вводу был уже запущен, и 24 декабря командарм Тухаринов получит время "Ч": границу перейти 25 декабря 1979 года в 15 часов московского времени.

25 декабря утром придет ответ и в Кабул: с батальона Халбаева снимаются все объекты в городе, задача теперь одна - обеспечить прорыв к Дворцу группы "Зенит".

Согласно этим же указаниям получит уточнение по своим войскам и командующий ВДВ Сухоруков. Если первоначально десантники после приземления должны были, не заходя в Кабул, стать заслонами на путях наиболее вероятного подхода банд, то теперь на них переложились объекты, снятые с "мусульманского" батальона. Были наконец названы и места приземления: аэродром № 1 - Кабул, аэродром № 2 - Баграм, третий, кандагарский, из-за сложных климатических условий решено было отменить.

В расположение батальона Халбаева в крытых автомобилях привезут пятерых афганцев с наклеенными бородами и в париках. Время "Шторма" было назначено на 22 часа 27 декабря. Сигналом к началу атаки послужит взрыв на площади Пуштунистана, около

центрального телеграфа.

25 декабря 1979 года. Кабул.

Только два человека могли реально повлиять на события, до минут рассчитанные в Москве, - сам Амин и его шурин, начальник Генерального штаба полковник Якуб. И если Амина с самого начала взял на себя Андропов, то Устинову предстояло вывести из игры полковника.

Задача выходила для военных не менее сложная: кроме того что Якуб был женат на сестре Амина, что с самим Хафизуллой его связывали кровь Тараки и другие массовые расстрелы, что он имел вес в армии и его приказы выполнялись безоговорочно, начальник Генштаба еще прекрасно понимал русский язык, и любое неосторожное слово советников могло или свести на нет всю операцию, или пролить много лишней как русской, так и афганской крови.

Начинать же таким образом новый этап Апрельской революции советские руководители, имевшие перед глазами опыт других революций и переворотов, не желали сами и старались уберечь от этого новое правительство во главе с Бабраком Кармалем, которое к этому времени уже нелегально было переправлено в Баграм.

И хотя за самим Якубом числились десятки уничтоженных семей, на первом этапе от него требовалась если не поддержка переворота, то хотя бы нейтралитет.

Из-за Якуба пришло первое более-менее конкретное указание Магометову в том "Шторме", предгрозовой запах которого он чутко улавливал настороженным нюхом старого вояки, - это добиться послушания Якубом советских советников, в новом правительстве гарантировать ему любые должности.

...Александра Ивановна затевала стирку, когда вбежал переводчик мужа Кузнецов:

- Александра Ивановна, Солтан Кеккезович срочно приказал накрыть праздничный стол. Он пригласил Якуба к себе на день рождения.

- Так день рождения у Солтана уже был.

- Александра Ивановна, срочно. Они уже едут сюда, у вас десять минут.

Метнулась на кухню: раз Солтан сказал "срочно", значит, разговаривать нечего. Принялась сервировать стол.

К следующему звонку в дверь все оказалось почти готово.

Горазд на выпивку оказался полковник Якуб. За день рождения, за советско-афганскую дружбу, за боевое братство - до краев наполненные рюмки легко и охотно осушал начштаба. А самолеты с советскими десантниками уже загудели над Кабулом -

и вновь повод - за боевое содружество, за крепость и нерушимость дружбы, а в алаверды - добавлении к тосту - осторожные пока что пожелания афганскому военачальнику и в новых условиях быть на высоте своего положения. С тревогой поглядывала на разошедшегося мужа красавица жена, но, верная традициям Востока, не смела вмешиваться в разговор мужчин.

А они вышли перекурить на балкон, который, сами невидимые в темноте, держали под наблюдением на соседнем балконе переводчики и сотрудники КГБ.

- Наверное, с приходом наших войск кое-что изменится и в вашем правительстве? - не забывали подворачивать разговор шурави.

Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке - пословица верна, видимо, не только для русских.

- О да. Теперь товарищ Амин станет намного сильнее, - не понимал игры на дальних подступах полковник.

- А не получится, что в новой ситуации товарищ Амин сам потерпит поражение от своих противников? - положил снаряды ближе Магометов.

- Товарищ Амин? Никогда! За него армия и лучшие люди партии, несмотря на уже свистящие над его головой осколки, не думал зарываться в землю или хотя бы отползать в сторону Якуб.

- И вы, конечно, всегда, при любых обстоятельствах будете с Амином? не била только что в "яблочко" советская артиллерия.

- Всегда. Только с товарищем Амином, - не пригнулся даже под таким выстрелом в упор полковник.

- Такая преданность всегда похвальна, - перевел огонь на более безопасное место Магометов и, накоротке переглянувшись с товарищами, вообще прекратил "стрельбу": - Ну что, еще по одной?

А в вечернем небе уже начали гудеть Ил-76 с десантниками Рябченко на борту. Однако ударный отряд ОКСВ на аэродроме главный военный советник не встречал: ради меньшей крови с обеих сторон за выпивкой выводился из игры начальник афганского Генштаба.

Необходимое послесловие. Во многих полках и дивизиях в этот вечер и последующие два наши советники сидели за бутылкой русской водки с афганскими офицерами. Там, где это не удавалось или где командир был ярый сторонник Амина, советники готовили себе места в танках, которые выходят в колонне третьими: по третьим ни при каких условиях огонь бы не открывался...

27 декабря 1979 года. 17 часов 10 минут. Кабул.

Ломрай бридман36 Насрулла, дежурный по штабу

Центрального корпуса, через окно увидел идущих к нему патрульных с двумя незнакомыми мужчинами. Торопливо поправил звездочки на зеленом погоне - не держатся, второй раз за сегодня срываются. И вообще, не к добру это, когда у офицера с погон слетают звезды. Набросил китель, застегнулся.

- Товарищ старший лейтенант, - один из патрульных просунул в дверь голову. - Тут два специалиста пришли, говорят, надо проверить связь.

- Веди сюда, - разрешил Насрулла.

Кабульский главпочтамт входил в зону ответственности корпуса, и задача дежурного - проверять документы у связистов, лазающих в шахты перед почтой.

- Проверить связь, - подтвердил один из связистов, подавая новенькие документы.

Фамилии, печать, разрешение - все в порядке.

- Мы на площади Пуштунистана будем работать, - добавил связист. Где-то кабель порвало.

В такие сложности, как связь, шахты, кабель, старший лейтенант вникал меньше всего. Был он инструктором политотдела, на партийную работу выдвинули с должности строевого командира, которым тоже пробыл всего несколько месяцев. Да и в офицеры попал случайно - за свое землячество с Нур Мухаммедом Тараки. Об этом, правда, при Амине вспоминать стало опасно, вообще, можно было удивляться, что он остался не просто жив, не просто в армии, а и на ее главном участке - партполитработе. Другие - те, кто выдвигался на партийные посты вместе с Насруллой, - давно исчезли или были разжалованы в рядовые, а к Насрулле Аллах, видимо, милостив. Может, с приходом шурави что-то изменится в этой жизни, но советские пока никак не проявляют себя: вошли, стали гарнизонами - и тишина. Только "уазики" их чаще, чем при советниках, мелькают на улицах. Как-то теперь пойдет революция? Не приведи Аллах, если они станут поддерживать Амина. Тогда всё. Тогда о себе надо думать...

- Мы пошли, - напомнил о себе связист.

- Да, конечно, работайте.

Специалисты, теперь уже без патрульных, пересекли площадь напротив почтамта, вдвоем подняли крышку люка. Старший спустился в шахту первым, напарник передал ему ящик с инструментами и, оглядевшись, полез вслед за ним. Люк остался открытым, и Насрулла подумал: как бы кто не упал туда. Скоро сумерки, а сколько проработают под землей связисты - кто ж их знает.

"Если через час не вылезут, надо будет поставить там одного

патрульного, - подумал старший лейтенант. - Не хватало еще, чтобы в мое дежурство туда кто-нибудь упал и свернул себе шею".

Это напомнило о так и не закрепленных звездочках, и он вновь снял китель.

27 декабря 1979 года. 16 часов 30 минут. Кабул.

Ах, пандшанба - святой и лукавый для мусульманина день. Скажи "пандшанба" мужчине - и он подмигнет, гордо расправит плечи. Зардеется женщина, отведя взгляд, и побыстрее займется какой-нибудь работой. Пандшанба - это скорее дух, это ожидание, предвкушение чего-то светлого, лучшего. И не пытайтесь искать здесь перевод, ибо просто перевод ничего не прояснит и не расскажет, так как означает один из дней недели - четверг.

Правда, четверг на Востоке - это как наша суббота. Конец недели. Завтра - выходной. Хозяйка пересмотрит все запасы и обязательно разведет огонь - калить масло. Значит, будет в доме плов, и, может быть, впервые за всю неделю семью ожидает плотный ужин. Ублаженный едой, сытый, довольный мужчина обязательно придет в эту ночь к жене. Ах, пандшанба - лукавый и безоглядный день недели.

Назначил на этот день прием во Дворце и Амин. К обеду приглашались члены Политбюро с женами, а в 14 часов пожелал он выступить перед высшим командным составом армии и журналистами. Речь - о политическом положении в стране и причинах приглашения советских войск. Начальник Главпура Экбаль Вазири планировал ответную речь.

Однако вместо Амина к собравшимся вышел встревоженный врач:

- Товарищи, выступления Хафизуллы Амина не будет. Он плохо себя чувствует после обеда. Я думаю, что это отравление.

...По четвергам в Кабуле подавалась в дома и горячая вода. На два-три часа, но успеть помыться, затеять стирку можно. Главное, не прозевать это время, поймать, когда заработают трубы.

Утром 27-го они молчали, и полковник Анатолий Владимирович Алексеев, старший среди советников в афганском госпитале, разрешил врачам задержаться с обеда, если вдруг воду включат в это время. Да и по опыту уже знал: если день прошел относительно спокойно, то ночь уже жди крутежную.

Впрочем, с приходом наших войск обстановка в Кабуле стала намного спокойнее. Да и из посольства дали команду: с сегодняшнего дня всех советских больных отправлять в медсанбат к десантникам. К десантникам так к десантникам, хотя, съездив к ним в дивизию, расположившуюся на пустыре за аэродромом, он увидел из медсанбата только несколько наспех поставленных

палаток.

- Справитесь? - озабоченно спросил начмеда, тут же руководившего сортировкой ящиков с медимуществом.

Тот, сбив на затылок шапку, смерил взглядом стоявшего рядом мушавера: за кого нас принимаешь, перед тобой - ВДВ, а не какая-нибудь пехота с "солярой". Словом, старая песня: ВДВ - это щит Родины, а все остальные войска лишь заклепки на этом щите.

- Ну-ну, - усмехнулся в свою очередь и Алексеев, по Ленинграду зная неистребимый десантный гонор. - Но на всякий случай, чтобы знали: госпиталь - вон та крыша в центре города, видите? Если что - сразу к нам.

Выбираясь с занесенного снегом пустыря на дорогу, подумал: жизнь рассудит. Дай Бог, как говорится, чтобы все у них обошлось своими силами, да только... А, что загадывать. Полгода назад, на инструктаже перед отправкой в Афганистан, им сказали:

- От вас, врачей не должно исходить никакой политики, симпатий или антипатий. Ваша политика там одна - высочайший профессионализм. Лечите людей, а не идеологию.

Группа подобралась достаточно сильной. Настолько сильной, что уже через месяц работы афганцы назначили во главе основных отделений госпиталя военных медиков. Обиделись, правда, гражданские врачи, приехавшие намного раньше, но было бы за что: они, как правило, считались специалистами в какой-то одной области, работали выборочно. Офицеры же могли вести операции вне зависимости от локализации ранений - и на черепе, и на животе, и на конечностях. Словом, кто поступил - тот и наш. Тем более что раненых становилось все больше и больше с каждым днем, а пули и осколки - они не разбирают, куда им впиться в человека.

Единственное, с чем вышла небольшая неувязка, так это с операционными сестрами. Формируя группу, Анатолий Владимирович вместо медсестер взял парней-фельдшеров, беспокоясь в первую очередь о бытовом устройстве группы. Но когда на первой же операции фельдшер спокойно поднял с пола упавший скальпель и положил его под руку хирургу, Алексеев отметил: раз дано женщине находиться рядом с раненым - значит, так и должно быть и ничего мудрить здесь не надо.

Но в целом советские врачи были для афганцев хоть и "неверными", но святыми. Видимо, на грани между жизнью и смертью фанатизм у людей все же изрядно истощается, и любая соломинка, обещающая спасение, становится ближе и надежнее, чем вроде бы вечный и нерушимый постулат. Не о всех, конечно, речь, но на плановые операции больные просились только к шурави. А весь секрет-то - наши врачи после операции хоть раз-

другой, но подойдут, поинтересуются здоровьем. И бесплатно. А ведь были в кабульском госпитале врачи индийской, турецкой, английской и французской школ, о которых в Союзе говорили с уважением. Здесь же авторитеты устанавливала практика: только к шурави или, в крайнем случае, к тем афганцам, которые учились в Советском Союзе.

Приехав домой, Алексеев наскоро перекусил и, когда во время чаепития пошла хоть и не очень горячая, но все же и не холодная вода, постоял, блаженствуя, под душем, до красноты растерся полотенцем: эх, в баньку бы! Набросив куртку, вышел на балкон покурить. И тут же увидел, как из стремительно подъехавшего "уазика" выскочил Тутахел - главный хирург госпиталя. Увидев на балконе Алексеева, афганец замахал руками.

- Что случилось? - крикнул Анатолий Владимирович, хотя ответа дожидаться не стал: то, что произошла какая-то беда, это ясно и без слов. А раз так, то теперь главное - быстрее все увидеть собственными глазами.

- Что? - все же спросил у Тутахела, выскочив уже одетым из подъезда.

- Надо ехать во Дворец, там большое несчастье, - распахивая дверцу машины, растерянно ответил главврач.

В "уазике" уже сидели терапевт полковник Виктор Кузнеченков и один из гражданских врачей-инфекционистов.

- Во Дворце большое несчастье, - не отводя взгляда от дороги, забитой рикшами, водоносами, осликами, легковушками, стадами баранов, повторил афганец. - Очень много отравленных. Сильно отравленных.

Алексеев повернул голову к Кузнеченкову, но Виктор как мог в тесноте пожал своими широкими плечами: сам ничего не знаю.

- А Амин? - осторожно спросил Алексеев.

Афганец скосил глаза на водителя и ничего не ответил.

"Значит, и Амин", - понял полковник.

С Амином ему приходилось встречаться несколько раз. Сначала мельком это еще при жизни Тараки, но в сентябре, когда произошла та злополучная перестрелка между охраной Тараки и Амина, в госпиталь привезли изрешеченного пулями аминовского адъютанта Вазира Зерака.

- Анутуль Владимирович, Амин попросил, чтобы адъютанта оперировали только советские, - прибежал в операционную Тутахел.

Советские - значит, советские. Собрали, кто быт под рукой, простояли у стола три часа - спасли Вазира. А когда дело у того пошло на поправку. Амин, уже глава государства, выделил для

своего адъютанта личный "Боинг", и Алексеев с Тутахелем вдвоем сопровождали единственного пассажира сначала в Москву, в больницу 4-го управления, а потом и в санаторий.

Про эту перестрелку ходило много самых разноречивых слухов. По одним после того как упал под пулями Тарун, Вазир закрыл своей грудью Амина. По другим - Амин инсценировал нападение сам. Мол, если бы захотели убить Амина, подпустили бы еще на два шага ближе и расстреляли в упор. Да и при входе во Дворец стоял танк, и по дороге к Министерству обороны стояло их еще немало - при желании они могли разнести машину, в которой уезжал "ученик" с истекающим кровью адъютантом, в клочья и дым. Но... "Ваша политика - высочайший профессионализм". Надо было - он спас Вазира. Потребуется помощь Амину - он сделает все, что зависит от него, врача. В остальном пусть разбираются политики, советники, КГБ - кто угодно и кому это интересно.

У входа во Дворец их уже поджидали, но первым делом резко потребовали сдать оружие. Обычно, входя в здание, мушаверы сами сдавали пистолеты дежурному. Сегодня же быстрые и сильные руки обыскали их, подтолкнули к двери. Стоявшие рядом афганские офицеры проводили их недовольными, чуть ли не враждебными взглядами. Начальник Главпура Экбаль рвал на кусочки листки с каким-то выступлением. "Что это они, как будто я виноват", - подумал Алексеев, открывая тяжелую дверь.

Войдя в вестибюль, врачи тут же замерли и поняли афганцев. На полу, на ступеньках сидели, лежали в самых неестественных позах люди. Куда там немой сцене в "Ревизоре" - такие позы не придумаешь, они могут быть только при массовом остром отравлении.

Алексеев переглянулся с Кузнеченковым - да, отравление. Первым делом сортировка: кому помогать в первую очередь, кто потерпит. И отправить из Дворца всех гражданских медиков: там, где творится что-то непонятное, лишним лучше убраться. А больным - противоядие. Есть ли во Дворце какие-нибудь, лекарства?

Склонились, над лежащей на полу женщиной, но по лестнице буквально скатился начальник госпиталя Валоят.

- Наконец-то, - со вздохом облегчения проговорил он и схватил врачей за руки. - Этих оставьте, не до них. Там Амин в тяжелом состоянии.

До второго этажа два лестничных пролета. Когда-то на ступеньках стреляли в Амина, теперь эти ступени вновь отделяют его жизнь от смерти. Если еще не поздно - удалить яд из организма, промыть желудок, заставить работать почки, не дать

остановиться сердцу. Черт, но они же с собой ничего не взяли.

Амин, раздетый до трусов, лежал на кровати. По отвисшей челюсти, закатившимся зрачкам и заострившемуся носу было ясно, что они уже опоздали, но, словно всю жизнь работали в паре, Алексеев и Кузнеченков без слов подхватили Амина, потащили в распахнутую дверь ванной. Она была уютной, но не такой большой, чтобы спасать в ней отравленного хозяина, однако выбирать не приходилось.

Мешая и помогая друг другу, сделали уколы - Валоят уже стоял в дверях со всем необходимым. Промыли Желудок. Амин - он крепкий, надо побороться...

- Есть пульс, - уловил слабое биение жилки на запястье Кузнеченков.

Из ванной - вновь на постель: уколы, давление, пульс, уколы. Появились две капельницы с физраствором, и Алексеев ввел иглы в вены обеих рук. Замерли, ожидая результатов, - что могли они сделали, остальное теперь зависело только от организма самого Амина. И дрогнули веки умирающего, и подтянулась, сомкнулась в стоне челюсть. Успели. Вытащили из преисподней. И впервые после приезда во Дворец офицеры перевели дыхание, осмотрелись.

Взглядом попросив у них разрешение, к постели Амина подошел начальник Главпура Экбаль.

- Что... нового? - сквозь силу спросил больной, вкладывая в свои слова тревогу за развитие событий.

Экбаль замялся, не готовый к такому вопросу, потом вспомнил:

- Только что звонил министр иностранных дел СССР Громыко, он предлагает сообщить о вводе войск сегодня вечером.

Замолчал, не уверенный, что понял председателя Ревсовета.

- Значит... хотели без меня, - сквозь боль усмехнулся Амин и прикрыл глаза от бессилия.

- Вроде стрельба какая-то, - прислушавшись, кивнул на окно Кузнеченков.

Выстрелы, то одиночные, то длинными очередями, звучали совсем рядом с Дворцом, но Алексеев не придал им значения: в Кабуле стреляют практически каждую ночь. А время - седьмой час, для декабря это уже ночь.

- Ну что, идем к другим? - Кузнеченков, еще раз проверив пульс и давление у Амина, посмотрел на командира. - Валоят что-то про дочь Амина говорил, вроде тоже отравление.

Однако дошли они только до коридора - мощный залп сотряс здание. Посыпались стекла, погас свет. Внизу закричали, где-то что-то вспыхнуло, и врачи перебежали к полукруглому бару -

здесь не было окон, хоть какой-то защитой казалась стойка.

- Неужели "духи"? - вслух подумал Алексеев.

- Черт его знает, - отозвался еле видимый в темноте Кузнеченков. - Эй, что там творится? - окликнул он, увидев в коридоре чью-то тень.

Подбежал афганский офицер, некоторое время тяжело переводил дыхание, потом отдал им свой автомат и побежал дальше. Алексеев снял магазин, потрогал планку - патронов не было. "Ваша политика - высочайший профессионализм", - опять пришла на память фраза, и он чертыхнулся. И замер: по коридору, весь в отблесках огня, шел... Амин. Был он в тех же белых трусах, флаконы с физраствором, словно гранаты, держал в высоко поднятых, обвитых трубками руках. Можно было только представить, каких это усилий ему стоило и как кололи вдетые в вены иглы.

- Амин? - увидев, не поверил своим глазам и терапевт.

Алексеев, выбежав из укрытия, первым делом вытащил иглы, довел больного до бара. Амин прислонился к стене, но тут же напрягся, прислушиваясь. Врачи тоже услышали детский плач: откуда-то из боковой комнаты шел, размазывая кулачками слезы, пятилетний сынишка Амина. Увидев отца, бросился к нему, обхватил за ноги. Амин прижал его голову к себе, и они вдвоем присели у стены. Это была настолько тягостная, разрывающая душу картина, что Кузнеченков, отвернувшись, сделал шаг из бара:

- Я не могу. Пойдем отсюда.

Знать бы им, что они - последние, кто видит Амина живым. Эх, пандшанба, день перед выходным...

Необходимое послесловие. Врачи перейдут в соседнее помещение конференц-зал с высокими, широченными окнами с уже полностью выбитыми стеклами. Со двора сквозь стрельбу услышат русский мат и вздохнут с некоторым облегчением: значит, не душманы. Станут между окон, чтобы не задело случайной пулей.

Но только опасность подстерегала с другой стороны. Распахнется от удара ногой дверь, и в темноте запульсирует автоматная очередь. Кто стрелял, зачем - поди разберись в темноте. Но рухнет со стоном на пол полковник Кузнеченков, и пока Алексеев, уже не обращая внимания на стрельбу, донесет его большое, тяжелое тело до лестницы, врач будет уже мертв.

- Мертвых не берем, потом, - отмахнутся от него у входа во Дворец, где грузили на БТР раненых. До него не сразу дойдет, что сказал это на чисто русском языке солдат в афганской форме.

- Он еще жив, просто ранен, - соврет Алексеев.

Полковника погрузят на бронетранспортер, и Анатолий Владимирович довезет его тело до посольской больницы. Сам станет к операционному столу, на котором один за другим замелькают раненые: советские, афганские, гражданские, военные. Мелькнет усталое лицо начмеда-десантника, и оба грустно улыбнутся - вот и рассудила жизнь.

А первые погибшие при штурме Дворца, первые "ноль двадцать первые" в афганской войне - полковник Кузнеченков, спасавший Амина, и полковник Бояринов, возглавлявший штурм Дворца, будут лежать в морге. Рядом. Бояринов за выполнение своей задачи получит посмертно звание Героя Советского Союза, Кузнеченкова тоже отметят Орденом Красной Звезды - за выполнение своего служебного долга.

Афганистан начинался вот с таких парадоксов.

Сын Виктора Петровича Кузнеченкова закончит Ленинградскую военно-медицинскую академию имени Кирова и станет военным врачом. На кафедре военно-полевой хирургии его учил оказывать хирургическую помощь, работать на черепе, животе, конечностях профессор, доктор медицинских наук полковник Алексеев, который за Афганистан "заслужит" только грамоту с тремя ошибками. Правда, на международном симпозиуме "Медицина катастроф", проходившем в Италии, папа римский за самоотверженность при спасении людей в экстремальных условиях вручит ему символический "Пропуск в рай"...

27 декабря 1979 года. 16 часов 30 минут. Кабул.

Колосов, Халбаев и Швец лежали на плащ-палатке и в бинокли осматривали Дворец и подступы к нему. Время "Ч" Магометов назначил на 22 часа, и сейчас, пока было еще светло, уточнялись последние детали прорыва к зданию, проводили последнюю перегруппировку сил, выводя группы на свои направления. За время, когда батальон находился здесь, афганцев постепенно приучали к тому, что шурави много ездят и стреляют, особенно ночью - такова методика проведения занятий. В палатках же срочно сколачивались лестницы: террасы на подступах к зданию оказались заминированными и лестницы могли стать своеобразными мостами через опасные участки. Сегодня утром "зенитовцы" тайно привезли с аэродрома целую машину бронежилетов, но, выяснив, что на всех их не хватит, Колесов предложил отдать их штурмовым группам и солдатам. Так что офицеры из "мусульманского" батальона оказались заметно худее своих подчиненных, когда те надели "брони" под бушлаты.

Основная задача возлагалась на первую роту капитана

Шарипова: на бронетранспортерах с десантом из "Зенита" и "Грома" выскочить к Дворцу, блокировать подъезды. В здание входят только комитетчики. Огонь открывается при крайней необходимости, высший балл операции - без ножа, без выстрела, без жертв.

Однако предусмотрели и всякие неожиданности и, чтобы в темноте не перепутать своих с чужими, пустили на полосы несколько простыней, сделали повязки на левую руку всем штурмующим. Установили и пароль с отзывом! "Миша - Яша". Всем "Мишам - Яшам" показали портрет Амина - этому человеку ни в коем случае не дать уйти из здания. Попросили обезопасить во Дворце еще двух афганцев: капитана и женщину37, которые перед штурмом попытаются усыпить Амина и тем самым дезорганизовать оборону. Чем меньше жертв - тем лучше.

Словом, подготовка до этого шла вроде без особых накладок, но сейчас, разглядывая Дворец, офицеры заметили оживление среди его охраны: усиливались посты, выставлялись новые. Неужели афганцы что-то почувствовали или произошла утечка информации? Откуда им было знать, что Амин был усыплен во время обеда и операция висит на волоске?

- К вечеру там будет бастион, который одним батальоном не возьмешь, вслух сказал Швец то, о чем подумалось каждому.

Василий Васильевич подсел ближе к рации, стоявшей тут же, на плащ-палатке, поставил волну Магометова: прощу сместить время "Ч".

Необходимое послесловие. Главный военный советник перенесет начало операции сначала на 21 час, потом, после очередного беспокойства Колесова, - на 18.30. И все равно первые выстрелы прозвучат в 18.25: группа, которая выехала на блокировку артиллерийского склада, не заметит второго выставленного только что часового, и тот откроет огонь.

"Мусульманский" батальон поднимется в атаку. Первая рота стремительно подскочит к главному входу. И первым упадет от пули ротный капитан Шарипов - эх, был бы бронежилет! Охрана Дворца окажет неожиданно сильное сопротивление, и тогда по окнам здания ударят зенитки: пробивать двухметровые стены было бесполезно. Комитетчики ворвутся внутрь Дворца, там разгорится настоящий бой. Полковник Бояринов выбежит на улицу за помощью, но тут же упадет замертво, попав под огонь своих же зениток.

Так батальон вынужден будет войти во Дворец, поможет комитетчикам пробиться на второй и третий этажи. К замполиту роты старшему лейтенанту Рашиду Абдуллаеву подбежит один из солдат:

- Товарищ старший лейтенант, там, кажется, Амин лежит.

Абдуллаев станет вытаскивать из-под стойки бара мужчину в трусах, и у того неожиданно оторвется левая рука: чья-то автоматная очередь в упор буквально разворотила плечо руководителя государства. Сорвав с окна штору, старший лейтенант и солдат завернут в нее тело Амина и вынесут на улицу. Сюда же подвезут афганцев, которые до этого находились в кунгах. Они осветят погибшего фонариком и подтвердят:

- Да, это он.

Те, кто знал афганских руководителей во времена Тараки, могли бы узнать голос Гулябзоя.

Можно было сказать, что операция завершилась. Только кое-где еще продолжали оказывать сопротивление наступающим из темноты шурави с белыми повязками на рукавах...

27 декабря 1979 года. Москва - Кабул.

Когда Сухорукову доложили о стрельбе в Кабуле, тот потребовал немедленной связи с Рябченко.

Трубку взял Костылев, посланный от штаба ВДВ в помощь Рябченко.

- А где командир?

- Товарищ командующий, командир дивизии отсутствует.

- Как отсутствует? Я лично запрещал ему отлучаться из расположения дивизии. А тем более сегодня. Ни под каким предлогом. Он у вас отпрашивался?

- Нет.

- Какая обстановка в городе?

- В некоторых местах идет перестрелка. Наши группы, по первым докладам, действуют успешно.

- Как только Рябченко появится, немедленно звоните мне. Бросить дивизию! - Сухоруков сам кинул телефонную трубку на рычажки. При последней встрече Устинов словно специально подчеркнул, что на десантников у него надежда особая, а тут командир черт-те где.

Сухоруков скосил глаза на "кремлевку" и вдруг поймал себя на мысли, что боится звонка от Устинова или Огаркова. А если и им вдруг понадобится лично Рябченко?.. Позор! Оставить дивизию, никого не предупредив. Если не будет оправдания, он лично попросит министра снять Рябченко с должности. Хотя какое может быть оправдание?

Необходимое послесловие. А оправдание все-таки было. Два человека Гуськов и, в общих чертах, начштаба знали, куда и зачем уехал за два часа до времени "Ч" полковник Рябченко, прихватив с собой двух офицеров-каратистов братьев Лаговских. И Огарков с Устиновым тоже не могли позвонить Сухорукову насчет Рябченко,

потому что именно они отдали приказ комдиву десантной: в момент начала операции нейтрализовать начальника Генштаба полковника Якуба, не дать ему возможности поднять войска.

Их обыскали у входа в здание министерства, отобрали оружие. Гранаты, подвешенные на самый последний случай к брючным ремням уже за кольца, под бушлатами не заметили.

- Начальник политотдела, - представил комдив капитана Лаговского, начальника физподготовки дивизии.

- Начальник разведки, - "досталась" вторая должность лейтенанту Лаговскому, начальнику топографической службы.

На столе у Якуба стояли две включенные радиостанции, на которые то и дело поглядывал начальник Генштаба, словно ожидая сообщений. Его советник полковник Костенко, представив самого Рябченко, тоже сел за стол, и Якуб, поколебавшись, пригласил к себе представителей ХАД38. После дня рождения у Магометова его не покидало чувство настороженности, и, как ни были деликатны советники на той вечеринке, Якуб, не желавший верить предчувствиям, тем не менее отметил в подсознании: советские не во всем искренни, что-то происходит вокруг него, начальника Генштаба, а он не может уловить суть и смысл происходящего. И перед встречей с советскими десантниками, захотевшими лично у него уточнить места расположения дивизии, он положил в ящик стола пистолет, открыл за своей спиной потайную дверь. Не надеясь на телефоны, поставил на прямой прием рации с командирами центрального корпуса и охраны Амина.

Нервозность Якуба заметил и Рябченко. Время 18.30, которое ему назвали в посольстве при постановке задачи, казалось, никогда не подойдет, и он по третьему разу начинал уточнять и переспрашивать уже давно понятные всем вещи.

Последний круг секундной стрелки на настенных часах Рябченко и Костенко, казалось, толкали уже взглядами. Якуб, посмотрев на напряженные лица гостей, тоже бросил взгляд на часы и встал: сам участник многих закулисных событий, нутром почувствовал опасность точного времени.

И в тот же миг прогремел взрыв в центре города. Практически в ту же секунду заговорила рация, и, услышав только первые слова из доклада, начальник Генштаба выхватил пистолет из полуоткрытого ящика стола и отпрыгнул к потайной двери.

За спиной Рябченко прогремел выстрел. Якуб, только поднявший свое оружие, схватился за грудь и упал на колони. Лаговские сдерживали пятерых хадовцев, бросившихся на них, в комнату вбежало еще несколько афганцев с пистолетами в руках. Оружие было в руках и у Костенко, но выяснять, кто выстрелил в

Якуба, не было времени: начальник Генштаба уползал в спасительную для него дверь.

Схватка в кабинете случилась недолгой: несмотря на тесноту, Лаговские все-таки развернулись. К истекающему кровью Якубу, замершему на полу соседней комнаты, вошел незнакомый Рябченко афганец в гражданском костюме. Он задал Якубу несколько вопросов, тот, сдерживая стони, с усилием мотал головой. И тогда афганец пять раз выстрелил в начальника Генштаба, каждый раз произнося чьи-то имена.

- Из нового руководства страны, - шепнул комдиву Костенко. - Мстил за семьи, уничтоженные по приказу Якуба.

В городе разгоралась стрельба, и Рябченко, в последний раз посмотрев на лежащего в крови Якуба, поспешил на аэродром, в дивизию.

В штабной палатке, не стесняясь застывшего на посту у Знамени часового, на него набросился Костылев:

- Может, вы объясните, где находились все это время, когда ваши десантники шли под пули?

Рябченко отрешенно пожал плечами:

- Ездил в город.

- Ах, в город... Ну, тогда звоните командующему и сами объяснитесь. Он давно ждет вашего звонка.

По сравнению с только что виденным и пережитым гнев начальства казался такой мелочью, что Рябченко с усмешкой поднял трубку ЗАС:

- Где вы были, товарищ полковник? - послышался раздраженный голос Сухорукова. - Почему вас не было в дивизии?

- Я был в городе, товарищ командующий.

- А разве я вам разрешал покидать расположение дивизии?

- Никак нет.

- Тогда я отстраняю вас от командования. Завтра же с первым самолетом прибыть в Москву.

- С превеликим удовольствием, - уже в гудящую трубку ответил комдив.

Все было пусто и безразлично - в Москву так в Москву, разжалуют так разжалуют. Но видеть, а тем более участвовать в таком, о чем раньше можно было только прочесть в книгах, да и то не про нас...

Хлопнул полог палатки, качнулась от ветра мигающая лампочка.

- Что, командир, невесел? - с порога спросил Гуськов.

- Да так, думаю. С командующим вот поговорил, завтра вылетаю в Москву за новой должностью.

- Та-а-ак, - оглянувшись на Костылева, оценивающе протянул

Гуськов. Брось хандрить, тебе еще командовать людьми.

27 декабря 1979 года. 22 часа. Кабул.

- Абдуллаев, - окликнул старшего лейтенанта Халбаев, когда тот возвращался к уже полностью захваченному Дворцу от бронетранспортеров, увозивших последних раненых. - Рашид, возьми человек двадцать, две бээмдеш-ки и... - Комбат указал на небольшой двухэтажный домик внизу горы, откуда слышались выстрелы.

- Что там?

- Узел связи. Засело человек десять. Осмотри внимательно сейфы, наводчики говорят, что там могут быть документы Амина.

- Есть, - улыбнулся и растворился в темноте старший лейтенант.

- Грач, Юра, со своим взводом ко мне, - послышался его голос уже издалека. Потом в общий шум влился рокот моторов еще двух БМД. Они выплеснули из себя лучи света, уперлись ими в ворота, загораживающие дорогу к узлу связи, и рванулись к цели. Хорошо воевать, когда все получается.

Навстречу нестройно ударили автоматные очереди, но их заглушил, перебил, подмял клекот крупнокалиберного пулемета. Первая БМД острой грудью отбросила сцепленные легким замочком створки ворот, нырнула в мертвую зону, под окна здания. Вторая замешкалась, остановилась, и из окон вновь ударили автоматы по сидевшим на броне "мусульманам". Трассеры пошли дальше, вниз, как раз в то место, где расположился на случай поддержки батальон из Витебской дивизии.

- Ефрейтор Вдовин, - подзовет комбат, и через мгновение рядом с ним вырастет десантник с пулеметом Калашникова на плече. - Утихомирь-ка, кивнул на трассеры командир.

Считался лучшим пулеметчиком в батальоне Сашка Вдовин. Приладился, успокоился, и наконец дернулся в его руках пулемет, отыскивая в темноте цель.

Так оказался между двух огней Абдуллаев со своей группой. И упал первым, не успев застонать, рядовой Хусаиов. Бросившийся к нему на выручку рядовой Курбанов тоже словно споткнулся и со всего размаху упал рядом с погибшим. Глупо погибать, когда все ладится...

- Юра, Грач, заткни им глотку! - прокричал старший лейтенант, увидев, что замкомвзвода остался за воротами и лучше видит, откуда открыли по группе огонь.

Хорошо учили стрелять в "мусульманском" батальоне - в темноте, на звук, на пульсирующий у ствола оружия огонек. И после первой же очереди Юрки Грача упала на ребристое тело

оружия голова его деревенского друга, лучшего снайпера парашютно-десантного батальона ефрейтора Вдовина. Случай и смерть на войне ходят рядом...

Необходимое послесловие. Среди захваченных в плен окажется и командир Гвардии майор Джандад. Колесов и Гуськов прикажут Халбаеву лично отвезти его в штаб десантной дивизии.

Они будут сидеть в десантном отделении БМП, два майора, два немолодых уже человека, волей судьбы оказавшихся в одной точке в одно время. Еще вчера Джандад, имея полную власть над Халбаевым как над одним из подчиненных ему комбатов, часами проводил у шурави строевые смотры, откровенно издеваясь и распекая командира за любую мелочь. Теперь же, согнув свое большое тело в тесноте машины, умолял комбата:

- Слушай, отпусти меня. Меня ведь убьют, не пощадят, А тебя только накажут. Только накажут. Отпусти.

Но уже качнулась, остановившись, боевая машина, и за броней послышались голоса...

Абдуллаев найдет в сейфах магнитофонные пленки, всяческие удостоверения и очень много пачек денег. В двух портфелях принесет все это ко Дворцу, отдаст полковнику Попышеву. Однако через некоторое время тот открестится: никто ничего мне не отдавал, не видел я никаких денег и документов. К сожалению, не найдет никаких следов портфелей и особый отдел, а по предварительным данным, это могли быть пленки с записями бесед Амина с американским послом.

При штурме Дворца погибнет около десяти человек, еще несколько человек недосчитается Витебская десантная дивизия, сумевшая быстро и четко захватить все важные объекты столицы. Не больше было потерь и среди афганцев. Некоторые командиры частей сразу переходили на сторону шурави, лишь поняв, что все делается против Амина, другие не могли вывести боевую технику из боксов, потому что накануне советники порекомендовали снять и поставить на подзарядку все аккумуляторы. Наиболее преданные Амину офицеры перед операцией угощались водкой и, когда началась стрельба, уже мало что соображали. Не поступало никаких распоряжений и от Якуба, начальника Генштаба.

Не на "отлично", но на хорошую оценку сама операция тянула смело.

А точную цифру потерь тогда знал только генерал-лейтенант Гуськов, которому прикажут взять на себя командование всеми силами, которые имеются в Кабульском гарнизоне. Потом он признается:

- Это еще не было войной. Ее масштабы я ощутил, когда увидел в Фергане у летчиков карту СССР, на которой они

отмечали маршруты перевозки погибших. Практически вся наша страна оказалась в этих линиях. Вот когда стало страшно...

Одна из этих линий упиралась как раз в поселок Суземку.

Конец декабря 1979 года. Суземка.

И впрямь великое это несчастье и неудобство для живых, когда умирают зимой, в стылость и бездорожье. Когда не добраться к мертвому и не выдолбить на погосте могилы. Когда нет цветка прислонить к кресту, когда сам крест сделать в общем-то некому после смерти деда Чудрила. Когда каждый мечтает умереть пораньше других, чтобы было кому похоронить, чтобы не остаться одному среди заколоченных изб.

Плохо умирать зимой. Да только случилось это с Санькой Вдовиным не по его, не по Божьей воле. Пал от огня, прилетевшего из темной кабульской ночи. Промолчали врачи, что разворотила по ошибке солдатское тело родная, от советского автомата пуля - они не следователи, кому надо, тот пусть и разбирается. Но не интересовали погибшие и особый отдел, который в первую очередь старался предупредить раненых, отправляемых в Союз: всем молчать, ничего не видели, ничего не знаем, нигде не были. С остальных участников штурма Дворца бралась подписка: тоже нигде не были, ничего не видели, ничего не знаем. На пять лет.

Так что воистину спокойно было только погибшим,

Зато уж тем, кому привозили "груз 200"...

Черданцев сидел около громоздкого, почти квадратного ящика и боялся поверить, что под этими досками в цинковом гробу с затуманенным окошком лежит сын Аннушки. Лежит погибший в Афганистане Санька Вдовин, которого он сам, собственной волей послал в воздушно-десантные войска и, выходит, на смерть. Зачем, зачем он согласился идти военкомом? Уволился бы в запас, и был бы здесь другой начальник, и послал бы он призывника Вдовина в другое место, и остался бы он жив...

Умерших на Руси жалеют всех - и кто по дурости, и кто по болезни или возрасту ушел из жизни. И кто руки сам наложил на себя - хоть и без отпеваний и на край кладбища, но тоже по-человечески люди идут за гробом. Но во все века вдвойне жалеют тех, кто уходит из жизни в солдатской форме. Сильнее плачут по ним, потому что солдаты - они все молодые, и умирают солдаты всегда за других. От Бояна песни-плачи идут по солдатам, от Ярославны.

День пытался созвониться с почтой в Сошнево Черданцев, чтобы поведать черную весть, еще день пробивались оттуда два трактора. Тащили друг друга и сани. Без наряда и уговоров на этот раз поехали мужики - каждый служил, с каждым могло быть

вот так. В холодных, выстуденных кабинах сидели Аннушка и Соня, и неизвестно, кто больше выплакал слез: то ли Аня по сыну, уже мертвому, то ли ее подруга по другу сына и одновременно по неизвестно где пропавшему - ни письма, ни весточки - своему Юре. Ведь он тоже где-то там, на югах. И смалодушничал, струсил Михаил Андреевич, когда к программе "Время" вошли они в его кабинет: сказал, что Сашу привезут только утренним поездом. Боялся оставить Аннушку с этим наспех сколоченным ящиком. Не знал, как вести себя, что говорить, что делать. Поселили трактористов в "Доме колхозника", Соню с Аней отвел к себе домой. А утром сам перевез тяжкий груз из морга райбольницы к военкомату, где уже прогревали просмоленными тряпками грудные клетки тракторов механизаторы. Девчат еще не было, и он с мужиками перенес гроб на сани, прикрутил его проволокой к борту - тяжелой и долгой будет дорога домой для ефрейтора Вдовина.

Аннушка, лишь увидев поклажу, вскинула руки и о протяжным стоном стала валиться к сыну. Черданцев успел подхватить ее, довести до саней. Вдвоем влезли на скользкие, круглые от налипшего снега доски.

Чтобы быть ближе к другому человеку, люди становятся на колени. Михаил Андреевич вначале хотел поднять с них Аннушку, но она, вцепившись в доски, уже зашлась протяжным воем. Тут же заголосила и Соня - в деревнях не плачут поодиночке. Остановившаяся у военкомата старушка, поглядев на сани, несколько раз перекрестила свое маленькое даже в полушубке тельце - никто в районе еще не знал, что в Афганистане погибли первые из многих тысяч солдат. Никто, кроме Черданцева да деревни Сошнево. Черт бы его побрал, это первенство.

- За что, Миша? - после первого приступа крика и боли подняла заплаканное лицо Аннушка.

Если бы знать...

- Не знаю, Аня, - честно ответил майор.

Документ (выписка из директивы Центрального военно-медицинского управления по погибшим и раненым).

"Ранения:

а) Легкие:

- ранения, контузии, травмы, не вызывающие стойких функциональных нарушений и не приведшие к изменению степени годности к военной службе;

- ранения мягких тканей, не проникающие в полости, без повреждения внутренних органов, суставов, сухожилий, крупных нервных стволов и магистральных кровеносных сосудов;

- частичный разрыв связок;

- неосложненные вывихи в суставах;

- изолированные переломы одной из костей кисти, стопы, неосложненные переломы одного-двух ребер, ключицы, одной из костей предплечья, малоберцовой кости;

- ожоги I ст. до 40%, ограниченные ожоги 1-111 ст. до 10%;

- отморожения I ст.;

- закрытая травма черепа с сотрясением головного мозга, закрытые переломы костей носа, частичный отрыв ушной раковины, крыла носа;

- наличие инородных тел в роговице, непроникающие травмы глаза с временным расстройством зрения, ожоги глаза I ст.;

- закрытые повреждения костей таза (перелом гребешка или крыла подвздошной кости, одной лонной или седалищной кости) без нарушения целостности тазового кольца.

б) Тяжелые:

- проникающие ранения черепа, грудной клетки, живота, таза;

- закрытые травмы груди, живота и таза с повреждением внутренних органов;

- закрытые травмы черепа с ушибом или сдавливанием головного мозга;

- повреждение лица со стойким обезображиванием;

- ранения шеи с повреждением трахом или пищевода, кровеносных сосудов или нервов;

- повреждение органов слуха со стойкой глухотой на оба уха;

- проникающие ранения и травмы глаза с разрывом оболочек, ожоги глаза II-III-IV ст.;

- открытые и закрытые переломы позвоночника и повреждение спинного мозга;

- открытые и закрытые переломы костей (за исключением переломов костей, относящихся к легким);

- ранения и закрытые повреждения крупных суставов, крупных нервных стволов и магистральных кровеносных сосудов;

- ранения мягких тканей с нарушением функции органа и приведшие к изменению степени годности к военной службе;

- ожоги I ст. свыше 40% и ожоги II-III ст. свыше 10% поверхности тела, ожоги IV ст., рубцовые "контрактуры после ожога с нарушением функции органа;

- отморожения III-IV ст.".

28 декабря 1979 года. 0 часов 30 минут. Аэродром Баграм.

Звонок был резкий, долгий, и, наверное, оттого что звучал он после докладов Сухорукову, Огаркову и Устинову (каждый из них пожелал лично услышать о выполнении задачи в Баграме), этот звонок был еще и неожиданным. В самом деле, кто это еще

пожелал поинтересоваться отдельным парашютно-десантным полком? После министра - только ЦК.

А звонок был из Москвы. Это почувствовал, кажется, но только командир полка, но и сидевший напротив него представитель КГБ полковник Костин, потому что впервые за вечер он приглушил настроенный на волну Кабула радиоприемничек. Впился взглядом в аппарат.

Сердюков, поднимая трубку, успел подумать: насколько все-таки больше знают о происходящих здесь, в Афганистане, событиях кагэбэшники. Знают - и молчат.

- Подполковник Сердюков, - представился Николай Иванович.

Ожидал услышать голос телефонистки, которая обычно предупреждает, кто выходит на связь, однако на этот раз включение было прямое:

- Говорит Андропов. Товарищ Петров находится с вами?

Сердюков поднял глаза на Костина - ваш начальник.

Полковник, словно он ни на минуту не сомневался в том, что звонить будет именно Андропов, утвердительно кивнул. Знают, все знают эти ребята...

- Петров у нас, но на данный момент рядом его нет, - торопливо заполнил паузу комполка.

- Пригласите его к телефону вместе с товарищем... - в этот момент кто-то шумно вошел в бункер, и Сердюков не расслышал последнее слово. Впрочем, и так ясно, кто нужен председателю Комитета госбезопасности. Петров - или кто он там на самом деле: Иванов, Сидоров, Кукушкин переводчик при афганце, которого укрывали и охраняли в последние дни особенно тщательно. Офицеры в полку поговаривали, что это новый афганский лидер, но в расспросы к ребятам из органов не лезли, и слухи, ничем не подкрепленные, утихли сами по себе.

Вошедшим оказался особист, и Костин - а может, тоже никакой не Костин - одним кивком головы послал его за переводчиком и афганцем. Те в свою очередь тоже словно стояли за дверью и ждали звонка: не успел Сердюков положить на стол трубку, дверь вновь распахнулась, и вошел вначале Петров высокий, стройный, лет сорока пяти, в солдатской форме, а за ним афганец тоже в солдатской шапке, бушлате, подпоясанном почему-то брезентовым ремнем, в сапогах. Командир полка впервые видел его так близко, но какого-то существенного впечатления новый лидер Афганистана, если это в самом деле так, не произвел: одутловатые щеки, нос с горбинкой. Вот только в глазах напряжение. Но у кого его сейчас нет, напряжения? Уже было ясно, что полк участвует в каком-то сверхважном событии, настолько важном, что даже вдуматься в него страшно. Вот

только знать бы, что сейчас творится в Кабуле, понять, ради чего...

Костин побарабанил по столу пальцами, привлекая к себе внимание командира полка, и взглядом указал на сидевших тут же в бункере офицеров начальника связи, техника, замполита, начштаба.

- Товарищи офицеры, прошу освободить помещение, - поднялся Сердюков. Понятно: армия выполняет задачи, КГБ распределяет результаты. Это просто еще раз подтверждало, что Андропов стоит ближе к Брежневу, чем Устинов.

- Товарищ командир, а вы сами можете остаться, - остановил, однако, его Костин.

Петров, дождавшись, когда за офицерами закроется дверь, уверенно и привычно - а только ли переводчик он? - взял трубку:

- Слушаю, Петров.

Вопрос Андропова был короткий, что-то вроде "Как дела?", и переводчик лаконично ответил:

- Здесь все по плану, развитие событий идет нормально. Мы сами готовимся убыть в Кабул.

Андропов расспрашивал о чем-то еще уже более подробно. Задавал вопросы для афганца. Переводчик переводил их своему спутнику, тот каждый раз согласно кивал головой. Кроме напряжения в его глазах уже поблескивали и искорки беспокойства, словно не выучившего урок студента без предупреждения и подготовки вызвали на экзамен. И раздражения - словно этот студент знал, что зачетная оценка все равно будет поставлена и дело только во времени. И недоверие уже сквозило в глазах афганца - неужели все это происходит не во сне и с ним, только с ним и никакого подвоха здесь нет?

- Товарищ Андропов поздравляет вас, товарищ Бабрак Кармаль, с победой второго этапа Апрельской революции и избранием вас председателем Ревсовета республики и главой государства, - почему-то по-русски, может, чтобы Сердюков и Костин тоже поняли, кто стоит перед ними в солдатском бушлате, вполне торжественно и искренне произнес Петров и первым пожал руку афганцу.

Начал переводить это же на дари, но Бабрак Кармаль, видимо, понял все сам и без перевода. И хотя по-прежнему радио Кабула передавало легкую музыку, хотя была положена на место телефонная трубка и никаких сообщений больше не поступало, в бункере все изменилось. Перед Петровым, Костиным и Сердюковым стоял уже властный, чуточку снисходительный к окружающим человек. Нет, не студент, не выучивший предмета, не пешка в чужих руках. Нос его заострился, щеки разом впали, обозначив скулы, сам он вроде сделался выше ростом. И глаза, главное - глаза; в них появился хищный блеск, они сузились. В такие глаза не заглянешь, они сами кого угодно прожгут насквозь.

Усмехаясь, афганец принял поздравление, пожал руки Костину и Сердюкову, и сел первым на табурет, и распахнул

бушлат: не потому, что было уж так жарко, а просто потому, что ему уже нравилось делать то, что он хотел сам. Власть. На человека свалилась власть и мгновенно сделала таким, какой он был на самом деле. Он ждал ее, жаждал и, получив, мог теперь забыть свои страхи, сомнения, ожидание. Он мог не стыдиться себя прежнего, потому что тогда он в самом деле был еще никто - снятый Амином посол, эмигрант, нелегально проникший на свою родину. Сейчас же он был всем! И стоявшие перед ним советские офицеры будут делать все для него, и Баграм его, и Кабул, и страна - тоже его. Потому что он - председатель Ревсовета республики, глава правительства, Генеральный секретарь ЦК НДПА, премьер-министр... Надо хотя бы чуть-чуть знать Восток, чтобы понять, что такое там власть для человека. Да еще после всех унижений.

- В Кабул! - ударив ладонями по коленям, сказал он. Встал.

Однако Костин посмотрел на Петрова, деликатно намекая, что не перечень высших государственных должностей дает власть. Тем более в вопросах, связанных с безопасностью. Здесь одна запятая в какой-либо инструкции главнее пожеланий хоть самого Господа Бога.

- Мы готовы перелететь в Кабул, - подтвердил полномочия Бабрака Кармаля переводчик.

Вот теперь все на своих местах.

- Командир, помогите отправить. - Костин по привычке никак не назвал Бабрака, лишь указал взглядом в его сторону. - У нас готовы к вылету три вертолета.

Вертолеты - это, конечно, хорошо, это раз в десять быстрее, чем по земле. Однако для Сердюкова важнее были другие обстоятельства: ночь, горы, все еще раздающиеся выстрелы, непонятная обстановка на кабульском аэродроме.

- Товарищ полковник, у меня в резерве есть рота, десять боевых машин. Надежнее.

Костин прищурил взгляд, что-то просчитывая в уме. Кивнул:

- Согласен.

- Цыганов, - распахнув дверь, позвал командир полка. Из темноты надвинулся комбат-2, замер на расстоянии шепота. - Резервную роту - к маршу в Кабул. Ты - старший. Три машины освободить для гостей, - вспомнив, что с Бабраком еще человек пять из нового правительства республики, добавил комполка. - Начало движения - через тридцать минут.

- Есть. - Цыганов скрылся в темноте. За ним, не попрощавшись, выскользнули в ночь из бункера Петров и Бабрак Кармаль. Или Кармаль Бабрак - Сердюков вдруг уловил, что не запомнил, где имя, а где фамилия гостя.

- Пусть докладывают через каждые два-три километра, - попросил Костин, когда Сердюков сел за карту рассчитывать время, наносить контрольные пункты, записывать позывные.

- Дойдут, - успокаивая скорее себя, чем шагавшего из угла в угол Костина, ответил комполка. - Дойдут, все нормально, - повторял он каждый раз после докладов Цыганова.

Но когда колонна преодолевала двадцатый километр, подходила к Чарикарской трассе, вдруг оборвалась бесконечная, казалось, сегодня музыка. Костин тут же прильнул к приемничку. Диктор начал читать что-то торжественное, и в такт его словам шевелил губами полковник, словно сверяя текст по памяти.

- Чего там? - дождавшись конца сообщения, спросил Сердюков.

- То, что ты уже слышал. О победе второго этапа Апрельской революции, новом руководстве страны.

- Прошли пункт номер семь, - вышел на связь Цыганов.

Николай Иванович скосил глаза на карту, хотя знал на коричневой линии трассы, казалось, каждый изгиб. Седьмой пункт - это поворот на Кабул. Теперь до него - прямая дорога по Чарикарскому шоссе. Какой она окажется для новой власти?

Шли быстро, даже быстрее, чем предполагал комполка, И в три ночи от Цыганова поступил наконец последний доклад: прибыли в резиденцию главного военного советника, происшествий не случилось. И то ли от этого гражданского словечка, то ли от одновременного вздоха облегчения и Костин, и Сердюков улыбнулись. Да, хорохорились они, делали вид, что ничего особенного не происходило, просто шла где-то в ночи колонна, и все, а ведь такое висело на плечах...

- Ну что, командир, мы свою задачу выполнили. Пошли спать, - положил руку на плечо командиру полка Костин. Пощупал комбинезон, словно на нем был погон. - Кстати, подполковником давно ходишь?

- Год и три месяца.

- Лет сколько тебе?

- Тридцать четыре.

- Думаю, что скоро отпразднуем твоего полковника.

- Мне? С какой стати? Да и кто присвоит?

- Это уже наши заботы. А присвоит министр обороны, как и положено. Ладно, об этом потом. А сейчас в самом деле пошли спать. Пошли-пошли. Завтра тоже будет день.

- Уже сегодня, - уточнил Сердюков.

Необходимое послесловие. Сердюкову и в самом деле через месяц присвоят воинское звание полковник. В 38 лет он станет генерал-майором, перейдет служить в штаб воздушно-десантных

войск. К орденам "За службу Родине в Вооруженных Силах" III степени и Красного Знамени прибавится еще один Красного Знамени - за успешное освоение новой техники. Перспектива службы будет блестящей, но в 44 года Николая Ивановича уволят в запас. Во время одной из бесед с новым командующим ВДВ (после Сухорукова они стали меняться довольно быстро) тот грубо оборвет генерала, повысит на него голос, и Сердюков без обиняков скажет:

- Товарищ командующий, я не желаю служить под вашим началом. Прошу перевести меня в любое другое место.

"Другим местом" окажется госпиталь, где одного далеко не самого старого генерала в Вооруженных Силах уволят по состоянию здоровья. А у кого оно без изъянов в 44 года? Тем более среди тех, кто прошел Афганистан?

Обида будет резкой, генерал сменит номер домашнего телефона, практически ни с кем из бывших сослуживцев не станет поддерживать контактов. Работать устроится в организацию, занимающуюся экологией...

Глава 25

СКОЛЬКО НОВЫХ ГОДОВ ВПЕРЕДИ? - "ПОКАРАЙ БАБРАКА ГРОМ НЕБЕСНЫЙ". МОДЖАХЕДЫ УМИРАЮТ ЗА АМЕРИКУ. - КТО БУДЕТ ВЯЗАТЬ КОТА?

ЛЕНА ЖЕЛТИКОВА ПРИНИМАЕТ БОЙ. - СМЕРТЬ "АФГАНЦА НОМЕР ОДИН".

1 января 1980 года. Кабул.

Бабрак Кармаль с товарищами праздновал победу. В первый день года были изданы первые указы нового руководства страны, а раз есть указы, значит, есть и законное правительство.

Брежнев и Косыгин в этот день отправили две поздравительные телеграммы: одну, в честь победы кубинской революции, - Фиделю Кастро истинному кумиру Амина, чьей отваге и всемирной известности бесконечно завидовал Хафизулла, и вторую, с избранием на высшие государственные и партийные посты, - Кармалю Бабраку (перепутав в спешке имя с фамилией), свергнувшему почитателя Фиделя, всесильного афганского Сталина.

Сороковая армия праздновала Новый год в слякоти, стылости, при кострах - и то это только там, где запасливые тыловики захватили с собой на всякий случай в неизвестную дорогу дровишек. А где нет - шли командиры на поклон к артиллеристам: постреляйте побольше, освободите ящики для огонька.

В недостроенных афганских офицерских казармах сидел и "мусульманский" батальон, уже переодетый в советскую форму,

подсчитавший свои потери и теперь просто мечтавший обсушиться и выспаться в тепле. Рядом, в нескольких метрах, высился разбитый, в черных дымных подтеках, но по-прежнему величавый и красивый Дворец Амина, Афганцы растаскивала из него последние ковры, кондиционеры, люстры, шторы, стулья. Во Дворце гуляли ветры, но зато там было сухо. Бабрак Кармаль отдавал здание под штаб армии, а пока он не подошел из Термеза, предлагал занять любому советскому подразделению. Однако Москва категорически запретила занимать не только какие бы то ни было помещения, но и пригодные для посевов поля. И врастала, вгрызалась, пласталась почти стотысячная армия на неудобьях, лепилась ласточкиными гнездами на склонах гор, втискивалась в ущелья39.

Единственным, кому не определяли места и не ставила никаких задач, был опять же "мусульманский" батальон.

- Вы свою задачу здесь выполнили. Готовьтесь домой, - отдали приказ Халбаеву. - Приготовьте списки награжденных, а пока каждый пусть напишет что-то типа воспоминаний из боевого опыта при штурме Дворца40.

Что ж, стыдиться военным было нечего: как войсковая операция ввод войск и штурм Дворца прошли вполне нормально, практически без потерь. Словом, военное ведомство свою часть программы отработало достаточно слаженно и организованно, теперь дело оставалось за Сусловым и Громыко: объясняйте стране и миру, что же все-таки и зачем мы сделали в Афганистане. "А славою сочтемся, ведь мы свои же люди..."41

От написания воспоминаний "мусульман" отвлек фотокорреспондент "Красной звезды" Алексей Ефимов, единственный журналист из центральной прессы, прорвавшийся в Афган в то время. Еще сам ничего не зная об обстановке, тем не менее по профессиональному наитию выделил именно этот батальон и предложил всем сфотографироваться. Особистов рядом не оказалось, и у Ефимова получился единственный снимок всего батальона - правда, уже без погибших и раненых. Да еще комбата нигде не смогли найти.

Халбаев же в это время получал приказ на возвращение в Союз, в родной Ташкент. Улететь быстро, тихо, незаметно.

И родилось после этого известия среди солдат и офицеров какое-то нехорошее предчувствие. Оно витало от солдата к солдату, от офицера к офицеру; представилось "мусульманам", что не долетит их самолет до Ташкента: слишком много они знают. Взорвется в воздухе - и исчезнет тайна батальона и штурма Дворца, развеется прахом: ничего не было, а что было привиделось. И сразу до другого додумались: если бы операция

не удалась и Амин ушел из ловушки, ударила бы по батальону Витебская дивизия. И тогда вообще на двести процентов был бы оправдан ввод войск: взбунтовавшийся афганский батальон охраны хотел сместить законное правительство, а Советская Армия, откликаясь на просьбы о военной помощи, защитила Хафизуллу Амина, разбив бунтарей до основания.

Роились слухи, предположения, но тем не менее сел 8 января в чрево Ан-22 "мусульманский" батальон. Задрожав, начала закрываться рампа самолета, отсекая людей от бетонки аэродрома - кусочка неба меж гор. Прощай, Кабул. Здравствуй, Родина?..

Необходимее послесловие. Батальон благополучно приземлится на военном аэродроме Ташкента. Прошел ровно месяц, как улетел он отсюда на юг, а опытный глаз уже замечал, что Ташкент стал, по сути, прифронтовым городом. Не оставляя пауз, беспрерывно гудело небо над городом - налаживался воздушный мост в Кабул, где 40-я армия требовала боеприпасы, технику, дрова, спички, гвозди, проволоку, водяные насосы, "буржуйки", комнатные тапочки, рукомойники и миллион других предметов для пусть пока и не нормальной, но хотя бы сносной жизни. На улицах Ташкента появилось значительно больше военных. В ворота военного госпиталя зачастили "санитарки".

Василий Васильевич Колесов из Ташкента прямым рейсом был переправлен в Москву. С аэродрома - к начальнику ГРУ, затем два часа на приведение себя в порядок - и к министру обороны.

Устинов усадил полковника напротив себя:

- Ну, сынок, рассказывай все с самого начала. Как действовали солдаты, как вело себя оружие? И вообще, что, на твой взгляд, положительного в действиях батальона, что отрицательного.

Во время доклада Устинов обратил внимание, что на плане штурма Дворца нет росписей Магометова и Бориса Ивановича.

- А почему не утвержден план? Вы что, действовали без согласования с ними?

Колесов перевернул бумагу.

- "План утвержден, от подписи отказались", - вслух прочел министр обороны надпись полковника. - Они знают об этом?

- Так точно, я написал это при них.

- Молодец, сынок. - Устинов встал, обнял Колесова, поцеловал. - Наше счастье, что оказался хоть кто-то решительным, а то наломали бы дров.

Когда через полтора часа Василий Васильевич вышел от министра, в приемной уже сидели несколько генералов.

- Ну, полковник, по стольку времени даже нас министр не держит.

- Извините, не по своей воле.

Впоследствии Василий Васильевич станет Героем Советского Союза, генерал-майором. Истинную его фамилию, к сожалению, я не могу назвать даже сейчас...

На базе "мусульманского" батальона будет сформирована десантно-штурмовая бригада, которая в 1982 году войдет в Афганистан и станет лагерем около Джелалабада, около эвкалиптовой рощи, которую, как сказали комбригу, в свое время посадил какой-то русский дипломат. Комбат Халбаев примет должность райвоенкома в Ташкенте.

Первого января Сухоруков Дмитрий Семенович для своих десантников передал с самолетами несколько елок, и Гуськов, обходя палатки и поздравляя солдат с Новым годом, говорил:

- Я вас сюда привез, я вас отсюда с собой и заберу.

- А когда вы возвращаетесь, товарищ генерал-лейтенант?

- Неделю-полторы, может, еще и пробуду, - накидывал на всякий случай несколько дней Николай Никитович, сам веря в более раннее возвращение.

Домой - это хорошо. И где за фляжкой спирта на десятерых, где просто за воспоминаниями, о доме сидела хуже всех обустроенная "десантура". А зачем колготиться-разворачиваться, если на днях - домой. Да и по логике: ВДВ - они для первого прыжка, сделать основное дело. А остальное разгребать - на это есть "соляра"42.

Но Бабрак Кармаль уже говорил советникам:

- Вы меня привезли, вы меня и охраняйте.

Везли главу нового правительства из Баграма десантники, они же в первые минуты переворота взяли под охрану Дворец Народов, десантникам и сказали: поохраняйте пока, ребята, раз такое дело, а потом разберемся. Тем более что Афганистан буквально наводнился за считанные дни песнями против новой власти. Одну из них, записанную на магнитофонную пленку, передали прямо Бабраку.

Кармаль, ты сгинешь, как Амин и Тараки,
Народ тебя повесит!
Кармаль, плохо твое дело,
Дорога твоя ведет в ад.
Кармаль, Аллах проклинает тебя,
Да сгинут все твои друзья.
Афганцы ведут священную войну,
Они освободят родину.
Бабрак, нет тебе места на земле,

Бабрак, тесно тебе уже в Москве.

Афганцы знают, что ты чужак среди них?

Ишак и предатель родного народа.

И твой "Парчам" - сборище ишаков и изменников.

Покарай Бабрака гром небесный.

Ты совсем не человек, Бабрак,

Ты - бабрай43 на привязи у русских.

После этого Бабрак уговорил Советское правительство: перед тем как вывести основные части, помогите разбить две самые крупные группировки душманов. Иначе все зря, ведь если они объединятся, то сметут власть в Кабуле.

После успешного ввода помочь правительственным войскам в разгроме двух банд представлялось делом не таким уж и сложным. Советские подразделения вошли в горы и... остались там на девять лет: началась цепная реакция взаимных ударов.

Улетая в Москву в начале февраля один, Гуськов тем не менее вновь пообещал десантникам: "Встречу вас 23 февраля".

Потом не обещал, а просто планировал встретить на 2 августа - День ВДВ, 1 сентября - детей повести в школу, 7 Ноября к параду, на Новый год. Потом уволился в запас, а "десантура" все мерила горные склоны Афгана, не зная своей судьбы. И лишь в сентябре 1981 года, когда заменили комдива (Рябченко ушел в Академию Генерального штаба с орденом Ленина), прибывший на его смену генерал-майор Слюсарь Альберт Евдокимович (впоследствии Герой Советского Союза, генерал-лейтенант, начальник Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища) потребовал карту-схему расположения городка. Сутки изучал ее, сверял с местностью, а потом, отменив все боевые операция, засады и рейды, объявил десятидневку строительства дорог и обустройства лагеря. Стало ясно - Афган надолго.

Хотя, знай мир все подводные течения в афганской ситуации, это можно было сказать и раньше.

А именно: в связи с вводом войск в Афганистан нашлось немало стран, которые, закричав "держите вора", на самом деле начали спешно греть руки на советско-афганском костре, поставив главной задачей не выпустить СССР из ДРА. Соединенные Штаты первыми выделили 30 миллиардов долларов для закупки оружия моджахедам. "Извозчика" для его переправки долго искать тоже не пришлось - предложил свои услуги Пакистан с его 1400-мильной границей с Афганистаном. Тут же были определены так называемые "Особые правила" во взаимодействии тех, кому была выгодна война:

1. Страны, поставляющие оружие, делают это тайно, избегая публичности.

2. Осуществление контроля за дозированным распределением этого оружия возлагается на Пакистан. Дозировка оружия необходима для более долгой войны. То же самое распространяется и на финансовые средства.

3. Оружие, поставляемое афганским мятежникам, должно быть советского производства. Это должно показать миру, что мятежники действуют успешно и сами добывают себе оружие.

4. Оружие прибывает в Пакистан под видом обычного груза на самолетах, опознавательные знаки которых постоянно меняются.

Удачно распределились и выгоды. Пакистан за услуги "извозчика" получал долгосрочные кредиты на сумму 3 миллиарда долларов. Саудовская Аравия взяла на себя рола банкира с неизбежными процентами. Израиль, Египет и Китай поставляли оружие советского производства. Кроме того, Анвару Садату после сделки в Кэмп-Дэвиде важно было показать себя защитником ислама, в то же время угодить США и выгодно продать советское оружие, которое до этого почти за бесценок Египет приобрел в СССР. Израиль вообще влезал на коня: чем больше мусульман убивало друг друга, тем сильнее становилось сионистское образование в середине арабского мира. К тому же СССР переносил центр своего внимания из региона интересов Израиля в Афганистан.

Не оставались внакладе и США, давшие деньги на раскрутку этой пружины. В администрации Рейгана выработалось три подхода к событиям в Афганистане.

1. "Вьетнам Москвы". Превратить Афганистан в советский Вьетнам. Обескровить СССР путем увеличения издержек его пребывания там и удерживать там его как можно дольше, расстраивая ресурсы, подрывая внутреннюю стабильность СССР и международный престиж.

2. "Боковой эффект". Афганистан должен стать отвлекающим эффектом, главное - не он. Действительный вопрос - отработка баланса между США и СССР в пользу США. Согласно этому пункту жизненно важные интересы США должны сосредоточиться в другом регионе, куда СССР, увязнув в Афганистане, не сможет дотянуться. Чем дольше Советский Союз поведет войну на афганской земле, тем прочнее утвердятся США в необходимых регионах.

3. "Торговля по кусочкам". США должны торговаться с СССР: мы уменьшаем свою помощь моджахедам, СССР - в Латинской Америке или в том регионе, который выгоден сейчас США. К тому же помощь моджахедам позволяет привлекательно выглядеть на международной арене.

Вот и все "беспокойство" "друзей" Афганистана. Да только знать бы обо всем этом моджахедам, знать, что дается им строго дозированное количество оружия с определенным количеством боеприпасов. Знать в конечном итоге, за чьи интересы они идут воевать с винтовкой против танков. Знать, как подло и грубо о них вытирают ноги новые "друзья"44. Шурави хоть воевали открыто. Но тем не менее пелись песни, газели:

Нет звания выше моджахеда,
Так было всегда и так будет.
Начинается песнь о газавате
О священной войне правоверных.
Бог всегда был другом моджахедов.
Когда мы идем в бой,
В панике бегут с поля битвы
Войска трусливых шурави.
Даже мертвый моджахед не закрывает глаз,
Не опускает их перед врагом.
Тела мертвых залиты кровью,
Но от нее захлебнутся все русские,
Шурави ходят как нищие бедняки,
Ломятся в каждую деревню.
Да сгинут все они,
Нищие грабители и разбойники.
Я, Али Мухаммад, поэт из Локари,
Я иду в бой вместе с моджахедами.
Они бьют врагов под звуки моих песен.
Смерть проклятым шурави!

Так войну продолжала политика...

Документ (справка отдела Среднего Востока МИД СССР в ЦК КПСС):

"8 февраля 1980 года.

При этом направляю материалы с высказываниями А. Банисадра, избранного 25 января с. г. на пост президента Исламской Республики Иран.

21 января, выступая в Исфахане, Банисадр заявил: "Я считаю Афганистан частью Ирана. Советское нападение на Афганистан я рассматриваю как нападение на Иран".

5 января 1980 года. Нью-Йорк.

Зал заседаний Совета Безопасности заполнялся медленно, и Михаил Аверкиевич Харламов, даже не глядя на часы, понял: заседание, как всегда, начнется с опозданием. Это было первое недоразумение, с которым он столкнулся, приехав работать в Нью-Йорк: переносы, опоздания были в Совете Безопасности делом обычным, словно заседал не высший совет ООН, а профком

отстающего завода.

А казалось, сегодня уж точно все начнется минута в минуту. ООН гудит в связи с вводом ограниченного контингента советских войск в Афганистан. 52 страны, почти треть состава ООН, направили позавчера Генеральному секретарю Организации письмо с настоятельной просьбой собрать Совет Безопасности по этому вопросу.

Вчера из Кабула прилетел новый министр иностранных дел Шах Мухаммед Дост и, как говорили в кулуарах, еще на трапе самолета выразил свой протест против вмешательства во внутренние дела Афганистана. Тем не менее Курт Вальдхайм заседание Совета назначил, и через несколько минут всё определится. Хотя что - "всё"?

Харламов оглядел зал. Трояновский уже занял свое место и записывал что-то в свои листочки. Он пожелал выступать первым, Москва порекомендовала сразу идти в бой, категорически настаивая на отмене повестки дня. События в Афганистане - дело двух стран, между которыми заключен Договор о взаимопомощи, в том числе и в военной области, и которые свои обязательства выполнили. И больше это никого не касается.

Касается. Еще как касается. Вот занял свое место Макгенри, представитель США. По алфавиту в наименовании стран он и Трояновский сидят практически рядом, и однажды, когда в зал заседаний каким-то образом - еще одно удивление для Харламова - проникли американские молодчики одной из антисоветских группировок и вылили на Макгенри банку красной краски, видимо считая, что чернокожий представитель Соединенных Штатов "покраснел" и проводит недостаточно жесткую политику в отношении социалистических стран, алые брызги в тот раз попали и на костюм Трояновского. Еще тогда подумалось: как же близко мы все находимся друг от друга. Да только ошиблись молодчики: не думал "краснеть" Макгенри и, вероятнее всего, сегодня докажет это.

Хотя, судя по письму, Соединенные Штаты желают одного: показать, что главными действующими лицами здесь являются развивающиеся страны. Вперед будут выставляться они, создавая фон всемирного осуждения ввода войск, а это уже политика. Американцы никогда не забывают о политике, вернее, они всегда сначала думают о ней, чего не скажешь, к сожалению, о наших. Войска в Афганистане уже десять дней, а кроме бесконечных ссылок на 51-ю статью и просьбы добиваться отмены повестки дня Москва порекомендовать ничего не может. Да что рекомендации, дали хотя бы просто информацию, а здесь сами бы уж разобрались, о чем и как говорить. Неужели за Родину болеют

только в Москве?

Гул постепенно начал стихать - занял центральное место председателя Жак Лепретт. Сегодня он проводит первое свое заседание в качестве председателя, значит, начнет с новогодних поздравлений. Надо полагать, что основная часть выступлений тоже пройдет в реверансах: сначала Чэнь Чу за прекрасное руководство Советом в декабре, затем Лепретту - уже в качестве аванса. Без подобных любезностей не обходится ни одно заседание, приходящееся на начало месяца. А может, так и надо, если хочешь достичь своих целей? Эх политика, шлюха истории...

Наконец Жак Лепретт начал поздравления с Новым, 1980 годом. Объявил повестку дня -письмо 52 стран. Долго перечислял их. Первые - Австралия, Багамские Острова, Бангладеш, Бахрейн... Но это первые опять же по алфавиту, за него всегда очень удобно прятаться. Центральные фигуры здесь США, Китай и Великобритания. Трояновский в своем первом слове должен отметить это сразу же, чтобы ни у кого не оставалось иллюзий, будто советская делегация ничего не ведает и не смыслит в дипломатических вариациях на тему Афганистана. Выступление Олега Александровича планируется где-то минут на десять, он должен налегать на сознательность и самостоятельность государств в решении вопросов, касающихся только двух стран. Следом обещал выступить Флорин и от имени ГДР тоже потребовать снять с повестки, дня данный вопрос...

- И какова позиция в нашей партии? - Трояновский, разложив вчера вечером аргументы своего доклада с учетом мнения Флорина, пристально посмотрел на своего заместителя. Он явно намекал на то, что в свое время Харламов возглавлял Шахматную федерацию СССР, имел первый разряд, а сложившаяся ситуация как раз и требовала просчитать ходы еще в дебюте. В конце концов, Трояновскому нужна была просто поддержка, хотя бы моральная: было ясно, что ему предстоит практически в одиночку отстаивать интересы страны в сеансе одновременной игры с пятьюдесятью двумя соперниками.

- Надо исходить из того, что повестка дня все равно будет утверждена, - сделал несколько ходов вперед Харламов. - На мой взгляд, после ее утверждения вам надо будет выступить где-то в середине дискуссии. Пусть сначала изольют желчь западники и те, кто отрабатывает у них свой хлеб. После вас, видимо, неплохо было бы послушать Доста - это стало бы хорошей связкой. Судьба партии решается главным ходом, а не в эндшпиле, - перешел и он на язык шахмат.

Они до полуночи колдовали над текстами, пытались предугадать мнения противников, подсчитывали голоса

поддержки. И убеждались вновь и вновь: да, нужно атаковать, лучший вид обороны - это наступление.

...Когда слово взял Трояновский, Михаил Аверкиевич, устроив поудобнее покалеченную ногу, замер. Олег Александрович поприветствовал Лепретта на посту председателя, тот благодарно кивнул. Но это все прелюдия, все ждут главного. Вот Трояновский подвинул к себе листочки, все замерли... Нет, он просто выражает озабоченность, что в результате закулисных маневров США до сих пор не принята в Совет Безопасности Куба как представитель от латиноамериканских стран. Макгенри усмехнулся, он понимает, что это только пристрелка, но все равно ему неприятно: для битья выставлялись вроде бы другие.

- Делегация Советского Союза решительно возражает против рассмотрения в Совете Безопасности так называемого вопроса о положении в Афганистане, как это предлагается в письме от третьего января представителями США, Соединенного Королевства, Китая и поддерживающих их стран, - перешел наконец к главному Олег Александрович.

Сказал затем о неоднократных обращениях афганского руководства оказать помощь, о засылке банд на территорию республики. Интонацией выделил - как все же умело надо пользоваться интонацией, - что рассмотрение сегодняшнего вопроса на руку тем кругам, которые как раз и осуществляют вооруженное вмешательство во внутренние дела Афганистана.

- Советская делегация призывает членов Совета Безопасности проявить благоразумие и осмотрительность, с тем чтобы не допустить использования Совета Безопасности в неблаговидных целях.

Закончив выступление, Трояновский оглядел "подкову" - сидевших за столом членов Совета. Это хорошо, что он не опустил голову, а вот под его взглядом некоторые уткнулись в бумаги. Хорошо, пока хорошо. А вот берет слово и Флорин.

- От Афганистана не исходит никакой опасности ни миру, ни соседним государствам. Тем более те, которые расположены от него на расстоянии в тысячи километров, и подписали данное письмо.

Трояновский этого не подчеркивал, здесь важно не повторяться, не делать пустые ходы. Так, кто следующий?

По минуте, не больше, выступили представители Бангладеш и Норвегии, настаивая на обсуждении вопроса. "Пока психологический перевес в нашу пользу", - "вел партию" Харламов. И тут же подобрался: слово предоставили Чэнь Чу.

- Массовое вторжение Советского Союза в Афганистан является неприкрытым актом агрессии. Китайская делегация

решительно отвергает абсурдное заявление советского представителя и считает, что Совет Безопасности должен устранить замешательство, вызванное выступлением советского представителя.

Ага, замешательство, значит, есть. Если его почувствовал один из самых ярых противников, значит, у остальных более благоприятное чувство. Идем дальше.

Жак Лепретт, словно послушавшись Михаила Аверкиевича, оглядел членов Совета, приглашая к продолжению разговора. Однако больше желающих выступить не оказалось. Инициатива переходила к председательствующему. Как-то он ею воспользуется?

Начал витиевато - про предварительные консультации, сопоставление точек зрения. Значит, повестка будет утверждена. А это что за список? Ого, еще четырнадцать стран просят принять участие в прениях. Итого - двадцать восемь государств, включая Афганистан. Дост и Сахак входят в зал по отдельности, садятся на свободные места. Бисмеллах пока никак не выразил своего отношения к происходящим событиям, но чувствуется, что он подавлен и растерян. Будет ли Дост менять его здесь, в ООН? И как выступит сам? Его выступления ждут, оно много будет значить. Если по уму, то даже Трояновскому, может быть, не стоит спешить. Надо, чтобы сами афганцы стали выразителями воли своего государства, надо дать всем понять, что это они в первую очередь заинтересованы в присутствии наших войск. От того, насколько им это удастся, во многом будет зависеть позиция других делегаций. Кто же первым начнет разговор? Ах, англичанин, господин Антони Парсонс. Что ж, приготовимся...

Нет, разговор опять о другом. Антони Парсонс лишь желает подчеркнуть, что присутствие на заседании нового министра иностранных дел Афганистана вовсе не означает, будто Соединенное Королевство признало новое руководство в Кабуле.

Это же самое, словно эхо, повторили португалец, Макгенри, активные сегодня представители Бангладеш, Китая, Норвегии. А вот Трояновский, наоборот, поблагодарил Совет, что пригласили Доста принять участие в сегодняшней работе. Последнюю фразу вновь выделил: да-да, идет обычная работа Совета, ничего сверхъестественного не происходит.

Михаил Аверкиевич сделал пометки в блокнотике о первых впечатлениях, И хотя стенограмма заседания через день-два появится в секретариате и можно будет получить личный экземпляр, журналистская привычка самому записывать события срабатывала безукоризненно: порой важнее ведь знать не что говорится, а как говорится.

Наконец начались прения по повестке дня. Слово взял Янго, представитель Филиппин. "Как будто больше всех озабочен вводом войск", - не смог сдержать ехидства Харламов. Да, события сегодняшнего дня будут развиваться скорее всего как раз вопреки логике. Тяжелая артиллерия вступит в бой в самый критический момент.

Все верно. Филиппинец не осуждал и не поддерживал ввод войск, он только потребовал фактов и обстоятельств всех событий, которые произошли в Афганистане. "Эх, дорогой, нам бы самим эти факты", - забыв, что мгновение назад он иронизировал над Янго, теперь почти дружелюбно посмотрел на выступающего Харламов. Вновь возникло ощущение шахматной игры: партия играется с закрытыми глазами да еще в зачет кому-то неизвестному.

Следующее слово - Пакистану. Сейчас, конечно, будут слезы. Сладкие слезы - от переизбытка лжи и лицемерия.

- Народ и правительство Пакистана испытывают чувства братства к народу Афганистана...

Господи, говорил бы это кому-нибудь другому. Ах-ах, отношение Пакистана к соседу не изменилось даже со сменой правительства. А засылка банд? А снабжение беженцев оружием и создание лагерей? Что? Приток беженцев создал тяжелое бремя для и без того скудных запасов страны? Так кого жалеть надо? Хорошо, что хоть цифру назвал: на 1 января 1980 года в Пакистане находится 387 575 беженцев. Хоть какая-то польза от выступления.

Слово - Досту. Наконец-то. Пока тот шел к свободному месту за "подковой", Харламов следил за Бисмеллахом. Сахак, опустив голову, обхватив ее руками, сидел, чуть раскачиваясь. Да, положению афганского посла не позавидуешь. Американцы начнут давить на него, уговаривать, чтобы он действовал только от правительства Амина. С Кампучией им это удалось. Поддастся ли Сахак? Совсем недавно они с ним вспоминали Джелалабад: Харламов дважды был в Афганистане, а во время последней поездки посадил в Джелалабаде на берегу арыка два эвкалипта. Потом спрашивал у бывавших там: эвкалипты не только принялись, но вокруг них посадили новые деревья, и теперь можно говорить, что на берегу арыка растет целая роща. Сахак обещал в очередной отпуск сфотографировать ее...

Дост начал свою речь негромко, но без растерянности, словно всю жизнь был министром и только и делал, что выступал в ООН.

- В период правления Амина некоторые западные страны выражали озабоченность по поводу убийств и массовых репрессий ни в чем не повинных афганцев. Сегодня, когда этот диктатор не

избежал своей участи, они проливают по нему слезы. Это - явно двуличная позиция.

Ну что ж, позиция Афганистана тоже окончательно стала для всех ясна. Друзья и враги тоже определились. Разведка боем закончилась. Впрочем, и первое заседание тоже.

Во время обеденного перерыва Олег Александрович подошел к Харламову:

- Может, вам лучше побыть на рабочем месте?

И стало ясно, что все это время Трояновский надеялся получить хоть какую-то дополнительную информацию. Неужели Москва не понимает, что сейчас важно выстоять? Или она надеется на право вето? Так это легче всего. Кто-то очень дальновидно продумал это право. Впрочем, почему кто-то? Пять великих держав - США, Китай, Великобритания, Франция и Советский Союз, формулируя Устав ООН, оставили за собой два главных права: постоянное представительство в высшем органе Организации - Совете Безопасности и право вето - отклонение любого проекта решения вне зависимости от результатов голосования. Конечно, есть еще Генеральная Ассамблея, где принимают участие в работе все члены ООН, а не только пятнадцать, как в Совете Безопасности. Но если решения Совета обязательны к выполнению любой страной, то это же самое решение, принятое Генассамблеей, имеет лишь рекомендательные функции. Пожелание, и не более того.

Поэтому как бы ни повернулись события сейчас, у Олега Александровича в запасе беспроигрышный козырь. Все это знают, поэтому разговор будет рассчитан на эмоции. Телеграфные агентства разнесут выступления каждого участника заседания по всей планете, и именно сейчас, здесь формируется отношение к акции Советского Союза по поводу ввода войск. Информацию! Полцарства за информацию!

- Я позвоню, Олег Александрович. Если что-то есть дополнительно, я тут же сообщу, - согласился Харламов.

Однако Москва молчала. И Харламов впервые, наверное, осознал, как это губительно - иметь право вето. Иметь более сильное оружие, чем у других. Когда можно не утруждать себя в выборе выражений, друзей, а в конечном счете и в выборе политики и средств ее проведения. И уже не только о себе думал, но и о Штатах, вовсю размахивающих этим правом, о Китае, о любой страде, хоть мало-мальски приподнявшейся над другими. Эх, двадцатый век... А ведь не будь права вето, Москва бы крутилась, она бы думала, советовалась, анализировала, поминутно выходила на связь, - она, а не они здесь, в Нью-Йорке.

Через два часа, когда зал стал заполняться после перерыва,

Харламов с порога покачал головой на вопросительный взгляд Трояновского - ничего нового.

Трояновскому, снова первому, предоставили слово. Пересказывать тому ход событий в Афганистане, который стал известен после выступления того же пакистанца, - это заведомо было проигрывать в информационной насыщенности и давать повод для все новых и новых вопросов, требующих конкретных ответов. Трояновский пошел на параллели: когда африканцы сражаются за свою независимость, когда палестинцы воюют против Израиля на оккупированных землях, то США и их союзники не выбирают слов, заявляя о недопустимости применения оружия. Когда же банды мятежников в Афганистане поднимают восстания против своих правительств, то их тут же берут под защиту.

- Мы думали, что империалистические силы, убедившись в необратимости процессов в Афганистане, оставят его в покое, будут считаться с реальностями, - продолжал Трояновский.

Вообще-то, несмотря на кажущуюся лояльность, мягкость советского посла, здесь уже многие испытали на себе его точные, жесткие эмоциональные удары. Олег Александрович в лучших традициях дипломатии мог после витиеватых фраз вдруг взорваться, компенсируя недостаток информации именно эмоциональностью, умением заглянуть в такие уголки вопроса, о которых никто и не догадывался.

Он и сейчас, собственно, намекал, что, предоставь вдруг возможность тем же Штатам войти в Афганистан, они бы сделали это не моргнув глазом45. И никого бы не предупреждали, а тем более не слушали бы советы. А мы вот обсуждаем, делимся впечатлениями...

- СССР не намеревался и не намерен вмешиваться в вопросы, касающиеся государственного и общественного устройства Афганистана. Советская помощь Афганистану не направлена ни на одну из соседних стран. СССР подчеркивает, что желает поддерживать с ними нормальные, дружеские отношения.

И затем вновь - о концентрации американского флота в Персидском заливе: а что это он делает в такой дали от родных берегов? О лицемерии Пекина, последние два десятилетия постоянно прибегающего к военным авантюрам против соседей.

- Нельзя не обратить внимание еще на одно обстоятельство. Трояновский сделал небольшую паузу, привлекая внимание. - В числе стран, которые поддержали США в их попытках раздуть вопрос, оказалось семнадцать государств, на территории которых находятся американские войска. Может, мы и этот вопрос начнем рассматривать? И позволительно спросить, почему правительства

этих стран рассматривают это положение как нормальное. Когда же другое государство, в данном случае Афганистан, приглашает к себе на помощь войска дружественной ему страны, то они считают это противозаконным и видят в этом угрозу международному миру. Нам кажется, что тем развивающимся странам, которые оказались втянутыми в нынешнюю кампанию по так называемому афганскому вопросу, не мешало бы призадуматься, кому на руку они играют.

Трояновский кивнул, благодаря слушателей. Харламов не успел почувствовать реакции зала, как руку мгновенно поднял китайский представитель. Сегодня в его адрес раздалось множество пусть и дежурных, но благодарностей за мудрое руководство Советом Безопасности в декабре месяце, психологически он сейчас в выгодном положении: раз я мудр, то слушайте.

Михаил Аверкиевич попытался было записывать за Чэнь Чу, но вскоре стал помечать только эпитеты, которыми изобиловала речь китайца. И чего здесь только не было - и "бессмысленная и безрассудная политика СССР", и "массированное вопиющее вооруженное вторжение", и "отвратительная советская агрессия", "наглая провокация против народов всего мира", и что "Советские Вооруженные Силы продолжают прибывать в Афганистан нескончаемым потоком, вопиющим образом грабя, жестоко подавляя афганское население"!

- Советский Союз помимо наращивания передовых военных сил в Европе ускорил продвижение на юг в попытке выйти к Индийскому океану, осуществить контроль над морскими путями транспортировки нефти, захватить нефтепроизводящие районы, выйти во фланг Европе, поставить под непосредственную угрозу Южную Азию и тем самым господствовать в мире, закончил на высокой и трагической ноте Чэнь Чу.

Кажется, улыбнулись все присутствующие, даже Макгенри: операцию по захвату мирового господства Советским Союзом китаец разработал блестяще. "Надо бы передать это в Генштаб", - не стал скрывать улыбки и Харламов. Это хорошо, что Чэнь Чу выступил. Что так выступил. "Мудрого" вице-председателя всерьез никто не воспринял, несмотря на всю цветастость речи. О, а он еще и не закончил, только перевел дух. Что еще?

- СССР по сути дела является самым злобным врагом и "третьего мира", и всех народов.

Браво. Еще что-нибудь бы в этом же духе!

- СССР показал себя как самый большой агрессор и гегемонист нашего времени, - добавил посол.

Молодец. Умница, Чэнь Чу. Только неужели так сильна злоба

на Советский Союз, что уже не видит, как наступает обратный эффект от выступления? А Трояновский, кстати, как-то говорил, что всю жизнь мечтал поработать в Китае, что влюблен в эту страну, ее традиции, культуру. Вот, работайте, Олег Александрович, все в ваших руках.

Остальные выступления этого дня ничего нового не принесли, они только раздвигали два берега, две позиции. Болгары и поляки вполне аргументировано показали, что обсуждение афганского вопроса юридически не обосновано, политически неправильно и непродуктивно по сути. Захлебывались в гневе Колумбия, Кампучия, Саудовская Аравия и Новая Зеландия. Очень сдержанно, на удивление корректно выступили сэр Антони Парсонс и Эральп - Великобритания и Турция однозначно заявили, что не желали бы терять дружественных связей с СССР из-за Афганистана.

- Ну, что скажете? - возвращаясь вечером в резиденцию, спросил Трояновский. Он выглядел усталым. Да что выглядел - так оно и было на самом деле. Руки его недвижимо лежали на коленях, плечи были опущены, он не поворачивал головы и не реагировал на проносящиеся мимо машины.

- Думаю, ничего страшного. По крайней мере, партия не проиграна, искренне поделился впечатлениями Харламов.

- Но и не выиграна. Надо подготовиться к завтрашнему дню. Займитесь-ка, пожалуйста, своим вторым любимым делом - просмотрите подшивки газет за последний два года: что писали об Афганистане и в каких красках. Надо их подловить на их же высказываниях.

- Добро. Макгенри будет выступать, - скорее утвердительно, чем вопросительно сказал Михаил Аверкиевич.

- Завтра первым.

- Из наших кто? - Харламов имел в виду представителей социалистических стран. На развивающиеся страны надежды практически не было. Как однажды выразился господин Табмен из Либерии, "когда сражаются слоны, гибнет трава". А то, что на заседании идет борьба блока НАТО и Варшавского Договора, всем яснее ясного.

- Венгрия. Холлаи уже подходил.

- А чехи? Вьетнам?

- Холлаи хочет выступить в первой половине дня. Затем, если обсуждение не закончим, а мы точно не закончим, выступят Флорин, Гулинский и Ха Ван Лау. Боюсь, как бы Ван Лау не начал сводить счеты с Чэнь Чу. Он сказал, что в его выступлении околичностей не будет, он прямо заявит: именно потому, что Пекин и США теряют в связи с Афганистаном в этом регионе свои

козыри, и теряют их безвозвратно, они и подняли весь этот шум и гам. А вы завтра все же побудьте на связи, хорошо?

"Все еще надеется, - подумал Михаил Аверкиевич, устраиваясь удобнее на сиденье - и в самом деле усталость обволакивала все тело. - Корреспонденты уже передают информацию о сегодняшнем дне, должны же в МИД почувствовать, что мы не на курорте здесь".

...Но ни на следующий, ни на третий день работы Совета больше того, что уже знала советская делегация из различных источников, Москва не сообщала. Спасибо Макгенри, он разложил ввод войск по часам, и хоть что-то прояснилось. Значит, ЦРУ не дремало. Что же наши?

Седьмого января Совет Безопасности принял решение голосовать по повестке дня. Трояновский в последний раз подчеркнул, что 51-я статья Устава не дает права государствам на индивидуальную или коллективную самооборону, она лишь подтверждает это право. При голосовании он и Флорин подняли руки против принятия резолюции, осуждающей ввод войск и требующей немедленного вывода ограниченного контингента с территории ДРА. Сработало право вето, и Советский Союз, можно сказать, на законном основании мог теперь держать войска в Афганистане.

Однако ни Трояновский, ни Харламов не сомневались, что афганский вопрос на этом не будет закрыт. То, что его вынесут на рассмотрение Генеральной Ассамблеи, чтобы уязвить СССР хотя бы морально, - в этом сомневаться не приходилось, и единственное, чего приходилось ждать, - это даты обсуждения.

Но прошло 7 января, заканчивалось восьмое число, а сообщений о заседании Генассамблеи все не поступало. Трояновский, не выдержав, подошел к канадцу, спросил вроде бы шуткой:

- Что-то вы задерживаетесь, пора вроде бы... - Олег Александрович не смог подобрать слова: то ли в атаку, то ли на растерзание, но господин Бартон понял. Дотронулся до плеча:

- Можно анекдот? Собрались однажды на совет мыши и стали думать, почему им так плохо, неспокойно живется. И пришли к естественному выводу, что все их беды - от кота. Постановили, что кота надо вязать. Но вот кому вязать - все боятся. - Господин Бартон посмотрел на советского посла и, убедившись, что Трояновский прекрасно понял его английскую речь, отошел.

"Значит, ищут смелых. Кого же найдут?" - Олег Александрович стал пристальнее всматриваться в лица встречавшихся послов. В знак приветствия все кивали головой, здоровались, никто не переходил на другую сторону, не отводил

взгляда. Значит, особого рвения выступить инициатором созыва Генассамблеи нет. Может, и не соберут? Нет-нет, этим себя тешить не стоит.

И 9 января вечером, в 19.30, Лепретт созвал совещание Совета Безопасности.

- Я хочу представить документ, в котором содержится текст проекта резолюции, представленной Мексикой и Филиппинами.

Значит, Мексика и Филиппины. Нашлись, которые не боятся кота. Или которых просто заставили идти вязать кота.

- Делегация моей страны весьма сожалеет о том, что она выступила с этой инициативой, - первое, что сделал, это покаялся представитель Филиппин.

Что Мексика?

- Мы опасаемся движения вспять, поэтому просим созвать срочную специальную сессию для рассмотрения вопроса об Афганистане.

Не густо. Впрочем, все уже выговорились за три дня. Но последнее слово Трояновский все же решил оставить за собой.

- Как известно, правительство ДРА заявило свой решительный протест против какого-либо рассмотрения в ООН этой мелочной американо-китайской кляузы и требует покончить с этим недопустимым вмешательством во внутренние дела Афганистана. - Олег Александрович, забыв, что накануне сам опасался за несдержанность вьетнамца, сказал это резко, с вызовом.

- Голосуем. - Жак Лепретт выдержал некоторую паузу после Трояновского и вернулся к роли председателя. - Кто за то, чтобы передать вопрос по Афганистану на рассмотрение Генеральной Ассамблеи?

Здесь право вето уже не действовало, и процедура голосования повторилась: СССР и ГДР против. Правда, воздержалась Замбия.

- И то хлеб, - сказал Михаил Аверкиевич, когда разбирали с Трояновским прошедший день.

А наутро, перед началом Генассамблеи, к нему подошел Сахак.

- Мне предложили освободить квартиру, - отводя взгляд, словно это он был виноват в том, что не может противостоять закулисной игре США, сообщил Бисмеллах. Значит, молчание афганца не устроило американцев. Травля началась, она всегда начинается с выселения из квартиры, и не надо сто лет жить в Америке, чтобы понять, кто здесь проиграет. - Я хотел бы попросить: пусть Москва даст разрешение приехать мне с семьей в СССР. Я хочу там переждать все... это.

Посол никак не назвал ввод войск в свою страну, он никак не

прокомментировал события, которые происходят на его родине. Или не хочет обидеть, или до конца так и не определился в своем отношении к ним? Да и кто определился? Если честно, то все, что происходит в ООН, - это не забота о народе Афганистана, именем которого прикрываются все выступающие, это продолжение той политики, которая проводится странами, это в конечном итоге сведение счетов и проталкивание своих интересов. "Когда дерутся слоны, гибнет трава"...

- Хорошо, я сегодня же передам вашу просьбу.

Через два дня - небывало короткий срок для Москвы - пришло разрешение Бисмеллаху Сахаку приехать с семьей в СССР. Харламов, боясь провокаций, проводил афганского посла до самолета. Обнялись. И Михаил Аверкиевич вдруг увидел на глазах у Сахака слезы. И понял, что тот прощается не с работой, не с Нью-Йорком, - он прощается с чем-то большим. Он вступал в новую, неведомую ему жизнь и четко знал, что граница этого нового проходит по этому аэродрому в эту минуту...

Необходимое послесловие. Семья Сахака поселилась в Воронеже, а приехавший на место Бисмеллаха в ООН Фарак переметнулся к американцам уже через полтора месяца. Харламов, через год тоже вернувшийся в Союз, некоторое время поработал в Госкомиздате. Выйдя на пенсию, серьезно взялся за дневники. Но однажды, когда лежал на обследовании в больнице, они исчезли из его тумбочки. Взялся было за их восстановление, но смерть прервала работу...

Олег Александрович Трояновский получил-таки назначение в Китай. При его непосредственном участии готовились поездка М. С. Горбачева в КНР и ответный визит в Москву Ли Пэна - железный занавес между двумя великими странами был раздвинут. Вскоре после этих визитов фамилия Олега Александровича промелькнет в списках награжденных орденом Трудового Красного Знамени.

Вопрос по Афганистану поднимался практически на каждой сессии Генеральной Ассамблеи - вплоть до вывода наших войск. Число противников ввода постоянно колебалось, но ниже ста никогда не опускалось. И хотя Трояновский в свой приезд в Москву летом 1980 года скажет Громыко, что мы проиграли Афганистан в первую очередь пропагандистски, министр иностранных дел не согласится с этим утверждением и заявит, что Москва все делала правильно.

А. Н. Шевченко, до побега три года работавший на ЦРУ, все же напишет книгу "Разрыв с Москвой", потом выступит в советской прессе: "Я не хочу, чтобы меня считали иудой". Свое предательство станет оправдывать тем, что таким образом якобы

боролся с "тоталитарным режимом" в СССР: мол, после его побега А. А. Громыко, В. В. Кузнецов и другие высокопоставленные лица в советском руководстве будут сняты со своих постов, наступит политический кризис и... к власти придет демократия. В период перестройки таких радетелей за народ отыщется немало. Сам же "борец за демократию" устроится в конце концов преподавать курс внешней политики СССР в Гарвардском университете.

Да, а в Джелалабаде, рядом с рощей, начало которой положили саженцы Харламова, восемь лет располагалась наша десантно-штурмовая бригада, та, которая была сформирована на базе "мусульманского" батальона. Однако во время одного из обстрелов лагеря снаряды "духов" попадут в два самых старых и высоких эвкалипта. Пострадает много других деревьев, и станет ясно, что рощу придется сажать заново...

Лето 1980 года. ДРА. Район Ханнешин.

Автобус протиснулся по узеньким улочкам провинциального центра, обдал пылью висящие около дуканов, облепленные мухами тушки баранов, миновал дровяной базар и вырвался к горячащему ветерку простора.

Сумки с фруктами можно теперь было не держать, и Лена, оставив на коленях лишь пакет с деньгами, стала смотреть в запыленное окно. Рядом с автобусом неслись, дальше бежали, еще далее плелись и вдалеке совсем замирали плантации верблюжьей колючки. Ближе к городу их пыльные желтые шары собирали дети, сгоняя их в большие копны. По горизонту в полуденном мареве колыхалось пятно кочевой отары.

Еще вчера, да что вчера - сегодня утром, все это просто лишний раз напомнило бы Лене о доме, родив смертную тоску и тысячное проклятье судьбе за такую долю, но сегодня... Сегодня у нее в сумочке лежит адрес Бориса. Его полевая почта - пять цифр и буква "Ж" после них. Интересно, почему "Ж"? Напоминала ли она Боре ее фамилию? А может, эту букву он взял себе сам? Он же командир, ему, наверное, можно это делать. Вот было бы здорово, если это так!

Лена открыла сумочку, вытащила сложенный вчетверо тетрадный листок. Полюбовалась корявым почерком партийного советника, который наконец-то достал для нее этот адрес. А уж она правдами-неправдами, но добилась у начальника партии съездить за листком в провинциальный центр.

- Хорошо, езжай, только я тебя не посылал.

- Пал Палыч, миленький, не волнуйтесь, я же с Махмудом, а он лучший водитель в округе. А я и деньги постараюсь получить на бригаду, неделя какая-то осталась. Просто... просто меня новости там хорошие ждут.

Новость воистину прекрасна. Теперь если все удачно сложится, то в следующем месяце она выберется в Кабул, а там, зная полевую почту, она...

Автобус вдруг так резко затормозил, что Лену подбросило с места. Теряя листок, ухватилась за сиденье впереди. Наскочившая сзади пыль окутала автобус, и Лена на ощупь начала отыскивать бумажку: не дай Бог унесет, закрутит, а она помнит из полевой почты только букву "Ж". Надо выучить, обязательно выучить, там пятерка была, даже нет, две. Кажется, еще тройка.

Адрес оказался под ногой, Лена с облегчением выпрямилась и тут же увидела над собой царандоевца. Вернее, увидела вначале его усмешку, потом услышала за занавеской водителя крик Махмуда и ужаснулась страшной догадке. Словно подтверждая ее, вошедший в автобус царандоевец потянулся к сумочке с деньгами. Лена задвинулась в угол сиденья, но длинные узловатые пальцы с широким перстнем дотянулись, замерли перед самым лицом. И Лена, словно под гипнозом, разжала пальцы, сама протянула деньги.

В дверях автобуса показалось еще несколько афганцев, уже без формы. Они втащили, бросили на пол автобуса окровавленного водителя и, улыбаясь Лене, расселись на сиденьях. Автобус плавно, умело тронулся, и Лена подалась к двери: высадите меня. Однако перед лицом вновь возник перстень, она успела даже различить на нем гравировку какого-то цветка. Отпрянула: цветок каким-то образом - цветочная поляна! - напомнил о Борисе, и Лена спрятала за спину листок, словно в адресе было теперь ее единственное спасение.

...Капитан Ледогоров в это время подшивал подворотничок.

- Товарищ капитан, - заглянул, придерживая панаму, в палатку дневальный. - Вас срочно к командиру полка.

- Кого еще? - успел остановить Борис солдата. По фамилиям других офицеров можно было хоть предположить, ради чего командиру потребовался саперный ротный.

- У него сидят начальник разведки дивизии и авианаводчик. Из наших вас и комбата-два, - выдал необходимую информацию дневальный и исчез.

Значит, в горы. А если уже прибыл и авианаводчик, то - прямо сейчас. Комбат-2 считается самым опытным и толковым - выходит, дело сложное, если дернули его. Расклад не в пользу свежих подворотничков.

Борис двумя широкими стежками прихватил оставшуюся полоску материи, дотянулся до кровати, на которой, укрывшись марлей от мух, спал Сергей Буланов.

- Серега, подъем.

- Уже не сплю, - отозвался тот из белого кокона. Потянулся, распугивая мух и комкая марлю.

- Готовь на всякий случай людей.

- Есть.

В чем повезло в последнее время Ледогорову - прямым ходом после училища к нему в роту прибыл лейтенантом Сергей Буланов. От того курсантика, с которым когда-то искал мины под Суземкой, осталась только что исполнительность, но это был далеко не худший вариант.

- Еле пробился сюда, - смущенно опуская глаза, словно был в чем-то не прав, сказал в первый вечер Сергей. - Почти весь курс написал рапорта в Афганистан, так что пришлось заканчивать училище с красным дипломом, чтобы иметь право выбора.

- Значит, рвутся сюда? - с удовлетворением переспросил Борис. На его взгляд, ввод войск в ДРА имел какие-то недомолвки, чувствовалась не вся праведность этого решения, но хотелось надеяться, что эти сомнения - только его личное недопонимание ситуации, что где-то кто-то знает больше и наверняка просчитал все. И если офицеры рвутся в Афганистан, значит, это он сам не до конца во всем разобрался. И это было хорошо, это снимало моральную ответственность за его пребывание на афганской земле, позволяя заниматься только выполнением боевых задач да заботой о своих подчиненных.

Сергей же за месяц службы в Афгане превратился из курсанта в офицера, заодно отравившись и водой из-под крана. Но главное - солдаты уже не боялись выходить с ним на задания. Что ж, Афганистан обтирал людей быстро, недаром правительство положило здесь военным день за три.

В прогнозе "на боевые" Борис не ошибся: "духи" захватили автобус, в котором ехала кассирша геологов. Капитан про себя даже выругался: идиоты, неужели не понимают, где находятся, разъезжают, как на курорте. А теперь из-за их разгильдяйства или прихотей подставляй под пули солдат. Кому война, а кому и мать родная...

- Район уже блокируется сухопутчиками, вы - на усиление, - подвел черту под заданием командир полка. - Через двадцать минут доложить о готовности к рейду.

- Ты что такой счастливый, будто под дождь попал? - на ходу сбрасывая куртку, поинтересовался Борис у кружившего по палатке лейтенанта. Тот остановился напротив, сжал кулаки, потряс ими в воздухе:

- Сын! Сын у меня родился, командир! - Буланов для подтверждения схватил лежавшее на столике письмо. - Вот. Сын. Настоящий. Три двести.

- Ну, это Улыба молодец. А ты-то тут при чем? - подтрунил Ледогоров.

- Как?.. Да ну вас. Сын! Теперь раз увидеть - и помереть не страшно.

- Не болтай ерунды перед операцией, - оборвал на этот раз серьезно Ледогоров. - Поздравляю, но отметим это дело потом. Через пятнадцать минут начало движения.

- Командир, хоть на сутки, хоть на час, хоть одним глазком можно будет потом как-нибудь?..

- Тринадцать минут, - еще жестче перебил Борис, влезая в маскхалат. Подумал о почтальоне: если через голову ему не доходит, когда приносить и раздавать почту, придется вдолбить через руки, ноги и чистку туалета.

Сергей обидчиво замер около своего угла, медленно полез под кровать доставать амуницию. Борис старался не обращать на него внимания. У только что прибывших в Афганистан только тело здесь, а душа все еще в Союзе. Они и по горам ходят, озираясь, как в музее. Еще ни слух их, ни зрение, ни повадки не выработали той боевой настороженности, которую кто-то называет шестым чувством на войне. Машинальности, автоматизма еще нет в движениях, естественности, когда не надо думать, что делать в той или иной ситуации, само сработает. А когда ко всему этому, еще не существующему, всякие радости-горести приплюсовываются, то выход на боевые - это уже не война, а чистейшая подстава под первую пулю.

- Строй роту и докладывай, - поторопил Ледогоров лейтенанта.

Тот, ничего не ответив и не посмотрев в сторону командира, вышел, проволочив по дощатому полу за лямки бронежилет и рюкзак.

Первый же отличительный признак сапера - это протертые на коленях брюки да иссеченные галькой, задубевшие, с обломанными ногтями пальцы. Мина - она и впрямь ласку любит, да чтоб на коленочках перед ней, да осторожно пальчиками. На миноискатель здесь особой надежды не было: горы афганские словно состояли из чистейшего железа и заставляли прибор работать постоянно. Поговаривали, что вот-вот должны будут прислать овчарок, вынюхивающих тол, но все равно это дело новое, не проверенное, а значит, и ненадежное. Поэтому с марта, когда начались первые подрывы на дорогах, пехота готова была повара оставить в лагере, лишь бы взять с собой лишнего сапера.

Оглядев реденькую, растасканную по нарядам, рейдам, госпиталям роту, Ледогоров для порядка поправил два-три рюкзака и направил навьюченный всякой всячиной свой караван к

бронеколонне второго батальона и секущим над собой воздух вертолетам на краю лагеря.

Когда распределились по машинам, когда вертолеты, их небесное прикрытие, пробуя воздух, плавно попрыгали на площадке, а потом, набычившись, закарабкались вверх, когда заревели моторы бронегруппы и сама она стальной ниточкой вытянулась в предгорье, Ледогоров разрешил признаться себе, что разговор про Улыбу напомнил и о Лене. Вспоминалось о ней и раньше, да что вспоминалось - думал написать ей сразу, как только попал в Афганистан. Но вначале нельзя было упоминать место службы, потом отложил до какого-то праздника - вроде будет повод объявиться. Но закрутился, а праздники для военного вообще страшное дело - одно усиление бдительности чего стоит. А дни бежали, и уже вроде надо было оправдываться за долгое молчание. Подумал-подумал и решил, что в этой ситуации лучше вообще промолчать, лучше как-нибудь потом, при встрече...

А вот Оксана писала часто, и были уже у них на уровне писем и признания в любви, и намеки на свадьбу. Может быть, все это уже и свершилось бы, не войди наши войска в ДРА. А так в тартарары в первую очередь полетели все планы, мечты, отпуска. Жизнь сделалась прозаичней и суровей - а какой, собственно, ей быть, если каждый выезд за пределы лагеря мог стать последним? А зачем это Оксане? Она словно почувствовала холодок новых писем - уже без планов о будущем, без намеков, от которых заходилось сердце и загорались щеки. И первой оборвала переписку.

Вот тут-то и стала вспоминаться Лена. Будто ждала своего часа, словно было это ее - объявиться рядом, когда придут трудности. И поляна их вспоминалась, и жизнь в палатке, когда стоило только повернуть руку... И решил Борис: в первый же отпуск заедет к ней. Сначала к ней, потом к Оксане. Где останется сердце, там останется и он. А у Сергея с Улыбой уже сын. Молодцы, что тут скажешь...

В Афганистане нет длинных дорог. А вот путь может оказаться долгим. Ниточка десантников то растягивалась, и тогда старший колонны басил по связи: "Убрать гармошку", то надолго застревала у какого-нибудь поворота с полуразрушенным полотном дороги. Но проводники-афганцы, с головой закутанные от посторонних глаз одеялами, хоть и подергали изрядно колонну, но все равно сумели вывести ее в намеченное для прочистки ущелье Ханнешин.

- К машинам, - прошла команда, и Борис первым спрыгнул на землю, блаженно размялся. Впрочем, командир разминается не просто ради удовольствия, а чтобы держать потом в руках

подчиненных.

- К машине, - разрешил сойти он и своим саперам.

Ущелье начиналось узкой дорогой, и Ледогоров вдруг вспомнил эскадрон. Эх, его бы сюда, они бы такие перевалы взяли и в такие щели протиснулись... Возникло грустное лицо Оксаны, и Ледогоров потряс головой, прогоняя видение, - он не Буланов, он знает, где и о чем думать.

Пока пехота распределялась по склонам: один батальон - по хребтам слева, второй - по хребтам справа, остальные - по дну ущелья, Борис инструктировал своих саперов. Это только в книгах пишут, что первой всегда идет разведка. Ерунда и глупости. Впереди разведки пашут животами землю саперы.

- Пехота будет лезть на самые гребни, но не поддавайтесь, идите только по краям обрывов, по осыпям - словом, там, где человек не должен ходить. И тащите их за собой. Если попадутся "игрушки", ни в коем случае не обезвреживать, подрывать на месте накладными зарядами. Буланов!

- Я.

- Со своей группой со мной.

- Есть, - недовольно отозвался лейтенант, примерившийся к левому, попавшему в тень склону. Лейтенантам всегда кажется, что они не успеют побывать в настоящем деле. - Остальные - по своим местам.

...Горы, горы, одинаково проклятые и воспетые. И вновь обруганные, и вновь столько же обласканные. Вознесенные выше своих вершин поэтами и низвергнутые до уничижительной пыли путниками. Не терпящие физической немощи и пренебрежения к себе и сами поднимающие дух своих покорителей выше своих вершин.

Вам бы еще быть мирными...

Разрушенный мост за первым же поворотом увидели все. Хотя и неглубокий, но обрыв разорвал дорогу, а кто-то сбросил вниз, на дно, и доски, соединявшие берега.

Комбат вопросительно посмотрел на Ледогорова, тот по-примеривался, рассчитывая возможные варианты, и первым стая спускаться по еле заметной тропинке вниз. Преграда небольшая, были и похлеще, но если преодолевать обрыв по дну, то часа на три батальон застрянет. Надо попробовать вытащить и перебросить доски. Не переход Суворова через Чертов мост, но повозиться тоже придется. И надо все делать побыстрее, прочистка местности, как никакая другая операция, требует скорости.

Но у первых же валунов на дне пропасти Ледогоров замер: за ними валялись обглоданные хищниками человеческие кости. Что

это, предупреждение им? Кто-то уже не прошел этот путь?

Справа блеснуло что-то красное, и, присмотревшись, Борис увидел четки, свернувшиеся змеей. Поддел их тонкой стальной иглой щупа, однако прогнившие нитки не выдержали, и рубиновые камешки, словно капли крови, упали на землю.

- Чего здесь? - подошел Буланов.

- Кто его знает? Ладно, давай смотреть доски.

Сергей притащил ближнюю, положил краем на камень, подпрыгнул на ней. Раздался треск.

"Чертов мост отменяется", - понял Ледогоров и махнул глядевшему на него сверху комбату: давай вниз, на халяву не получится, придется топать ножками.

Попотел, поматерился батальон, но вытащился часа через два на противоположный край обрыва. И только собрались идти дальше, захрипела рация, словно тоже ползла по горам и теперь ей не хватало воздуха. Комбат приложил трубку к уху, покивал головой на сообщение, подтвердил прием.

- Что? - поторопил Ледогоров.

- Всем отбой. Возвращаемся назад.

- Нашли?

- Нашли.

- Жива? - вытягивал сведения Борис, хотя по лицу комбата была ясна другая весть.

Десантник сел на камень, закурил, хотя только что бросил окурок. Подошли неслышно еще несколько человек, остановились в сторонке: связью на операции интересуются все, связь - это их судьба, по ней приходят команды, которые придется выполнять.

- Сухопутчики нашли. Судя по всему, ее затащили в сарай, видимо, надругались. Каким-то образом она сумела серпом убить охранника, овладела его автоматом и приняла бой против банды...

- Да, жалко, - проговорил Ледогоров, забыв, что еще недавно, на постановке задачи, клял неизвестную кассиршу почем зря. Что это из-за нее сотни людей влезли в чужие, раскаленные горы.

- Жалко, - согласился комбат. - Ну что, назад? - Он оглянулся на пропасть, из которой они только что вылезли.

Необходимое послесловие. Однако выход батальона задержит лейтенант Буланов. Вернее, его сообщение, что впереди саперы обнаружили пещеру. Ох, эти боящиеся опоздать в бой лейтенанты...

- Глянем, - равнодушно отзовется комбат. - Вроде тогда и не зря топали.

Лейтенант устремится вперед - вот и он сгодился, но Ледогоров ухватит его за рукав: остынь, пойдешь после меня.

Осторожно осмотрит вход в пещеру, следы тележек, мусор. Медленно тронется в темноту. До этого "духи" еще не применяли растяжек, и капитан заденет тонкий волосок проволоки...

Когда его откопают и вытащат на свежий воздух, лицо Ледогорова будет залито кровью, а рот забит каменной крошкой. Лейтенант дрожащими пальцами выковыряет землю, даст вздохнуть полной грудью. Но глаз капитан не откроет.

Пещеру потом исследуют советские и афганские геологи, найдут разработки урановой руды. Для афганских специалистов станет ясно, почему западные геологи не рекомендовали тратить время и средства на исследования в этом районе, утверждая, что там практически ничего нет. Политика была превыше всего. И все годы пребывания ограниченного контингента это место будет охраняться советскими подразделениями.

Ледогорова доставят сначала в ташкентский госпиталь, затем в московскую клинику. Там к нему, уже знающему, что он теперь никогда не будет видеть, однажды приедет гостья. Борис услышит осторожные девичьи шаги, ощутит на своей груди руку и улыбнется:

- Лена...

Рука вздрогнет, и он поймет, что ошибся. Гражданская жизнь заставит ошибаться многих "афганцев"...

- Это я, Боря. Оксана.

Афганистан будет не только разлучать людей, но и соединять их.

Только через год Борис узнает фамилию кассирши, попавшей к душманам. Привезет ему эту новость в небольшой узбекский городок, где располагался единственный в Союзе, кавалерийский эскадрон, старший лейтенант Буланов. Борис окаменеет, потом попросит жену дать ему лошадь и уедет на своем Агрессоре далеко в горы...

Был он всего лишь одним из тех многих тысяч, кому выпала судьба попасть в афганские события. Он мало занял места в повествовании, потому что мало занимал его и в политике. А политика в те годы была выше всего. И это тоже примета того времени. Хотя все последующие события в стране показали, что в этом вопросе мало что изменилось, и при новых лидерах. Разве только чаще стали клясться от имени народа...

Этим же летом Петя Филиппок создаст новый поисковый отряд и присвоит ему имя Лены Желтиковой, награжденной согласно выписке из приказа "за самоотверженный труда традиционным орденом "Дружбы народов" - войну еще пока скрывали. Останки первых найденных солдат Великой Отечественной отряд похоронит рядом с могилой Саши Вдовина.

- Вот война с войной и встретились, - проговорит на похоронах Соня Грач.

- А где Аннушка? - спросит ее Черданцев.

- У грушенки. В эту могилу не верит, не ходит к ней. Ждет, встречает Сашу там.

Михаил Андреевич и в самом деле увидит Аню у грушенки. Она будет сидеть на подстеленной пиджаке и кормить грудью тряпичную куклу.

- Не буди, Саша только уснул, - шепотом предупредила Аня и отвернулась.

В тот же вечер майор напишет рапорт на увольнение в запас. На его место пришлют молоденького капитана с двумя желтыми нашивками за ранения. Что-что, а место сбора ратников и призывников в России никогда не пустовало. К сожалению...

Документ (Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 2 января 1980г.):

"Об увеличении численности Вооруженных Сил СССР" Разрешить Министерству обороны для создания группировки советских войск в Демократической Республике Афганистан увеличить с 1980 года лимит численности на пятьдесят тысяч военнослужащих и две тысячи рабочих и служащих, в том числе 1000 военнослужащих для Комитета государственной безопасности СССР.

Секретарь Центрального Комитета КПСС Л. Брежнев.

Председатель Совета Министров СССР А. Косыгин".

21 мая 1980 года. Москва. Кремль.

Василий Васильевич Кузнецов, первый заместитель Л. И. Брежнева по Президиуму, в этот день вручал в Георгиевском зале награды офицерам из группы "Альфа", особо отличившимся при штурме Дворца Амина и отмененным 28 апреля особым Указом Президиума Верховного Совета СССР.

Из семи человек, представленных Комитетом госбезопасности к званию Героя Советского Союза, после проволочек, проверок (а были и анонимки о якобы вывезенных "Альфой" драгоценностях) в списке осталось трое: Бояринов Григорий Иванович, 1922 года рождения, Карпухин Виктор Федорович, 1947 года рождения, и Козлов Эвальд Григорьевич, 1938 года рождения. Ордена Ленина выпали Романову, Голову и Полякову.

- Главное, не жмите сильно руку, - в который раз напоминали награжденным, намекая на преклонный возраст Василия Васильевича. - Ну и, конечно, не обнимать, не целовать, не задавать вопросов.

Заинструктировали так, что Карпухин забыл выступить с ответной речью...

Следующие награды "альфовцы" будут уже получать за освобождение заложников, захваты террористов: иногда казалось, что война переползла через Гиндукуш из Афганистана в нашу страну.

Военный корреспондент "Правды" Виктор Верстаков одну из первых своих афганских песен посвятит девятой роте Витебской воздушно-десантной дивизии, вместе с которой "альфовцы" штурмовали Дворец Амина.

Еще на границе и дальше границы
Стоят в ожидании наши полки.
А там, на подходе к афганской столице,
Девятая рота примкнула штыки.
Девятая рота сдала партбилеты,
Из памяти вычеркнула имена.
Ведь если затянется бой до рассвета,
То не было роты, приснилась она.
Войну мы порой называли "работа",
А все же она называлась войной.
Идет по Кабулу девятая рота,
И нет никого у нее за спиной.
Пускай коротка ее бронеколонна,
Последней ходившая в мирном строю,
Девятая рота сбивает заслоны
В безвестном декабрьском первом бою.
Прости же, девятая рота, отставших,
Такая уж служба, такой был приказ...
Но завтра зачислят на должности павших
В девятую роту кого-то из нас.
Войну мы подчас называем "работа",
А все же она остается войной.
Идет по столице девятая рота,
И нет никого у нее за спиной...

Песня попадет в черные списки таможенников и первое время будет отбираться или стираться с магнитофонных кассет, вывозимых из Афганистана в Союз солдатами и офицерами.

Вообще бардовские песни первыми начали говорить правду об афганских событиях. Центральная печать первые два-три года, по стихам того же Верстакова, сообщала, как "мы там пляшем гопака и чиним местный трактор". А допустим, в солдатской газете десантников вначале вообще не разрешали писать, что дивизия находится за пределами СССР и что вообще это десантная газета: на фотографиях заретушевывались десантные эмблемы, тельняшки, не говоря уже о наградах. Было изменено и само название газеты, все журналисты печатались под

псевдонимами, а фамилии офицеров, о которых писалось в Союзе, упоминать теперь запрещалось. Сообщения о геройских поступках звучали примерно так:

"Во время учебного боя рядовой имярек отразил атаку условного противника. За мужество и находчивость солдат награжден медалью "За боевые заслуги".

Если бой все-таки расписывался и никуда нельзя было спрятать раненых и погибших, под материалом просто ставилась пометка: "Из боевой истории части".

Только к концу 1981 года разрешили наконец писать, что часть десантная, потом - что находится в ДРА. Про боевые действия все равно шло ограничение: в бою участвует не больше батальона, который в свою очередь ввязался в него в целях самообороны или защиты колонн с материальными ценностями.

Вот так понемногу, крохами пробивалась через цензорские ограничения афганская правда. Так что песни бардов и в самом деле были отдушиной для самих ребят-"афганцев":

Я поднимаю тост за друга старого,
С которым вместе шел через войну.
Земля дымилась, плавилась пожарами,
А мы мечтали слушать тишину.
Я поднимаю тост за друга верного,
Сурового собрата своего.
Я б не вернулся с той войны, наверное,
Когда бы рядом не было его,
Последние патроны, сигареты ли
Мы поровну делили, пополам.
Одною плащ-палаткою согретые,
Мы спали, и Россия снилась нам...
Рассвет встает над городом пожарищем,
По улицам трамваями звеня.
Я пью вино за старого товарища,
А был бы жив он - выпил за меня.

10 ноября 1982 года. Заречье.

Словно что-то подтолкнуло Викторию Петровну, поднявшуюся в этот день раньше обычного и спустившуюся на кухню, вернуться в спальню. Тяжело ступая - ноги вновь начало ломить к стылости, - поднялась на второй этаж дачи. Торопливо открыла дверь и сразу вскрикнула: муж лежал на спине и, хрипя, силился подтянуть к горлу руки...

На следующий день с утра по радио звучала траурная музыка. В полдень диктор сообщил, что в 15 часов будет передано важное правительственное сообщение. И вновь полилась тихая ровная музыка.

Мало кто сомневался, что это будет известие о смерти Брежнева. Даже несмотря на то что еще на 7 Ноября все видели его на трибуне Мавзолея, привычно поднимавшего в приветствии руку перед проходившими по Красной площади войсками. Знало близкое окружение, что 10 ноября Леонид Ильич запланировал себе выезд на охоту...

Ждали только, кто станет председателем комиссии по похоронам. Хотя тоже мало кто сомневался, что прозвучит фамилия или Андропова, или Черненко, нового идеолога страны. Идеология, слово партии оставались главенствующими в политике страны, и поэтому справа от Генсека всегда стояли те, кто готовил это слово и кто обеспечивал его выполнение. Суслову, умершему в январе, уже успели соорудить за Мавзолеем бюст, хотя было принято решение хоронить там только генеральных секретарей и участников октябрьских боев. Слово было не только в начале...

Политбюро ко дню смерти своего Генсека выработало свои незыблемые правила: что положено при этом ему, а что не положено.

Впервые после смерти Сталина первые полосы газет были в траурных рамках. Был объявлен и траур по стране - отменялись увеселительные мероприятия, приспускались государственные флаги. Многие люди, как и при смерти Сталина, плакали. Не в таком количестве, конечно, и не так глубоко, но плакали, отдавая должное главному для русских людей итогу правления: при Брежневе не было войны. Об афганской кампании не говорили во всеуслышание, да к тому же это была война не народа, а участие ограниченного контингента войск в гражданской войне на стороне законного правительства. Мы же со времен Испании - да что Испании! - всю жизнь русские помогали кому-то воевать. Так что плакали, но гордились. Только, видно, нельзя плакать так долго, девять лет...

Среди приглашенных на прощание с лидером КПСС и Советского государства плакали Войцех Ярузельскнй, Фидель Кастро, Густав Гусак. Они, может быть, первыми почувствовали не только потерю друга, "старшего брата", но и смогли заглянуть вперед, увидеть нарушение стабильности между соцстранами и Западом. С Брежневым уходила целая эпоха, впоследствии названная эпохой застоя. Хотя в истории конечно же застоев не бывает. Тем более в истории такой огромной, в одну шестую часть суши, державы. Но слово про застой было сказано, и под его знаменем ринулись пробуждать, колыхать "уснувшую" страну - рысью, марш-броском, "до основанья, а затем" - новые поколения идеологов-политиков.

Но это уже другая и, к сожалению, не менее трагическая история нашего государства. Это другие книги, другие герои. А тогда, в год смерти Брежнева, на горных афганских кручах, в ущельях, "зеленке" разрастались боевые действия моджахедов против правительственных войск, которых поддерживали бесшабашные, выносливые, рвущиеся в первую шеренгу советские солдаты - шурави. И уже подсчитывались потери среди этой первой цепи за 1982 год, да только не значился в этих списках безвозвратных потерь "афганец номер один" - человек с густыми черными бровями, любивший быструю езду на автомобилях и старые рубашки, смотревший по вечерам фильмы про войну или альбомы с фотографиями природы, скончавшийся в своей постели холодным ранним утром 10 ноября. Его ружье, приготовленное с вечера для охоты и двадцать лет не дававшее осечек, на этот раз так и не выстрелило...

Январь 1990 г. - сентябрь 1991 е.

Москва - Кабул - Ташкент - Термез - Одесса - Киев - Челябинск Чернигов - Карачаевск - Ростов-на-Дону - Сочи - Ленинград - Каунас Витебск.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

...И даже поставив точку, не беру на себя смелость сказать, что выявлены и обозначены все подводные течения, все пружины, задействованные в афганских событиях.

Помню, покойный Маршал Советского Союза Сергей Федорович Ахромеев, увидев меня, воскликнул:

- Да сможете ли вы понять все, что происходило в конце семидесятых в мире?! Сможете ли посмотреть на события по-государственному?!

Было 30 апреля 1991 года, половина десятого вечера. Именно на это время маршал назначил мне встречу в Кремле. Когда назвали этот срок, я даже переспросил его порученца:

- Тридцатого в двадцать один тридцать?

То есть накануне Первомая и в такое позднее время?

В Кремле практически никого уже не было. Сергей Федорович сидел за столом без кителя, между двумя стопками документов.

- Ну и что вы сможете понять и оценить в вашем возрасте? - назвал он наконец и причину недовольства.

От роду мне было 35 лет, но я, сам прошедший Афганистан, уже вдоволь нахлебался всякой мути в залихватских публикациях о начале афганской эпопеи. Может, у меня и не хватало седых волос, которые внушали бы доверие, но было много злости и желания начать работу по сбору материала о политическом решении на ввод войск в Афганистан. Главным для меня стало понять, не кто вводил войска, а почему их все-таки решили

ввести.

И все же Сергей Федорович вышел из-за своего рабочего стола, пригласил сесть. И минут сорок отвечал на вопросы.

Еще короче оказалась встреча-беседа с маршалом Николаем Васильевичем Огарковым. Зная его предвзятое отношение к журналистам и боясь рисковать, познакомился вначале с секретаршей. Она передала мое письмо бывшему начальнику Генерального штаба, а потом, когда маршал не отреагировал на него, соединила меня с ним по телефону.

Каким-то образом удалось уговорить Николая Васильевича на беседу, и он приказал:

- Через два часа жду у себя в кабинете.

- Ну что вы лезете в это дело? - не менее недовольно, чем Ахромеев, проговорил Огарков в первую же минуту. - Жареного хочется?

Мне не хотелось "жареного", мне важно было посмотреть на ситуацию с Афганистаном глазами начальника Генштаба...

- Все, я и так посвятил вам уйму времени, - ровно через двадцать минут после начала встречи встал Огарков и протянул мне для прощания руку.

Но я радовался и этим двадцати минутам, и тем торопливым, обрывочным фразам в блокноте, которые удалось записать (магнитофоном при сборе этого материала я ни разу не воспользовался и чуть ниже объясню почему)...

Хотя самые короткие встречи - не более одной минуты - были с поварами и домработницами с дачи Л. И. Брежнева.

- Мы ничего плохого о Леониде Ильиче говорить не будем, - не пуская даже на порог, в один голос заявляли они.

- Да о плохом я сам прочту в газетах. Вы расскажите, каким он запомнился именно вам.

- Хорошим был. Получше всех новых. И при нем стабильность была, а не застой, как вы, журналисты, пишете. Вы перевернули все с ног на голову, вот сами и радуйтесь.

Радоваться особо было нечему, но уже вырисовывалась картина в том материале, что собирал.

А собирать его начал, испытывая журналистский интерес. В конце восьмидесятых только ленивые газеты и журналы не писали о Громове, командарме сороковой. Тогда и подумалось: Громов-то - последний, а вот кто был первым, кто вводил войска в Афганистан?

Поиски увенчались успехом: первый командующий - генерал-лейтенант Юрий Владимирович Тухаринов уволился в запас, живет в Ташкенте. Предварительный звонок дал надежду: генерал сам посетовал, что о первых забыли начисто, что его имя в

советской прессе ни разу еще не упоминалось.

Юрий Владимирович сам пришел ко мне в гостиничный номер. Цепко оглядел его, кивнул на диктофон:

- Убери. Мало ли что я ляпну в разговоре! И вообще - никогда не ходи к людям с магнитофоном.

Затем деловито проверил мои документы и неожиданно спросил:

- А разрешение из Министерства обороны есть, чтобы я рассказывал об этих событиях?

- Откуда?!

- А до какой степени откровенности мне вести разговор, знаешь?

- Да мне бы лучше обо всем...

- Хорошо, а карта Афганистана есть?

- Карта? Зачем?

- А как же я буду показывать, где и как мы шли? Да и названия выветриваются из памяти, а здесь ошибаться нельзя. Ну а вопросы-то хоть имеются?

- О, вопросов целых 56 штук!

Мелко исписанный, листок бумаги генерал забрал с собой на сутки для изучения. Мне этого времени хватило, чтобы слетать в Термез, на место переправы 40-й армии через Амударью и привезти на память командарму букет сухого камыша.

И разговор состоялся...

От встречи категорически ушел в сторону Борис Николаевич Пономарев заведующий международным отделом ЦК КПСС. Долго изучал меня Григорий Васильевич Романов, член Политбюро ЦК КПСС. Вообще Романов - одна из центральных и драматических фигур в окружении Брежнева. Он и Горбачев, как самые молодые члены Политбюро, были и самыми перспективными на выдвижение в партийной иерархии. Сам Брежнев, похоже, сделал выбор в пользу Романова: ему стали поручаться ответственные визиты за рубеж, в своих речах Генеральный секретарь словно мимоходом стал называть имя Григория Васильевича в первых рядах. И тут же в Ленинград зачастили всякого рода бизнесмены, дипломаты, туристы из США - Романов прощупывался как преемник Брежнева. Видимо, вывод для них был неутешителен: Романов был до мозга костей государственник, оборонщик и в рот Западу не смотрел. Поэтому в перспективе западный мир мог удовлетворить только Горбачев - со всеми улыбающийся, желающий всем понравиться и прямо-таки светящийся от своего положения.

И вскоре через одно из посольств - то ли Малайзии, то ли какого другого государства - пришла в Москву весть: свадьбу

своей дочери Григорий Романов устроил в Эрмитаже, где гостей потчевали из царской посуды. Слух пошел гулять по стране, в Ленинград срочно отправилась на проверку комиссия. Брежнев, сам, кстати, совершенно равнодушно относившийся к роскоши, впервые глянул на своего любимца с подозрением. Этого оказалось достаточно, чтобы перехватилась инициатива.

Прежде чем завершить рассказ о Романове, приведу еще один документ, касающийся Афганистана и Горбачева в бытность его Генеральным секретарем. Он здесь как нельзя кстати, ибо Михаила Сергеевича отличали не только самовлюбленность и желание всем понравиться. Бывший Генсек постоянно являл миру свою неосведомленность во всем, что касалось трагических событий в стране во время его правления. То он ничего не знал про Тбилиси, то про Вильнюс, а уж про трагические дни в Баку и вообще слыхом не слыхивал.

Обходит в своих воспоминаниях он стороной и Афганистан. Но уж если писать историю, то пусть появится на свет хотя бы один документ, утверждающий: все знал Михаил Сергеевич и про всё ведал.

Документ (Послание т. Горбачева М. С. т. Наджибулле. Утверждено на заседании Политбюро ЦК КПСС от 11 декабря 1989 года. Протокол № 175):

"...В деле отражения варварских действий оппозиций в отношении городов, мирного гражданского населения, срыва ее наступательных акций большое значение имеют, несомненно, ответные ракетные удары. Советская Сторона приняла некоторое время назад, как Вам известно, решение о выделении дополнительно для афганских друзей 500 ракет Р-300. В связи с этим крайне желательно, чтобы поставляемые ракеты Р-300 расходовались наиболее рациональным образом. Хочу особо подчеркнуть, что мы пошли на это путем изъятия таких ракет из советских воинских подразделений. Возобновлены поставки такого эффективного средства, каким является "Луна-М". С конца ноябри до нового, 1990 года Афганской стороне будет передано 100 таких ракет.

Мы подтверждаем свою готовность поставить вам современные самолеты МиГ-29..."

Так вот, это о конкуренте Романова на пост Генсека. А самого Романова я разыскал на даче, которую ему разрешили снимать на летние месяцы. Шел мелкий дождик, в дачном поселке не было видно ни души, чтобы спросить, где живут Романовы. Вдруг увидел человека в спортивном костюме, который подкапывал грядку у крылечка.

Я подошел. То ли в самом деле неслышно, то ли дождь

перебивал все звуки, но когда я кашлянул над дачником, он достаточно откровенно испуганно поднял голову. Я не поверил своим глазам - это был как раз сам Романов.

Поняв, что невольно испугал человека, я торопливо представился:

- Извините, Григорий Васильевич, но я ищу как раз вас. - И, чтобы совсем успокоить его, добавил: - Я - майор Иванов.

А теперь представьте: вечер, дождь, совершенно пустой поселок, незаметно подошедший человек в гражданском плаще, который сообщает, что он майор и что ищет как раз Романова. А на дворе - буйство дикой демократии, когда самые рьяные радикалы требовали мщения для всех бывших работников ЦК, не говоря уже о Политбюро.

По крайней мере, к испугу, непониманию происходящего добавилось выражение и обреченности. Однако вскоре все выяснилось, Григорий Васильевич взял мои вопросы и пообещал найти меня сам, если сочтет это нужным. Потом мне передавали офицеры из разных ведомств, что мной интересуется в разных инстанциях бывший член Политбюро товарищ Романов. Однако что-то, видимо, не понравилось ему то ли во мне, то ли в оценках, которые мне кем-то давались, и к Григорию Васильевичу я приглашен не был. О чем сожалею до сих пор.

Но тем не менее материал накапливался, уже можно было садиться за его систематизацию, работу над какими-то главами. Но тут случился полет в космос японского журналиста. Я, конечно, как и многие военные коллеги по печати, написал рапорт начальнику Центра подготовки космонавтов. Перебирая, приводя в порядок свой афганский архив после окончания работы над романом, я обнаружил и эту свою просьбу.

"Начальнику Центра подготовки космонавтов

от майора ИВАНОВА Николая Федоровича

Рапорт

Прошу рассмотреть мою кандидатуру для подготовки к космическому полету на орбитальной станции "Мир" в качестве журналиста. Готов также выполнять любой другой объем работ, необходимый в полете.

32 года, семь лет служил в дивизионках воздушно-десантных войск, имею около пятидесяти прыжков с парашютом из различных типов самолетов. В качестве корреспондента солдатской газеты полтора года служил в Афганистане, имею орден "За службу Родине в ВС СССР" III ст., медаль "За отвагу" и знак ЦК ВЛКСМ "Воинская доблесть". Последние четыре года возглавлял отдел очерка и публицистики журнала "Советский воин". Неоднократно бывал на Байконуре, писал о нем, освещал

на страницах журнала полет "Бурана". Ныне - сотрудник Военно-художественной студии писателей.

Член Союза журналистов СССР, автор двух книг.

Воинское звание - майор. Член КПСС с 1975 года.

Рост 172 см. Занимался борьбой, гимнастикой.

Женат, двое детей. Живу в Москве. Родом - из села Страчево Брянской области".

Кстати, первого афганского космонавта готовил в полет один из героев книги полковник Аслам Ватанджар, назначенный в 1987-1988 гг. руководителем программы космического полета.

Я имел определенные шансы на то, чтобы по крайней мере мой рапорт, если бы я его подал, не затерялся: в плюс шла моя воздушно-десантная подготовка, журнальные материалы по космической тематике, и я был в хороших отношениях с генерал-лейтенантом И. И. Куринным, членом Военного совета космических частей, который в свою очередь познакомил меня с Германом Степановичем Титовым.

Но выше космоса и звезд оказалось все-таки слово: я прекрасно понимал, что, случись удача при отборе кандидатов в космонавты, о работе над романом придется забыть. А письменный стол все притягивал и притягивал. И после долгих и мучительных раздумий я отказался от этой затеи и взял билет в очередную командировку по сбору материалов об Афгане.

Так рождалась и складывалась эта книга. Повторюсь, что конечно же не все в ней сказано и последняя точка не поставлена. Буду крайне признателен всем, кто добавит в нее свои, неизвестные ранее страницы. Эта тема, право, стоит того, чтобы возвращаться к ней еще и еще раз...

1 Цуканов Георгий Эммануилович - помощник Генерального секретаря ЦК КПСС с 1966 года.

2 Согласно директиве Генштаба сведения по безвозвратным потерям личного состава передавались в ГШ ежедневно к 24 часам по состоянию на 20.00 за каждую воинскую часть.

3 Советские

4 Среди погибших в Афганистане были также 190 советников, из них 145 офицеров.

5 Названия фракциям даны по названиям газет "Хальк" ("Народ") и "Парчам" ("Знамя"), выходящих в НДПА.

6 Президентский дворец.

7 Точка в афганском алфавите означает цифру "0".

8 Танк Ватанджара ныне стоит как памятник напротив Дворца, названного после революции Дворцом народов. "Это наша "Аврора", - говорят афганцы,

9 На самом деле это был не солдат, а офицер - капитан

Иммамутдин. Подъехав на БТР к оранжерее, где засел Дауд, он зачитал ультиматум: "Уважаемый господин премьер-министр. Согласно распоряжению ЦК НДПА вы арестованы. Мне поручено вывести вас из Дворца и доставить в штаб восстания".

Еще не дослушав весь текст, Дауд выстрелил из пистолета по парламентеру, ранив его двумя пулями в руку. Началась общая стрельба. Капитан еще был ранен дважды - в бедро и ногу.

10 Ракетчики свои комплексы называют изделиями.

11 Мозоль, появляющаяся на лбу от частых поклонов земле во время совершения намаза. Считается признаком особого усердия мусульманина в молитвах.

12 Временный поверенный в делах США в ДРА.

13 Составлен на основе сведении, полученных из различных источников.

14 Через год пословицу дополнят, и она станет звучать так: "Дальше Кушки не пошлют, меньше взвода не дадут, а теперь меня надули - оказался я в Кабуле".

15 Милиция.

16 Советника (афг.)

17 Солдаты (афг.)

18 В целях безопасности родственников Ашима и духанщика я сознательно несколько изменяю их имена и род деятельности.

19 "Аллах велик" - призыв к битве.

20 Фамилия в романе оставлена такой, под каков Василий Васильевич находился потом в ДРА.

21 Главное разведывательное управление Генштаба.

22 Бронетранспортеры и боевые машины десанта.

23 Подразделения спецназа в то время организационно в ВДВ не входили, но спецназовцы с самого начала считали себя десантниками.

24 Туркестанский военный округ.

25 Нет смысла называть фамилии генералов из ГРУ, потому что в дальнейшем они не будут появляться в романе.

26 В 1979 году были сокращены сроки в получении воинских званий. Так, старшим лейтенантом теперь становились не через три, а через два года, майором - через три вместо четырех.

27 Позывной сына.

28 Аэродром в 60 километрах от Кабула.

29 Настоящее имя Джимми Картера.

30 Пятница, выходной день у мусульман.

31 Уничтожить (разг. среди афганцев).

32 Имелось в виду, что с 3 по 7 декабря Устинов находился в Варшаве, а Громыко - в Берлине.

33 Имеется в виду Плесецкий космодром.

34 Органы госбезопасности.

35 Общая численность ОКСВ на январь 1980 года составит 81,8 тысячи человек. Максимальная численность контингента была в 1985 году - 108,8 тысячи человек (в боевых частях - 73 тысячи человек).

36 Старший лейтенант.

37 Имена участников событий не названы в целях их безопасности.

38 Органы госбезопасности.

39 Штаб 40-й армии, прибывший из Термеза в Кабул 4 января, переедет во Дворец Амина только в июне, когда из Москвы прибудет представитель ЦК и лично убедится, что афганцы сами отдают здание военным.

40 Воспоминания участников штурма Дворца под определенным грифом секретности хранятся в определенном архиве. Указ о награждении "мусульман" будет подписан только в апреле - после того как подаст свои списки КГБ по "Зениту" и "Грому",

41 Напрасно ждала 40-я армия этих слов и объяснений. Выполнив свою задачу, она была тут же предана умолчанию ораторами-идеологами и практически в одиночку тащила на себе весь груз обвинений по Афганистану, отбиваясь лишь листовками из типографий дивизионных газет.

42 Мотострелковые части, пехота (солд. жаргон).

43 Звереныш (афг,).

44 Тоже самое происходит и в Чечне.

45 Через некоторое время Соединенные Штаты Америки так и поступят с Гренадой, Панамой, войдут в Ирак.